

УДК 159.922 ББК 919.88 А65

Серия «Мир Тропы» основана в 1998 году.

На обложке: *Я. Темная. Путешествие Бранда. Холст, масло, 2000.*

Андреев А.

А65 Магия и культура в науке управления.

СПб.: Тропа Троянова, 2000. — 590 с. — (Мир Тропы).

Книга написана на основе Науки управления, сохраненной стариками-мазиками, и исследований, проводящихся в рамках Программы возрождения народной производственной культуры «Назад в Россию», для тех, кто хочет стать Хозяином своей жизни и своего предприятия. Читателя ожидает множество открытий, прячущихся за очевидностями нашей жизни и таким обычным делом, как предпринимательство.

Это последняя книга автора. Алексей Андреев ушел из жизни, оставив нам свои книги, словно вырубленные топором из воздуха...

УДК 159.922 ББК 919.88

Издательство «Тропа Троянова», 2000 Я. Темная, оформление обложки, 2000

Издательство благодарит компанию Avalon's Tree Inc. за помощь в издании книги.

ISBN 5-89798-010-1

Введение

Когда-то мир был иным, совсем иным. В мире было волшебство, и жили волшебники, чародеи и маги. И в этом никто **не** сомневался! Только вдумайтесь в это НИКТО!

Оно означает, что все люди знали, что среди них есть волшебники и мир полон чудес. Они видели его волшебным!

Это не моя фантазия, это этнографический факт. Первобытное общество живет в волшебном мире. Или, как принято говорить у этнографов и антропологов, народная культура была культурой магической.

Что такое магия? И что такое культура? Сейчас эти иностранные по происхождению слова стали для нас настолько привычными, что мы даже и не задумываемся над ними. Но в те времена, когда культура наших предков была магической, они не знали ни слова «культура», ни слова «магия».

Если бы я писал эту работу как историк или антрополог, я мог бы привести несколько определений этих понятий, как это обычно и делается. Но я пишу ее как психолог. По сути, это прикладное психологическое исследование в рамках культурно-исторической школы психологии. И меня интересуют не определения и не соответствие написанного мною каким-то канонам одной из научных школ. Мне хочется понять самого себя и свою тягу к чуду...

Вы не замечали за собой подобного? Иногда хочется покоя, иногда вкусенького и почти всегда чего-нибудь волшебного? Значит, тяга к чуду является явной составляющей моей личности. Почему? И откуда она взялась? Может, это культура у меня такая? И что такое чудо, волшебство по моим представлениям? И если это культура, то совпадают ли мои представления о Магии с вашими представлениями?

Лет пятнадцать назад, разъезжая по деревням Владимирщины в поисках народных ремесел как самостоятельный этнограф, среди потомков офеней, то есть коробейников, я

столкнулся с колдунами. Настоящими, живыми и кое-что могущими. «Кто может, тот и маг!» — сказал мне один из них, когда я спросил, была ли на Руси магия. До этого я в них не верил. После этого перестал верить, потому что начал знать и даже мочь кое-что. Несколько лет я, что называется, занимался полевыми сборами. А по сути, изучал и учился. Попросту говоря, лез во все, во что меня запихивали старики. Потом они начали уходить, и в девяносто первом году я остался наедине со своими записями.

Но уже в том же году я начал о них рассказывать и провел первый семинар по **Неведомой русской культуре**. Пожалуй, я рассказывал людям лишь то, что чудо возможно.

В итоге вокруг меня собралась, как это говорится, группа энтузиастов, которая захотела реконструировать и возродить кусочек утраченной народной культуры. Мы создали Учебный центр традиционной русской культуры и принялись за прикладную этнопсихологическую работу, потому что не видели другого инструмента для исследования этого явления, кроме психологии. Многие из нас тут же поступили на психфаки, чтобы стать профессиональными психологами.

По ходу учебы выяснилось, что академическая психология по преимуществу наука описательная, а не объяснительная. Мы начали поиск действенных направлений внутри психологии и остановились на родившемся когда-то в России, а теперь перекочевавшем в Америку направлении, которое называется **культурно-исторической психологией**.

В этом ключе мы защищали свои дипломы и в этом ключе мы ведем экспериментальную работу почти десять лет.

Культурно-историческая психология зарождалась в Советской России как противопоставление марксистской психологии, психологии буржуазной. Основателем ее считается Лев Выготский, а ближайшими сподвижниками — виднейшие советские психологи Лурия и Леонтьев. На самом деле культурно-историческая школа Выготского была лишь вторым рождением культурно-исторической психологии в России, потому что первый раз она была заявлена Константином Кавелиным еще в семидесятых годах прошлого века. Тогда же и была не понята и затравлена передовой революционно-демократической интеллигенцией во главе с «Современником» и Сеченовым, предпочитавшей естественно-научный подход. Культурная психология, созданная Кавелиным, не имела почти никакого продолжения.

Так что школу Выготского—Лурии вполне можно рассматривать как самостоятельную школу, рожденную требованиями времени. И как бы отрицательно ни относились мы сейчас к марксизму, именно его культурно-исторический подход, бесспорно, являлся шагом вперед в психологии. Александр Лурия провел первые полевые КИ-психологические (КИ — так мы сокращаем «культурно-исторический») исследования еще в 1931 году, на год раньше Маргарет Мид, чье исследование анимистического мышления стало классикой антропологии.

Постепенно культурно-историческая психология перерастала стадию сбора материала или описания и становилась наукой экспериментальной. По крайней мере, последние десятилетия, почти полностью исчезнув в России, она развивалась в этом направлении в Америке. Это видно из трудов ученика Лурии и признанного лидера современной культурно-исторической школы психологии Майкла Коула. По сути, Коул внес раскол в современную психологию, заявив право на существование не естественнонаучного, а гуманитарного направления в этой науке. Можно считать, что это третье возрождение культурно-исторической психологии.

Почему КИ-психология то рождается, то гибнет, а потом рождается вновь? Гибнет она, наверное, в первую очередь из-за противодействия академической науки, которая является отнюдь не братством искателей истины, а огромным сообществом людей, занимающим в государстве очень значимое место и бьющимся за то, чтобы это место удержать. Иначе говоря, современная наука — это предприятие экономическое и политическое. И разлад в своих рядах оно считает так же недопустимым, как и любая партия. Кто-кто, а уж мы, русские, имели перед глазами немало примеров подобных проявлений науки как сообщества. Судьбы Кавелина и Выготского достаточно красноречивы, хотя их вполне можно считать

благополучными.

Но политическая сторона научной деятельности, пожалуй, не самое страшное в науке. Психология самих людей, ученых, общества — это гораздо более сильное препятствие. Новое не принимается и затравливается самими людьми, к которым оно обращено, пока вдруг не сменится мода. Мода... Этому нужно бы посвятить отдельное КИ-психологическое исследование.

Мы начинали свои экспериментальные работы задолго до того, как узнали о работах Коула. Это мы потом поняли, что они являются КИ-психологическими. А вначале мы просто отбросили все ограничения и обязательные требования и с головой окунулись в исследования. Мы хотели иметь объяснения. Мы были как дети, и оправдания академической психологии, что она наука лишь описательная, нас не устраивали. Заявилась наукой обо мне, изволь объяснить, почему мне так плохо! И почему я такой!

А не можешь — разберусь сам!

Юношеский максимализм и множество юношеских глупостей. Нас даже начали называть язычниками и сектантами за то, что мы лезли реконструировать любые этнопсихологические состояния, которые привлекали наше внимание. А при известной систематичности ума и научном подходе мы вынуждены были начинать с самых начал. А начала на Руси были далеко не христианскими. И трогать их, как выяснилось, так опасно в нашем любящем затравливать инакомыслящих обществе!

Плевать, пусть нас объявляют хоть сектантами, хоть диссидентами, но мы хотим знать истину и сделаем все, чтобы до нее добраться. Истину о человеке, о самом себе. Кстати, мы готовы провести полноценное экспериментальное исследование и того, что такое сектантство, чтобы понять, что же это такое и почему его так много в нашем мире. Но пока, похоже, это никому не нужно. Никто из травящих сектантов не откликнулся на наши предложения. Лучше, если это слово будет нести неопределенный смысл, тогда им можно убить кого угодно! У военных еще не бывало такого мощного и универсального оружия, каким является общественное мнение!

Думаю, скоро нам достанется от него еще. Мы теперь изучаем инвективы — матерную брань, по-русски говоря. А как об этом заявить обществу? Легче оспу себе привить!

И мы ведь нашли за эти неистовые годы экспериментирования и глупостей множество объяснений, которыми не обладает академическая наука. И на основе этих объяснений создали свой мир. А зачем еще нужны объяснения, как не затем, чтобы жить лучше? А жить лучше можно только в лучшем мире, потому что жить вообще можно только в мире. Вне мира человек жить не умеет.

Так вот, эта книга — это мысли о том, что исподволь правит миром человека сквозь слои обычного и привычного. Эта книга — поиск магии и силы жизни... Она рождалась из раздумий о том, как нам создать такой народ, который будет единым, который не будет жить ненавистью, который будет способен радоваться своей жизни вместо того, чтобы ненавидеть чужих и не таких, как все.

В мировой антропологической науке утвердилось как само собой разумеющееся мнение, что постановка эксперимента в культурологии и антропологии невозможна. Мы немало занимались именно экспериментальной работой и, исходя из нашего опыта, утверждаем, что это неверно. Конечно, эти эксперименты могут быть недостаточной глубины. Но это смотря для какой цели. Для наших целей, а они были психологическими, глубины наших экспериментов вполне хватало.

Но аппетиты растут. Мы долго сдерживались, но все же не удержались и поставили такой **эксперимент**, который можно считать вершинным — **мы решили посмотреть, как в мире рождается народ**. И вот уже несколько лет мы это исследуем, считая себя Троерусскими казаками. Троерусскими — по имени той казачьей станицы, где было принято это решение. Это исследование вроде привития себе оспы. Мы боеем и описываем симптомы своей болезни. Вероятно, однажды болезнь завершится вместе с нашим исследованием, но пока мы еще не сдаемся.

Пока мы запустили внутри этого эксперимента следующий — как создать для своего

народа успешную экономику. Как вообще рождается экономика, как она гибнет или побеждает. Все это можно читать в учебниках, но уж очень хотелось посмотреть самим. К тому же и выживать надо. И мы экспериментируем с этим всем своим маленьким казачьим народцем.

Сейчас, в современном мире, можно создавать успешное предприятие или сеть предприятий, что уже близко к понятию микроэкономики или экономики сообщества, на основе западного менеджмента. Он явно успешен. Но история знает и другую успешную науку управления и хозяйствования. Это русский путь, благодаря которому Россия стала в прошлом веке одной из самых сильных капиталистических держав. Оба пути хороши, но мы выбрали для себя русский. Выбрали и запустили в работу, создавая экономику своего народа.

Этот эксперимент идет уже несколько лет и идет вполне успешно. С экономической точки зрения. Но еще успешнее он идет с точки зрения прикладного психологического исследования. Это настоящая битва за выживание, и как всякая битва он выявляет множество скрытых психологических механизмов, как мешающих, так и помогающих нам выживать.

Вот о них-то и рассказ.

Сам эксперимент проводился нами в рамках **Программы**, которую приняло **Общество русской народной культуры** в 1998 году. Программа эта называется «Назад в Россию» и ставит своей целью создание условий для того, чтобы русские умы, **которые** разлетаются сейчас по миру, начали возвращаться **на Родину**. Я привожу текст этой Программы в Приложениях.

Ход наших рассуждений, когда мы разрабатывали эксперимент и соответствующую ему Программу, был примерно таков.

Русский народ и все российское общество почему-то разваливаются. Люди переполнены ненавистью и завистью к чужому образу жизни. Свое не ценится, и молодежь стремится сбежать из страны, чтобы стать американцами и забыть свое происхождение, как проклятие.

Могут ли русские жить в любви и гордиться собой, своей культурой и своим обществом? Хватит рассуждать о том, как мы плохи и что нам мешает, давайте попробуем сделать так, как мечтаем.

Владея определенной культурой самопознания и самоочищения, которую мы обрели за годы работы и обучения в нашем Училище народной культуры, в которое превратился Учебный центр, мы вполне можем попробовать создать «чистое» от старых помех сообщество, в котором воплотим все лучшее, что в нас есть. Помехи же, которые будут выявляться по ходу работы, будем не изучать, а убирать сразу, как заметили. В общем, задача — не воевать со злом, а творить добро, строить свой новый мир.

Для этого начнем с договора: ничто из привычного поведения не пропускается внутрь, пока об этом не договоримся. **То** есть первым был принят договор договариваться. Это не простое искусство, и ему посвящено немало мыслей в этой книге.

Затем мы решили, что лучше всего будет изначально принять установку, что все привычное должно быть подвергнуто разумному сомнению. Это сходно с тем, как рождалась наука в семнадцатом веке. Все должно быть пересмотрено разумом.

А для того, чтобы это не осталось лишь пожеланием, мы, с одной стороны, затеяли глубокое исследование понятия «Разум», а с другой — создали искусственное условие, которое договорились считать исходным: мы новорожденный народ, у нас еще нет ни культуры, ни обычаев, ни привычек. У нас есть только задача выжить, желание жить радостно и раскрывать свои способности безгранично и огромная кладовая памяти о том, как устроен мир и что такое человек. То есть культура — мировая и наша собственная русская, из которой мы и намерены черпать материал для созидания собственного мира. Решение считать себя новорожденным народом, *tabula rase этноса*, было находкой, которая позволяла подвергать сомнению и разумному исследованию любые поведенческие проявления.'

Наличие же задачи, которую можно назвать Победой в битве а выживание, постоянно заставляло искать новые способы поведения и действия и не останавливаться, как в тупиках,

когда становилось ясно, что имеющееся у тебя решение неприемлемо.

При этом мы, что называется, конкретизировали, то есть уточнили и определили сам способ решения нашей задачи. Мы рассуждали так: если мы рассматриваем себя как новорожденный народ, перед нами встает задача выживания. Выживание народа осуществляется в том виде, который называется экономикой.

Значит, нам придется создать свою экономику. Когда речь идет о сообществе, даже единственное предприятие, кормящее его, перерастает в разряд экономики малого сообщества. Тем более, если это будет сеть предприятий.

Поэтому мы вынуждены для разворачивания основного эксперимента поставить еще несколько промежуточных, но необходимых. И первый из них — **создание собственной экономики.**

Однако при этом, входя в эксперименты, мы не забываем, что собрались вместе вовсе не ради них. Они — лишь ступени к гораздо более важным для нас целям. Назовем их мечтами. У каждого есть какая-то мечта, которую он не может осуществить или сейчас, или вообще. Может быть, потому что одинок, может быть, потому что не хватает знаний или средств. Не важно, почему, важно, что эксперименты нужны только затем, чтобы, обретя необходимое, вернуться к своей мечте.

Я, к примеру, как и многие другие, с нетерпением жду окончания этих экспериментов, чтобы перейти к прикладному изучению человеческих способностей, а затем к их раскрытию у себя. Летать хочется!

В общем, как бы интересны ни были эти эксперименты, однажды их нужно успешно завершить и пойти дальше. А **это** значит, что чем быстрее они завершатся, тем лучше.

Раз так, то вопрос о выборе направления при создании своей экономики звучит так: нам нужно такое экономическое основание, которое позволит уйти к своим мечтам как можно быстрее. Иначе говоря, дело, которое мы избираем за основу нашей экономики, должно быть очень прибыльным. И это тут же поставило нас перед выбором: прибыльных' дан немало, но мы не хотим торговать Россией. А кроме природных| ресурсов в России почти ничего не осталось. Разве что мозги.

Вот это и есть решение. Наиболее прибыльным и одновременно требующим наименьших капиталовложений делом сегодня является программирование. К тому же в нашей среде в то время было немало программистов, и даже была уже действующая программистская компания, занимающаяся офшорным программированием. То есть выполнением заказов зарубежных компаний.

Далее рассуждение велось так: если мы перестроим управление этой компании, исходя из наших знаний об управлении в России прошлого века, это предприятие может стать ядром нашей будущей экономики, к которому будут прирастать другие виды деятельности.

Собственно говоря, так и получилось. Наша компания перестроилась и сильно разрослась. Мы вывели ее из России и сделали канадской компанией, что еще больше позволило усилить и успешность экономики, и ощущение нашей отделенности как маленького народа. Российское правительство не может «наложить лапу» на наши капиталы. Русские люди могут благодаря этому хорошо зарабатывать и видеть мир, не теряя Родину. Канадцы определенно не узнают в нас русских и охотно и уважительно принимают нас как Троерусских казаков. Как ни странно, мы не внушаем им страха, который они испытывают перед русскими.

Конечно, это всего лишь эксперимент, но, судя по всему, очень скоро он позволит нам перейти к созданию современных хорошо оборудованных лабораторий по исследованию и раскрытию способностей. Это откроет серию новых КИ-психологических экспериментов.

Книга же эта вначале писалась как Методическое пособие в рамках нашего Училища народной культуры. Однако впоследствии начальные главы, излагающие методику эксперимента и разворачивание логики рассуждений, исходя из предшествующей психологической подготовки, были отделены и теперь доступны лишь в виде методических материалов.

Эта же книга рассказывает лишь о том, что удалось рассмотреть сквозь пленку бытового

мышления, сквозь пленку привычной культуры. Эта книга — о дороге домой через страны Востока и Запада, из образов которых и состоит наша евразийская культура.

Глава 1. Магия и культура в науке

Глава 2. Немного истории и этнографии

Глава 3. Возможность постановки экспериментов в Культурно-исторической психологии

Глава 4. Постановка экспериментов. Артель

Глава 5. Игры

Глава 1. Магия и культура в науке

Большинство исследований магии сделано этнографами и антропологами. Психологи очень редко обращались к этой теме, вероятно, потому, что люди, владеющие магией, редко встречаются психологам. А может, и потому, что эта тема не является поощряемой в научном сообществе.

Не знаю, делались ли вообще попытки разграничить магию и культуру, то есть, по сути, выделить магию из культуры, но вот другие разграничения, имеющие целью определить предмет магии, вводились.

К примеру, один из самых блистательных и самых известных антропологов этого столетия Бронислав Малиновский начинает одну из своих лучших статей о магии так:

«Нет обществ, какими бы примитивными они ни были, без религии и магии. Но тут же следует добавить, что нет и диких племен, люди которых были бы начисто лишены научного мышления и элементов науки, хотя часто именно так о них судят. В каждом примитивном обществе, изучавшемся заслуживающими доверия и компетентными наблюдателями, всегда обнаруживаются две четко различимые сферы, Сакральное и Мирское (Профанное), другими словами, сфера Магии и Религии и сфера Науки»¹.

Малиновский написал эту работу в 1925 году. Сейчас, читая ее, я вижу скорее череду вопросов, чем ответов, впрочем, как и сам Малиновский видел вопросы, к примеру, в нашумевших работах Леви-Брюля². Часть из них я и попытался задать еще раз, начиная собственное исследование. Какие? Те, что позволяли мне как психологу разграничить магию и культуру. Поясню еще одним примером.

¹ Малиновский Б. Магия, наука и религия: [СПб] — М.: «Рефл-бук», 1998. — С. 19.

² См., напр. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-пресс, 1994.

Примерно в то же время, что и статья Малиновского, в России выходит большая работа не менее блистательного русского ученого, коми по происхождению, Алексея Сидорова. Его судьба была противоположностью судьбы Малиновского, которому для написания его многочисленных и общепризнанных работ потребовалось всего два года полевых наблюдений на романтических Тробрианских островах. Сидоров сам вырос в той среде, которую описывал, посвятил ее изучению всю жизнь, много лет, уже будучи крупным

ученым, вел полевые исследования и как этнограф, и как археолог. И тем не менее, в 1937 году он был арестован и вскоре осужден по делу «Коми буржуазных националистов». После этого он был погружен в безвестность среди своих и чужих. А между тем многие его взгляды опережали современное ему развитие этнологической науки.

Я использую одну из таких мыслей, высказанных им в «Материалах по психологии колдовства»³, чтобы обосновать собственный подход к исследованию магии сквозь производственную деятельность человека.

«Первоначальные формы культа отнюдь не могут быть объяснены из каких-либо конкретных религиозных представлений, из каких-либо мифов. Культ имеет самостоятельные источники своего происхождения. Он непосредственно и гораздо ближе связан с инстинктами, с волевой деятельностью человека, чем с областью представлений. Наоборот, религиозные представления, область религиозного мифа связаны уже с более поздними культурно-историческими эпохами, с эпохой возникновения речи.

Если человеческая идеология есть в значительной степени функция общественной и, в конечном счете, хозяйственной жизни, то первичный культ есть эта самая хозяйственная жизнь, понимаемая в широком смысле этого слова, когда магическое и хозяйственное действие находятся в нерасчлененном состоянии в силу отсутствия понятия о магическом как таковом. Если исключить, что то и другое, т.е. культ и миф, не представляют параллельно развивающихся и взаимодействующих процессов, то в основу изучения религии скорее нужно поставить не миф, не представление, тем более не словесное их выражение, а трудовое,

³ Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. — СПб.: «Алетейя», 1997. — С. 20-21.

магически-трудовое действие. (Принцип, установленный еще Гегелем.)

Вместе с тем на этой ступени нерасчлененного реально-магического действия не существует еще для нас проблемы магического. Магическое действие, как таковое, начинает сознаваться с момента расчленения представления о вещах, со времени возникновения представлений о сверхъестественном в противоположность таковых о реальном. Магическое действие, возникшее на почве владения орудиями, оставаясь по существу по-прежнему действием, получает теперь свое обособленное значение в свете применения его к объекту не только реальному, но и нереальному. Вполне понятно, что и первичное понятие о сверхъестественном должно было иметь формы, очень близкие к реальному, и последнее в свою очередь было очень расплывчато в своих очертаниях, но тем не менее, раз обособившись, и то и другое в дальнейшем начали развиваться самостоятельными путями. Таким образом, проблема магического в нашем понимании связывается с проблемой раздвоения человеческих представлений о внешнем мире. На почве этого раздвоения вырастают два параллельных мира, мир реальных предметов и мир двойников».

По сути, Сидоров говорит здесь о том, как рождается наше мышление. Это стоило бы разобрать подробнее, но, поскольку он был последователем академика Марра, это не такая уж простая задача. Поэтому я просто приведу несколько выдержек из рассказа Малиновского о том, как занимаются земледелием меланезийские туземцы:

«...вся эта деятельность перемежается магией, целый ряд обрядов выполняется на огородах каждый год в строгих последовательности и порядке. Поскольку руководство земледельческими работами находится в руках знахаря, а ритуальная и практическая деятельность тесно связаны, постольку при поверхностном наблюдении может показаться, что мистическое и рациональное поведение так переплетены, что их результаты не дифференцируются туземцами, поэтому их невозможно разграничить и при научном анализе. Так ли это на самом деле?»⁴

⁴ Малиновский Б. — С. 29-30.

Конечно, нет, отвечает Малиновский. Туземец всегда прекрасно различает труд и магию и прекрасно знает, где надо трудиться, а где колдовать.

«Несомненно, туземцы считают, что магия абсолютно необходима для плодородия их огородов. Что бы произошло без нее, никто не может точно сказать, ибо ни один огород никогда не закладывался без ритуала, несмотря на почти тридцатилетнее европейское правление, миссионерскую деятельность и более чем столетний контакт с белыми торговцами. Не освященный, заложенный без магии огород, вне всякого сомнения, будет подвержен разного рода напастям, нашествиям паразитов, проливным не по сезону дождям, набегам диких кабанов, налетам саранчи и т.п. Однако означает ли это, что все свои успехи туземцы приписывают исключительно магии? Конечно же, нет».⁵

Точно так же любой туземец прекрасно видит, когда человек выступает в роли знахаря или колдуна, а когда в роли руководителя работ.

«То, что было сказано относительно обработки земли, соответствует любому другому из множества видов деятельности, в которых работа и магия идут рука об руку и никогда не смешиваются», — завершает свое рассуждение Малиновский.

На первый взгляд, создается впечатление, что он как бы опровергает утверждения Сидорова. Однако на самом деле Сидоров просто шире. Сидоров не случайно назвал свою работу психологической. Да, он видит, что на каком-то культурно-историческом этапе первобытный человек прекрасно различает деятельность и магию. Но он идет дальше и задается вопросом: а всегда ли так было? А если нет, то как было в самом начале, при зарождении мышления?

Малиновский до этого вопроса не дошел. Хотя при этом он пошел дальше господствовавшего в первой трети двадцатого века среди этнологов мнения, что «наука рождается из опыта, а магия создается традицией»⁶. Он, скорее, сближает магию с протонаукой, точно так же, как и Сидоров, выделяя в сознании первобытного человека два мира:

⁵ Там же. • ' Том же. -

• С. 30,
-С. 21.

«Мы попытались точно выяснить, существует ли в сознании дикаря одна сфера действительности или две, и обнаружили, что помимо сакрального мира культа и веры он знает и светский мир практической деятельности и рационального мировоззрения».⁷

Когда читаешь об этих двух мирах сознания, может показаться, что Сидоров и Малиновский говорят об одном и том же. В каком-то смысле это так, но стоит разобраться получше, потому что, на мой взгляд, как раз здесь и кроется возможность найти определение понятия «культура», которое позволит начать собственное исследование.

Итак, Малиновский изначально разделил общественную жизнь примитивных народов на «две сферы»: Сакральную (Магия-Религия) и Мирскую (Наука). Что, соответственно, позволяет разделить сферу сакрального на Магию и Религию, чем он вполне успешно и занимается в своей статье. Но что из этого относится к культуре?

Мне думается, что для Малиновского этот вопрос просто не правомерен. Потому он его и не задает. *Все относится к культуре*. Сам Малиновский — культуролог, идущий антропологическим направлением в исследовании культуры или различных культур. И магию он исследует изнутри к лишь как часть культуры.

Сидоров тоже не задает такого вопроса. Но при его подходе он вполне возможен и, по сути, звучит в утверждении о наличии «источников происхождения культа». Конечно, культ — это не совсем культура, но это уже очень и очень близко к постановке вопроса о зарождении культуры. И это прямо звучит в словах:

«Он (*культ*— А.А.) непосредственно и гораздо ближе связан с инстинктами, с волевой

деятельностью человека, чем с областью представлений»⁸.

Задавая вопрос о том, из чего рождаются «первоначальные формы культа», которые предшествуют религиозно-мифологическим представлениям, то есть Сакральному Малиновского, Сидоров, по сути, задает вопрос: *из чего рождается в нашем сознании культура, в которую все входит?*

¹ Там же. — С. 37. " Сидоров А.С. — С. 20.

Это вопрос психологический, поэтому и появляются упоминания о представлениях и инстинктах. И употребленное им выражение «человеческая идеология» надо понимать отнюдь не в привычном нам политизированном смысле, а именно как некое развитие понятия «представление».

Представления как таковые — это предмет личностной психологии. А чем становятся представления, накапливаясь в «общественной и, в окончательном счете, хозяйственной жизни»? Идеологией, если мы увидим, что *«идеология» — это «идеи» или «эйдосы», то есть образы или представления в определенной связи. Какой? Что это за связь?*

Вот ее-то я бы, пожалуй, и назвал культурой. *Образы, поскольку они есть лишь восприятия одних и тех же вещей и явлений мира, у всех примерно одинаковы, а культуры разнятся поразительно. Почему? Предполагаю, как раз потому, что эти одинаковые образы по-разному увязаны.*

Сразу оговорюсь, и магия и культура меня интересуют исключительно как психолога, а в этой книге как прикладного психолога. Иначе говоря, мне нужны лишь самые простые и обобщенные определения, чтобы можно было в их рамках начать собирать материал и вести исследование. Своего рода гипотетические предположения о том, чем могут быть эти явления с точки зрения прикладной культурно-исторической психологии. Возможно, что итогом исследования и явятся более точные определения. А может, и нет. Достаточно будет, если исследование подтвердит правильность моего подхода.

Во всяком случае, в дальнейшем я буду неоригинально исходить из того, что человеческое сознание проходит несколько стадий в своем онтогенетическом и филогенетическом развитии, и самая ранняя из них не имеет отношения к культуре.

Это утверждение предполагает, что сознание оказывается своего рода вместилищем культуры, когда она возникает.

Подход, могущий вызвать возражения, потому что еще Кавелиным говорилось о материальных хранилищах культуры, которыми являются вещи. Но тут мы сразу разделим предметы, что, собственно говоря, и делает сам Кавелин, а за ним и Сидоров. Материальную культуру мы оставим культурологам, а сами перейдем на чисто психологическую почву и оставим своим материалом лишь образы этих вещей, хранящиеся в нашем сознании.

Тут я бы хотел выдвинуть гипотезу, которую, скорее всего, не смогу доказать в этой работе, потому что она требует отдельного исследования. Но исходить буду именно из нее, поскольку неоднократно проверял ее в своих прикладных работах.

Сознание ребенка принимает в себя культуру вместе с мышлением.

Это утверждение, в свою очередь, предполагает *необходимость разделения мышления и разума*, которые обычно смешиваются в нашем понимании. Под разумом я, в данном случае, понимаю способность человеческого ума распознавать в окружающем мире и решать задачи, связанные с выживанием. Впоследствии, по мере усложнения жизни — любые задачи. Разум включается тогда, когда мы сталкиваемся с чем-то совершенно новым, не имеющимся в нашей памяти, но требующим от нас каких-то действий. Чаще всего, это или какая-то опасность, или помеха в достижении желания.

Налетев на помеху, человек, это особенно ярко видно на детях, какое-то время не в состоянии ее распознать как помеху. Он просто продолжает повторять предыдущее действие. *Но как только он понимает, что помеха есть то, что надо преодолеть, он начинает думать, то есть переходит в состояние «задачности», озадачивается, как говорится в*

русском языке, и тогда включается поиск обходных путей.

Это **разум**. Но это не все, что он делает.

После того, как способ преодолеть какую-то определенную помеху найден, перед разумом встает задача — как облегчить жизнь и не тратить на это дело столько сил. И он закрепляет найденный успешный способ решения этой жизненной задачи в памяти в виде образа.

Этот образ становится привычным способом поведения при столкновении с подобными помехами в будущем. Так рождается мышление.

Те старики, которые рассказывали мне о колдовстве и магии, рассмотрели в словах мышление, мыслить возможность для этимологических игр. Они были большими любителями так называемых «народных этимологии».

Мыслить для них означало Мы-Слить, то есть Слить Нас в Общество.

По сути, это очень близко к выражению, имеющемуся в «Слове о полку Игореве», где говорится о «свychах и обычаях». Мой дед, большой любитель «Слова» и этимологических игр, писал, что и то и другое — привычки. Но в «свychае» скрыто слово «свой», а в «обычае» — общий.

Иначе говоря, сталкиваясь с неведомым, молодое сознание распознает помеху как задачу и включает для ее решения разум. Если решение найдено и проверено, оно закрепляется в виде личной привычки— свychая. Если же подобная помеха и соответствующая ей задача оказывается постоянно встречающейся на жизненном пути всего сообщества, то постепенно ее решение закрепляется в сознаниях всех членов общества в виде общественной привычки— обычая. Вот это и есть Слить— Мы, Мыслить в противоположность разумному Думать.

Из способности ума сначала Думать, а потом закреплять найденные решения в памяти постепенно рождается основной набор привычных способов решения жизненных задач, позволяющий не задумываться, но и не проигрывать. Его, пожалуй, можно бы назвать мировоззрением определенного сообщества, но правильнее — **Образом мира**. Этому понятию я уделю немало внимания в этой книге, поэтому пока не буду на нем задерживаться.

Сейчас мне важнее указать на то, что Образ мира оказывается как бы костяком нашего ума. На него крепятся и простейшие образы Разума, и сложные образы привычек и обычаев Мышления. В силу этого он не просто двойственен, а гораздо многослойнее. Это, на мой взгляд, и отразилось в словах Сидорова и Малиновского о множественных мирах, в которых живет человек. Это не миры, конечно, а образы миров. И какие-то из них есть прямые носители того, что мы называем культурой.

Что же в таком случае есть культура? Я не буду вдаваться ни в обсуждение того, что об этом говорилось на протяжении человеческой истории, ни даже в перечисление определений. Я оттолкнусь от простого, почти бытового определения Даля. Оно будет вполне достаточным, потому что моя задача даже от него уйти к еще более «простому» психологическому пониманию этого явления, как оно содержится в ненаучной части нашего мышления. Итак:

«Культура — обработка и уход, возделывание, возделка; || образование, умственное и нравственное; культивировать в.м. обрабатывать, возделывать, образовывать».

Как видите, понятие «культура» составное и совмещает в себе несколько понятий: от латинского понятия «превращение дикой природы в не дикую» до понятия «образование». «Образование» в педагогическом смысле впервые стало использоваться во времена Гумбольта немцами. Кстати, в немецком языке, как и в русском, оно тоже происходит от основы «образ» (Bild). Следовательно, означает привнесение образов в необразованное сознание.

Получается, культура — это то, что с помощью соответствующих образов переводит

сознание человека в состоянии, отличное от природного или дикого.

Я не отказываю в данном случае материальным проявлениям культуры в праве считаться культурой. Я просто отказываюсь сейчас это обсуждать. Споры на эту тему происходили весь последний век ". Споры, особенно научные — это хорошо. Мне рассказывали, что в них рождается истина. Мне правда, кажется, что культура. Скажем, культура культурологического сообщества. Но может быть, это одно и то же? Во всяком случае, я свое первое представление о том, что такое культура, получил не из книг культурологов. Меня в него, что называется, сунули, точно головой в печь. Полевые этнографы, сталкивавшиеся с тем, как разлетается научное высокомерие при встрече с живой, сильной и умной народной культурой, меня поймут. Поэтому мне трудно спорить с культурологами и проще рассказывать о культуре по-своему, держа перед собой в памяти то, что я видел в жизни.

Поэтому я бы хотел сопоставить эти споры о культуре с понятием «очищения сознания», которое было присуще всем магическим или первобытным обществам. (Кстати, я предпочитаю называть те общества, которые этнологи и антропологи именуют то первобытными, то примитивными, — магическими, по-

(См., напр., обзорно-методологические работы Л.А.Уайта, Д. П. Мёрдока, Д. Бидни, А.К. Кафаньи, К. Гирца, Д. Фейблмана и других в сборнике «Антология исследований культуры». —Т. 1: Интерпретации культуры. - СПб.: Университетская книга, 1997.

тому что именно отказ от магии в пользу науки и создал современную цивилизацию). В каком-то смысле эти споры так же очистительны для нашего понимания самих себя, как и то, что я испытал на себе, когда в своих этнографических поисках налетел на русских деревенских колдунов в Савинском районе Ивановской области.

Это бывшая Владимирская губерния, места расселения людей, именовавших себя офенями. Вообще-то офени, как считает наука, — это просто торговцы вразнос, коробейники. Однако мои многолетние исследования, да и просто то, что я сам родился в офенском роду и с детства воспитывался еще в той культуре, позволяет мне утверждать, что это было гораздо более сложное и глубокое явление. Офени, безусловно, создали свою собственную культуру, которая исчезает в этом веке, но у которой были, на мой взгляд, глубочайшие корни, уходящие через скоморохов в первобытную древность Руси.

Поэтому среди них, по крайней мере, среди той части их большого сообщества, которая именovala себя Мазыками, долго жили те знания, которые обычно именуют мистическими и магическими. Впрочем, вся народная жизнь насквозь магична. Без магии, приговора, приметы или заклинания не начинается настоящим крестьянином ни одно дело.

Но тут вопрос уже упирается в действенность той магии, которая используется. Кто-то только «знает», а кто-то и «может». Вот на этом водоразделе застревает вся наука. Она предпочитает считать, что народная магия — не более чем набор формул и внушение. Могу заверить, многое из того, что знали деревенские колдуны, было вполне действенным. Впрочем, много было и такого, что мы вполне оправданно назвали бы сегодня психотерапией.

К подобным психотерапевтическим приемам можно отнести и способ очищения, показанный мне в 1985 году деревенским колдуном, докой, как его называли, по прозвищу Степаныч. Как я понимаю, он применялся при обучении молодых. Степаныч же называл «Мозохой». Офенские словари переводят это слово как «солома». Но когда я спросил его, что такое «мозоха», он ответил: мусор. Поэтому я условно называю эту работу «Мусор», хотя можно было бы назвать и «Культурой».

В один из моих самых первых приездов к нему Степаныч однажды вечером вдруг помрачнел, подошел ко мне, и сказал:

— Ну давай, умник, ответь деревенскому дедушке на несколько вопросов, — тут он болезненно ткнул пальцем мне в солнечное сплетение и спросил. — Это ты?

— Ну, я, — ответил я и, очень остроумно взяв себя за рубашку в том месте, куда он тыкал, принялся ее рассматривать. Насколько я понимаю, я так показывал, что я умный человек и всегда готов пошутить. К сожалению, Степаныч шутить не умел.

— Одежда — это ты или это твоя одежда? — мрачно переспросил он.

— Моя.

— Мозоха! В огонь!

И для того, чтобы я смог осознать в этот миг, что если я смог сказать про одежду, что она моя, значит, она не есть мое действительное «Я», он принялся с меня эту рубашку срывать. Причем так решительно, что я вынужден был отпихнуть его и сам снять рубашку.

— Так, — продолжил он и еще раз попытался ткнуть мне в солнечное сплетение. Правда, тут уж я был настороже и отодвинулся. Но он все равно достал меня и ткнул очень больно. Так, что я зашипел и начал растирать место удара. — Болит? — тут же спросил он.

— Болит, — подтвердил я.

— Что болит?

— Живот!

— Тело болит? — уточнил он.

— Тело, тело.

— Какое тело? — дурацки вскидывая брови, спросил он.

— Мое тело! — ответил я, отодвигаясь от него.

— Так значит, это тоже не ты? Мозоха!

Я, конечно, не предполагал, что он начнет вытряхивать меня и из тела, но в серьезности его намерений я нисколько не сомневался. Этот дед с первых дней мне показал, что он шутить не любит, просто потому, что у него на это времени уже не оставалось. Это был последний год его жизни. А поскольку я пришел к нему не как ученый, а под видом ученика, то он соответственно и требовал от меня учебы на пределе. Поэтому, допустив до своего осознания мысль о теле, я задумался всерьез. Но моя мысль вдруг сделала еще один замысловатый скачок из тех, которыми мы показываем окружающим свою умность:

— Я мыслю, значит, я существую! — вдруг выпалил я. В общем-то, это было все, что я тогда помнил из Декарта. Но обычно в тех обществах, где я вращался, этого бывало достаточно, чтобы показать свою «эрудированность» или умность, по-русски. Но Степаныч шуток не понимал... Он все принимал всерьез, потому что то, что он делал, было магией. Он был обычным деревенским колдуном, а не начитанным знатоком магии:

— А мысли твои?

И это только в первый миг после вопроса я посчитал, что вопрос в точности такой же, как предыдущие, и от него можно отшутиться. Затем я вспомнил эту Декартовскую мысль, от нее потянулась цепочка к множеству других подобных «умностей»: *Я знаю, что я ничего не знаю. Ничто человеческое мне не чуждо. Познай себя... Баранкин, будь человеком! Умница. Хороший мальчик... Ненавижу! Надо вести себя правильно... Горюшко ты мое луковое!.. Ай-яй-яй!.. Баю баюшки баю, не ложися на краю!..* — и все они были в прямом смысле чужими во мне, но именно они-то и были мной! И их было много, много, словно туча вокруг. А где же Я?!

Я вдруг как-то сразу ослаб и начал лихорадочно перебирать мысль за мыслью, а Степаныч яростно кричал всякий раз: Мозоха! Жечь! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Мозоха! Жечь! В огонь!.. И так всю ночь напролет.

Потом меня охватило какое-то озарение, я начал что-то прозревать в окружающем меня

мире и падать. Просто не держало тело.

Тогда он позволил мне поспать, а потом разбудил и пытал еще сутки. И у меня было озарений — одно за другим. Одно из них буквально вывернуло меня всего наизнанку и меня долго рвало, но я словно не замечал этой помехи и все выкидывал и выкидывал из себя собственные куски. Когда в рвоте появилась кровь, он заставил меня поспать еще и отправил на поезд.

Я ехал и сквозь окружающие вещи и людей прозревал то, что нами правит. Культуру, если хотите. Вот так я впервые встретился с этой Госпожой лицом к лицу...

Можем ли мы говорить, что Магия — это всего лишь часть культуры? Или же есть за Магией нечто, что уходит в эту дикую, природную среду, из которой все берется?

Если подходить к этому вопросу строго последовательно, то можно сказать, что в нашем сознании нет ничего, кроме представлений, то есть образов. И если в нем есть представление, что какие-то основы магии являются природными или стихийными, то это все равно лишь представление, образ, а значит, часть культуры.

Что ж, будем исходить из того, что у нашего сознания есть дообразное, стихийное состояние, которое и обеспечивает возможность накопления образов, а значит, и культуры, если не очень придирается к терминологии. А это означает, что вопрос о Магии становится вопросом о том, из чего состоит явление, которое описывается в этнологии и живет в нашем бытовом сознании под именем «Магия».

Обычно этнографы и антропологи описывают первобытную магию как набор обрядов и ритуалов. Бытовое же представление о магии связывается с мистикой «белых и черных магий», что является наследием довольно поздней и весьма надуманной европейской мистической традиции, но при этом тоже опирается на разнообразные ритуалы. Есть ли в Магии нечто помимо этого?

Есть. Сам Малиновский, рассказывая о современных ему воззрениях этнологов, говорит:

«В то время как наука основана на концепции естественных сил, магия зарождается из идеи некой мистической безличной силы, в которую верит большинство примитивных народов. Представление об этой силе, называемой у меланезийцев *мана*, у некоторых австралийских племен *арангвилтха*, у различных групп американских индейцев *манату*, *варан*, *аренда* и безымянной у других народов, тем не менее является почти универсальной идеей, встречающейся везде, где процветает магия. И для большинства примитивных народов и в целом для низших стадий дикости характерна вера в сверхъестественную безличную силу, движущую всеми теми силами, которые имеют какое-либо значение для дикаря, и являющуюся причиной всех действительно важных событий в сфере сакрального. Таким образом, мана, а не анимизм определяет "минимум религии". Это "до-анимистическая религия", и мана ее сущность как сущность магии, которая поэтому радикально отличается от науки.

Однако остается вопрос, что же такое *мана*, эта безличная сила магии, которая предположительно господствует во всех формах ранних верований?»¹⁰

Малиновский отнюдь не так определенно разделяет мнение остальных ученых о резком разграничении магии и науки в первобытном обществе. Но вот вопрос этот он задает по-настоящему и не дает на него определенного ответа. Слишком противоречивыми оказываются описания проявлений и использований маны. Сами маги сказали бы на это: сила есть сила, ее нельзя назвать словами, ею можно только овладеть. Малиновский вслед за всей остальной европейской наукой говорит иначе: маны не может быть, потому что не может быть никогда, хотя бы потому, что я — самый совершенный из всех людей этого мира — ею не владею! Люди евро-американской культуры склонны очень переоценивать свою способность судить о мире верно...

Тем не менее, рассказывая о «Золотой ветви» Фрэзера, Малиновский называет одно из проявлений маны, которое я считаю главным и от которого хотел бы оттолкнуться и в собственном исследовании.

«В "Золотой ветви", начиная со страшного и таинственного ритуала в честь лесных богов у Неми, перед нами раскрывается поразительное разнообразие магических и религиозных культов, придуманных человеком для того, чтобы контролировать и активизировать влияния неба и земли, солнца и дождя, способствующие плодородию; такое впечатление, что ранняя религия преисполнена неукротимыми силами жизни, в ее юной красоте и первозданности, безудержности и такой неистовой мощи, что это иной раз приводит к актам самоубийственного жертвоприношения».

Сила жизни! Вот ответ. Именно за попытки экспериментальных реконструкций русских народных обрядов, связанных с силой жизни. Живой, нас и называли язычниками. К сожалению, мы не язычники, мы все-таки ученые и поэтому так до конца и не поняли, что же это такое!

" Малиновский Б. — С. 22. "Там же.-С. 24.

И именно эти экспериментальные работы с древними обрядами убедили нас, что идти к пониманию силы жизни надо не так. Эти магические обряды умерли вместе с соответствующей им религией. А сила жизни продолжает бурлить и давать плодородие! Она и только она позволяет нам выживать сегодня в полуразрушенной России. Она заставляет создавать предприятия и экономику. Она где-то рядом, просто мы неверно к ней шли. Теперь мы идем другим путем, но наш опыт позволяет нам делать обоснованные, хоть и неожиданные сравнения современности с древностью. С той древностью, когда небо было ближе к земле, а сознание чище и прозрачнее настолько, что люди обладали Видением и Медом поэзии...

Как, к примеру, в классическом русском заговоре, обращенном к богине или духу плодородия Жниве:

Жнива, ты, Жнива, подай мою силу на овсяную жниву! ¹²

Гобино, как говорилось в древности на Руси, или сытая жизнь, довольство и достаток пищи были целью подавляющего большинства магических действий, использующих эту таинственную жизненную силу.

Что это значит для меня и моего исследования? Самое малое — возможность обнаружить магию в столь привычных нам производстве и предпринимательстве, а также возможность осмыслить производственные отношения через охоту за жизненной силой. Если производство магично, то экономика — поле божественных игр. Если это удастся рассмотреть и показать другим, можно рассчитывать и на чудо. Хотя бы экономическое!..

Но как к нему прийти? Пока как психолог-прикладник я вижу только один путь — последовательно очищая наше сознание слой за слоем от того, что перекрыло наше видение. Удастся вернуть саму способность видеть в обыденном волшебную силу — можно будет ставить вопрос и об ее использовании.

¹² Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. — СПб.: Издательство Европейского Дома, 1994. — С. 112.

И что же за слои нам придется преодолевать на этом пути? Пока явно наметились несколько основных: наука и религия как составные части культуры, если идти вслед за антропологами. Или же мышление, а за ним разум, чтобы выйти на стихийные уровни сознания, если идти путем культурно-исторической психологии.

Сейчас, в самом начале исследования, я не мог бы определенно ограничиться только каким-то одним путем. Пусть дорога подскажет сама, как по ней идти. Но со всей

определенностью ясно, что в той жизненной науке, с помощью которой мы создаем свои предприятия и обеспечиваем выживание — ее можно назвать наукой управления — присутствует то, что определенно является культурой. Но присутствует и то, что определяет ее действенность и способность доставлять нам желаемое способами, неизвестными культуре. И это — магия.

Глава 2. Немного истории и этнографии

Как я уже сказал, я вел свои собственные этнографические сборы на территории так называемого Верхневолжья. Эта местность между Шуей, Ковровом и Суздалем — древнейшие русские земли, входившие уже с X века в состав Ростово-Суздальского княжества, а впоследствии ставшие частью Великого княжества Владимирского.

Места эти до славян были заселены финно-уграми. В основном, мерей. Русские всегда считали финнов, особенно живших на пограничье славянского мира, колдунами, так же, как считали их колдунами шведы и норвежцы. Даже сейчас верные своей древней культуре маришцы возрождают «языческие» поклонения священным рощам. Во времена Ивана Грозного для нужд царя колдуний привозили из Карелии. В начале русской истории таким колдовским пограничьем славянского мира было Верхневолжье.

Что значит «колдун», если мы относим это понятие к тем временам? Ясно, что для времени Ивана Грозного, то есть для XVI века, только русские, особенно давно и прочно христианизированная верхушка общества, считали финнов колдунами в каком-то современном смысле этого слова. Сами эти колдуны просто жили по обычаям своего народа и были неотъемлемой частью той культуры, которую христианство преследовало и уничтожало под именем язычества.

Язычество, если сделать прямой перевод библейского слова «языцы», — это народная вера, вера нехристианских народов. Но для нас было бы точнее назвать это народной культурой, чтобы показать, что антропологическое исследование не имеет цели противопоставления тех или иных религий. В данном случае разговор о верах — это всего лишь описание того материала, который предоставляет нам история.

Итак, земли Верхневолжья исконно были местом смешения нескольких культур. Как называют такие места ученые — этническим котлом. Первая волна славянского испоселения была преимущественно кривичской и, естественно, языческой в то время.

Надо думать, именно поэтому заселение края прошло легко и естественно. Летописи не сообщают ни о каких войнах между славянами и финнами.

Вторая русская волна приходит сюда в XII веке после неожиданного решения Андрея Боголюбского. Имея все права на Великий Киевский престол, он уходит во Владимир на Клязьме, перенося с собой в середину русских земель и Великое княжение. Владимир после этого становится столицей Руси, а Киев медленно превращается в провинциальный город на далеком пограничье. В этом он подобен Петербургу. И я совершенно согласен с Вадимом Кожинным, что «уход Андрея из Киева во Владимир имел и неизмеримо более масштабный и глубокий смысл»¹³.

Андрей вывел с киевщины множество лучших людей, как земледельцев, так и ремесленников. Именно с их уходом хиреет Киев и рождается Новая Русь. Для нас же это означает, что Андреем Боголюбским в Верхневолжском этническом котле была заварена еще одна русская культура.

Если вспомним историю, то первая русская государственная культура возникает в летописном Новгороде, которым, скорее всего, была еще Ладога. Эта культура была многонациональной и в силу этого веротерпимой и языческой. Веротерпимость предполагает духовную свободу, но не дает опоры для сильного государства, объединения и войны с другими. Поэтому новгородская Русь искала порядку и власти на стороне и призвала варягов.

Этот эксперимент по созданию сильной культуры, позволяющей существовать сильному государству, был перенесен варягами из вольнолюбивого Новгорода на иную почву. В далекий полянский Киев. Каким-то образом это оказалось точным попаданием. Возможно,

потому, что поляне уже веками пытались противостоять сильной государственности Хазарского каганата. Иначе говоря, находились в состоянии войны, которая всегда облегчает людям способность думать о единстве.

В итоге Новгород оказывается на окраинах, а первая русская государственная культура по прямой преемственности сменяется второй — Киевской и становится христианской по преимуществу.

13 Кожине® В.В. История Руси и русского Слова (Опыт беспристрастного исследования). — М.: «Алгоритм», 1999.

Христианство как позволяло чувствовать большее единство, так и становилось языком межгосударственного общения.

Культуру Владимирской Руси сменит московская государственная культура, которая возникнет в ходе борьбы с татаро-монгольским игом. Эта борьба, шедшая в условиях страшной раздробленности и постоянных взаимных предательств, смогла состояться и завершиться победой лишь при условии объединения всех сил в едином государстве. Но для объединения нужен стяг, нужно то, что сделает людей едиными. Таким стягом, как и в Киеве, стал христианство. И в этом смысле четвертую, то есть Московскую государственную культуру Руси и теперешней России можно считать принятой из Киева.

Впрочем, возможна и иная точка зрения. Московская культура возникает лишь с началом централизации. А в самом начале ига душа Руси словно бы отступает от опасности за леса и болота в Новгород. Теперь уже в наш Новгород. И Новгород времен Александра Ярославича Невского в начале XIII столетия становится новым центром Руси, рождая культуру времен ига. Культуру раздробленности и подавленности. Точнее, выживания в условиях опущенное™. Тут уже было не до свободы и вольнодумства. Нужно было объединять все народные силы в единый кулак, и Невский становится святым.

Культура московская, именуемая Великорусской, рождается из новгородской с началом объединения Руси в централизованное государство, сплоченное единой верой и единой целью. Какой? Можно сказать, что свободой. Но наблюдая, как психолог, современные проявления Великорусской культуры в людях, я бы предпочел говорить, что этой целью была не столько свобода, как решение выжить даже опущенными и лишенными всех прав. Нас давят, а мы крепчаем...

Что же касается третьей русской культуры, культуры Влади-мирско-Суздальской, то она, скорее, была преемницей первого Новгорода. Ладоги. И действия Андрея Боголюбского, и уход русских людей с Киевщины по диалектическому закону отрицания отрицания можно, говоря научным языком, назвать реакцией на политику стольного Киева. И на военную политику, и на религиозную.

Каковы факты?

Владимирщина изначально как бы противопоставляла себя военизированному «милитаристскому» Киеву. Это был мирный край, край мирного сосуществования народов и культур.

В 1096 году был убит князем Олегом Святославичем сын основателя Владимира-на-Клязьме Владимира Мономаха. Владимир к тому времени был сильнейшим князем Руси и вполне мог расправиться с Олегом. Но вместо этого он шлет ему потрясающее письмо, которое я приведу в переводе с древнерусского Вадима Кожина:

«О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед Страшным Судьею, не покаившись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: "Бога люблю, а брата своего (Олег — двоюродный брат Владимира. — В.К.) не люблю", — ложь это. И еще:

"Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец наш Небесный"...

Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все

сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары, и на смерть отдал Себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили?.. Только и есть у них, что сделали душе своей...

Дивно ли, если муж (Сын Владимира. — В.К.) пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла... И не враг я тебе, не мститель. Не хотел видеть крови твоей...

Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле... Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной' Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном Суде без обвинителей сам себя обличаю». ¹⁴

i⁴ Там же - С. 327.

Как пишет Кожин: «...это послание, по-видимому, произвело громадное впечатление на Олега. Осенью того же, 1097, года Олег прибыл в принадлежавший Владимиру Любеч, где состоялся знаменитый съезд князей во главе со Святополком Киевским. На Любечском съезде, по летописному сообщению, было провозглашено: "...почто губим Русьскую землю, сами на ся ко-тору (распря, раздор) деюще?.. ноне отселе имемся в едино сердце, и блюдем Русьские земли"» ¹⁵.

Прямое прочтение христианской доктрины не как государственной религии, а по текстам первоисточников, попытки сменить ценности, правящие русскими сообществами — это все для меня итог примерного двухсотлетнего правления киевской военной культуры и, соответственно, психологическая «реакция» на это правление русских людей. Иными словами, Владимиром Мономахом на рубеже XI и XII веков была заложена основа для смены культуры. И как в случае с Киевом, для этого потребовалось перенести центр и столицу Руси как можно дальше от основного хранилища правящей культуры.

Но по-настоящему эту революцию совершает сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский. Именно при нем лучшие люди Руси, ее цвет, ум и способности съезжают с Киевщины и переезжают на Владимирщину. И начинается русский ренессанс, возрождение русского язычества в рамках теперь уже прочно утвердившегося христианства. Смею, правда, предположить, что христианства, в первую голову, понятого так, как понимал Владимир Мономах, то есть как пути к Богу, а не как пути к мировому господству. Хотя это, конечно, только предположения.

Зато не вызывает сомнений, что символом этой культуры, которую исследователи называют Двоеверием, является Дмитриевский собор Владимира, построенный братом Андрея Всеволодом. Владимирские князья, конечно же, были людьми разумными и вполне отдавали себе отчет в том, что для защиты государства нужна сила и сила военная. А это значит, что и соответствующая этому требованию вера, объединяющая народ. Назовем ее современно: политическая религия. Но что-то должно быть и для души...

i⁵ Там же.

Маленький кусочек из рассказа владимирца о Владимирщине:

«Исследователи этого единственного в своем роде памятника искусства (Дмитровского собора) подсчитали, сколько и каких изображений поместили мастера на трех его стенах, без аркатурного пояса и без трех алтарных апсид, составляющих четвертую стену. В книге Н.Н. Воронина приводится такая таблица:

Изображения христианского характера	46
Звери и птицы	236
Грифы	28
Растения	234
Прочие	22
Итого:	566 изображений

Выходит, что изображений христианских помещено всего лишь на 8 процентов резных камней.

Всеволод поручил строить монашески строгий и величественный Успенский собор властям церковным. Его воздвигали для народа, который нужно было держать покорным князю и священнослужителям.

А Дмитриевский собор Всеволод повелел строить для Себя, для своей семьи, для своих приближенных». 16

Возможно, что именно Ростово-Суздальские земли были той упомянутой арабскими источниками Артанией или Арсанией, которая наряду с Куявой и Славией была третьим центром русских земель. И если Куява — киевщина считается центром воинским, а Славия — торговым, то Арсания была центром сакральным, местом духовного поиска в залесской тишине...

Это, конечно, недоказуемо при том состоянии источников, которые мы сегодня имеем. Однако Владимирщина дала мировой культуре такое явление, как Офени, которых я и изучал во время моих этнографических экспедиций. Можно считать, что это явление чисто экономическое. Ну, заставили тяжелые условия жизни в неплодородном Нечерноземье отдельных крестьян взяться за отхожие промыслы и добираться в своих поездках от Сибири до Кавказа и Германии. И создать свой собственный тайный

" Голицын С. М. Сказания о белых камнях. — М.: Молодая гвардия, 1980 — С. 159.

или особый язык, который до сих пор живет по всей России в виде блатной фени...

Не верю, что все так просто. Кажется мне, что от такого обще-ii венного явления, как офени, наука просто отмахнулась. У нее, конечно, были для этого оправдания. Слишком много было утеряно, и слишком мало сохранилось источников. Но и то, что ничего не делалось для добывания новых, тоже определенность. На основании моих собственных многолетних исследований я могу определенно утверждать, что явление это было полноценной культурой. Также могу сделать и предположение, что культура эта, которая может теперь считаться лишь этнографической, является наследницей той самой третьей государственной культуры Руси, которая сложилась в XII веке, а потом передавалась из поколение в поколение, постепенно умирая как не соответствующая требованиям времени. Я не в состоянии этого доказать и потому буду говорить лишь о том, что застал.

Можно считать, что мне повезло. Мой дед был уездным писарем и оставил записки о той части офенского мира, которая называла себя Мазыками. К тому же, благодаря его памяти, мне удалось проникнуть к тем, кто еще хранил кое-что из мазыкских знаний. И это кое-что явно было связано с колдовством. Во всяком случае, местные жители прямо считали некоторых из стариков, с кем я встречался, колдунами.

В русской этнографической науке имеются два «классических» it 8гляда на колдуна. Один из них, особенно ярко представленный к трудах таких школ, которые я бы назвал «Славяноведением» (Школа Н.И Толстого) и «Семиотической школой» (Школа Топорова и В. Иванова), показывает и колдовство и народную магию как бытовые в общем-то действия крестьянина по обеспечению плодородия и вообще жизни. Этот взгляд уходит корнями еще к Е.Н. Елеонской, Н. Познанскому, Л. Майкову, В. Добровольскому и многим другим. Это традиция подхода к магии как общекультурному, почти бытовому явлению.

Иной взгляд представлен в работах тех ученых, которые сталкивались с живыми колдунами. Эти работы чрезвычайно редки и показывают колдуна примерно так, как

описываются в мировой этнологической литературе шаманы и индейские жрецы. Это человек воспринимается ученым, скорее, как мрачный шарлатан с нависшими бровями, освоивший какое-то количество приемов запугивания и внушения. Хотя, конечно, и это тоже является определенной культурой, неотторжимо присущей культуре общенародной в определенные эпохи.

Могу сказать одно, то, с чем столкнулся я, было и похоже на все описанное, и не похоже. Живая культура так отличается от своих описаний! Я ездил к своим старикам семь лет. И при всем том, что я сам, можно сказать, был представителем той же культуры, поскольку родом из той же среды, мне до сих пор не удается полностью понять и описать то, что я видел и познал. Я отчаялся рассказать о моих Мазыках сразу и целиком и в последнее время рассказываю по частям. Рассказ об их взглядах на жизнеобеспечение, предпринимательство, устройство предприятий и Артелей — одна из таких частей большой картины. Не самая показательная, я думаю. Но важная.

Чтобы не потеряться в объеме того, что можно было бы рассказать об офенях, я пока приведу лишь два примера понятий, использовавшихся стариками-мазыками в рассказах о предпринимательстве. Сразу хочу предупредить: вместо имен своих информаторов я употребляю прозвища. Прозвища, правда, настоящие. Так они и звали друг друга при мне. Делаю же я это из уважения к их памяти и по их просьбе.

Итак, в первую очередь о понятии **Офеса** или **Офеста**.

Офест по-офенски — это крест. Но когда мне рассказывал об этом один из моих учителей по прозвищу Дядька, он придавал этому понятию особое и своеобразное значение. Смысл его примерно таков.

В деловом общении внутри Артели или предприятия, как и При ведении переговоров, существует своего рода горизонталь и вертикаль взаимодействия.

Вертикаль — это взаимоотношение или взаимодействие различных мест за **Столom**, которым является предприятие.

И предприятие, и общество вообще мазыки рассматривали как своего рода систему иерархически увязанных мест, которую

называли Столом. Стол тут, очевидно, имелся в виду тот, **за** которым сидят гости на пиру у князя. Хотя этим князем может быть в определенных обстоятельствах и Хозяин дома, **то** есть простой крестьянин. Вспомним хотя бы, что во время свадьбы жениха — простого крестьянского парня — зовут молодым князем, а его невесту — молодой княгиней. Точно так же это может относиться и к Хозяину пира.

За любым столом, начиная с Велик-стола, то есть стола Великого князя, и до самого простого крестьянского, люди всегда рассаживаются в соответствии с их достоинством, то есть с той оценкой, которую дает им общество. Соответственно достоинству место, соответственно месту — и почести. И этим пиршественный стол в совершенстве похож на предприятие, где кормление, то есть зарплата, всегда жестко увязано с занимаемым местом и достоинством человека.

Поэтому распределение людей в обществе по различным местам и службам мазыки называли не только столом, но и кормушкой. И это очень точно отражает истинное устройство общества и показывает то, что правит людьми.

Естественно, как мы все это прекрасно знаем, по этой вертикали можно перемещаться как снизу вверх, поднимаясь к Власти, так и обратно, падая на Дно. Подробнее об этом рассказывается в курсе Общественной психологии (Свойское мышление) Училища. Поэтому я в излишние подробности вдаваться не буду.

Что имеет значение для нас сейчас: мазыки эту вертикаль или иерархию Власти и достоинств считали лестницей восхождения к вершине общественной пирамиды. И называли её, по словам Дядьки, **Дробина**. Естественно, она и есть вертикальная часть Офеса. Дробина — это лестница, по которой люди карабкаются к Власти

Горизонталь же — это дееспособность или способность делать то, ради чего тебя взяли или наняли. Это твоё дело — **Мастыра**.

Дробина и Мастыра складываются в крест, и Мастыра как бы постоянно скользит по Дробине. Это своего рода бегающая ступенька лестницы твоего восхождения к вершинам общества. Она же и есть то место, которое ты постоянно занимаешь.

И это вполне работающий образ, потому что он позволяет понять одну очень простую истину, Истоту, как это называлось, — куда бы ты ни взобрался или не опустился по лестнице общественного восхождения, ты все равно займешь свое место, просто потому, что твое место всегда с тобой, и будешь работать и получать корм в соответствии с ним. Принять это — все равно, что принять самого себя и тот мир, в котором ты воплотился в этот раз.

И смысл этого образа в том, что на каком бы месте ты не оказался, ты всегда живешь и кормишься только благодаря взаимодействию с обществом, которое и двигает тебя по этой лестнице и кормит за то, что ты для него делаешь. И места ты занимаешь не те, что хочешь, а те, что нужно занять, чтобы общество выжило. В очень значительной мере все это — проявление стихии, естественной, как сама природа. Только стихии общественной, сложившейся так за тысячелетия взаимной притирки множества людей. Лезть в это со своей волей нужно очень осторожно, чтобы общество не начало разрушаться, как экология Земли. Революционные эксперименты ясно показывают это.

Однако когда доходит до дела, вся эта ясность улетучивается.

Улетучивается потому, что обычно люди предпочитают избрать одно определённое положение и исходить всегда только из него. Одни предпочитают видеть только вертикаль и бездумно лезут по ней к вершинам вверх или вниз, вместо того, чтобы достигать общую цель.

Такая жизненная установка называлась у мазыков **Ховреинная Дробина**. **Ховрей** — это барин по-офенски. Соответственно, человек, живущий в Ховрейской дробине, озабочен лишь карьерой, то есть тем, как занять место повыше или пониже. Пониже, то есть на вершине **Нижнего мира**. **Дна**, такая цель рассматривалась мазыками как вполне естественная. Не забывайте, что блатная фея — это все-таки изначально офенский язык.

Горизонталь же, когда человек предпочитает думать только о ней и живет по принципу: Я человек маленький, свой шесток знаю! — называлась **Лоховая мастырка**. **Лох** по-офенски — это мужик. Но чаще в значении простолюдин, дурак. Офени ощущали себя плутами и очень не хотели смешиваться с простыми мужиками, лохами. В этом выражалось их презрение к бездумности и тупости простого мужика.

Настоящее дело делается только Артелью, Ватагой, где все товарищи или братья, побратимы. Такое общее дело называлось (**брань**, а все его участники — **сбраныги, сбраны**). То есть братья, побратимы по делу.

Видение себя Сбранью позволяет осознавать всю иерархию — не как устройство мира, а как необходимость, определяемую условиями дела, за которое вы взялись. Благодаря этому ты искренне отыгрываешь любую должность, на которую тебя поставили братья, но когда нужно, когда дело тонет, как пробитый корабль, ты можешь пойти к любому из Начальников и затребовать от него ответа или работы. В конце концов, он всего лишь один из твоих братьев!

Побратимство в Сбрани дает возможность постоянно удерживать в осознании простейшую истину: Мы играем в распределение по местам и ступеням лишь для внешнего мира, чтобы | привычные к этому люди узнавали нас как нечто управляемое и **не** опасное, но внутри для себя мы все братья и все равны, хотя и обладаем разными знаниями и умениями. По этим знаниям и умениям нам и определяются разные Мастыры на Дробине нашего братства. Но это не знак Власти, а знак умельства — кто что умеет, тот такое дело и должен делать, такую Мастыру на Дробине и занимать!

И пока ты в Сбрани, ты все время должен помнить общую цель и свободно переходить

ради её достижения из одной Мастыры в другую, перемещаясь по Дробине так, как это нужно для цела. Наши места за столом нашего братства только кажутся распределенными снизу вверх. Это для того, чтобы нас узнавали своими лохи, которые живут только так, нацеленными на вершины. Как запряженные лошади, которые могут везти только по дороге, на которую их направили.

Да, таков мир, так он пошел в своем развитии, такой подход к устройству общества победил, и не признавать этого значит оказаться чужим и быть уничтоженным. Но признавать данности того мира — еще не значит сдаться и принять их. Разумный человек принимает мир, но остается собой. И если я рожден для того, чтобы быть быдлом в упряжке, я буду ее тащить. Но если я знаю, что я свободный и благородный человек, волею сил и судьбы заброшенный в странный мир, где все гонятся за верхушками, я вполне могу ради выживания принять образ, который покажет, что я такой же.

Но я такой, какой я есть. И я из числа свободных. А это значит, что настоящее устройство нашей общины ~ не вертикальное, не лестницей, а кругом, колесом, хороводом... Русь идет хороводом, хоровод идет Тропой Трояновой...

Вся видимость распределения по должностям в Сбрани — это условности, о которых сбраны договорились для чужих.

Настоящие же наши места соотносятся между собой, как спицы в колесе. В настоящей Артели пиршество и работа проходили как за круглым столом короля Артура. Поэтому мы называли наше предприятие Авалоном. При всей отдаленности русской и кельтской культур они явно имели общие корни.

Образ колеса, как рассказывали мне мазыки, был передан им еще скоморохами. Возможно, это скрытый знак солнца и солнечных культов. Но это точно знак Артели, Братства и Братчины. Знак движения к большой Мечте. Имя ему — Збрань.

Это первый пример. Так сказать, пример общего подхода или Образа мира, в котором действовали правила исследуемой нами культуры. Могу сказать в заключение, что изложенные в нем образы отнюдь не являются лишь этнографическими записями чего-то экзотического. Это вполне прикладной инструмент при отладке предприятия, но им надо уметь пользоваться, а значит, владеть. Я постараюсь дать примеры его работы, но полноценно это можно понять, только поняв то, как работает Разум. А это — особый учебный курс.

Второй пример, на мой взгляд, это пример Образа действия, или того, как поступает опытный и умный Хозяин Артели.

Рассказывал это в основном Дядька, который до пенсии считался очень хорошим Управляющим. Но что-то из этого взято и от других стариков, которые все немало помотались и по артелям, и по отхожим промыслам. Этот рассказ можно назвать Дух или Дыхание.

Дыхание — это, по понятиям мазыков, запас сил, отведенный человеку для трудового порыва. То есть от отдыха до отдыха.

Тут очень важно понять, что управление, по сути, есть отслеживание того, как работником телесно воплощается задуманный хозяином образ. Об этом еще будет рассказано подробнее в разделе Руководство и Образы действия.

Хорошо воспринимается работником лишь тот Образ действия, который по объему не превышает Дыхание, то есть его разовый запас сил.

Этот запас находится в постоянном распоряжении человека для естественных жизненных потребностей. Все, что превышает это по затратам труда, как говорил Дядька, обучавшие его старые артельщики советовали считать **Подвигом**, просто потому, что это *подвигает* человека за его предел.

Правда, в бытовом языке Подвигом считается выход за второй предел или, как его обычно называют, за **Второе дыхание**. То самое, про которое говорят: У меня открылось второе дыхание. Если вы вспомните себя или случаи из своей жизни, то вы увидите, что Второе дыхание — совершенно определенное физиологическое явление, которое случается,

когда ты в каком-то деле доходишь до **Изнеможения**, но не сдаешься, а продолжаешь работать. Скажем, бежать. И вдруг что-то происходит, и ты чувствуешь прилив новых сил, словно бы пролившихся в тело из какого-то внутреннего запасника. Это и есть Второе дыхание.

Оно, как вы, может быть, помните, тоже исчерпывается, и подходит новое Изнеможение, а после него может прийти следующее дыхание...

Изнеможение, как вы, наверное, уже догадываетесь, и считалось у мазыков тем пределом, за которым начинается Подвиг. Л Дыхания соответствуют **Потам**, которые «с тебя сходят во время работы». Как помните, русская культура говорит о семи потах, что означает семь переходов за свой предел и семикратное расширение Духа или сознания... Но это уже уход в чистую магию, который уведет в сторону от магии производственной.

Про работу в рамках естественного запаса сил говорят: *сделал это единым или одним духом*. Одним духом, единым духом означает, что дело по напряженности и трудоемкости не заставило работника сменить или сбить дыхание. По крайней мере, он этого не заметил, не осознал.

В русских сказках, обычно там, где герой спасает заколдованного человека, скажем, превращенного в камень или животное, спасаемый просит: Дай мне семь потов.

Означает это, что герой должен трясти или бить его до полного изнеможения. И так семь раз. Это означает, что «Пот» или «Дух» считались мерами труда. Когда ты трудишься в рамках первого Дыхания, то есть естественного запаса сил, ты не сбиваешь дыхание и не потеешь. Пот выделяется только при переходе или при приближении к Пределу.

Умение ходить по потам или «давать поты», как я уже сказал, магия чистой воды и требует особого рассказа.

Для нас же важно в рамках разговора о русской производственной культуре уметь видеть эти пределы и, соответственно, распределять силы и оценивать объем труда.

Обычный труд делается в пределах Первого Дыхания. И пока Дыхание не сменилось, можно работать бесконечно. Этот труд в радость. Соответственно, и вознаграждение за него — самое обычное, так сказать, договорное.

Как только работник перешел во Второе Дыхание, то есть начал обильно потеть, он должен получить отдых (от-дых), передохнуть, чтобы восстановить Первое Дыхание. Этот отдых и есть дополнительное вознаграждение за увеличение труда.

Переход в Третье Дыхание, которое и называлось Первым Потом (не потением, а Потом в том смысле, в каком его знает сказка), должен вознаграждаться отдельно — отдыхом и благодарностью в словах. Причем смысл этих слов не в том, чтобы сказать «спасибо», а в том, чтобы прозвучало признание того, что люди совершают Подвиг!

Этого признания вполне достаточно им для внутреннего удовлетворения. Их оценили по достоинству и дали отдохнуть, не загнали на работе.

Если люди переходят во Второй и следующие Поты, это означает, что Первый Пот стал постоянным, то есть работа трудна и объем труда больше, чем договаривались. Люди утомляются и изнемогают. Их слишком мало для таких объемов. И этот подвиг стал условием жизни. Следовательно, надо или увеличивать количество работников, или выплачивать премии, или просто повышать оплату (за вредность, за трудное производство и т. п.).

Тут очень важно правильно понимать, что такое **Договор и Трудовой договор. Рад.**

Опытный Артельщик никогда не будет договариваться ни о какой работе, которая идет в **Поте. Договор в любом случае заключается на труд в пределах Дыхания, естественного запаса сил!** Л вот к нему делаются дополнения, предусматривающие переработку и доплаты-вознаграждения за это.

Как определить объем договорного труда? Да просто спросив у самих людей, которых ты подражаешь, что они посчитают **пра-вильной работой**, в соответствии с их представлениями о подобном труде.

Естественно, когда ты как хозяин нанимаешь работников, ты рассказываешь им, что хочешь сделать, создаешь общий об-||;13 предприятия или дела. Затем, когда они «поняли» (как им кажется), то есть ответили, что понимают, ты говоришь, что тебе нужны работники, скажем, на погрузку, и спрашиваешь, возьмутся ли они.

Ответ будет, примерно, такой:

— Взяться-то оно, конечно, можно бы...

Иначе говоря, они торгуются и хотят подрядиться как можно выгоднее. Вот тут, как мне говорили, приходит пора перевести их в рамки справедливости и спросить, какой объем работ они бы взялись делать. Они назовут. Какую оплату вы за это хоте-|| и бы? Они назовут. ***Тогда можно поторговаться об оплате, но ни в коем случае не об объеме работ!***

После того, как договоренность достигнута, можно перейти и к оставшимся от первого торга объемам работ, назвать их все и сказать:

— Я готов вас взять грузчиками и платить, но чтобы платить, мне нужно заработать для этого деньги. Это значит, что все работы должны быть выполнены. Если вы свою часть сделаете, а дальше дело зависнет, то мы без денег. Все. Это понятно?

— Само собой, — отвечают они.— С другой стороны, я не могу вас заставить делать что-то сверх договора, потому что это уже подвиг. Но я могу предложить дополнительную оплату. Если возьметесь, конечно. В любом случае, это единственный способ у меня заработать.

Соответственно, работники будут вынуждены или отказаться от работы совсем, или взяться за весь необходимый объем работ. Но теперь они всегда будут знать, что есть основная, легкая часть работ и есть Подвиг, на который надо набрасываться артельно. А это подымает ответственность, создает круговую поруку и дает возможность разговаривать с ними или их старшим на языке уважительном, поднимая его достоинство. Они же будут знать, что их видят не простыми работягами, лохами, а артелью, людьми исключительными, с особой повышенной квалификацией, говоря современно. За что будут тебе благодарны, как за учебу и перевод на более высокую ступень Дробины, лестницы человеческого счастья.

Мудрый Хозяин работы бережет работников и ни в коем случае не позволяет им перерабатывать по собственному желанию, даже терять Дыхание. Любая переработка, любая потеря Дыхания означает, что работник намеренно надрывается, чтобы потом затребовать с тебя оплату Подвига.

И любой, даже самый преданный из работников, с неизбежностью однажды предъявит тебе все счета за переработки и Подвиги, которые у него накопились. И предъявит по гораздо более высокой цене, чем ты сам оплатил бы их, потому что именно в тот миг эта плата будет для тебя очень дорога. Самовольные Подвиги очень невыгодны Хозяину.

И только кажется, что переработки можно не замечать. Это все равно, как не замечать долги. Для того, чтобы противостоять своему знанию о долге, нужно заплатить кусочком своей души, который ты должен отдать, чтобы запечатать это знание где-то поглубже в своем сознании таким образом, чтобы оно не беспокоило себя. В итоге душа твоя, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, будет круглосуточно и круглогодично работать сторожем у твоих долгов.

Все это — психологическая механика магии человеческих взаимоотношений.

Глава 3. Возможность постановки экспериментов в Культурно-исторической психологии

Психология, в своем стремлении стать точной наукой, давно взяла, как ей кажется, на вооружение эксперимент. На самом деле то, что известно нам как психологические эксперименты, до последнего времени было по преимуществу экспериментами психофизиологическими, а по сути и вообще физиологическими, потому что требования к их проведению были заимствованы из естественных и точных наук. А это значит, что в основе подобных экспериментов должно быть нечто, что фиксируется приборами. А это как раз почти невозможно в отношении собственно психологической части экспериментов.⁷

Что же касается культурно-исторической психологии и вообще наук о духе,

гуманитарных наук, к которым относятся и этнография с антропологией, составляющие значительную часть инструментария культурно-исторической (КИ) психологии, то тут прочно утвердилось мнение о невозможности экспериментов.

Высказывалось оно неоднократно на протяжении всех споров о двух путях развития науки вообще. То есть о пути естественнонаучном и пути культурно-историческом. Показателем очевидности и неоспоримости этого мнения являются слова одного из столпов современной антропологии, основателя школы структурного анализа французского академика Клода Леви-Стросса. В 1961 году в «Пути развития этнографии» он заявляет как нечто само собой разумеющееся: «...в отличие от естественных наук

¹⁷ Изложенный далее подход к эксперименту в гуманитарных науках, на мой взгляд, является естественным развитием появившегося в русской антропологии в последнее десятилетие стремления «сознательно включать исследования в "пейзаж" изучаемого общества». Я считаю это основополагающей чертой новой русской антропологии, а себя — сторонником этой школы, расширяющей ее в культурно-историческую психологию.

Представление об этом подходе можно получить из работ О. Христофоро-ной, А. Пондопуло, А. Сагалаева, И. Октябрьской и др.

науки гуманитарные не могут ставить эксперимент по собственному усмотрению» ¹⁸.

Что называется, маэстро дал маху. Это заявление сделано в самом начале шестидесятых, когда всю разворачивались кросс-культурные эксперименты в культурно-исторической психологии. И вообще, все последующие десятилетия — это время поиска и постановки методологических основ эксперимента в общественных науках. Не буду перечислять лишних имен, а желающих отошлю к работам Майкла Коула и Стенли Милграма ¹⁹.

Леви-Стросс, наверное, великий антрополог. Но многие последующие исследователи пеняли ему за то, что он недостаточно методичен. Работы Стросса, безусловно, захватывают и дают совершенно новый взгляд на антропологию. Но все же они во многом поэзия, произведения искусства, а не строгой науки, несмотря на его потрясающую способность к систематизации.

Вот и в вопросе о возможности экспериментов в гуманитарных науках я усматриваю такую же непоследовательность. Тут, правда, следует оговориться. Стросс ни в одной из известных мне работ так и не заявит, что ошибался в вопросе об эксперименте в гуманитарных науках. Это место оказалось для него очевидностью, за которую он так и не смог заглянуть. Но он был великим исследователем и уже в ближайшие годы после этого заявления создал работы, которые, в сущности, опровергают его. И опровергают так, что дают методологические основания для построения совсем другой антропологии, а вместе с ней и культурно-исторической психологии. Попробую показать это.

Прежде всего, что такое эксперимент? Ведь мы привыкли воспринимать это лишь так, как понимают естественные науки.

Эксперимент, как дает это Словарь иностранных слов, происходит от латинского «проба», «опыт» — 1) научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и многократ-

¹¹¹ Леви-Стросс К. Пути развития этнографии // Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — С. 34.¹⁹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. — М.: Прогресс, 1977; Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. — СПб.: Питер, 2000;

но воспроизводить его при повторении этих условий; 2) вообще опыт, попытка осуществить что-либо. В этом определении явно ощущается влияние все того же естественнонаучного подхода. И самое главное, что ощущается сквозь это определение, это то, что пишущий его видит перед глазами, как обычно делаются эксперименты в науке. И это свое видение он и записывает как определение. А уже если быть методически точным, то

запись нужно было бы делать так: «Эксперимент в современных естественных науках — это...» и далее по тексту.

Ну а если подходить к этому культурно-исторически, то определение выглядело бы, примерно, так:

Понятие «эксперимента» входит в науку в трудах Галилея и Бэкона. До этого оно означает лишь то, что обычное мышление понимает под словами «проба» и «опыт».

Первое полноценное методологическое исследование понятия «эксперимент» было проделано в начале XVII века Френсисом Бэконом в трактате «О достоинстве и преумножении наук».

Что сделал Бэкон?

Во-первых, он дал классификацию всех возможных видов научных опытов: «Модификации экспериментирования выступают главным образом как изменение, распространение, перенос, инверсия, усиление, применение, соединение и, наконец, случайности экспериментов»²⁰. Далее он подробно раскрывает содержание всех этих приемов исследования природы. Я бы, очень огрубляя, конечно, сказал об этом так: если ты хочешь исследовать какую-то вещь научно, возьми ее и попробуй проделать с ней все, что ты можешь вообще делать с какими-либо вещами. В общем, примени к ней все способы воздействия, которые только может вообразить твой ум, авось что-нибудь да и откроется для тебя неизвестного.

В каком-то смысле это и остается сутью всей научной методологии экспериментирования до сих пор. Ну а если даже я ошибаюсь в тонкостях, то, по крайней мере, это определенно остается сутью представлений неестественников о том, что такое эксперименты точных наук. Это в лучшем случае. В худшем, гуманитарий,

²⁰ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Том 1. — М.: Мысль, 1977. — С. 286. 47

запуганный естественниками, так боится высказывать о их методах свое мнение, что предпочитает сунуть его вместе с головой в песок и так и стоит в присутствии научной элиты.

Но классификация научных экспериментов — это только часть того, что сделал Бэкон. Сам он довольно скептически относился к бессмысленному экспериментированию. В той же работе он заявил и важнейшее методологическое требование к экспериментированию: «...можно предпринимать всевозможные эксперименты: без всякой последовательности и системы — это чистейшее продвижение на ощупь; когда же при проведении эксперимента следуют какому-то определенному направлению и порядку, то это можно сравнить с тем, когда человека ведут за руку: именно это мы и понимаем под научным опытом»²¹.

Не буду подробно рассказывать о том, что двигало Бэконом, когда он заявлял это требование к научной работе. Могу сказать только, что из него родилась его наука наук — Новый органон. Этот инструмент правильного мышления задумывался как то, что даст ученым подсказку о направлении научного поиска и методах исследования природы.

Для целей нашего исследования достаточно будет сказать, что смысл всех этих усилий Бэкона был в том, чтобы заставить ученого, прежде чем приступать к опытам, понять, а что он хочет найти, зачем он исследует данное явление природы.

И вот тут мы можем вернуться к Леви-Строссу. Говоря о том, что в гуманитарных науках эксперимент невозможен, он должен был сделать оговорку: в гуманитарных науках невозможен естественнонаучный эксперимент! Так это и не вопрос. Потребность в обладании естественнонаучной защищенностью гуманитарные науки начали испытывать только в этом веке, когда почувствовали, что естественники выше ценятся в современном обществе. И это было крутейшей методической ловушкой.

Поскольку они были озабочены тем, чтобы жить не хуже естественнонаучного сообщества, то, естественно, и не могли озаботиться собственно научными целями, то есть выработкой собственной методологической базой «гуманитарного» научного опыта. Опыта,

здесь понимаемого ближе к тому исходному значению

21 Там же. - С. 285.

слова «эксперимент», из которого родилось естественнонаучное понимание этого слова. И это, безусловно, предопределило определенное отставание гуманитарных наук в XX веке не столько от естественных, сколько, на мой взгляд, от самих себя. То есть от того, чем бы они могли быть. Кризис современной психологии тому подтверждение.

А между тем в работах того же Леви-Стросса есть полноценнейший ответ на старое методическое требование Бэкона определиться с намерением или вопросом: «Зачем?», прежде чем приступить к опытам. В докладе «Руссо — отец антропологии», посвященном памяти Жан-Жака Руссо и прочитанном в 1963 году, Стросс писал:

«Руссо был не только предтечей антропологии, но и ее основоположником. Во-первых, он дал ей практическую основу, свое "Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми", в котором поставил проблему взаимоотношений между природой и цивилизацией и которое можно считать первым научным исследованием по общей антропологии; во-вторых, он дал ей теоретическое обоснование, замечательно ясно и лаконично указав на самостоятельные задачи антропологии, отличные от задач истории и этики: "Когда хочешь изучать людей, надобно смотреть вокруг себя, но чтобы изучить человека, надо научиться смотреть вдаль; чтобы обнаружить свойства, надо сперва наблюдать различия" ("Опыт о происхождении языков", глава VIII).

Этот впервые установленный Руссо методологический закон, положивший начало антропологии, помогает преодолеть то, что на первый взгляд можно счесть двойным парадоксом: Руссо, предлагая изучать людей самых далеких, занимался главным образом изучением одного самого близкого ему человека — самого себя; через все его творчество последовательно проходит желание отождествить себя с другим при упорном отказе от отождествления с самим собой.

Эти два кажущихся противоречия, составляющие, в сущности, две стороны одной медали, и являются той трудностью, которую каждый антрополог рано или поздно должен преодолеть в своей работе. <...>

Когда антрополог приступает к своим исследованиям, он всякий раз попадает в мир, где все ему чуждо и часто враждебно.

Он оказывается в одиночестве, и лишь его внутреннее "я" способно поддержать его и дать ему силы устоять и продолжать работу. В условиях физического и морального изнурения, вызванного усталостью, голодом, неудобствами, нарушением установившихся привычек, неожиданно возникающими предрассудками, о которых антрополог и не подозревал, — в этом трудном сплетении обстоятельств его "я" проявляется таким, каким оно является в действительности: несущим на себе следы ударов и потрясений его личной жизни, которые некогда не только определили выбор его карьеры, но и сказываются на всем ее протяжении.

Вот почему в своей работе антрополог часто избирает самого себя объектом своих наблюдений. В результате он должен научиться познавать себя, смотреть на себя объективно и издали, как если бы то был посторонний человек. И тогда антрополог обращается к этому постороннему, другому человеку, заключенному в нем и отличному от его "я", стремясь дать ему определенную оценку. И это становится составной частью всех наблюдений, которые антрополог проводит над отдельными лицами и группами лиц, над внутренним "я". Принцип "исповеди", сознательно написанной или бессознательно выраженной, лежит в основе всякого антропологического исследования». ^a

Далее Стросс пишет о методологических различиях между методами Руссо и Декарта, как считается, и создавшего естественнонаучный метод. И пишет так, я считаю, что это прекрасное рассуждение должен знать каждый этнограф, антрополог или

КИ-психолог. Поэтому я не буду его пересказывать, а приведу целиком:

«Для того, чтобы человек снова увидел свой собственный образ, отраженный в других людях — это и составляет единственную задачу антропологии при изучении человека, — ему необходимо сначала отрешиться от своего собственного представления о самом себе.

Именно Руссо мы обязаны открытием этого основополагающего принципа — единственного принципа, на который могла бы опираться наука о человеке. Однако этот принцип оставался

и Леви-Стросс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — С. 21—22.

недоступным и непонятым, поскольку общепринятая философия основывалась на декартовской доктрине "Я мыслю, следовательно, я существую" и была ограничена логическим доказательством существования мыслящей личности, на котором возводилось здание науки физики за счет отрицания социологии и даже биологии.

Декарт считал, что от внутреннего мира человека можно непосредственно переходить к внешнему миру, упуская из виду, что между этими двумя крайностями стояли общества и цивилизации, иначе говоря, миры, состоящие из людей.

Руссо выразительно говорит о себе в третьем лице — "он" (разделяя иногда даже это другое лицо на две различные части, как в "Диалогах"). Именно Руссо — автор известного изречения "Я есть другой" (антропологи делают то же самое, прежде чем показать, что другие люди — это люди, подобные им самим, или, иными словами, "другой" есть "я").

Таким образом, Руссо предстает перед нами как великий новатор, выдвинувший понятие об абсолютной объективности. В своей первой "Прогулке" он говорит, что цель его "состоит в том, чтобы дать себе отчет в изменениях своей души и в их последовательности", а затем добавляет: "В известном смысле я произведу на самом себе те опыты, которые физики производят над воздухом, чтобы узнать ежедневные изменения его состояния".

Руссо открыл нам (поистине это удивительное открытие, несмотря на то, что благодаря современной психологии и антропологии оно стало более привычным) существование другого лица ("он"), которое думает внутри меня и приводит меня сначала к сомнению, что это именно "я", которое мыслит.

Декарт полагал, что на вопрос Монтеня: "Что я знаю?" (с которого и начался весь спор) — он может ответить: "Я мыслю, следовательно, я существую". Остроумно возражая Декарту, Руссо в свою очередь спрашивает: "Что есть я?"²³

Итак, в чем же методологическая погрешность Леви-Стросса? На мой взгляд, в том, что, говоря о гуманитарных науках, он видит только привычный образ этнологического исследования:

антрополог или этнограф едет к каким-то другим людям и иссле-

²³ Там же. - С. 22-23.

дует их. Тогда вопрос о возможности постановки эксперимента в работе такого ученого произвольно превращается в вопрос о возможности экспериментировать над другими людьми. Тут наша гуманность или, иными словами, сущность гуманитария, приходит в возмущение и громко заявляет нет экспериментам!

Но если быть последовательным, то, заявив, что методологические основы антропологии даны Руссо, следовало вопрос о гуманитарных экспериментах и решать в том ключе, который заявлен.

Иначе говоря, теперь уже возвращаясь к требованиям Бэкона о методе научного исследования, прежде чем приступить к опытам, стоило заявить цель своего исследования. И она, как это:

прямо следует из всего вышеизложенного, — Познать себя. Еще точнее, познать себя сквозь иные культуры.

В таком случае речь идет не об экспериментировании над другими людьми, а об опытном изучении себя с помощью иных культур. Стоит ли ставить вопрос о допустимости и

возможности подобных экспериментов? Думаю, ответ дал сам Стресс, процитировав рассказ Руссо о том, как он ставил эксперименты над собой.

Вот таким должен быть, на мой взгляд, ответ на вопрос о методологических основаниях эксперимента в гуманитарных науках вообще и в культурно-исторической психологии в частности.

Глава 4. Постановка экспериментов. Артель

Повторю еще раз: несмотря на определенное убеждение антропологов и культурологов, что эксперимент — это орудие исключительно естественных наук, он вполне доступен и гуманитариям.

И когда мы как прикладные культурно-исторические психологи изучаем какую-то культуру, скажем, ту же культуру мазыков, мы определяем ее для себя как народный быт. И тогда для проведения исследования достаточно лишь воссоздать этот быт таким, каким он рисуется нам по имеющимся источникам, и прожить в нем какой-то отрезок жизни. Какой? А такой, какой будет достаточным, чтобы достичь поставленной перед исследованием цели.

Так, для изучения производственной культуры русских мы в виде эксперимента воссоздали семейный быт большой семьи в большом деревенском доме на юге Костромской области. В большом доме предполагается наличие нескольких семей, во главе которых стоят Большак и Большуха — дед и бабка, старшие в роду. Дед этот — Хозяин. Соответственно, с ними проживают несколько неотделившихся сыновей с семьями.

Воссоздав само общежитие, мы занялись воссозданием и жизнеобеспечения, конечно, в тех частях, которые нас интересовали. Охота, собирательство, рыбная ловля. Остальные продукты мы, естественно, покупали.

Все участвовавшие в эксперименте были психологами по образованию, к тому же окончившими курс прикладной культурно-исторической психотехники в рамках нашего Училища народной культуры.

Было это в Кадыйском районе на Костромском берегу Волги напротив Юрьевца. Волга здесь огромная, как море, около двенадцати километров шириной. Причем места, считающиеся исконно дикими. Про них до сих пор бытует поговорка: Буй да Кадый черт три года искал. Можно считать, что это одно из до сих пор живых хранилищ традиционной русской культуры.

Вначале мы довольно долго изучали способы артельного лова рыбы бреднем у местных рыбаков. Я лично впервые присутствовал при подобном лове года в два. И до сих пор у меня перед глазами стоит наш деревенский пруд, в котором мужики в калошах и старых сапогах на босу ногу с криками и матом таскают бредень, а бабы на берегу со смехом готовят все к пиру возле костра...

Это был какой-то общедеревенский праздник, который так и отмечался ежегодно. Не помню какой.

Я рассказываю это, и у меня наворачиваются слезы... Как сильно мы растеряли себя!..

Да ладно. Жизнь идет. У наших детей будут другие воспоминания. Что говорить про детей, большинство приехавших преподавателей тоже впервые столкнулись с этой частью народной жизни. Поэтому, естественно, было трудно.

Тем более, что нам эксперимент по воссозданию традиционной Артели приходилось совмещать с созданием Методики производственного обучения, по которой бы впоследствии обучались люди, приходящие работать на наши вполне современные предприятия.

Поэтому начали мы с того, что я выступил в роли Хозяина дома, который хочет то ли накормить детей, то ли провести ежегодный общинный праздник поедания ухи, то ли запустить в постоянную работу ради прибыли новое предприятие. В народной культуре эти три задачи, стоящие перед Артелью, всегда нерасторжимы.

Хозяин нанимает для этого рыболовецкую Артель. Но поскольку Артели нет, то он ее

создает. Создает так, как предполагалось в учебнике «Сделай сам», который мы хотели создать для нашей школы производственного обучения. Попросту говоря, нанимает Начальника, который, естественно, вначале выступает в роли Начальника отдела кадров и подыскивает всех нужных людей.

Начальник получил на руки следующее письменное задание:

Учебно-производственное задание по созданию предприятия.

I. Дети хотят есть.

Покупатель Юлька, 7 лет, просит накормить её рыбой. Готова заплатить фантиками от конфет и шоколада.

II. Хозяин — учредитель — я (Алексей Андреев).

Хочу накормить Юльку. Выступаю в качестве не только Хозяина, но и Рынка, потому что сам нашел заказ и сам осуществляю продажу. Цена меня удовлетворяет.

III. Для создания Предприятия по кормлению детей рыбой. Я:

1) нанимаю Начальника Отдела кадров — Л.Я. Месяца;

2) поручаю ему в соответствии с данным учебным пособием:

а) нанять всех необходимых работников;

б) обучить их;

в) выполнить заказ.

Примечание: Тимофея, как самого опытного из рыбаков, нанять вначале заведующим производством, а затем перевести на должность Управляющего всем предприятием по итогам этой сделки.

3) Все действия должны быть документированы и прописаны.

Хозяин

И далее всё действительно пошло так, как это описывалось в «Сделай сам».

Найденный мною начальник Отдела кадров тут же нашёл основных работников — Управляющего производством и Руководителя школы. Управляющий производством Тимофей сделал заявку на то, какие работники ему потребуются.

Отдел кадров сразу же разделился на 2 части — одна искала нужных работников, другая обучала, наняв для обучения того же Тимофея как мастера производственного обучения.

После того, как нужные люди были найдены, в Отделе кадров появилась третья часть — оформление.

И заработали отделы. Кадры искали людей, школа учила и стажировала обучающихся сначала в работе на малом бредне. А затем, когда обучение завершилось и были созданы в рамках производства рыболовецкий цех и цех по переработке рыбы, наступила путина, и мы ночью ловили рыбу большим бреднем строго по всем этнографическим канонам этого промысла.

А утром девчонки покупали у нас лучшую рыбу, чтобы в своём сулопнике — им было отдано «лучшее» и вполне уединенное место в доме — принять в гости мальчишек. Платили они фантиками от конфет. Эти фантики хранятся у нас до сих пор.

Что такое сулопник и как все проходило потом, я описывать не буду, потому что это мечта. Могу только сказать, что юрисдикция взрослых не распространялась на это помещение — это значит, что даже Хозяин не мог без стука к ним заглянуть. А рыбы они накупили и пожарили столько, что даже взрослым перепало. Причём лучшей рыбы. Всё ж таки дети есть хотели!

Какие сложности встречались нам на этом, в общем-то, простом пути?

Множество. Начиная с того, что участвующие в игре напрочь не представляли себе, какими должны быть производственные взаимоотношения в Артели ни во время работы, ни во время переговоров, с помощью которых и делается дело. Всё бы это надо было прописывать подробно. Но никакой книги не хватит для всех этих тонкостей. Лучше дать это в тренингах взаимоотношений.

Могу сказать, что главное — помнить об основной цели нашего дела и одновременно помнить о том, кто мы друг другу, создавая предприятие, и как соотносятся наши должности. И **об** этом отдельный рассказ.

Кроме того, очень важным уроком было и распределение долей оплаты, которое отняло у игравших огромное время в конце. Очень не сразу нашей бухгалтерии удалось разумно-справедливо учесть все доли. Особенно заметно это было на моём примере — Хозяина. Хозяин всегда ненавистен русскому человеку с его холуйско-революционными традициями. Поэтому кто же из русских будет думать о Хозяине. Он на то и Хозяин, чтобы сам о себе подумать.

К тому же Хозяина надо обворовывать. Это справедливо, потому что, получая заведомо больше, чем ты. Хозяин сам тебя явно обворовывает.

И вдруг ты в игре попадаешь во взаимоотношения с Хозяином, который вовсе не Хозяин и может в любой момент сказать тебе: да пошли вы все на фиг, не буду я с вами Хозяином! Вам нужен Хозяин — вот и будьте им сами! Облом! Потрясение для всего привычного мышления.

Это такая неожиданность, что обижать хозяина нельзя, потому что он обидится. Значит, его по справедливости надо вознаградить за всё на равных с остальными? Еще облом! Еще одно потрясение для нашего бездумья!

Вдруг как прозрение поняли это, начали считать, и вышло у Хозяина больше половины всей прибыли... Обалдели, несколько раз пересчитали и пришли к выводу: надо становиться Хозяевами! И собственному делу, и самому себе.

Но как это показать работникам, которые не участвовали в подобных играх!? Как убедить русского человека после веков холуйства, что пора возвращать свое достоинство!? Велика и обильна земля наша, а Хозяина в ней...

Вся последующая книга так или иначе построена на материалах, собранных мною у Мазыков или извлеченных нами из подобных культурно-исторических экспериментов. У меня не было возможности сделать ее этнографической или психологической книгой в чистом виде. Изначальная задача ставилась вообще создать учебник построения предприятия на тех основах, на каких они строились в лучшие времена русской экономики. Это, безусловно, мешало простоте изложения. Но кто сказал, что хоть когда-то жить было проще?!

Глава 5. Игры

Итак, экспериментальное изучение русской народной культуры производилось нами на протяжении примерно десяти лет. Опыты эти мы называли по-русски единственным подходящим к случаю исконным словом, которым назвали бы это те, чью культуру мы изучали. Словом **Игры**. И это звучит очень естественно для слуха русского человека:

прежде чем отправлять человека в дело, лучше всего, обучив его в общем, дать возможность всё *отыграть*. Это как бы само собой разумеется и очевидно. Раз очевидно, значит, мы попадаем в самую психологическую сердцевину культуры. Как отыграть — вот вопрос. Не будем забывать, что в наших играх-экспериментах мы исходили из двойной задачи — познать себя и создать успешное предприятие. Несколько слов об условиях, которые мы задавали сами себе при организации этих игр.

Игра, просто повторяющая условия последующей работы, как это часто происходит в экономических и производственных играх, скучна и не дает широты сознания. Она просто встраивает человека в его станок или стойло, как деталь машины. Он, конечно, будет после неё знать, что ему делать, но думать не научится — это ему больше не нужно, ему «наиграли» образцы.

Выбор игр так же, как и все остальное, определяет цель, ради которой это делается. Поскольку нашей целью является, во-первых, создание экономической основы для будущего

движения дальше, а во-вторых, поход в неведомое, который однажды придется совершить, мы соответственно и подходили к созданию игр.

Как вы знаете, первой игрой по созданию производственной Артели, была ловля рыбы бреднем, маленьким неводом, который тащат вручную.

Этот вид рыбной ловли запрещен на Волге, где мы ловили. Так что его вполне можно считать браконьерством. Мы ловили под Юрьевцем, где свирепствует Кинешемская рыбинспекция. И это очень сильно добавляло остроты в наше занятие.

Конечно, законопослушный ученик может возмутиться и отказаться участвовать в таком деле. Но весь бизнес есть браконьерство. И если у тебя не хватает смелости и оборотливости делать свое дело под носом у закона и акул, не ходи в предпринимательство. Пожалей себя.

Итак, первое условие — будь осторожен и не попадись. Второе, которое естественно связано с первым — вообще не привлекай внимания, будь невидимкой. Пусть даже соседи не знают, где и когда ты ловишь. Это не просто этнографично. Этого требует еще первобытная охотничья магия. Никто из лишних людей не должен знать о планах охотников, чтобы не сглазить, не испортить такое тонкое дело.

Третье. А для этого не только учись быть незаметным, но учись и договариваться с собратями по промыслу. Иначе говоря, прежде чем влезть в воду, договорись с другими рыбаками, как вы делите пространство и время. Если вы перебежите дорогу друг другу — это обязательный скандал и, соответственно, видимость и уязвимость. Никаких разборок. Если дорогу перебежали тебе, значит, слаба твоя разведка. Занимайся ею, а не конкурентом.

Четвертое правило, которое было выведено нами, но прозвучало ещё у учившего меня Дядьки: Победу надо готовить. Проще говоря, к делу надо готовиться.

Снасти надо чинить и оснащать заранее. И, кроме того, что очень важно, нужно заранее прочистить все тони — все побережье, где ты будешь ловить. Мы обычно брали трос, вешали на него грузы и проходили с ним по всему протяжению будущей рыбалки в ту и в другую сторону. Удаляли так называемые зацепы. Где тони оказывались слишком длинными, расчищали места тонения. Коряги, которые не удавалось убрать, метили вешками.

Делали мы это днем, в тепле. Так что у нас была прекрасная возможность изучить весь наш участок побережья.

Потом мы, если предоставлялась возможность, шли смотреть, как ловят другие. Когда-то мне довелось маленько порыбачить с рыболовецкой артелью на Волге, кроме того, меня учил, кроме Дядьки, еще один дедушка, который предпочитал брать рыбачить меня, а не пьяниц. Все это было много лет назад, и я многое позабыл. Поэтому мы ходили учиться.

Учиться, конечно, было чему. Назовем это культурой. Определенной культурой и совершенно определенно вырождающейся. Меня учили не так и не тому, что делают сейчас дети тех дедушек, которые еще помнили настоящие Артели.

Так, договариваясь с одним из артельщиков, что подойдем посмотреть, как они ловят, я сказал, что мы вычистили все свои тони.

— А зачем?! — удивился он. — Там же бродят постоянно, там все чисто!

Мы подошли к месту их рыбалки как раз когда они начали растягивать бредень от берега в воду. Бредень был весь спутанный и полный полусохшей травы. Бросили после предыдущей рыбалки не разобрать. Мотня, как называется кошель, в который собирается рыба в неводе, замоталась в дель — в саму сеть, из которой делается бредень. В воде такое очень трудно увидеть и разобрать. К тому же они, еще не начав ловлю, прямо здесь умудрились наловить коряг.

— Откуда? — возник у нас вопрос, — ведь они же действительно тут постоянно бродят!

И тут же пришел ответ. Артельщик, сдержанно матерясь, залез в сеть, вытащил из нее толстенную корявую ветку и швырнул в воду сзади сети.

— На берег бы... — неуверенно предложили мы.

— А! — махнул он рукой. — Мы там дальше не ловим никогда. Как оказалось впоследствии, именно сегодня они решили начать ловлю метров на 10-15 дальше, чем

обычно. Очевидно, другие артели тоже не ловили «там дальше», потому что коряги попадались на протяжении всей рыбалки и постоянно швырялись в воду же.

Победу надо готовить, а к делу хорошенько готовиться. Везет только дуракам. Именно тебе обязательно не повезет. Хотя бы потому, что, начиная предпринимательство, ты должен подготовиться так хорошо, чтобы везению не оставалось места, как и невезению.

Следующий урок, пятый, это четко обговоренная цель, ради которой вы начинаете дело. Назовем этот урок Уроком **дееспособности**, который естественно вытекает из обычной для нас

недееспособности, вскрывающейся уже тогда, когда средства вложены и дело запущено. Обозначив цель, ты имеешь возможность достичь единства у всей Артели, а значит и понимания, как надо её достигать. Отсюда уже один шаг до взаимодействия.

Цель игры определить не так уж просто. Людям свойственно или заигрываться или отказываться от игры, потому что они чувствуют себя в ней дураками. Чаще всего они и заигрываются, чтобы не чувствовать себя глупо.

К примеру, наш уважаемый Руководитель Школы управления Д. Дж. Доуль заигрывался до полного поглупения. Поскольку я по игре изображал Хозяина, который хочет создать Артель, то Доуль, который должен был, как Руководитель Школы, обучить людей, вместо учебы буквально ползал передо мной на пузе, извергая потоки восточной затейливой лести из «Трех мушкетеров». Ему почему-то показалось, что именно так замысловато холуйски он обучает людей, как нужно иметь дело с Хозяином. При этом учеба виделась им очень просто: надо дать правильные образцы. И он жертвенно брал на себя их создание. Предполагалось, что все остальные работники просто должны были, повторяя за ним и не особо напрягая мозги, зазубривать дикие выражения, вроде:

— Глубокоуважаемый Алексей Андреевич, не позволите ли вы, не считаете ли вы, что уже пора приступить к изучению первого движения?..

В конце этого так и рвется «Ваша светлость» или «Вашу мать! Чем мы тут занимаемся?! У нас что, театр? Или мы в игре учимся предпринимательству?!».

Учили, или точнее, переучивали Доуля по ребрам. Бока у него были жуткого сиреневого цвета. Били все и много. За всю проигранную, прооранную и проинтеллигентенную Россию.

Цель, что бы ты ни делал, все-таки остается все той же твоей большой мечтой, ради которой ты вообще начал хоть что-то делать. Её не надо ни менять, ни отменять. И если она для тебя всерьез, тогда и все всерьез, что ты делаешь ради её достижения, даже игра. Поэтому не надо придумывать никаких особых целей. Просто задайся вопросом: Если я хочу достичь своей мечты, то нужно ли мне иметь крепкую мамку — дело, которое меня кормит.

Если нет, то дальше написано не для тебя. Ты идешь другим путем. Если **да**, то задай следующий вопрос: придется ли мне для этого заниматься предпринимательством? Ответ будет: да, это неизбежность. Куда же от этого деваться. Не будем уточнять каким, это дело личное. Но какое-то предприятие тебе придется или сделать самому или сделать совместно, что более вероятно.

Почему сделать, почему не просто работать на чьем-то предприятии? Потому что однажды ты должен заняться своей мечтой и, значит, отдаться ей целиком. Это возможно, только если у тебя такой источник подпитки, который будет тебя кормить, даже если ты не работаешь. Значит, пока ты можешь просто занимать какое-то место, но долю в собственном предприятии иметь необходимо. А лучше, в нескольких и успешных.

Как их сделать и как сделать успешными? Надо учиться? Да., Вот это и есть следующий шаг или **выбор**.

Так что для тебя эта игра в предприятие? Науку чего мы можем познать через такие эксперименты?

Как занимать места в обществе в соответствии со своим достоинством, ты уже давно знаешь. Это часть нашей культуры. Может быть, как не глядя на места и соответствующие им образцы поведения, делать дело? А зачем?

Главное в игре — это все-таки не лицедейство и даже не просто дееспособность. С одной стороны, в неё входят и четкое понимание цели жизни — своей и своего народа. И тут помощью для понимания будут слова из производственного задания: «Дети хотят есть...».

Но это, скорее, описание самого нашего методологического подхода к исследованиям народной культуры. И в последующих главах он будет очень основательно развиваться, так что порой моя книга будет больше похожа на учебник для создающих собственное предприятие, а не на КИ-психологическое исследование.

Но зачем все это? Вот вопрос, который не отменяет ни серьезность, ни наукообразность сочинений, которые мы делаем. Я не хочу давать сейчас ответ на этот вопрос, я хочу, чтобы он всего лишь был поставлен и жил вместе с читающим на протяжении всей книги. Или даже нескольких книг.

Глава 1. Устроение

Глава 2. Устройство общества — устройство предприятия

Глава 3. Мир и Образ мира

Глава 4. Производство

Глава 5. Большое Производство

Глава 6. Второе Производство или Рынок

Глава 7. Матка

Глава 8. Храм, или Научно-исследовательский институт

Заключение

Глава 1. Устроение

С чего начать поиск? Жизнь возможна для нас только в мире — значит, с самого общего описания того мира, в котором мы хотим вести этот поиск. Мир человека велик. Но если речь идет о Силе жизни, то надо идти в ее поисках в ту часть человеческого мира, которая обеспечивает выживание, то есть в жизнеобеспечение, то есть в экономику, в устройство предприятий, поставляющих нам то, что дает жизненные силы. Итак, этот раздел посвящен самой простой из скрытых составляющих мира — его Устройству с точки зрения жизнеобеспечения. Иными словами, если цель нашего разговора — производственное управление в народной культуре, то начать придется с Предприятия.

При таком подходе Устройство — это не стены и не кабинеты и цеха. Устройство — это даже не бумажки с должностными инструкциями. Хотя при этом его можно рассмотреть и сквозь эти бумажки, и сквозь цеха и кабинеты. Устройство — это вроде бы какое-то наше представление о том, как все должно быть увязано в предприятии, чтобы оно работало и кормило нас. Но какое представление? И как представление может работать само по себе, обеспечивая работу огромных предприятий и даже государств? Магия?

Этнографы и антропологи уходили в поисках остаточных следов магии в самые отдаленные уголки земли. Это не потому, что магия оставалась только там. Это потому, что там ее легче рассмотреть. Современный человек научился так скрывать свои магические действия, что и сам их не замечает. Но магия никуда не делась из нашей жизни. Просто надо все назвать своими именами.

Пусть приведенные мною в начале выдержки из работ этнологов служат нам постоянным напоминанием о том, что мы ищем. Но поиск мы будем вести в нашем современном обществе, лишь время от времени обращаясь за примерами и объяснениями к народной культуре.

Примеры эти я буду брать из рассказов Владимирских и Ивановских стариков, с которыми работал как полевой этнопсихолог семь лет. Сами они, как я уже говорил, считали себя потомками офеней — торговцев вразнос, коробейников — и называли себя мазыками. О них можно было бы рассказать подробнее, но в этой книге я буду использовать только то, что относилось к способности видеть «тонкие» составляющие нашего мира.

Итак, о чем бы мы ни мечтали в глубине души каждый сам для себя, жизнь заставила нас объединиться на какое-то время, и мы будем вместе, пока не разойдемся, если, конечно, у нас не найдется общей мечты, чтобы оставаться вместе и дальше. А не разойдемся мы до тех пор, пока полезны друг другу, пока вместе мы создаем друг другу условия для достижения его личных целей или его личной мечты.

Эта задача создания условий для достижения собственных целей, или, иначе говоря, задача создания надёжного основания для движения дальше, при здравом рассмотрении оказывается задачей создания цельной экономики сообщества, которое раньше существовало как Общество русской народной культуры и поэтому вполне может быть крошечной моделью всего русского народа. В 1998 году мы приняли решение называть его Трое-русским казачеством, а себя считать казаками, чтобы еще усилить это соотношение себя с цельным народом. С одной стороны, это позволяет экстраполировать, как говорится в науке, выводы нашего исследования на всю Россию. Иными словами, мы надеемся, что если мы найдем какие-то экономические решения для своего народца, они могут быть перенесены и на весь народ. С другой стороны, подобная вырезанность облегчает нам возможность принять самих себя в качестве некоего экономического меньшинства в собственной стране. А принять себя меньшинством необходимо, потому что, как показывает история экономики, это дает силу для создания успешного жизнеобеспечения сообщества. Малые сообщества в большой стране всегда выживают лучше, чем основная масса населения. Если мы хотим, чтобы наш эксперимент показал пути улучшения жизни и увлек людей, мы должны быть победительны в глазах окружающего мира.

Создание экономики, даже ограниченной, — очень большое и многоплановое дело. Тут одним-двумя предприятиями не ограничишься. Однако говорить о своей экономике полноценно в начале дела было бы неоправданно. Сначала нужно накопить средства и заложить основы для разворачивания. Поэтому приступаем мы к этому с создания одного высокоприбыльного большого предприятия, из отделов и служб которого и должны будут, как из зерен, развернуться впоследствии все необходимые нам отрасли экономики. Предприятие это — программистская фирма Авалон, находящаяся в Канаде, но использующая рабочую силу в России. Именно на её примере я и покажу вначале несколько основных понятий, необходимых нам для этой непростой работы, которую мы затеяли. А что мы затеяли, если попытаться заглянуть за внешние образы, скрытые за такими привычными словами, как «экономика», «сообщество», «государство»?

На другом уровне сознания, более глубоком, где хранятся сообщения, все это объединяется в понятие **Создать свой Мир**.

Из чего мы исходили и как разворачивались наши рассуждения в самом начале?

Создание сообщества с полноценным жизнеобеспечением и есть творение Мира. Крестьянские общины, приходящие на необжитые места и ставящие там села, так и назывались на Руси — Миры. Следовательно, если мы хотим понять, что же действительно делается, когда люди играют в экономические и политические игры, и что надо делать, чтобы создать экономику, жизнеспособное сообщество или даже народ, нам придется изучить многие понятия, связанные с творением, устройством и управлением мирами. Возможно, наш опыт окажется неудачным. **Но экономике** такой, мы надеемся, он поможет русским людям понять, как же им возродить Россию, как сделать жизнеспособным и большой народ...

Если само понятие «своего Мира», скрывающееся за приточными нам словами, можно отнести к тому слою сознания, который называется философским или мудростью, то стоящие ним понятия **творения, устройства и управления** — это определенно магический уровень нашего сознания. С психологической точки зрения, все эти слои относятся к разным культурно-историческим эпохам. Это значит, что, создавая собственную экономику, мы действительно можем проделать глубочайшее проникновение в собственное «Я», познать себя.

Экономика имеет свойство сопротивляться силовому вскрытию со стороны личности, иначе говоря, по приказу экономику не создашь, она разваливается. Мы это видели на примере плановой советской системы. Экономика, хотя и называется таким неестественным, с точки зрения русского языка, именем, при этом вещь совершенно естественная и должна вырастать как растение — в определенных условиях и самостоятельно. Государство, как кажется, должно не создавать экономику, а позволять ее. Во всяком случае, так показывает история. И вдруг мы, даже не государство, затеваем создание собственной экономики! Это обречено!

Обречено, если только не использовать одну хитрость. Мы можем «создавать» экономику, в точности следуя за тем, что можно назвать ее естественным ходом в условиях нашего сообщества. Иначе говоря, нужно очень хорошо понять, что же является сутью явления, называемого «экономикой», затем понять, а что можем мы, и запустить развитие нашей «экономики», исходя строго из собственных возможностей.

И тут познание того, что такое экономика, совмещается с познанием самого себя. Нет лучшего способа изучить современные, прошлые и древние понятия, составляющие это явление, иначе как изучая слой за слоем сознание самого себя, хранящее эти явления во все более глубоких и отдаленных слоях, считающихся мало доступными или даже подсознательными. Но нет и лучшего способа познать себя, кроме как попытавшись воплотить хранящиеся в нашем разуме образы, связанные с устройением мира, в устройство предприятия. В этом смысле создание нашего первого предприятия — действительно огромный психологический эксперимент **по** познанию самого себя.

Итак, рассказ о творении Мира будет вестись через рассказы об **Устройении, Управлении, Руководстве и Начальстве** как о понятиях, обычно скрывающихся за внешними действиями людей, творящих экономику.

Естественно, по сути, все это — взгляды мазыков (так называли себя те старые офени, у которых я вел свои этнографические сборы), но в моем переложении на понятный язык современного бизнеса или предпринимательства.

Начну с **Устройства**. Обрисовать Устройство мира — это обозначить ту «архитектуру», которая позволяет жить и действовать в мире. Именно «архитектура», то есть устройство мира, обеспечивает течение и взаимодействие присутствующих в нем сил.

При этом мы имеем перед глазами два образа возможных миров — Мир-природу и Мир-общество. Устройство экономики сообщества, как и устройство любого предприятия, безусловно, должно соответствовать устройству общества и описываться в **том** же языке. Взять хотя бы пример с устройством русской деревни. Деревня — это мир, община, но это одновременно и сельскохозяйственное предприятие, и место жизни, и храм, точнее, **храмовый комплекс**, как это принято называть в науке.

Если мы приглядимся к тому, как устроен мир-общество, **то** увидим, что он имеет одну задачу — обеспечить выживание людей в мире-природе. И если попробовать нарисовать условный образ этого взаимодействия, то я бы избрал пирамиду на плоскости. Плоскость эта — Земля, из которой извлекаются жизненные силы. И даже если многим кажется, что их предприятия не имеют никакого отношения к Земле и извлечению чего-то **из** нее, они все-таки занимаются перераспределением Земных жизненных сил. Просто они отстоят от начала цепи перераспределения слишком далеко. Так сказать, занимают слишком высокое

место в пирамиде. Пирамида же — общественное распределение этих сил и, соответственно, мест в обществе, соответствующих имеющимся силам.

При этом в самом низу находятся те, кто непосредственно извлекают силу из Земли (в самом широком смысле этого слова), затем те, кто их обслуживает, затем те, кто перераспределяет силу, а затем те, кто правит, то есть следит за соблюдением определённых правил перераспределения. Если мы вспомним отношение городского щеголя к крестьянину, то уже в былинах пне выражается словами: Мужик простой, червь земной! И чем больше от земли в самом материальном смысле этого слова, чем иллюзорнее то, с чем приходится иметь дело, тем больше силы.

И никто правит грубым. Биржа, где работают даже не с бумажными деньгами, а лишь с неким набором символов, оказывается местом чрезвычайной силы. Гораздо более мощным, может быть, чем все «места силы» индейских колдунов и шаманов. О силе иллюзии нам еще не раз придется говорить. По-русски она называлась морок.

При этом непосредственно извлекающие силу трудом своих рук считают, что работают, трудятся только они, а все, кто выше, — бездельники и воры. Те, кто выше, считают, что «работать головой» труднее. И этот труд должен оплачиваться выше. И судя по всему, это общее мнение, потому что и сами «работяги» при всей их ненависти к «высшим классам» хотят, чтобы их дети учились и занимали места повыше. Это еще одно свидетельство того, что настоящая сила воспринимается в этом мире как нечто чрезвычайно тонкое и плохо уловимое телесным видением. Поэтому она, предположительно, должна жить в иллюзорной, то есть плохо уловимой части мира. Совершенно очевидно, что способность прозревать, видеть силу сквозь ее материальные воплощения, которые, кстати, единственные на самом-то деле ее содержат, дает нечто большее, чем возможность обладать «предметами силы». Она дает возможность не хранить, а извлекать силу из ее источников и использовать ее, управлять ею для своих нужд. Вся экономика стоит на этом. И промышленность всех видов, безусловно, занята извлечением силы. А то, что стоит над нею, — управлением и использованием силы. И ничего, кроме силы.

Все эти рассуждения выглядят несколько мистично, но, если быть до конца точным, магично. Все первобытные религии, как мы уже видели, строились на тайных, сокровенных, то есть скрытых знаниях о добывании и использовании силы ради выживания человечества. Мы прямые наследники тех эпох, и самые сокровенные знания древних до сих пор невидимо присутствуют в нашей культуре, а значит, и мышлении, которое хранит культуру. Невидимо, потому что они в ней растворены, как углекислый газ или кислород в воздухе. Они — самая основа нашей культуры и нашего существования. И в этом смысле можно назвать изображенную мною пирамиду общественного устройства Храмом разума.

Чем ближе к вершине, тем больше надо думать и меньше работать. Это означает, что на самой вершине должны быть места для людей, которые только думают и совсем не работают. По понятиям «трудяг», это можно назвать блаженством. И это не просто соответствует действительному устройству общества, но, очевидно, и естественно. То есть соответствует какому-то закону природы.

Очень даже вероятно, что всё общество людей в целом представляет из себя лестницу нисхождения Бога в Мир или лестницу одухотворения материи. Низ этой лестницы — самая «грубая» часть духовного тела, способная оказывать воздействие на вещество и переделывать планету; верх — чистая разумность. Как мы видим из жизни, эта «чистая разумность» ещё не есть та «духовность», к которой так стремятся религии, представляющие себе Бога доброжелательным и любвеобильным. Если представленная нами «чистая разумность» божественна, то эта божественность очень похожа на естественный отбор в своей безжалостности, непредвзятости и безразличию к отдельной личности и ее чувствам. Более того, наблюдая такую «разумность» в собственном правительстве, мы начинаем проклинать тот мир, в который пришли, или куда нас забросила судьба.

И тем не менее, это так. Человечеству придется принять самое себя и понять, что наши мнения о глупости и подлости политиков — это всего лишь оценки, в которых мы исходим из собственных представлений о Мире Мечты. Иначе говоря, их действия хороши или плохи, но при этом являются вершиной разумности! Разум — это не то, что приятно и сладко, как

мечта о леденцовых горах. Разум — это не то, что обещало рай на земле и «самое разумное из обществ». Разум — это то, что постоянно думает! И постоянно преодолевает препятствия и помехи на пути достижения поставленных целей. Хорошо или плохо думает — это уже совсем другой вопрос.

Люди «внизу» могут себе позволить время от времени, а то и постоянно пребывать в покое каких-то старых договоров, образцов, правил поведения и что там еще напридумывало человечество, чтобы спать и не видеть, что вокруг страшно, а оно медленно поддыхает?! Те, кто наверху, вынуждены думать постоянно, потому что их все время хотят скинуть. Для них покоя нет. И храм разума оказывается не самым красивым обещанием о рае, а местом, где нет покоя, и вечный бой, вечное движение.

И все-таки, хотелось бы, чтобы и наверху разумность и Разумность как мечта о самом-самом разумном мире слились однажды...

Тем не менее, если мы увидим разумность таким образом, мы сумеем сразу рассмотреть за ней извечное философское противостояние покоя и движения, а отсюда уже один шаг до силы, вызывающей это движение, и до вопроса о том, что рождает это движение во вселенной. А значит, и до вопроса, что рождает движение во мне?

Как бы там ни было, но устройство предприятия вытекает из этого образа общества как его составная часть и прямое продолжение. В нем тоже есть все те уровни извлечения, переработки, перераспределения и управления жизненной силой, что и во всем обществе. И точно так же на низших уровнях даже «самых интеллектуальных» предприятий люди бездумно, по образцам, работают гораздо больше, чем на верхних. Конечно, ставя свой эксперимент, мы вполне можем нарушать многие из правил, по которым все устроено в обществе, если будем делать свое общество и свое устройство предприятий. И мы можем попытаться создать предприятие только из творческих людей. Вот только удастся ли придуманному нами порядку сохраниться и не переделает ли природа человека все на прежний естественный лад через какое-то время?

В любом случае мы можем попытаться сделать устройство, которое будет требовать от работников предельной разумности на всех уровнях нашего предприятия, иначе говоря, основой которого будет искусство думать.

Итак, задача — попытаться сделать разумное устройство предприятия взамен «естественному», то есть такому, какое возникнет само, если о нем не задумываться.

Задача выглядит по меньшей мере странной. Разумное или естественное! Неоднократные попытки переделать человеческую природу приводили пока только к разочарованиям. И самые большие из них — это коммунизм в России и в Азии и фашизм в Европе. Это все знают. Кажется, что это задача безнадежная.

Но с другой стороны, если мы приглядимся, американская экономика и американское общественное устройство рождались как протест эмигрантов из многих стран Европы против жизни на Родине. В каком-то смысле американское процветание — итог общественной и экономической революций или же огромного эксперимента по созданию общества нового типа. Главной отличительной чертой этого эксперимента было то, что он делался «прежними» людьми, то есть людьми с определёнными традициями, на «новом» месте, иначе говоря, там, где не было предыдущего государства, предыдущей истории и традиций. История, традиции, нравственность той среды, в которых разворачивались русский или германо-итальянский эксперименты по изменению общества, безусловно, оказывали своё влияние. Америка была свободна от влияния местной культуры.

Собственные же традиции людей, хранящиеся в памяти самих действующих лиц, оказались хоть и важными, но уступали силе договоров, которые люди были вынуждены заключить перед лицом враждебного мира, который они пришли осваивать.

Это все означает, что далеко не все эксперименты разума против «естественности» обречены на неудачу. К тому же «естественность», о которой мы говорим, — это есть вовсе не соответствие природе — «естеству», а данность: вот так сложилось в человеческом обществе и сложилось плохо из-за большого количества человеческих ошибок и подлостей!

Так что никакого противопоставления разума и настоящей естественности я не делаю, скорее всего, наоборот. Если нам удастся сделать разумное устройство своей экономики, то как раз за счет приближения к естественности, которую, правда ещё предстоит понять.

Так в чем же секрет «американской революции»? За счет чего она победила?

Мне кажется, в первую очередь, за счет того, что срезала лишнюю «культуру», то есть знания того, «как надо» в соответствии с традиционными для старых обществ нормами. Так сказать, сделала общество попроще, чем на Родине приехавших. А вместе с этими частями культуры срезала и множество ошибочного и вредоносного, заменив на небольшое количество разумных, а потому всем понятных и всеми принимаемых согласий, вроде общих договоров считать частную собственность священной, уважать чужие права, договариваться... Кроме того, американское общество не перегнуло палку, оно не замахивалось на слишком многое даже в переделке общества, не говоря уж о природе человека. Оно не спешило, а просто жило собственным творением. Так сказать, самосозиданием. Это значит, что если мы не поспешим и не будем от людей требовать слишком многого, а просто попробуем разумно убрать то лишнее в наших экономических подходах, что мешает человеку жить естественно и ощущать себя уютно на своем предприятии или у себя дома, мы имеем возможность выиграть в соревновании с окружающим миром и жить лучше. Только тогда, когда это усвоится и закрепится как особая культура нашего сообщества, можно будет обдумать следующий шаг дальше. Иначе говоря — торопиться не надо!

Как же сделать устройство предприятия разумнее и, может быть, естественнее? Как мне кажется, для этого придется отбросить все имеющиеся знания о том, как должно делаться предприятие, за исключением законодательства, конечно. Затем договориться о нескольких простейших основаниях, своего рода принципах, которые и будут определять все устройство.

Что здесь действительно сложно, так это отбросить лишнее. Для этого его надо суметь разглядеть. А разглядеть привычное и очевидное всегда очень и очень сложно. Оно заполняет все наше жизненное пространство и поэтому невидимо, как воздух. К примеру, мы договариваемся делать дело вместе ради получения прибыли. Но при первой же возможности человек хлопает дверью и уходит. Он обиделся!

И если его спросить, ради чего он участвовал в деле? Он с возмущением скажет: не делайте из меня дурака! Конечно, ради денег! Ради чего же ещё может делаться предприятие?! Все знают, что предприятия делаются ради выгоды или прибыли!

Но если мы приглядимся к тому, что произошло, что выразилось в завершающих действиях, то увидим, что деньги для него, конечно, были не лишними, но главным была возможность обидеться! Обидеться и, скажем, отомстить своим уходом всем, кто его недооценил. Значит, главную плату за дело этот человек получал не деньгами, а уважением. Или восхищением. Или зависимостью от него, или страхом перед ним. И т. д., и т. п.

При этом, если такому человеку сказать: так уважение для тебя было важнее денег? — Он ответит: конечно! **Само собой разумеется!** А ты что, думал, что я дешевка и продаюсь за деньги?!

Нет, я так не думал и вопрос совсем в другом. Вопрос в том, кто хозяин. Ты или то, что **в тебе само разумеет себя**. Разум или культура. Культура в данном случае — это твое воспитание и твои сумасшествия.

И получается, что прежде, чем мы начнем договариваться, как делать дело, мы должны научиться видеть эту самую культуру, которая мешает договариваться. Покажу на том примере, что перед вами. Покажу как культурно-исторический психолог.

Где скрывается культура в таком выражении как: А ты что думал, что я дешевка и продаюсь за деньги ?

Может показаться, что она в определенном подборе лексики или в том возмущении, которое испытывает оскорбленный человек из-за того, что его гордость попытались купить на деньги. Нет. По-настоящему **она скрывается в том, что наше ухо, наш слух воспринял это выражение как естественное и вполне допустимое для русского языка. Так допустимо выразить свои мысли!** Ничто не вызвало сопротивления в самом этом языковом выражении, оно проскочило в наше сознание точно тень, а мы оказались заняты

разбором его содержания: имеет ли человек право вести себя так, как рисует это выражение. Допустимо ли так вести себя?

Такая легкость в восприятии языковых выражений показывает, что они имеют соответствия в нашем сознании, иначе говоря, где-то в нашей памяти хранится образец «правильного» с точки зрения нашей культуры поведения, которому это выражение соответствует. Правильного как поощряемого или правильного как порицаемого. Для культуры это одно и то же, лишь бы было узнаваемым в соответствии с каким-то из ее правил или образцов. «Бескультурье» — это тоже культура! И все эти образцы вписаны в нечто огромное и всесторонне увязанное, что можно назвать личностью, а можно Образом мира. И они неотделимы.

Где-то у молодого Маркса было выражение: «Общество думает мною». Вот это как раз тот случай, когда личность оказывается полным выражением культуры, ее создавшей. А это значит, что любому осознанно принятому нами договору противостоит вся личность и все общество. И он не будет отменен лишь до тех пор, пока не придет с ними в явное противоречие.

Все это означает, что принять решение о том, чтобы **научиться договариваться и соблюдать договоры**, необходимо, но этого будет мало. Потребуется еще и принять решение **поднять уровень собственного самоосознавания**. Культура самоосознавания почти отсутствует в европейском обществе, потому что воспринимается частью восточных мистических культов.

Самоосознавание — всего лишь одна из способностей человеческого сознания. Мы все время ею заняты. Правда, пока мы об этом не задумываемся, мы осознаем лишь свое соответствие и несоответствие образцам, которые навязывает нам общество. В нас ведь с детства вколочено непреклонное требование: Будь как все! Веди себя по-людски! Будь человеком! При этом времени подумать, что это значит, нам не дается. Наша жизнь состоит из быстротечности. Поэтому мы просто соответствуем имеющимся образцам. Следовательно, **следующий шаг в обретении культуры самоосознавания будет осознанным решением замечать не только соответствие или несоответствие образцам, но и саму потребность им соответствовать**. И очень удобно использовать для обучения **не религиозные или мистические задачи, а самые повседневные, такие, как работа**.

Покажу на примере. Вот ты решил научиться заключать договоры и соблюдать их. Научиться не внешне, в соответствии с образцами подобных бумаг, предложенными дипломатическим протоколом. А внутренне, психологически. Иначе говоря, не писать формулы договоров верно, а ощущать, что если тебе что-то не подходит, ты никогда не дашь своего согласия просто так, «в трепе», но уж если ты согласился, ты будешь верен своему слову. А поскольку ты сам про себя это знаешь, что твое слово надежно и заставит тебя самого что-то делать, то ты и постарайся обговорить все условия твоего согласия предельно глубоко и продуманно. Ведь от этого теперь зависит твоя жизнь! Вот это и есть:

научиться заключать договоры.

И теперь, если ты подписываешь контракт с предприятием, в котором обговариваешь свою зарплату или долю, то это значит, что ты работаешь за деньги, а не за уважение или право обижаться и хлопать дверьми. **Если же ты хочешь, что бы тебе платили уважением, почетом или восхищением, так об этом и договаривайся!**

И вот тут пора включить осознание потребности соответствовать культуре. Вглядишься в следующие слова:

Ну, это как-то неловко! Приличные люди считают нескромным заранее требовать уважения. Его же надо заслужить, что ли...

Если предложенный мною ответ был признан тобою как вполне возможный, как один из допустимых в подобном случае, значит, такой или сходный образец у тебя имеется и готов увести тебя прочь от договора и с предприятием и с самим собой. Вот так начинаются подлость и взаимные предательства.

Тыходишь в дело, но стесняешься назвать все условия, на которых согласен работать.

Люди, поскольку они обладают «такой же культурой», как у тебя, сами должны кое о чем догадываться. Не дети, в конце-то концов...

Создавая образ нашего предприятия, станем как дети. И будем договариваться о самых очевидных вещах, прямо называя все вещи своими именами. И закрепим в этом образе только то, о чем договоримся и на что будем согласны все и однозначно. Весь этот образ, вся книга — есть одно большое согласие о том, как нам вместе работать и жить.

На самом деле, когда мы будем договариваться об устройении нашего общества и нашего предприятия, большая часть их устройства останется той же, что привычно. Чаще иным будет лишь их понимание.

В любом случае у нас будет нижний уровень взаимодействия со средой, из которой извлекаются жизненные силы, который называется **Производство**. Тут я намерен исходить из того представления о производстве, которое закладывается в самое основание нашей жизни и становится настолько для нас естественным, что даже не осознается. К примеру, многие ли задумывались, что наша обычная русская деревня есть производственное предприятие по производству сельскохозяйственной продукции. И суть этого предприятия не в деревянных домах и усадьбах, а в распределении обязанностей между членами общины. Вроде бы и очевидные вещи после того, как названы, но... А если пойти дальше, то правомерен вопрос: а дом, мой или твой дом, он осознается нами производственным предприятием, где есть все необходимое для добывания жизненной силы? Между тем, именно образы Дома, Двора, Улицы или Деревни и составляют основания нашего мышления.

Над производством, в каком бы виде мы его ни рассматривали, будет **Управление**. А так же будет то, что взаимодействует с внешним миром — покупает необходимое и продает изделия нашего труда или услуги — **Рынок**. Кроме того, обязательно имеется обучение. Обучение детей или обучение людей работе на нашем предприятии и жизни в нашем Обществе — **Училище**. Вероятно, не избежать нам и исследований будущего и новых путей выживания в окружающем мире. Можно назвать это наукой. Однако если присмотреться внимательно к той части науки, которая занимается подобными исследованиями, то станет ясно, что наука просто отобрала тут часть пространства общественного сознания, которое в традиционном обществе принадлежало религии, жрецам. Стало быть, это подразделение предприятия может быть названо как **НИИ** (научно-исследовательский институт, Research and development department), так и **Храм**. Второе кажется мне более точным в отношении общественного устройства. Ну и, конечно, не лишним будет сказать о **Безопасности, Медицине и Снабжении**. Сегодня без этих составных частей не обходятся ни предприятия, ни государства.

Ясно, что все эти части сами делятся на подразделы, которые охватывают всю жизнь общества — предприятия. Но об этом надо говорить подробнее. Пока же задачей было обрисовать самые общие понятия устройства общества и найти их соответствия в предприятии, потому что и то и другое есть всего лишь Миры разного масштаба.

Глава 2. Устройство общества предприятия

Что же входит в устройство мира, имеется в виду мира-общества?

Прежде всего, это его цель — выживать и увеличиваться, захватывая пространство. Она вершина той самой пирамиды общественного устройства, которую я использовал в качестве образа раньше. Как это ни печально, но люди, имеющие очень-очень духовные личные цели, живут в обществе, которое по своим целям не поднялось выше биологического существа, животного.

Если мы приглядимся к жизни обществ, то увидим, что они или борются за жизнь, защищаясь от других обществ, или сами пытаются уничтожить другие общества и благодаря этому расширяться. Но то же самое делают и животные сообщества, размножаясь и захватывая все большие жизненные пространства. Сами животные, правда, ограничиваются весьма определенным участком гнездования, границы которого защищают потому, что на

меньшем участке им просто не хватит питания.

Как ни странно, но именно самое страшное и наиболее осуждаемое современным человечеством в поведении государств — захватническая политика, то есть стремление к безграничному расширению, очевидно, является не просто высочайшей целью, доступной общественному существу, а прямым выражением его божественности, то есть стремлением достичь бога.

С биологической точки зрения, расширение участка обитания стаи, как и первобытного племени, — это увеличение ресурсов жизнеобеспечения. Но с психологической, если мы вспомним великих завоевателей, захват других стран — это попытка создать мировую империю, стать вседержителем и тем получить обожествление со стороны людей уже при жизни.

Стремление к бесконечному расширению свойственно нам с самого раннего детства и, очевидно, является внешним выражением свойства человеческого духа стремиться к бесконечному расширению и воссоединению со вселенским духом, из которого мы вышли, выделились, рождаясь на земле. Однако в детстве **нас** постоянно отучают **от этой** тяги, **потому что все** окружающие хотят того же. Детская лопатка, которой мы делим песочницу, и ладонь, шлепающая нас по заду, оказываются самыми действенными инструментами привнесения в наше сознание чувства справедливости. Некоторые с этим смиряются, другие же затаиваются и начинают искать более действенные инструменты расширения. С возрастом они их находят в виде целых армий и делают попытку за попыткой вернуть свою божественность...

Конечно, мы можем говорить о том, что это является психологической ошибкой и ведет как раз к антибожественности. Но это лишь наши оценки, то есть выражение современной культуры, хранящееся в нас и оценивающее вместо нас. Бесчеловечность не может быть божественна! Но это очень современная точка зрения. В чуть более глубоких слоях нашего мышления хранится знание о том, что бог — только для нашего племени, а мы — богоизбранные! И когда мы режем другие племена — это во имя божие!

Так что оценивать подобные ошибки мы не будем, а просто примем как данность, что большое животное по имени общество имеет целью или выживание, или расширение, которое психологически ощущает достижением божественности через уподобление богу-вседержителю. Кстати, как и церковь, стремящаяся стать вселенской.

Цель определяет и порождает средства собственного достижения. Поэтому вся жизнь живого существа, имеющего цель, оказывается посвящена достижению этой цели. Цель — вселенское расширение — порождает все, что необходимо для войны. Цель — выживание — все, что необходимо для жизнеобеспечения. Вот и все, чем занято наше общество — подготовка к войне и жизнеобеспечение. А шаги или ступени достижения этих целей и оказываются ступенями той общественной пирамиды, которая оказывается основой нашего общественного устройства.

Кое-кто может сказать, что в обществе определено существуют и другие цели. Пожалуй, не менее определено можно ответить, что, если они и существуют, то как личные цели отдельных людей или малых сообществ, но не всего общества.

Итак, высшую цель общества — войну и Захват мирового господства — я рассматривать не буду, потому что мы в ней не участвуем, да и значимость ее в современном мире, который в основном поделен, очень мала. Теперь гораздо важнее не захватывать, а удерживать то, что есть, вопя о принципах международной справедливости и территориальной целостности. К тому же у нас есть и неплохая ядерная лопатка для защиты своего куска песочницы.

На ближайшее обозримое будущее можно со всей уверенностью предсказать, что Россия не будет участвовать в серьезных захватнических войнах, но зато все чаще будет вынуждена отстаивать собственную территориальную целостность. И вопрос о том, удастся ли ей сохраниться, то есть выжить, — это вопрос хорошего жизнеобеспечения страны. Кстати, и вопросы обороны будут целиком зависеть от него же.

Но оборона, вероятно, не самое страшное, что угрожает стране. Бесхозяйственность уже

привела к экологическому кризису, который может стать необратимым в ближайшее время. Так что отлаживание хорошего жизнеобеспечения — это вопрос не только прокорма, но и будущего. И он становится самым главным. А как же божественность?!

А вот о божественности и ее возвращении, видимо, придется

подумать отдельно, хотя бы потому, что держать высшей целью лишь выживание означает отказ от движения дальше, то есть от будущего. А вот его-то, будущее, мы пока и можем считать местом, откуда исходит божественность, тем более, что это полностью соответствует психологии отношения к будущему, жившей на протяжении всего существования человечества.

Итак, **жизнеобеспечение**. Повторю основные составляющие человеческого жизнеобеспечения, а вместе с ним и общества, это:

производство в самом широком смысле этого слова — по сути, как извлечение и переработка жизненных сил Земли; **перераспределение**, ярче всего выраженное в торговле; **управление**, увязывающее все уровни производства и общества; **обучение**, как направленное на определенные нужды общества или производства, так и самое общее, которое можно назвать воспитанием; **обеспечение защиты и безопасности** как от природы, так и от себе подобных; возможно, сюда можно включить и медицину.

Но к вышеперечисленному можно добавить еще несколько, условно говоря, **магических составных**. Например, **описание**, описание устройства и всех действий в его рамках. Устройство чего? А всего! От предприятия до общества целиком. В современном обществе работает только то, что описано многочисленными писцами, секретарями или, как это принято сейчас называть, делопроизводителями. Отношение к делопроизводству у нас у всех несколько презрительное. Секретарство — не работа! Секретутка — не значимый человек! И зарплаты этому соответствуют. Секретарь — это обыденное приложение к любому учреждению или предприятию.

Вот эта-то обыденность и настораживает. Почему такое «невзрачное», «плевое», «незначимое» дело, к тому же доверяемое обычно малообразованным девчонкам только что после школы, так широко распространено? Почему без него вообще ничего не делается в современном мире?

Попытка ответить на этот вопрос приводит к самым современным из самых древних мистических наук, связанных с само-осознаванием и очищением. Они все утверждают, что мы живем в майе, иллюзии, тоннеле, мороке, иначе говоря, в Образе мира, а не в действительном мире.

Если это так, то морок — не такая уж малозначащая и несущественная вещь. Он явно имеет силу, несмотря на всю свою иллюзорность. Чуть не все наше жизнеобеспечение увязывается им с помощью секретарей и делопроизводителей, которые его, как говорилось на Руси в старину, в книгу пишут! В книгу Судьбы, надо полагать. Значит, вся наша судьба, а за ней и вся наша жизнь — морок, иллюзия.

Но при этом мы заняты только тем, как извлечь силу жизни из морока и тем самым посвящаем наши жизни ему и его устройству. Морок очень действенен и постоянно вынуждает людей поддерживать себя, укреплять, прописывая все подробнее и сложнее Образ мира, в котором мы живем своими мыслями. И тут приходится пересмотреть отношение к секретарям и делопроизводителям. В каком-то смысле они — жрецы, жрецы морока, целая рать жрецов, бездумно укрепляющих иллюзорность нашего мира. Возможно, именно поэтому их начинают вербовать в бездумном возрасте и среди женщин, которые гораздо лучше мужчин способны хранить традиции.

Я шучу, но за этим дымом определенно есть какой-то огонь. В любом случае, поскольку делопроизводство является неизбежностью нашего мира и работать писцами и секретарями кому-то придется, стоит задуматься о том, ради чего ты это делаешь и какой смысл этого твоего посвящения. Возможно, он в том, чтобы познать эту ловушку иллюзорности мира. И это, вероятно, легче сделать, находясь прямо в мастерской, творящей морок...

Однако на писцах мистическая составляющая мира не исчерпывается. К жрецам, безусловно, относятся и те, как мы уже говорили, кто **определяет будущее**. Так сказать,

храмовники. Это очевидно, и я пока опускаю разговор о той части храма, которую можно назвать Научно-исследовательским институтом. И о тех, кто действительно думает, как нам жить дальше. Поговорим о тех, в ком наш привычный глаз не распознает жрецов.

То есть о тех, кто способствует *расширению сознания* работающих. Сам по себе разговор о каком-либо расширении сознания немедленно узнается как разговор на жреческие темы. Но это всего лишь культура, которая связывает эти два явления в нашем мышлении. Зная, что расширение сознания — дисциплина мистическая и магическая, мало кто задумывался о природе этого

расширения.

Чаще всего расширение сознания воспринимается как способность иметь большой кругозор, большую широту взглядов, способность оценивать происходящее не с бытовых точек зрения, а скажем, с религиозных. Допустим, всепрощение возможно, только если ты отказываешься от сиюминутных потребностей и страстей и расширяешь свое сознание до понимания учения Христа. Так сказать, судишь уже не из мира, а из небесных высей.

Близко к этому стоит философский способ расширения сознания, которое достигается через упорное освоение образов большего масштаба, чем доступные обычному человеку.

Другое понимание этого понятия связано с употреблением наркотиков, психоделиков или особых упражнений шаманского или суфийского толка. Это дает поток образов «не из нашего мира», позволяющих, как и христианский мистицизм, оценить тщету наших бытовых усилий и воспринять более космичные, вселенские истины.

Большой помехой в понимании природы явления «расширения сознания» служит отношение к сознанию как к способности мыслить. Тот же наркотический и психоделический опыт показывают, что у сознания гораздо более материальная природа, чем мышление. Иначе говоря, если мы будем исходить из того, что сознание есть тонкоматериальная среда, содержащая в себе мышление, а точнее, из которой наш ум делает образы мышления, то станет понятно, что на сознание можно оказать воздействие как через мышление или образы, так и через его материальную основу. Скажем, химическим путем.

Соответственно, кого нам тогда отнести к жречеству, как не тех, кто в своих храмах способствует расширению сознания своей паствы?! И тогда мы вынуждены будем отнести сюда всех, дающих зрелищ и хлеба, точнее, вина! Хотя я подозреваю, что многие виды пищи, лежащие за чертой необходимого для выживания, как, к примеру, сладости и деликатесы, служат исключительно расширению сознания, а не утолению голода.

Жизнь большинства людей после того, как они обеспечили себе минимальное выживание, целиком посвящена расширению сознания. И не в смысле создания дополнительных иллюзий или пространств сознания, расширяющих наш мир за счет воображения, а прямо в виде безграничного потребления этих искусственных пространств — в виде чтения, слушания, смотрения.

Что же касается пьянства — только предвзято отрицательное отношение к нему правящей нравственности мешает рассмотреть лежащую в его основе механику, без которой оно никогда не уйдет из общества. Кстати, с психологической точки зрения, именно наличие в обществе жесткой и воинственной правящей нравственности определяет возрастающее пьянство.

Объясню. Любая правящая нравственность предполагает наличие правил поведения и запретов. И чем сильнее общественная нравственность, тем больше запретов, и тем больше сдержанность и стесненность членов общества, то есть сжатость их сознания. Обычно русский пьяница, а я подозреваю, что это одинаково для всех народов мира, жалеет после пьянки, что наболтал лишнего. Иначе говоря, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вино снижает сдержанность. Вино снимает запреты.

Винный дух — спирт или спиритус — химическое вещество, которое каким-то образом вступает во взаимодействие с материальной частью сознания, расширяет ее и тем меняет само устройство мышления. То, что имело ценность в трезвом бытовом мире, в мире больших образов расширенного сознания цены не имеет. И мы видим бесконечные очереди желающих причаститься у небольших часовен для бедноты — уличных киосков, торгующих

водкой, и не меньшие в залах храмов — дорогих винно-водочных магазинов.

Можно уверенно сказать, что большая часть населения страны зажимает себя, заставляя работать или служить обществу, только затем, чтобы получить средства (читай: право) сходить к причастию и побыть хоть немного в иных мирах.

Этому стоило бы посвятить особую работу. Пока же ограничусь тем, что скажу: можно отмахиваться от магических и мистических составляющих нашего мира. Можно говорить: я человек конкретный и ваших тонкостей не понимаю! Ничего, кроме мышления ненависти за этим не будет. Почему «конкретные» люди живут в ненависти, подумайте сами. Я же скажу лишь то, что как бы они ни отгораживались от всего этого завравшегося, заобманывавшего их с самого детства своими сказками мира мечтателей, сузить свой мирок до жестко управляемой машины по производству дел или денег не удастся и им. Они в постоянных «пролетах», они постоянно шипят и брызгают слюной на тех, кто к ним суется и все разваливает. Вот ты, конкретный человек, запустил дело, обо всем договорился, а эти скоты пропилили оборудование или не вышли на работу! Или... или... или...

Как ни крутись, как ни отмахивайся от магии, но учитывать пьянство рабочих или начальников придется, а раз придется учитывать это, то не мешает знать и его причину. Может быть, тогда

удастся с этим как-то бороться.

Пример. Современные американские предприниматели, рассказывая о том, как заработали миллионы, пишут, что открыли способ, как бороться за повышение производительности труда. Читаешь и узнаешь — мы это знаем со времен индустриализации и соцсоревнования. Они нащупали опытно то, что мы уже проходили. И они, и советская промышленность тридцатых имели колоссальный рост производительности и колоссальное снижение пьянства. Почему?

Как говорят, людей удалось увлечь! Вот и весь секрет. Но что это значит с точки зрения психологической механики? Мне не хочется перечислять того, что проделывали руководители всех этих экспериментов. Это общедоступно, читайте сами. Скажу лишь о том, что вижу как психолог: каждый раз людям предлагались взамен быта или водки новые образы, образы новых миров или же целей, лежащих за пределами их мира. Иначе говоря, начальство творило расширение сознания своего и своих работников, создавая более широкие образы мира. Как это принято говорить у нас — увлекая идеей. Но за привычным словом

«идея» нет ничего, кроме Платоновского «эйдоса», что означает «образ».

Как бы мы ни хотели, но в устройстве жизнеспособного сообщества должны быть учтены и те, что дают хлеба, и те, что творят зрелища или, точнее, образы. И кто-то обязательно должен на предприятии творить эти увлекательные образы, если мы не хотим, чтобы наши работники спивались.

Итак, повторю еще раз, части жизнеобеспечения общества должны отразиться в устройстве нашего предприятия, через которое и будут подвергнуты проверке. В таком случае, в предприятие должны входить:

1. Производство.

2. Управление, также включающее в себя *делопроизводство, кадры и бухгалтерию*.

3. Рынок или, иначе, отдел закупок и продаж, про который у нас принято говорить: сбыт и снабжение.

4. Безопасность, включая и все виды целительства.

5. Школа, которая, вероятно, должна не только давать производственную подготовку, но заниматься и воспитанием наших детей с самого рождения.

6. Перераспределение или **обеспечение** жизненно необходимым.

7. Храм, иначе говоря, место, где работники предприятия могут подумать о будущем, о том, ради чего они живут и как жить дальше. Место, позволяющее расширять сознание через осознанную работу с образами более широкого мира, с мечтой. По сути **НИИ, научно-исследовательский институт**, определяющий перспективу развития предприятия и

дающий всем творческим людям возможность поиграть в новое и красивое.

Глава 3. Мир и Образ мира

Когда я говорю: в устройстве нашего мира станем как дети и будем обо всем договариваться, я немного лукавлю. Как психолог-прикладник. У нас пока нет никакой возможности договариваться. И для того, чтобы она появилась, мне и нужно заполучить от вас самое первое и самое простое согласие, пусть даже бездумное пока еще. Пусть построенное исключительно на чувствах. Лишь бы было хоть что-то, на что можно было бы опереться. Человек — настолько сильный Дух, что с ним ничего нельзя сделать помимо его воли. Он даже Бога запросто может не впустить в себя и не признать. Попробуйте сами оценить свою силу, исходя из этого имени — Человек-Богоборец!

Поэтому, чтобы хоть что-то получилось, мне нужно вести вас по согласиям. И не просто заручаться вашим доверием, а вызывать у вас исключительно разумные ответы, которые с неизбежностью подводят вас к решениям совершать определенные поступки. Это значит, что моя задача — всего лишь заставить вас думать в строго определенном направлении и удерживать это состояние до тех пор, пока не будут совершены все ходы мысли и вы сами не придете к тому решению, которое будет вашим и только вашим. Мне же остается лишь надеяться, что при этом оно совпадет с моим решением, и мы вместе приступим к одному и тому же делу.

И вот тут я попадаю в ловушку, которая и заставляет меня хитрить, потому что каждый из читающих эти строки уже знает, о чем я говорю, и нисколько не сомневается в том, что умеет думать и договариваться. И в общем-то он прав. Но поглядите на наших политиков, которые заняты только тем, что думают и договариваются, и вы поймете, что в их сознании имеются какие-то помехи и тому, и другому. Для нас это означает, что все умеют думать и все умеют договариваться, но каждый делает это как-то по-своему, так что остальные его не понимают. Мысль изреченная есть ложь...

Как нам договориться однозначно, как действительно прийти к такому состоянию, когда мы увидим один и тот же образ, который и будем воплощать в жизнь? Как мне вырваться из той ловушки, в которую я сам загнал себя, предположив, что мы можем построить собственный мир всего лишь договорившись?

Пока как прикладник я вижу лишь один путь — предельно подробно описать тот образ мира и предприятия ему соответствующего, который вижу я, и обсудить его со всеми желающими заняться творением миров. А во время обсуждения выявить все разночтения предложенных образов и понять, чем они вызваны. Если разным пониманием того, как надо делать дело, то надо расходиться, потому что это означает, что мы хотим построить разные миры. Если явными ошибками, то придется править того, кто их совершает — меня или тебя. А вот если неспособностью что-то понять или увидеть, то дело за психотерапией или тем разделом прикладной культурно-исторической психологии, который мы называем психотехникой. Проще говоря, тогда надо лечить самих себя, восстанавливая способность воспринимать образы, создавать их, решать с их помощью задачи. В общем, лечить и восстанавливать все то, что входит в понятие «думать». Можно назвать это Разумом.

Но если мы пойдем этим путем, неизбежно налетим на нехватку чисто психологических знаний не только о том, что значит думать, но и о том, как вообще устроена эта наша способность, которую иногда называют Разум, иногда Мышление, а то и Сознание.

Причем нехватку не просто у читателя или у меня. Нехватку знаний об этом испытывает и вся колоссальная по размерам академическая психология. Настоящую серьезную нехватку, что профессионализм в академической психологии, скорее, создаст помеху в создании чего-то действительно жизненного. Видели ли вы когда-нибудь, чтобы на основе академической психологии было создано денежное дело? Если кто и становится богатым человеком, так это только тот, про кого можно сказать, что он прирожденный психолог, а не ученый. Иначе говоря, дело удастся делать тем, кто тонко чувствует людей и умеет управлять их поведением, а не тем, кто защищал диссертации по психологии. Им всем вполне можно задать вопрос, который задают подростки тем, кто умничает: если ты такой умный, то почему ты не такой богатый?!

В книге по управлению не совсем уместно подробно излагать психологию мышления, но кое-что из основ мне ввести все-таки придется. И тут я должен буду сделать кощунственное предложение. Я предлагаю в понимании этого явления отказаться от того, что считает правильным академическая психология XX века.

Почему? А потому, что это «правильное» не работает и по-настоящему ничего, кроме обилия диссертаций, не объясняет. А поскольку у нас нет задачи занять достойное место в сообществе ученых, а нужно нам создать прибыльное предприятие или целую экономику малого сообщества, то придется наплевать на все умные теории и использовать то, что действительно работает. И тут я склонен воспользоваться теми объяснениями, которые давали мне старики-мазыки. Может быть, кое-что из сказанного ими будет звучать даже дико для просвещенного уха, но сейчас не то время, чтобы кичиться снобизмом. Утопающему не грех хвататься и за соломинку.

Так вот, дедки эти, которых в их деревнях считали доками и почти что колдунами, утверждали, что **Сознание** наше что-то вроде тонкоматериальной среды, заполняющей Вселенную. Ум же есть способность Сознания стекать со встречающихся ему плотностей. Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше.

Сталкиваясь с жестким, холодным, горячим, голодом, жестокостью, со всем, что уменьшает наше здоровье и убивает жизнь, наше Сознание воспринимает это как плотность и, словно вода с камней, стекает с него в мягкое, теплое, любящее, сытость.

При этом Сознание способно запоминать все, с чем сталкивается. Оно именно та среда, в которой все, с чем тыходишь в соприкосновение, оставляет отпечатки или впечатления. Платон вслед за Сократом приписывал эту способность запоминать, сохраняя отпечатки, душе. При этом сами отпечатки он называл эйдосами, что на русский переводится как образы. Не будем сейчас обсуждать, едина ли природа платоновской «души» и «сознания» мазыков. Важно одно, сознание способно создать образ для всего, с чем сталкивается, а потом способно хранить его, то есть помнить.

Это значит, что в Сознании имеются образы для всех видов «плотностей», с которыми ты сталкивался с самого рождения. А также образы всех видов взаимодействий с этими плотностями, в которые ты с ними вступал. Точно так же, **как** и всех видов «отекания с этих плотностей», то есть всех видов преодоления помех твоему выживанию **на** планете Земля.

Старики называли способность Сознания стекать с плотностей Умом. Иначе говоря. Ум — это способность находить возможности выжить в тех условиях, которые создает мир. Причем неважно, какой мир — Мир-природа или Мир-общество. Любой мир постоянно создает помехи нашему выживанию, и даже когда, как кажется, он их не создает, мы все-таки могли бы жить лучше, то есть в блаженстве. Значит, мы просто смирились с тем, что окружающий нас мир медленно изнашивает нас, убивает незаметно. Но смириться еще не значит не ощущать, что мир мог бы быть и лучше. Ум все время ищет возможность улучшить жизнь за счет преодоления смертоносных воздействий.

При этом Ум, по понятиям мазыков, делится на три части: стихийную или **Стих**, как они говорили, **Разум и Мышление**.

Стих оказывается прямой способностью стекать с любой плотности, преодолевая препятствие к выживанию, не запоминая его. Наверное, это сопоставимо с тем, что древние китайцы говорили о Дао.

Разум начинается со способности творить, хранить и использовать образы. Сталкиваясь с внешним миром, сознание ребенка (а «створожившимся сознанием» старики считали даже человеческое тело) приходит в первые взаимодействия с плотностями этого мира. И оно их запоминает, храня в теле память о боли. **Я**, думаю, именно это представление о том, как ребенок знакомится с миром, и заставило стариков использовать именно понятие «плотности» для разговора об Уме. Первое болезненное противодействие, которое осознается и запоминается ребенком — это всегда плотность. Плотность тканей материнского тела, плотность стола, на котором он лежит, плотность тканей, в которые он завернут и которые

ослабляют боль от соприкосновения с плотностью дерева. Затем появятся всякие углы и выступы, о которые ребенок бьется, и которые несут боль, то есть предупреждение о том, что тело разрушается.

А потом появится горячее и холодное. И оно тоже будет разрушать тело и поэтому восприниматься болью. И через понятие образа мира

«боли», горячее и холодное можно тоже условно назвать плотностью, которую надо обтекать, то есть избегать в жизни. Как и голод.

Сознание запоминает в виде образов все: и боль, и виды плотностей, и способы, которыми удавалось их обтечь. Лишь постепенно к разным видам плотностей прикрепляются их имена, бытующие в принявшей тебя культуре или в обычаях твоего народа, если говорить по-русски. Но это и есть вхождение культуры в Сознание, но отнюдь не вхождение Разума.

Разум может использовать для всех явлений мира и обычные имена, но при этом он все время видит те образы простейших взаимодействий, которые создавал сам до появления имен. С возрастом это состояние видения плотностей и более уходит глубоко внутрь, но никуда не девается, не исчезает. И ты, глядя на окружающий тебя мир, помнишь, как называются в нем все вещи, потому что так тебе удобней общаться с соплеменниками. Но видишь ты при этом не имена, а плотности и боли.

Проверь, ткни уголок этой книги себе в глаз. Попробуй это сделать действительно и повтори несколько раз, и ты почувствуешь, что сначала делаешь это вполне легко, но на определенном расстоянии от глаза, назовем его *расстоянием выскакивания боли*, что-то выскакивает из твоего подсознания и тормозит твою руку. Я даже слышу, как в твоих ушах звучит смешок и вполне определенные слова: *нашел дурака!* Или — *что я, дура, что ли, себе в глаз тыкать!*

Конечно, после того, как расстояние выскакивания боли преодолено, можно осторожно довести уголок книги до глаза, но больно себе будет делать только сумасшедший. Да мне это и не нужно. Нужно было только увидеть, что за знанием того, как называются вещи этого мира, у нас скрывается знание боли, хранящейся в этих вещах, а значит, знание того, что своей плотностью эта вещь может причинить нам боль.

Вот это и есть самая **основа Разума**.

Мязыки называли ее *Материком*, потому что рождается она как отражение в сознании человека некоего «материка», земной основы. Если помните, материком зовут ту основу земли, на которой лежит плодородная почва, в которой растут растения. Из Материка человеческого сознания вырастает вся человеческая культура. При этом я бы хотел обратить ваше внимание кое на что еще. Во-первых, на то, что эта основа состоит из множественных воспоминаний ваших столкновений с вещами, предметами и явлениями этого мира, сохраненных в столь же многочисленных образах. Их можно назвать *образами вещей и образами простейших взаимодействий*. Но образы эти так плотно и многослойно наложились друг на друга, что разобраться в них и выявить начальные очень и очень сложно.

А во-вторых, я хочу, чтобы вы не забывали того «дурака» и тот «смех», которые внезапно выскочили, как только мы попробовали ковырнуть Разум поглубже и попроще. С одной стороны, чем проще — тем ближе к простейшим взаимодействиям. Это, вроде бы, ясно. Но с другой стороны, чем проще мы действуем, тем глупее выглядим в глазах людей. Додуматься — тыкать себе углом книги в глаз! — мог только дурак! Даже если это назвать психологическим экспериментом, все равно это вызывает подозрения! Или дикий смех, простите!

Вот это и есть самая страшная ловушка человечества. **Способность думать — это основная черта Разума**, как считается. Но *думать — значит решать задачи по преодолению помех нашему существованию*. И учимся мы этому не в институтах. Дай бог, если за всю школу и все институты, которые мы кончаем, мы добавляем к уже имеющейся способности думать хоть один процент. *В школе и институтах мы учимся не думать, а думать в соответствии с определенными образцами, принятыми в культуре или определенных обществах*. Вроде научного сообщества. Иными словами, не думать мы там

учимся, а загонять свою уже имеющуюся способность думать в колеи определенных образцов, как их называют, алгоритмов. То есть принятых способов решать задачи.

Думать мы в своей жизни учились, лишь когда каждый миг сталкивались с чем-то неведомым, что причиняло боль, и искали способы избежать ее. Это в детстве, особенно раннем. Вся остальная учеба — это лишь причесывание мозгов под моду соответствующего столетия.

Но как мы воспринимаем ребенка, который учится думать и вляпывается во все встречное говно? Как дурака. Точнее, пока он совсем маленький, как милого, смешного дурачка, а чуть подрос — как безнадежного идиота. Это то-то существо, которое единственное из всего его окружения действительно **живет** исключительно одним только разумом!

А разве взрослые, которые смеются над маленьким дурачком, не разумны? Ведь они-то ошибок не совершают. А вот для их состояния ума старики использовали слово **Мышление**.

Я уже рассказывал, что как только Разум находит способ преодолевать определенную помеху жизни, он проверяет его, а потом закрепляет в жестком образе, который теперь должен всегда использоваться в подобных случаях, потому что он определенно дает решение и себя оправдывает. Такой жесткий образ ответа на определенное воздействие мира называется **Образцом**.

Из подобных образцов и состоят и то, что называется Мышлением, и вся Культура или Обычай.

Это значит, что *человек, находящийся в Мышлении, гораздо реже ошибается, чем человек в Разуме*. Разве что неправильно узнает то, с чем столкнулся. *Но зато он и не думает!..*

И как ни странно, но именно Разум неразрывно связан с Дураком. Вся жизнь Разума — это борьба с неведением, с Глупостью, но всегда Разум оказывается Дураком в глазах Мышления из-за своих ошибок.

Это выбор. Большой жизненный выбор для каждого. Думать или быть неуязвимым и безошибочным в глазах остальных людей... Это настолько лично, что я даже не осмеливаюсь предложить его вам. Пусть каждый сам решает, делать ли этот выбор и даже замечать ли его существование. Быть как все и не думать, а мыслить — требование не случайное. За ним неуязвимость и желание выжить в обществе себе подобных. Как можно призвать человека пойти против течения, которое только и ждет, чтобы убить его?!

Поэтому мы ограничимся обсуждением сугубо теоретических вопросов, связанных с понятием Разум. Тех, что обеспечивают способность договариваться и включать Разум тогда, когда это необходимо для решения определенной задачи. А это основной способ выжить в обществе людей — в основном жить по образцам и включать Разум тогда, когда сталкиваешься с задачей, в образцах не решаемой. Например, где перехватить до полочки, когда у всех знакомых уже занял и не по одному разу? Или как извернуться и не платить, когда тот, кто давал, сам помирает с голоду? И так, образы простейших взаимодействий с миром создаются каждый раз, когда ты, «еще совсем бессмысленным ребенком» сталкиваешься с этим миром в виде того, что заполняет окружающее пространство. То есть с вещами. Что происходит с этими образами дальше?

Они хранятся. Ясно, что в памяти. Но память понятие непростое. По мере того, как увеличивается количество и разнообразие подобных образов взаимодействий, память тоже начинает усложняться. Я не буду сейчас рассказывать о том, как из подобных простых образов рождаются сложные, которые называются понятиями. Это неплохо описано в академической психологии, начиная с Пиаже и Выготского. Меня интересует другая часть памяти, потому что она оказывается несущей основой Разума.

Это — **Образ Мира**.

Постарайтесь увидеть, что ребенок все детство постоянно обо что-то бьется, трется, режется, обжигается... И все это окружающее вначале внутри дома. Потом во дворе. Что

запоминает ребенок? Точнее, что хранит его память?

Образ дома как места, где расположены Образы вещей и простейших взаимодействий со всем, что бьет, трет, колет, режет, обжигает, обмораживает, прищемляет... А также с тем, что гладит, дует, целует, ласкает, кормит, моет, греет...

Вот это и есть тот Мир, который лежит в памяти каждого из нас в самой глубине. Он постепенно расширяется до Двора, улицы, деревни, города, страны, планеты, вселенной... Впрочем, это уже не важно. Расширять можно как угодно. Разум закладывается в Доме и на Дворе. На улицу выпускают только более или менее разумных детей. Там мы изучаем не столько простейшие взаимодействия, сколько простейшие взаимоотношения. То есть не Мир-природу, а Мир-общество. Но это уже совсем особый разговор.

Получается, что Образ Мира, лежащий в основе Разума, — вполне определенное психологическое явление, не имеющее отношения ни к каким картинам мира, в том числе и к научным. Как сказал бы академический психолог, эти картины мира — всего лишь концепции. Иначе говоря, наши представления о том, что есть мир. Образ же мира — это вовсе не представление и никакому намеренному воздействию, никаким изменениям не поддается. Если, конечно, не знать, как воздействовать. Но мы сейчас рассматриваем обычную психологию, а не особые знания док.

И назывался этот первый Образ мира, состоящий из простейших взаимодействий с телами Матери и Земли, как вы уже, наверное, поняли, **Материком**.

Надо еще отметить такую вещь, что Материк, родившись в детстве, конечно, не застывает. Он медленно развивается, но не через обретение каких-то дополнительных представлений, а только через накопление боли от взаимодействий или взаимоотношений с другими людьми или обществом. В итоге мазыки говорили о нескольких Образах Мира, соответствующих разным возрастам человека. У всех их были свои имена и свои особенности. Но к этому я вернусь позже.

Пока достаточно будет сказать, что Образ Мира — это наши знания об устройстве мира и о том, как в нем жить. Эти «знания» уложены в таком виде, что мы даже и не оцениваем их как знания и даже вообще не замечаем. Тем не менее, они очень действенны и правят всем. При этом самый ранний слой этих знаний целиком связан с прямыми взаимодействиями с природными явлениями. Но чем старше мы становимся, тем лучше мы познаем Мир-природу в доступной нам части ее, и тем меньше налетаем на боль от природных явлений. Но зато все больше начинаем познавать Мир-общество. И это познание точно так же идет через боль. Вначале телесную, которую причиняют нам другие люди, а потом и через душевную, значит, как бы нематериальную боль. Пусть она нематериальна, но болит дольше телесной! Из нее-то и соткан Образ мира-общества. А предприятие свое, как и свое сообщество, нам предстоит создавать, в первую очередь, в Мире-обществе.

Так как же устроен мир, в котором мы живем? Что нужно знать, чтобы в нем выжить и выжить хорошо?

Во-первых, конечно, мы должны знать наш мир как Мир-природу. И мы его знаем в достаточном для жизни объеме. Но не более.

Все остальное мышление, а это большая часть, поглощено знаниями о том, как устроен Мир-общество. Это во-вторых. Мы в гораздо большей мере живем в нем, а не в природе. Поэтому просто забудем пока о природной основе нашего мира. Будем исходить из того, что мы живем в **Обществе**.

И первое, что надо знать об этом мире — это **правила и права**. Как сказал один маленький мальчик: *А кто у нас в доме больше всех не имеет права?* Вот на этом вопросе и держится все общество. **Через правила и права проявляется все устройство нашего мира, и весь наш мир познается с их помощью.** Правила предписывают и запрещают, права разрешают и защищают.

И, не вдаваясь в долгие доказательства, можно определенно сказать: и то, и другое — по сути, *договорные явления*. Причем, что в самом раннем детстве, что на уровне основного закона страны, мы постоянно договариваемся о правилах и правах. Они являются одним из

самых поздних образований Образа Мира, но в силу этого и самым ближним к нашему взгляду. Они застыт нам и свет, и действительное понимание устройства мира. Поэтому изучать устройство мира надо с них, как, впрочем, и искусство договариваться. Любые договоры между обычными людьми работают на этой земле лишь настолько, насколько в них вложена сила того или иного правила или закона.

Конечно, правила и права — это не прямые договоры. Чаще всего так получается, что нам их навязывают вместе с рождением. И тем не менее, даже самые страшные режимы постоянно напоминают своему народу, что конституция — это закон, введенный по согласию народа и для народа. Впрочем, любой режим старается показать, что он действует в интересах народа, даже если разворовал всю страну и многократно предал свой народ.

Однако ничто не отменяет того, что все законы и правила действуют по согласию с людьми, если мы посмотрим на это с психологической точки зрения. Даже если мы заявим, что никто с нами не договаривался ввести уголовное законодательство, тем не менее то, что мы его не нарушаем, означает, что мы этот договор приняли и исполняем. Пусть нас заставили его принять. Но выбор у нас был, и многие люди отказываются принимать подобные навязанные договоры. Правда, при этом они не менее вынужденно-осознанно принимают иные правила. Но это уже другой вопрос. Главное — все мы живем по тем или иным правилам, которые определяют наши права и обязанности. Ведь правила, по сути, договоры людей между собой, но навязываемые через узел силы, правящий обществом, который называется правительством.

Задача правительства — поддерживать устройство нашего мира-общества. А это значит, что это устройство самосохраняет себя с помощью правительства. По крайней мере, это совершенно верно в отношении той части общественного устройства, которое называется государством.

Понимание государства как машины для эксплуатации одних общественных групп другими, созданное коммунизмом, безусловно, во многом верно.

Государство — это машина, в том смысле, что под машиной мы понимаем любое приспособление, способное работать и без человека. Государство — это, я бы сказал, огромная машина по перегонке силы. Она, если искать какой-то наглядный образ, скорее химическая или двигатель внутреннего сгорания, чем простой станок. В ней множество труб-каналов, емкостей, вроде поршней. Людей в ней нет, в ней используется некая среда, которую коммунисты называли массаами. Массы людей перераспределяются по ходам и каналам государства между различными емкостями-силовыжималками. Там на них оказывают давление, и они начинают шевелиться, вызывая движение поршней. Появилась сила — будет проделана работа.

Куда идет эта сила? На поддержание самой машины и на поддержание жизни тех же масс. Что плохо — машина эта из дурного сна или абсурдного фильма. Мало того, что она дико выглядит, но она ещё и насквозь дырява и неуклюжа. Сила, словно пар, садит изо всех её щелей и тут же разворовывается теми, кто не захотел подчиниться правилам. Их тоже целое общество или, своего рода, сходная машина по высасыванию первой машины. Все живут за счет этой силы, и все это бессмысленно.

Важно увидеть то, что оказаться вне государственной машины вполне возможно. Хотя бы уехать в другое государство. Правда, при этом попадаешь в новую машину. Но если ты хоть однажды начал видеть границы машин и их работу, ты уже свободен внутренне. Ты можешь творить собственную жизнь. Однако начать нам придется с умения договариваться. Теперь, когда я в самых общих чертах обрисовал образ такого явления, как Разум, можно задаться и вопросом о том, а что же такое договоренность? И мы увидим, что на поверхности, то есть в той части Образа Мира, которую мы можем назвать слоем Правил, договоренность — это что-то вроде бумаги, на которой двое договаривающихся письменно или устно условливаются о чем-то, что должно быть сделано, к примеру. Я осознанно говорю об этом подчеркнуто упрощенным бытовым языком.

Но если мы заглянем за этот слой в ту часть Образа Мира, которая ближе к простейшим взаимодействиям, то поймем, **что договариваться мы можем, по сути, о двух вещах: или**

об Образе действия или об Образе вещи.

Когда мы договариваемся об Образе вещи, то на самом деле мы договариваемся об имени этой вещи или, точнее, какой образ нам привязать к определенному имени, чтобы другой нас понимал. Значит, вытаскивал из памяти тот же образ, когда будет названо это имя. Не думайте, что это было понятно только каким-то особенным старикам-докам из мазыков. Это общее место для всей русской народной культуры. Прочитайте пару побасенок из сборника «Северных сказок» Н. Ончукова²⁴, происходящих, кстати, все из того же Верхневолжья, что и мои мазыкские сборы.

Прибакулочка

Шел мужик из Ростова-города, стретилса ему мужик, идет в Ростов-город. Сошлись, поздоровались.

— Ну, что у вас в Ростове хорошего деитца ?

— А что у нас — пошел мужик на поле, понёс семе посеять, да дорогой просыпал.

— Это, брат, худо.

— Худо, да не порато.

— А что, брат, таково?

— А он просыпал, собрал.

— Это, брат, хорошо.

²⁴ Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. — Т. XXXIII — СПб., 1908. (Переиздано: СПб.: Тропа Троянова, 1998.)

— А хорошо, да не порато.

— А что, брат, таково?

— Он пошел на поле, семе посеял, ему навадилася черная попова комолая бесхвостая корова, у него семе-то и поела.

— А это ведь медведь был ?

— А какой медведь, полно на хер пердеть! Я прежде медведя знавал, медведь не такой: медведь серой, хвост большой, рот большой.

— А то ведь волк.

— Какой волк, хер тебе долг! Я прежде волка знал: волк красинь-кёй, низинькёй, сам лукавинькёй, идёт по земли и хвост волокёт.

— А то ведь лисича.

— Кака лисича, хер тебе под праву косичу! Я прежде лисицу *знал: лисича белинькая, малинькая, бежит, прискочит да сядет.

— А то ведь заец.

— Какой заец, хер бы тебе в задницу! Я прежде зайца знал, заец не такой: заец малинькой, белинькой, хвост-нос чернинькой, с кустика на кустик перелетыват, сам табаркаёт.

— А то ведь куропатка.

— Кака куропатка, хер бы тебе под лопатку! Я прежде куропатку знал: куропатка серинькая, малинькая, с ёлки на ёлку перелё-шывает, шишечки поклыват.

— А это тетеря.

— Кака тетеря, хер бы тебе запетерил! Я прежде тетерю знал: тетеря белинькая, малинькая, хвостик черненькой, по норкам поска-кчват, сама почирикиват.

— А это ведь горносталь.

— А поди ты на хер, перестань. Да и прочь пошел.

Прибакулочка

Шел мужик из Ростова-города, стретилса ему, идет мужичек в /'остов-город; сошлись поздоровались.

— Ты, брат, откудава ?

— Я из Ростова-города.

— Что у вас хорошего в Ростове деитца ?

— А что, у нас Ваньку Кочерина повесили.

—А за что его, милова, повесили ?

— Да за шею.

— Экой ты, братец, какой беспонятной, да в чем его повесили-то?

— А в чем повесили— в сером кафтане да в красном колпаке.

— Экой ты какой беспонятной— какая у него вина-то была?

— А не было вина-то, он, сударь, не пил.

— Экой ты беспонятной— да что он сделал-то?

— А что сделал— он украл у Миколы подковки, у Богородицы венки с головы.

— Эка, паря, милой Ваня, у его невелика была вина-то, да его и за это повесили.

Как видите, русская сказка, то есть русская народная культура не только обыгрывает это сложное явление несоответствия образа вещи ее имени или непонимание образа происходящего действия, но еще и почему-то соотносит это непонимание или глупость с матерной бранью. Однажды мне придется рассказать об этом гораздо подробнее, но и сейчас необходимо сказать, что старики называли самую основу Разума Материк, прямо соотнося ее и с взаимодействиями с матерями — родной матушкой и матерью Сырой землей — и с матерной бранью. Брань — это не ругань, это война. Матерная брань — это война Разума с Дураком. Можно сказать, что это заклятия на изгнания из нас Глупости. **Смех и Матерная брань** — два обязательных спутника Разума. Два волка, бегущие у ног этого Бога, или два ворона, сидящие на его плечах. Но об этом в другой раз.

Итак, Образ вещи может быть очень сложным, требующим действительного обсуждения в деталях. Но это значит, что его творят во время обсуждения. Мы как бы договариваемся во время любого бытового общения о том, какими должны быть образы тех или иных вещей. На это уходит значительная часть нашей " жизни". По сути, именно заключение этих договоров и есть образование или обретение культуры. Культура — это договоры о том, какие образы должны соответствовать именам. Именам вещей или. именам действий.

Когда мы договариваемся об Образе действия, мы действительно должны собрать воедино множество образов простейших взаимодействий или взаимоотношений, чтобы из них и с их помощью собрать Образ той вещи, о которой мечтали. Например, образ Рая, или своего Предприятия. И получается, что в основе всего искусства договариваться лежат простейшие образы — или образы вещей, как мы их создали во время самых ранних столкновений с этими вещами, или же образы взаимодействий с вещами. Назывались у мазыков такие образы Истотами. Истота если обратиться к Далю — это истина. Истотное — истинное. Самая основа Разума состоит из Истот, которые складываются в Образ мира. Именно он подсознательно считается нами истинным или Образом истинного мира. Все остальное ощущается ложью, а неспособность отличать ложное от истотного — глупостью. Отсюда и рождается у Тютчева:

Мысль изреченная есть ложь... Образ, обретший слово...

И тут пример из Ончукова нам очень полезен. Одна и та же вещь, имеющая одинаковый образ у представителей двух обществ или двух культур, может иметь разные имена. Следовательно, разные имена, то есть разные слова, могут вызывать у членов разных сообществ разные образы. И чем проще этот образ, чем чаще встречается в обыденной жизни соответствующая ему вещь, | см вернее один человек будет считать другого дураком, если тот не понимает имени этой вещи. Точнее, узнает под этим именем другой образ. Глупость — это неспособность понимать простейшие вещи! **Но** как неоднозначно все это с точки зрения прикладного психолога!

Но этим сложности не исчерпываются. Если некая вещь на)гой планете существует в

своем определенном виде, то человеческое сознание может сделать с этой вещи образ предельной точности. А может и не сделать. Стоит вспомнить суфийскую притчу о трех мудрецах, в темноте исследующих слона. Для одного слон оказывается шлангом, для другого — столбом, а для третьего — веревкой. Значит, мы вполне можем налететь на то, что не понимаем друг друга или не можем работать вместе, если даже говорим об одном и том же.

Но настоящие сложности начинаются после того, как мы договорились о вещах или именах и уверенно знаем, что видим одинаковые образы. Теперь можно бы и действовать, но у каждого свои образы взаимодействия с этими вещами. И когда мне кто-нибудь предложит свистнуть тебе в ухо, я еще очень и очень подумаю, чем это для меня обернется. Почему? А потому что культура, в которой я рос, позволяет предположить, что «свистнуть в ухо» — это значит, издать громкий, пронзительный звук. Но вдруг мое предположение неверно и от меня ожидается что-то другое?

И культура играет свои шутки с образами простейших взаимодействий. Но еще страшнее то, что сами взаимодействия у каждого записаны по-разному. Если даже мы снимем слой культуры, мешающий пониманию, и «свистнуть в ухо» будет для нас означать, что надо издавать свистящие звуки, а не бить, вдруг окажется, что один умеет свистеть очень громко, а второй, особенно вторая, так и не научился этому за всю жизнь. Она не свистит, а шипит! И значит, для одного «свистнуть в ухо» вызовет образ свиста, а для другого — шипения.

И я вас уверяю, что мы все не имеем очень многих образов действий из числа тех, которые считаются чуть ли не обязательными для человека нашей культуры. Как и очень многих образов вещей или состояний, считающихся прямо неотторжимыми от понятия «человек». У нас не культура, а сплошные дыры!

Значит, прежде чем договариваться, нам придется проверить, есть ли у нас инструменты для взаимопонимания по тем вопросам, о которых мы собрались договариваться. И если окажется, что их нет, придется сначала заняться их восстановлением.

Эта задача во многом и определяет то, как я буду вести дальнейшее изложение.

Что же мы примем за исходные образы, по которым должны будем достигнуть полного и однозначного взаимопонимания при создании своего предприятия?

Законодательство. Законы, регулирующие всю предпринимательскую деятельность, и даже шире. Что значит шире и почему шире?

Это означает, что, приняв хоть какие-то из законов государства к неукоснительному исполнению, мы вынуждены будем принять и те законы, которые позволяют этим законам существовать. А это, в первую очередь, основной закон любого государства или Конституция, в котором обычно обговариваются взаимные обязательства граждан и государства. Но что значит, выйти на уровень основного закона?

По сути, это означает, что ты начинаешь видеть государство равным себе и потому договаривающимся с тобой. Это, безусловно, расширение сознания. И как только вы его себе позволяете, вы тут же начинаете видеть и все пространство, в котором живет ваше государство. А оно есть мир, заполненный другими государствами. И значит, мы вынуждены будем принять к исполнению и основные законы, управляющие взаимоотношениями между государствами.

Может показаться, что я беру слишком широко или вообще лезу туда, куда можно и не лазить. Лишнее это все!

Нет, не лишнее! Русские уже очень хорошо показали свое хамство, как только вышли на уровень свободного международного предпринимательства. Если мы с вами хотим сделать программистское предприятие, существующее, прежде всего, за счет заказов наших иностранных партнеров, мы должны начать работать на уровне норм международного права. А это означает, что нам потребуется и защита нашего собственного государства, и прекрасные знания того, что из себя представляют другие государства, и умение работать с капиталом, а не только с деньгами. Ни одно государство не уважает предпринимателя, который не может внутренне поставить себя вровень с ним, соблюдая все должное уважение.

Международный предприниматель. Это тот первый и начальный образ, который я предлагаю принять всем, кто действительно захочет вместе с нами создавать задуманное

предприятие. Если он принимается, то все остальные рассуждения уже можно будет проверять на соответствие этому договору.

Исходя из него в следующих главах я постараюсь дать самые общие образы того, что есть предприятие и его составные части, как это понимала русская производственная культура. А потом мы постепенно будем уточнять эти образы. Может быть, многое из сказанного покажется вам очевидным, но это и есть моя задача — нарисовать вначале самые общие и общепринятые образы того, что такое предприятие и добиться по ним согласия, чтобы быть уверенным, что все понимают друг друга совершенно одинаково.

Глава 4. Производство

Начну разговор о самых очевидных составных частях предприятия с производства. Почему? Во-первых, потому, что без производства, то есть без определенных людей, способных производить то, за что платят, предприятие существовать не может. Естественно, я буду говорить на примере программистского предприятия как той основы, на которой разворачивалось наше экспериментальное исследование.

Это так очевидно, что программистские предприятия чаще всего создают именно программисты. И начинается это обычно с первого заказа или первой идеи продукта на продажу, которые приходят к программисту, который не в состоянии осилить это дело в одиночку. Он собирает команду, команда эта начинает получать за свою работу деньги, и так рождается фирма «от 5 до 15», как я это называю. Дело в том, что подавляющее большинство русских программистских предприятий имеет численность работников от 5 до 15 человек. Это какое-то непреодолимое для России правило. А может, не для России, а для художников, собравшихся что-то делать вместе. Большее количество творческих людей вместе долго находиться не может. Для них это каким-то образом разрушительно.

Чем хороши такие фирмы? Тем, что молодые люди, еще не вышедшие толком из войны детей против отцов, то есть взрослых, могут работать «без всего этого начальства! Просто так собрались сами и зарабатываем получше родителей!» И поверьте, слова о том, что, мол, вот собрались сами по себе и зарабатываем, между прочим, приличные деньги! — частенько звучат между работниками подобных фирм, когда они немножко навеселе.

Потом, правда, к ним заглядывает налоговая инспекция, и фирма исчезает. Или перестраивается, чтобы быть неуязвимой. И тем самым обретает вид предприятия, соответствующий законодательству. В обновившейся фирме программист, принесший однажды первый заказ, становится директором и говорит про себя:

ну, сам-то я уже не программирую...

Теперь он занимается управлением и признает это. Но если он обернется и приглядится к прошлому, то увидит, что и раньше он этим управлением все равно занимался. И кадрами тоже, и делопроизводством, даже бухгалтерию считал сам, пока бухгалтера не взяли.

Если не кривить душой, то предприятие, приносящее деньги, с самого начала обладало полным набором всех рабочих мест, которые обычно бывают на предприятиях и должны быть на них, если эти предприятия соответствуют земным условиям существования и не противоречат общественным договорам, то есть законодательству своей страны. Это надо однажды увидеть и принять, иначе или развалится ваше молодое предприятие, потому что его образ будет неполноценным в ваших головах, или в нем поселится ложь и заставит поссориться тех, кто начинал дело. Нужно сразу принять, что как бы мало ни было работников, дел от этого не меньше. Следовательно, оценка этих работников должна идти в соответствии с количеством мест, которые они совмещают.

Получается, что все, что так или иначе требует от нас общество, на предприятии должно быть в виде обязательного рабочего места. Общество как бы проливается внутрь наших предприятий рабочими местами. И уж это вопрос личностный, отдавать ли это место особому человеку и тем самым открывать соответствующую службу или занимать сразу несколько мест самому. Большие люди, рассчитывающие однажды получить имя Великих,

какие обычно и открывают в двадцать с небольшим программистские фирмы «от 5 до 15», предпочитают совмещать в

себе как можно больше мест.

И это вовсе неплохо для начала, потому что дает сразу несколько возможностей. Во-первых, ты проверяешь себя, насколько велик объем твоего сознания и скольким простым работникам ты равен. Во-вторых, это дает возможность познать предприятие целиком: если ты хочешь действительно иметь собственное предприятие, ты сам должен пройти все работы, какие только на нем могут быть. Ну, а в-третьих, на таком начинающем предприятии вначале просто не бывает достаточно денег, чтобы содержать весь необходимый штат. И вот однажды деньги появляются, но, к сожалению, фирма по-прежнему остается маленькой. Ее руководитель и хозяин привык все держать в своих руках и боится, как он заявляет, упустить управление, если штат разрастется... На самом деле он боится потерять власть, которая так сладка для престарелого ребенка. Подвиг сначала перерос в героическую битву, а потом в тюрьму.

В начале нашего дела мы должны сделать выбор — на каком предприятии мы хотим работать: на мелком или на большом. Если бы у нас шел разговор о личном обогащении, то можно было бы ограничиться и малым предприятием. Если же вопрос стоит о жизнеобеспечении сообщества, то выбор однозначен. Нам нужно крупное предприятие с большим и производительным производством. Это означает, что привычный для России образ создания программистского предприятия нам бесполезен. Нам придется исходить из имеющихся у каждого из нас общих представлений о том, что такое крупные фабрики и заводы вообще.

А это, в самых общих словах, большое производство и вокруг него целый набор дополнительных служб, обеспечивающих производству возможность работать не отвлекаясь и не заботясь ни о чем, кроме своего основного дела. Вот **из этого правила мы и будем исходить, когда будем создавать образ полноценного программистского предприятия:**

Мы постараемся определить, что есть основное дело производства, а потом будем давать имена всему, что отвлекает программистов от него. И эти имена будут именами отделов и служб, которые надо создать, чтобы работа шла с предельной производительностью.

В общем-то, любой человек, хоть немного знающий жизнь, то есть обладающий Разумом, уже увидел, что, примерно, получается. Поэтому я не буду растекаться мыслью по древу и использую для основы не какие-то общие отвлеченные идеи, а живой пример создания нами при Авалоне так называемых Внешних производственных отделов. Мы называем их внешними, потому что набираем в них людей со стороны, извне предприятия. Иначе говоря, внештатников на временную работу по контракту.

Наши Внешние отделы можно считать *самыми простыми программистскими предприятиями*. Почему? Потому что мы искусственно содержим их в самом простом виде, какой только можно себе позволить. **Что входит во Внешний отдел?**

Во-первых, это **программисты**, которые собираются под полученный определенный заказ. Заказ обычно требует тех или иных профессиональных навыков и умений. У нас в Банке данных собраны сведения о большом количестве работающих русских программистов. Поэтому, когда люди приглашаются работать над заказом, вопрос о подборе специалистов решается очень просто. Можно сказать, технически.

Программисты приглашаются на работу временно по ограниченному контракту. То есть только для выполнения полученного заказа. И могут, после получения задания, работать на дому, если им так удобнее. Но если у них нет соответствующих условий, фирма предоставляет им возможность работать в компьютерном зале на наших машинах.

Во-вторых, главным лицом Внешнего отдела является **Постановщик задач**. Это, так сказать, главный архитектор проекта. То есть человек, который и решает заказ как задачу. Он создает общее решение, разбивает его на части и определяет, сколько и каких специалистов ему потребуются для выполнения заказа. Поскольку сумма оплаты за выполненную работу

всегда ограничена тем, что готов платить заказчик, то лишних работников Постановщику брать не выгодно. Но и меньше, чем нужно, не возьмешь.

В каком-то смысле можно говорить, что Постановщик задач — это тот же программист в малой фирме, который нашел заказ и под него собрал команду. Только у нас он его находит не сам. Заказами его обеспечивают. Его задача — выполнить заказ в срок и предельно качественно. Значит, раздав части заказа работникам, он должен плотно следить за их работой и постоянно ее подправлять, исходя из общего проекта и требований заказчика. Для этого ему необходимо поддерживать постоянную связь с заказчиком. А потом нужно сдать проект и сдать так, чтобы получить или оплату как можно выше, или продолжение заказа.

Вот таким образом предприятия можно было бы и ограничиться. Проще, что называется, некуда. Если только не видеть тех хвостов, которые тянутся из этой «простоты» во все стороны и за всё цепляются.

Я постарался их показать прямо в рассказе о «простой работе» программистов и Постановщика над заказом. Начнем по порядку.

Кто-то должен добыть сам заказ. Кто? Или Постановщик, или особая служба.

Кто-то должен «технически» собрать программистов. Скажем, просто обзвонить и вызвать на собеседование. Кто? Или Постановщик задач, или секретарь.

Кто-то должен собрать их и не технически, а неукоснительно, с точки зрения законодательства, оформив их контракты и все финансовые отношения с налоговыми и социальными службами. Лучше, если не Постановщик, а специализированная и грамотная служба.

Кто-то должен хранить, вести и развивать банк данных. Кто? Или Постановщик, или особая служба.

Кто-то должен обеспечить всяческую поддержку, начиная от информационной и кончая помещениями и оборудованием. Пожалуй, даже несколько служб.

Кто-то должен обеспечить получение денег и их законное использование. То есть бухгалтерию и все, что с этим связано.

И еще кое-что, и еще, и еще...

И похоже, что этого всего сопутствующего так много, что Постановщику задач надо сделать выбор: либо бросить программирование и заняться управлением, или стать художником своего дела и принять помощь.

Конечно, в итоге его доходы падают, по сравнению с тем, чтобы было его долей, будь это его собственная малая фирма, потому что все эти люди, оказывающие помощь, бесплатно работать не будут. Но с падением доли становятся ли доходы постановщика задач меньше, чем если бы он все держал в своих руках? Причем я уж не говорю сейчас о том, сколько нужно вложить труда, чтобы обработать один приличный заказ и заработать свои деньги. Пусть об этом говорят директора тех небольших фирм, которые все должности совмещают в одном лице.

Я предлагаю действительно посчитать прибыль на одного постановщика задач, если он все делает сам, но выполняет лишь один заказ за единицу времени, и если он отдает большую часть прибыли по заказу предприятию, но зато высвобождает время и может вести несколько заказов. Наш опыт работы в Авалоне показал, что за первый год существования предприятия зарплата ведущих постановщиков превысила доход бывших хозяев фирмы, когда она была маленькой, в полтора раза.

В настоящем деле, если действительно хочешь стать богатым, надо платить за все. что делают для тебя люди. Мы, в России, привыкли делать вид, что не замечаем, как на нас работают. Труд — это только то, что делаю я, потому что мне трудно и я устаю! А если другой делает не то же, что и я, так он вроде как бы и вообще не трудится. Для утонченной личности программиста, к примеру, крайне разрушительно допускать мысль, что его мама, кормя, моя и обстирывая его, совершает работу, за которую надо платить. *Мама не трудится! Ей это в радость— обслуживать любимого сыночка! И не надо покушаться на*

мой покой, говоря такие слова! Мне от вас неприятно!

По большому счету, нежелание видеть и оценивать труд другого — это хамство. И нет больших хамов в этом мире, чем художники, потому что хамство — это, чаще всего, лишь грубое проявление мышления исключительности. А без исключительности художником не станешь. Творческий дар, который они в себе чувствуют, дает им оправдание во всем, что только они могут себе позволить. И это, конечно, не случайная вещь. За этим скрывается глубочайший психологический механизм, тянущийся из самого раннего детства — чувство собственной божественности, которой ты можешь наделять людей.

Откуда это чувство? Не будем вдаваться в мистику. Даже если она и есть. Достаточно поглядеть на те чувства, которые испытывают родители и особенно родня, когда крошечный говнюк наделяет их тем, что из него лезет и течет. Пока он дитё, пока он совершенно неразумен, все это — сплошное блаженство. А сам говнюк — это маленький божок, который и заглянул в наш мир, чтобы наделять всех блаженством.

И это ловушка. В самых ранних, основных слоях нашего зарождающегося разума записывается, что окружающие должны радоваться всему, что из нас выходит. Ты вырастаешь и начинаешь стесняться того, что пахнет говном. Но зато по-прежнему требуешь оценивать как божественное то говно, которое пахнет красками. Или течет строчками кодов.

Соответственно, даже если умом ты и понимаешь, что надо быть справедливым и благодарным, внутренне, глубинно, ты обижен на всех, кто целых два-три года после твоего рождения всем своим лживым поведением закладывал в тебя ощущение, что ты долгожданный бог, пришедший наделять этот мир радостью, любовью и творчеством.

Теперь они все стали злыми и постоянно что-то от тебя требуют. Ты сидишь за своим мольбертом, пианино или компьютером и творишь очередную кашку в неосознанном желании наконец вернуть тот утерянный рай, который имел в самом раннем детстве, а они ноют и скулят вокруг! А им всё чего-то надо от тебя! Можно ли придумать для дитя человеческой культуры более высокое дело, чем возвращение утерянного рая?! Этому посвящены десятки тысяч лет усилий целых человеческих сообществ — племен и народов. Почему же тогда мое-то творчество никто не ценит и не бережет?! Что-то стухло в датском королевстве...

Обиды молодых художников на выросшее и предавшее их общество вполне оправданны, но жить все-таки надо. И жить надо не в том мире, который вам нарисовали тогда в раннем детстве родители, а в настоящем. А здесь за все радости надо платить. И за все услуги тоже. Примите это сразу как основу взаимоотношений с любыми людьми внутри предприятия.

Люди делают предприятия, чтобы получать прибыль, и собираются на предприятие затем, чтобы получать прибыль. Все остальное — это помимо предприятия! В свободное время. Правда, платить иногда можно и не деньгами. Но это уже особый разговор. А для того, чтобы легче было видеть работу, то есть то, за что надо платить, время от времени вспоминай, что однажды ты можешь оказаться хозяином собственного большого предприятия, которое будет приносить прибыль, только если не будет обиженных.

Итак, как только мы начинаем перечислять хвосты, которые окружают рабочее место творческого человека, становится ясно, что рядом с художником всегда должен быть кто-то, кто будет за него эти хвосты разгребать и увязывать, как это делала его мама. Иными словами, чтобы художник мог ни на что, кроме творчества, не отвлекаться, кто-то должен ему такую возможность заботливо обеспечивать.

Это третья часть Внешнего отдела — *Управляющий* со своим небольшим штатом. Каким?

В зависимости от заказа таким, какой требуется, чтобы обеспечить выполнение любых требований, которые может предъявить Постановщик задач или любой из его программистов. Чаще всего — это один-два секретаря. Можно ли справиться со всем обилием дел и хвостов, которые окружают Внешний отдел или любое малое производство, одним-двумя секретарями?

Конечно, нет. Но делают они это не сами, а с помощью четвертой части — самого *Авалона*, где и находятся все необходимые для обслуживания производства отделы. Их можно назвать *Маткой*, чтобы сходство с заботливой мамой было яснее. Управляющие — это присутствие большого заботливого предприятия внутри любого творческого подразделения.

Как бы то ни было, но я постарался нарисовать начальный образ того, что такое **Предприятие**. И в него вошли две части:

Производство и Обслуживание производства. Матка. По крайней мере, пока разделим все лишь на эти две части, а потом посмотрим, нельзя ли будет выделить еще какие-то явные составные части.

Как это ни парадоксально, но хоть производство и кажется его работникам главным, однако Матка может плодить такое количество производств и производственных отделов, какое посчитает нужным. И это очень важно увидеть, потому что наш с вами «внутренний пролетарий», наш скрытый «работяга» — а это злобная тварь прямо противоположная разуму и богатству — привычно требует уважать только работяг, а всех остальных считать эксплуататорами, бездельниками и нахлебниками.

Это явное проявление нашей советской культуры — искусственно культивируемая в нас целых полтора столетия ненависть ко всем, кто правит или управляет, к деловым людям, к предпринимателям, к утонченности, к мечте и полету... Ко всему, что не вмещается в стадо и не является быдлом. Любое стадо затравливает все выдающееся. Даже если стадо состоит из элитных животных... Например, из интеллигенции. Но иногда, когда «работяга» загнан в угол, есть возможность сквозь окружающую его пленку ненависти увидеть истинное устройство мира. Русские интеллигенты очень хорошо это чувствовали, когда встречались на Соловках с теми, на кого сами доносили.

И тогда, хорошенько получив по рылу, мы со всей очевидностью прозреваем, что Управление выше Труда. И оно не зря выше и не зря управляет трудом. И если ты откажешься управлять, как это бывало на Руси со времен призвания варягов, придут враги, возьмут власть и будут править, а не управлять. А правож, по-русски, означает порку, а то и дыбу. Творческие люди, кстати, очень плохо ее выдерживают. Но так было всегда в истории — когда ты отказываешься принять разумное управление, ты или хамеешь или становишься холуем. В любом случае тогда ты получаешь то, что заслужил — власть переходит к Хаму. Великий Хам уже столетие правит Россией...

И это тоже выбор. Выбор жизненного пути.

Глава 5. Большое Производство

В предыдущей главе я исходил из того, что производственная часть нашего предприятия как бы равна обычному малому программистскому предприятию, но постарался показать, что при этом Матка — обслуживающая производство часть предприятия — может открыть любое количество Внешних и Внутренних производственных отделов. А это значит, что Производство у нас будет большим, то есть состоящим из множества подобных, условно говоря, малых предприятий. Собственно говоря, любая экономика так и вырастает, прибавляя к некоему ядру необходимые расширения.

Как только это становится ясно, меняется и сам образ Производства. Даже если мы пока ограничимся только Внешними отделами, где люди работают временно и на дому, становится ясно, что при разрастании количества заказов и людей будет теряться и целостность образа и качество обслуживания производственников, если мы не подчиним все производство единому управлению. Иными словами, если над всеми управляющими Внешних отделов не будет стоять **Управляющий производством** с необходимым ему штатом.

Попробуйте почувствовать, как изменился образ Производства с точки зрения, скажем, генерального директора всей фирмы. Появилось звено, которое в глазах генерального, а значит, — услышите это! — и в глазах всего остального предприятия, всех остальных людей отвечает за все, что делает Производство. Теперь пропали множественные мелкие отделы, многочисленные постановщики и управляющие. Теперь есть Управляющий Производством и его хозяйство. Нашему разуму, разуму хозяина предприятия, больше не надо держать занятыми производственными образами множество условных «клеточек» у себя в мозгах. Разум высвободился для других дел. За производство теперь отвечает в нем одна двойная клетка: определенный Управляющий Производством и за ним нечто неопределенное, **но** не вызывающее беспокойства — Его Хозяйство.

И попробуйте представить себе, что происходит в управлении предприятием, если все управляющие Внешних отделов напрямую ходят со своими вопросами к генеральному директору. **По** жизненному опыту могу сказать, лучше всех будут жить те отделы, где самая симпатичная, на взгляд генерального, управляющая или где управляющий его личный друг. И не потому даже, что генерал коррумпирован, а потому что для него входить в заботы управляющих отделами слишком мелко.

Это начинается прикладная психология. Мозги генерала просто не справятся с такой объемной задачей и переложат решение на тех, кому он доверяет. И так и должно быть. Мы можем одновременно решать, точнее, одновременно держать в уме примерно семь задач. Редко чуть больше. Лучше — меньше. Так устроена наша способность думать. С этим можно воевать и перегружать свои мозги и мозги работников, но лучше это понять и использовать как подсказку для устройства правильных производственных взаимоотношений. Поэтому пусть лучше генеральный директор работает с пятью-девятью помощниками, отвечающими за крупные подразделения предприятия. А они, в свою очередь, так же должны работать с семью заведующими отделами и не больше.

Соответственно, доверяет Генеральный Управляющему Производством или не доверяет, но его одного он и проверит, и заставит работать. А вот толпа управляющих отделами и постановщиков обязательно будет «воровать», если в цепи управления будет разрыв, перегружающий мозги начальству. Старики-офени прямо говорили, что в артели должно быть семь работников.

Если же их становится больше, то хозяину надо брать помощников для управления.

Как только **Производство** определится с Управляющим, станет ясно, что прямо в нем, то есть в прямом подчинении Управляющего Производством, должны находиться еще несколько служб и отделов.

Первым я бы назвал **Внутренний отдел**. Это собственный штат программистов. Вначале они и работают Постановщиками задач при выполнении заказов. Но в перспективе Предприятие однажды должно будет приступить к созданию собственных программных продуктов. Это произойдет так скоро, как только у предприятия появится

на это достаточно средств. Вот тогда и должен заработать полноценный Внутренний программистский отдел.

Кроме того, в прямом ведении Управляющего Производством, а не в Матке должно находиться **Обеспечение** внутрипроизводственных нужд, каким, к примеру, бывают инструментальные цеха, склады, техники-наладчики.

Для программистского предприятия к Обеспечению будут относиться все техники, отлаживающие и поддерживающие работу машин или специализированные машинные возможности, включая связь и сети.

При Производстве же должны находиться **Экспертный, Исследовательский и Патентный отделы**.

Эксперты — это как раз основные штатные программисты предприятия, его голова, способная определить производительность новых заказов, рассчитать трудозатраты и стоимость работ, а также, конечно, создать образ решения каждой новой задачи.

Исследовательский отдел — это совсем не то же самое, что и Научно-исследовательский институт. НИИ должен заниматься, как это говорится, перспективными разработками.

Будущим предприятия. А Исследовательский отдел при Производстве — непосредственно тем, что находится в работе, но требует более глубокой проработки, чем в состоянии дать просто программисты.

Сейчас объемы программных продуктов и особенно сред, обслуживающих сложные наукоемкие отрасли производства, стали настолько велики, что многие заказы уже не решаются простыми заплатками из кодов. Нужны параллельные научные исследования, но исследования, как бы идущие вслед за производством и его нуждами, а не ведущие его.

Соответственно, Патентный отдел оказывается обслуживающим подобные исследования, можно сказать, обеспечивающим защиту. Но Патентный отдел должен обеспечивать работу и других отделов.

Совершенно определено, в современном программистском Производстве должны быть отделы *Проверки качества. Тестирования и Безопасности*. Безопасности, в первую очередь, с точки зрения сохранения секретности и авторских прав (особенно в отношении закрытых материалов, предоставляемых нам заказчиками. Все работники, участвующие в работе над заказами, в обязательном порядке подписывают так называемый Договор! о неразглашении. Но чтобы наши заказчики чувствовали себя спокойно, работая с нами, одного этого мало).

Наличие в Программистском предприятии этих трех отделов является признаком соответствия предприятия международным нормам, то есть правилам. Значит, понимание этой части дела есть путь к разворачиванию себя до предпринимателя международного масштаба.

Для программистского предприятия вопрос *Хранения* готовой продукции не кажется существенным. Это же не производство металлоизделий или пищевых продуктов, где нужны какие-то особые склады. Вначале достаточно иметь немножко свободного пространства на жестком диске. Но это вначале. Впрочем, какими бы ни были эти потребности, выглядит естественным, что все хранение материалов и продукции, то есть склады, хранилища и люди, отвечающие за хранение программных производственных материалов, также подчинены Управляющему производством.

В его хранилищах продукция хранится, пока ее не заберет отдел, занимающийся продажами и покупками. Мы называем его **Рынок**. И хотя это и внутренняя передача, но ее необходимо осуществлять документально, чтобы снимать с Управляющего Производством лишние хвосты, и тем самым высвобождать способность думать.

Для программистского предприятия, где еще нет собственной продукции, это означает точно такую же передачу файлов готовой продукции от одного работника другому в режиме секретности и с передачей ответственности за сохранность.

Вероятно, я не во всем точен, **и**, скорее всего, жизнь и сами работники Предприятия внесут в предложенный мною образ Производства изменения. Тем не менее, исходный Образ Производства представляется таким. И он развернулся из того, что я описывал в предыдущих главах. Как только мы заговорили не о производстве вообще, а об определенном производстве, образ уточнился и оброс деталями.

Теперь есть от чего отталкиваться при создании действительно работающего образа Производства и можно было бы перейти к той части Предприятия, которую мы называем **Маткой**. Однако мы легче поймем, что такое Матка, если выделим в образе предприятия еще одну часть, которая существует всегда, но далеко не всегда и не всеми осознается как самостоятельная и уже тем более сопоставимая с Большим Производством часть предприятия.

Глава 6. Второе Производство или Рынок

Слово Матка, использованное в предыдущей главе, было взято мазыками из жизни пчел или муравьев. Улей и муравейник тоже существуют ради матки и под ее управлением. Там

матка плодит не только жизнь, но и различные службы. Все знают, что и у муравьев, и у пчел бывают, условно говоря, различные профессии, обслуживающие основное производство, которое, по самой своей сути, является **воспроизводством** семьи. Матка у хорошего хозяина может произвести столько артелей и бригад, сколько потребуется для дела.

Разговор о производстве через понятие воспроизводства позволяет явно и значительно расширить и углубить наше понимание этой части народной культуры. **Целью воспроизводства явно и очевидно является выживание.** А вот на производстве цель не так видна, и многие «рабочие особи» теряют ее. Не многие вообще думают, что у всех работающих на предприятии есть какая-то общая цель. Лишь редкие люди уверенно отвечают, что **цель предприятия — получение прибыли.** А то, что **эта прибыль, по сути своей, есть средство, обеспечивающее выживание,** доступно совсем немногим. Однако и это не последний шаг мысли, если мы хотим понять устройство мира через его отражение в предприятии.

Если прибыль, деньги, попросту говоря, есть то, что обеспечивает выживание, значит, они есть не воплощенный труд, а воплощенная сила жизни, которую мы запасаем в таком виде.

Вот в этом мы сходны с любым живым существом, которое **запасает жизненную силу в таком виде, в каком она легко может быть усвоена,** или в собственном теле, или в улье, или муравейнике. Старики называли такую силу **съедобной.**

Понятие «съедобной и несъедобной жизненной силы» позволяет нам разделить все предприятие на две части — на ту, которая обрабатывает «несъедобную» силу, и ту, которая перерабатывает ее в «съедобную». Привычнее говоря, одна часть предприятия — Большое производство — делает **товар.** А другая делает из товара **деньги.** И тут начинается магия. Именно так! Все, что мы имеем как человеческую цивилизацию, невозможно на Земле. Ни один вид живых существ, сохранивший естественность, не смог бы выжить в таком количестве, как это сделали люди, просто из-за того, что сохранял бы верность Земле. Ни одному виду не хватило бы места для семи миллиардов особей, если бы он, условно говоря, играл по правилам и требованиям Земли.

Человек нарушил правила игры и добавил к земным, Богом данным, измерениям еще одно. Измерение сознания или измерение магии, я уж и не знаю, как это точнее назвать. В любом случае, люди сделали такой невозможный ход: продолжая телесно жить в земном пространстве, он перенесли взаимоотношения между собой в пространство сознания. А точнее, в пространства. И там всем хватило места.

Посмотрите на пацана, безотрывно бегающего в какой-нибудь компьютерной игре по виртуальным неземным пространствам, и вам станет ясно, сколько ему нужно жизненного пространства. Как говорили в старину, две сажени. А теперь прикиньте, сколько еще может вместить Земля. Пока не станет общей могилой... Эту магию, это колдовство нам надо понять, если мы хотим выжить.

Не рассчитывайте, что в этой книге будут какие-то окончательные ответы. Хорошо, если удастся дать хотя бы самое приблизительное описание явления. Да и то лишь коротенькими неуверенными штришками. К примеру, кое-что **о деньгах.**

Предприятие, созданное в человеческом обществе, может лишь перерабатывать нечто так или иначе извлеченное из Земли в деньги. Все остальное было бы отступлением от естественности, а значит, нежизнеспособным в земных условиях.

Почему перерабатывать? Да потому, что мы можем употреблять лишь «съедобную силу», то есть то, что непосредственно можно съесть, одеть, использовать. Для того, чтобы стать «съедобной», любая жизненная сила должна быть проведена через магическое превращение в деньги.

Даже фрукты или овощи, которые, как кажется, можно есть прямо с грядки, есть лишь пища, а не жизненная сила, пока не будут превращены в деньги. Почему? Потому что у тебя может быть много пищи, а ты не выживешь. Кроме еды, для выживания требуется еще много-много других вещей. Их надо как-то приобрести. Для этого придется или продать

овощи или обменять. Но как только часть овощей будет запасена отдельно от пищи именно для обмена, она превратится в деньги. И их больше нельзя есть, их даже никто не рассматривает теперь пищей. Одним решением превратить нечто в товар мы уничтожаем съедобность.

И хотя пища, безусловно, тоже дает силу жизни, но земные условия нашего существования показывают нам, что жизненная сила растворена на этой планете не только в еде, но и во всем том, без чего выживание невозможно. Причем растворена в прямом смысле этого слова. При этом в современном мире все, что требуется для выживания, можно приобрести за деньги, хотя силы жизни в них и нет. Ты не наешься ими и не согреешься. Значит, деньги есть некая условность, всеобщий договор людей считать, что «деньги правят миром», а точнее, если взглянуть психологически, что в *деньгах записаны некие правила управления использованием жизненной силы в человеческом обществе*.

В этом смысле деньги, безусловно, магичны, и магично все, что с ними связано. Если, конечно, под магичностью считать не знание каких-то таинственных ритуалов и знаков, а так, как в первобытном обществе, — способность обеспечить выживание своего племени, сообщества.

Основной задачей, к примеру, русских волхвов, которых так яростно вырезало христианство, была отнюдь не борьба с новой верой, а обеспечение Гобино. Сытой жизни своему народу! Именно ради выживания делали они свои чудеса, а вовсе не ради того, чтобы отвратить людей от церкви, как это описывается. Для них она была не враг, а помеха в работе.

Впрочем, если подходить шире, *магия — это вообще способность добиваться желаемого, мочь то, что хочешь*. Могия.

Деньги — это магия, это какое-то чудо, морок, но они, безусловно, действуют, позволяя выживать и добиваться желаемого, и действуют по строго определенным законам общественной психологии, позволяя управлять людьми. Эти законы и воплощены в устройстве всего человеческого общества и любого жизнеспособного предприятия. Вот почему частный предприниматель или малое предприятие начинают задумываться об освобожденных работниках, в первую очередь, с бухгалтера и управляющего, как только возрастает оборот денег. Не забывайте, бухгалтер — это всего лишь помощник управляющего по счету денег. Но хозяин и распределитель денег — управляющий.

Поэтому мы со всей определенностью можем сказать, что недостаточно лишь производить товар. Долгий переход от коммунизма к рыночному производству в России хорошо показал, как вылетали в трубу, сгорали старые большие предприятия, умевшие производить много товара, но не умевшие превращать его в деньги.

Поэтому вторая задача Матки после того, как создано Большое производство, — создать хорошее Второе Производство Предприятия. На Первом Производстве идет превращение несъедобной жизненной силы в товар, на Втором Производстве товар превращается в деньги, которые и обеспечивают выживание всем участвующим в деле.

Мы называем Второе Производство *Рынком*.

И тут очень важно сразу принять, что оба Производства совершенно равноправны и равнозначимы.

Я подчеркиваю эту равноценность двух производств предприятия все из-за той же еще живой в нас советской производственной культуры. Она навязала нам привычку относиться ко всему, что делает не рабочий класс, пренебрежительно и как к эксплуатации. Это все были происки коммунистических демагогов, которые заигрывали с пролетариатом, чтобы удерживать власть. Рабочий класс! Вот кто правил Советским Союзом. И кухарки будут управлять государством, — заявил Ленин, однако не подпустив к власти ни одну кухарку.

Работяга потому и внизу, потому и эксплуатируется, что просто по уму не может занять место вверху. А хочет! И всегда хочет, даже если отказывается, потому что понимает, что все

равно мозгов не хватит. Жестковато я прикладываю работягам? Это игры прикладного психолога. Я хочу, чтобы ваше мышление почувствовало, что быть работягой уязвимо в мире, который мы создаем, и скрыло ту свою часть, которая привыкла затравливать «начальство» от лица работяг. В нашем мире придется сделать выбор — кем быть. Работягой или...

Могу со всей определенностью заявить, что «работяга», «пролетарий» — это психологический механизм, создаваемый нами ради психотерапевтических целей. Приглядитесь к тем, кого мы считаем типичными работягами. И вы увидите, что основное психологическое их отличие заключается в том, что у них есть

право ненавидеть эксплуататоров. И ненависть народная вскипает, как волна...

Ненависть в те времена, когда рождались понятия «пролетарий», «эксплуататор» и «классовая борьба», считалась чувством полезным и прямо необходимым для управления пролетарскими массами. А как без ненависти разрушить то, что крепко и хорошо? Порыв ненависти — это как кровь, залившая глаза, как дурман или лихорадка. Последнее, пожалуй, точнее всего.

Состояние ненависти — это болезнь. Выздоровевший от нее человек в ужасе созерцает то, что натворил. Но это выздоровев.

А как выздоравливают от ненависти? Старики считали, что ненависть — своего рода яд, заполняющий наше сознание. И основной способ избавиться от нее — это выпустить из себя. Просто излить. И это подсознательно знают все люди. Вот только изливать ее можно наружу, а можно в другое сознание, перелить в другого человека. Почему?

А потому что наше сознание устроено как бы мешком или пузырем, который может хранить в себе память, знания, ненависть... Берешь свою ненависть и выплескиваешь на другого. Ты теперь успокоился, тебе полегчало, а он пусть ненавидит.

Вот это и есть психологическая суть классовой борьбы и политической пропаганды и агитации. Растравить ненависть и направить на какое-то из явлений сознания. Скажем, на государство. Ни одно явление сознания большого количества ненависти не выдерживает. Ненависть разъедает сознание. В итоге государство слабеет и его можно или захватить, или заменить, скажем, заняв в нем правящие места своими людьми.

То же самое творится в более мелких проявлениях сознания, скажем, на предприятиях. Они все переполнены ненавистью- Зачем нужно растравливать в работниках ненависть к руководству? Как кажется, затем, чтобы улучшить свою жизнь. Но жизнь каждого в стране, как и на предприятии, улучшается, если улучшается и усиливается все, начиная с самого государства или предприятия. Вот тогда «нормальный оппортунист», а крестьянин, чью науку мы сейчас изучаем, всегда оппортунист, ловец возможностей, просит то, что ему надо, и получает.

И что получается, если просить или требовать тогда, когда возможности дать все равно нет? Ничего, кроме права возненавидеть.

Еще раз. Если возможности выделить тебе то, что ты хочешь, все равно нет, то зачем просить? Незачем? А тогда почему просят? Да не просят, а требуют, буквально так, что пусть предприятие погибнет, а мне дай? Неспроста?

Неспроста! Кому-то выгодно, чтобы предприятие начало гибнуть. И выгодно это тому, кто будит в тебе бездумного работягу и заставляет требовать. Ты требуешь, не получаешь и начинаешь ненавидеть тех, кто не дал. А это управление.

Управление от ненависти работников слабнет. И меняется! **Не** в лучшую сторону. А совсем. Как когда говорят: у нас сменилось руководство.

Вот и выгода. Кто-то сменит руководство, а ты останешься работягой.

И это еще один выбор!

Скажу так, на жизнеспособном предприятии может быть только два вида работников — Управляющие и Художники. И далеко не всякий, кто работает руками — работяга. Работяга — это не тот, кто работает, а тот, кто считает себя работягой, чтобы иметь право ненавидеть управляющих!

Ремесленник, мастер своего дела — не рабочий и не пролетарий. Он художник, которому нравится творить. А в управление он не идет не потому, что не может, а потому что творит

образы, более для него значимые, чем те, что творятся в управлении. Но это мы затрагиваем вопрос о разнице между образами вещей, которые творит Художник, и образами действий, которые творит Управляющий. Об этом надо говорить отдельно.

Итак, по сути, на жизнеспособном предприятии могут быть только два вида работников — управляющие и художники. И никаких работяг! Работяга — это всегда вредитель. Но это если смотреть с точки зрения предприятия. Если же посмотреть с точки зрения людей, которых сделали работягами, то такой жесткий подход ставит их перед выбором: или помереть, или помереть как работягам.

И это возможный выбор. Дело в том, что те, кто работают лишь по образцам и утратили способность творить образы сами, в глубине души — те же художники. Но что-то заставило их предать себя и жить так, как велело наше общество. А как велело наше общество, которое откровенно спаивало людей, чтобы они не думали и были послушными?

Однако общество или государство может быть только таким, каковы мы, составляющие его. Значит, нам зачем-то было нужно, чтобы было такое общество? Зачем? А чтобы было на кого свалить вину за то, что мы превратились в злобное быдло!

Выбор — быть художником или быть неуязвимым, а работяга психологически неуязвим, — это выбор, который мы совершаем еще в детстве, когда отказываемся от Мечты ради права на месть и ненависть. Говорить об этом здесь я не смогу. Думайте сами. Но жесткое неприятие работяг — это условие выживания предприятия. Ненависть — это смерть для мира. Только художники, как бы сложно с ними ни было! А вот работяга или художник — это твой личный выбор.

Тем не менее, я боюсь, что мне не удастся передать образ, который я описываю, и понимание остается лишь общим. Попробую порисовать. Представьте себе обычное предприятие. По крайней мере, как его обычно представляют. Оно выглядит как пирамида, где в широком основании находится производство, над ним ненавистное и непонятное для советского работяги Управление и на самой вершине — зажавшийся и охамевший директор.

Образ предприятия, который я пытаюсь нарисовать в этой книге, тоже напоминает пирамиду, но еще больше кольцо или раскрытую книгу. На одной странице — Производство, на другой точно такой же рядом с первой — Рынок. При этом строки словно бы перетекают с одной страницы на другую и обратно.

Посередине, но не выше — Мамка, как корешок, который все соединяет. А над всем этим, как тот, кто эту книгу читает, — Управляющий. Он — Хозяин Дела.

А это значит, если мы представим себе крестьянскую семью, он — мудрый старик, который уже не должен ломить и пахать вместе со всеми. Он может лежать на печи, читая свое Дело, как книгу, и только подсказывать сильным и хорошо обученным сыновьям. Только управлять. Лишь бы видел дальше других...

А можно поглядеть на предприятие и как на птицу, которая несет тебя к мечте. Как сказочная птица Маговей, выносящая богатыря из Нижнего мира к Свету. Тогда действительно становится ясно, что оба крыла должны быть равны и нельзя относиться к одному хуже, чем к другому. На нашем предприятии придется полностью принять мысль о том, что Рынок равен Производству.

Что входит в задачи Рынка и из чего он состоит?

Давайте подумаем. Если главная задача Рынка — обеспечить превращение товара в деньги, а главная задача самих работников — работать как можно меньше, значит, надо продавать товара как можно меньше, но как можно дороже. Это несколько неожиданно, потому что обычно принято считать, что продавать нужно как можно больше. Но это-ловушка. У коммунизма одни ловушки, у капитализма свои. Это — основная ловушка, в которой застревает капиталист. Коммунист — раб власти, капиталист — денег. Он для денег, а не они для него.

А что же делать нам? Тут, конечно, неплохо бы поразобраться в своих целях еще раз, но в общем у нас уже есть договор — достигать своей мечты, и он нас спасет. Нужно только посидеть и посчитать, сколько нам для этого нужно. И тогда будет ясно, что для того, чтобы зарабатывать как можно больше, а работать как можно меньше, нужно, чтобы наш товар очень хорошо покупался. Чтобы это был дорогой товар.

Если бы мы извлекали что-то из Земли, Рынку пришлось бы подумать над тем, какой источник силы выбрать для устройства там производства. Почему Рынку? А кто же еще должен подсказывать управлению, на какие товары перейти, как не Рынок? Ведь только он знает, что покупают лучше, Следовательно, в Рынке должна быть служба, которая изучает **Спрос**. Можно назвать ее **Экономической Разведкой**. Слово «разведка» столь романтично, что все романтики с наслаждением будут в нее играть.

В Рынке, естественно, должен быть отдел, занимающийся **Продажами**.

Ну а поскольку мы на нашем программистском предприятии работаем с Заказчиками, но можем в любой миг выбросить в магазины собственную продукцию, то и отдел Продаж должен состоять из двух подразделов — по работе с **Заказчиками** и по работе с **Магазинами, Торговлей**.

В этом есть нечто, что не бросается в глаза из-за очевидности, но правит всем. Вся работа с заказчиками, а также вся работа с покупателями в магазинах — **это работа с людьми**. А это значит, что в Рынке должен быть свой штат психологов, по-нашему, психотехников.

Психотехник, работающий с Заказчиком, является Представителем заказчика. Как должен называться психотехник, работающий с магазинами, я пока **не** знаю, но работать он должен в **Рекламном отделе**.

Вот, пожалуй, и все основные службы Рынка. Единственное, о чем еще стоит упомянуть, — это то, что Заведующий Рынком должен наравне с Заведующим Производством обладать правами заместителя Генерального Управляющего.

Глава 7. Матка

Что же входит в задачи Матки? Поддержание жизни. Не дать умереть всему предприятию, работающим на нем людям и их семьям.

Значит, задача Матки — изучив предложенные Рынком источники силы, выбрать наилучший, понять, как можно извлекать из него эту силу, и вырастить такое тело предприятия, которое сможет эту силу перерабатывать и превращать в съедобную наилучшим из известных образов.

Тут надо кое-что пояснить. Матка выращивает такое тело предприятия, которое способно перерабатывать силу **наилучшим из известных образов**.

Матка действительно не в состоянии ничего придумать, **она** должна соответствовать общепринятому, а значит, неким образцам, которые существуют в обществе. И когда мы начинаем новое дело, мы сразу же обращаемся к набору подобных образцов, хранящихся в законодательстве. Но это не тупость и не отсутствие смекалки. Просто таковы условия нашего земного существования и таков путь, избранный человечеством для своего развития. При сложении этих двух условий — Земля и Культура — обрабатывать жизненную силу и превращать ее в съедобную можно лишь вполне определенным образом, соответствующим законам этого мира.

Несколько слов о законах. Раз вопрос поставлен о соответствии Земле и Культуре, то есть Обычаю, значит, имеются в виду законы физические и законы правовые, законодательство. И те и другие, будучи названы, оказываются составными частями Образа мира. А точнее, описывают то, что может уничтожить человека или поставить перед ним непреодолимое препятствие.

Я бы хотел, чтобы это было понято правильно. Конечно, есть законы, которые способствуют жизни на Земле. Ноя говорю сейчас с точки зрения психологической, то есть с точки зрения восприятия человеком законов этого мира.

А восприятие это таково, что мы знаем о благоприятных нам законах, но предпочитаем ограничиться лишь указанием на то, что они есть. Вроде: что не запрещено, то разрешено. Так было во все века. Присмотритесь к религиям, и вы увидите, что добрых богов почти нет, а те, что могли считаться добрыми, забываются в самую древнюю эпоху. Поклоняются, в основном, страшным богам, богам опасным. Вопрос о том, считать ли богов Ислама и Христианства страшными, я оставлю верующим, а в доказательство своей мысли приведу, как пример, этнографический рассказ об одном странном божестве:

«У некоторых народностей в Японии отмечались странные ассоциации, связанные с ленточным червем. Они верили, что существует определенное божество по имени Аманжака в виде ленточного червя, который временно обретается в теле человека. Он может проникнуть в него только по определенным ночам и только во сне. В такую ночь, получившую название "ночь Ко» шин", по их мнению, этот червяк мог выползти из тела человека, чтобы сообщить небесному богу о грехах тех людей, в организме которых он побывал. Нужно сказать, что ленточный червь обычно поставлял неблагоприятные сообщения богу, даже если на самом деле все обстояло иначе.

Чтобы не допустить этого, люди обычно бодрствовали, не ложились спать в течение всей "ночи Кошин". Они даже не позволяли спать детям, опасаясь, как бы негодный и подлый червь не проник в их тельце.

Отдавая себе отчет в том, что только в эту ночь Аманжака мог доставить свое донесение, люди собирались накануне вечером, чтобы чествовать это божество. Они предлагали ему свои дары, пищу, воду, чтобы тем самым чем-то занять его, полагая, что когда божество досыта наестся и напьется, то разомлеет и ему станет лень доставлять свои донесения на Небеса».²⁵

Точно так же воспринимаются человеком и законы природы. В первую очередь нас влекут опасности, хотя бы потому, что жизнь уже дана, а теперь надо сделать все, чтобы ее не потерять.

²⁵ Талалаж Я., Талалаж С. Самые невероятные в мире обычаи. — М.: Крон-Пресс, 1998, — С. 106-107.

Задача сохранения жизни и заставляет человека в первую очередь посвящать себя изучению и служению страшному и опасному. Чем же в таком случае оказывается предприятие, которое создает Матка?

Можно сказать, что предприятие — орудие выживания. Это очевидно. Но если мы приглядемся, то увидим, что для обеспечения этого выживания Матке приходится так приспособить предприятие ко всем законам, что в его теле оказываются воплощенными все защиты и увертки, придуманные человеком, чтобы выжить. Но если обходные пути точно соответствуют изгибам опасностей, значит, стены нашего храма выживания исписаны образами этих опасностей. Иначе говоря, храм выживания внешне выглядит самым устрашающим образом, потому что на его стенах нет никаких других изображений, кроме ликов самых опасных богов. И любой внешний наблюдатель может посчитать, что видит перед собой самый ужасный из храмов.

Естественно, все это относится ко всем возможным религиям и верам. **Все храмы людей — храмы жизни**, даже если называют себя храмами смерти, но разные народы по-разному видят страшное, потому что по-разному сталкивались с опасностями и преодолевали их на своем историческом, точнее, доисторическом пути.

Но оставлю примеры из религии. Об этом написано достаточно много. Мне гораздо важнее, чтобы закрепилось видение *предприятия как храма выживания, Тело которого, по сути, представляет из себя воплощенный Образ мира*. Естественно, как его видит

современный человек.

Если мы теперь разделим предприятие на ту часть, которая дает жизнь, и на ту, которая заботится о первой, защищает ее от уничтожения, то увидим, что к первой относятся оба производства, а также то, что творит будущее предприятия, что ведет к мечте. Все, что занято защитой, и будет Матка.

Что же в таком случае войдет в Матку, если мы изыдем из нее все Производство и Будущее?

Попробуем в этом размышлении оттолкнуться от использованного мною выше мазыкского выражения, что Матка творит тело предприятия.

Из чего может состоять тело предприятия, если такое выражение вообще допустимо? Лично я вижу три составные части:

во-первых, это люди, во-вторых, это вещи, и в-третьих, образы, в соответствии с которыми устраиваются вещи и работают люди.

Про вещи или, как это принято называть, материальную часть производства я, пожалуй, говорить не буду. На предприятии, подобном нашему, она слишком проста. Однако **Хозяйственная служба**, отвечающая за приобретение и поддержание вещей в порядке, быть, конечно, должна. Соответственно, должен быть и **Заведующий хозяйством**.

Все, что касается людей, относится к ведению **Отдела кадров**.

Во-первых, Отдел кадров осуществляет поиск нужных людей, специалистов в соответствии с заявками всех остальных отделов и, в первую очередь, конечно, Производства.

Во-вторых, в ведении Отдела кадров должны находиться обучение и профессиональная подготовка работников. Не можете найти нужного спеца — обучайте, но производство должно работать, а предприятие жить.

И в-третьих, конечно, запись всего происходящего в делопроизводственных бумагах.

Соответственно, получается, что в ведении **Заведующего Отделом кадров** должно быть три подразделения: **Поиска, Обучения и Оформления** работников.

По поводу образов нужно сразу оговориться, что Матка не занята творением образов. Она их лишь воплощает и отслеживает правильность воплощения, то есть соответствие образцам. А как увидеть, соответствует ли нечто, воплощенное тобою в материю, образцу?

Давайте подумаем. В чем хранятся образцы? Конечно, можно сказать, что в человеческих умах, в сознании. Это и верно, и неверно. В сознании образы творятся и хранятся, но... чужая душа —

потемки! А мысль изреченная есть ложь. Иначе говоря, человечество не доверяет больше такому хранилищу образов, как память. Времена эпических сказителей, хранивших обычаи своего народа в памяти, миновали.

Человечество хранит образцы для собственных действий на внешних носителях памяти, в первую очередь, на бумаге. И самым простым способом проверить свои действия на соответствие образцам будет записать образец на бумагу, потом выполнить по нему какие-то действия, затем описать свои действия на новой бумаге и сложить обе бумаги вместе. Если они совпадут, все сделано верно. А если где-то есть расхождение, на предприятие или человека можно накладывать штрафные санкции.

Это относится и ко всем кадровым делам, и к хозяйственным. И подбор людей, и подбор вещей идет на производстве, исходя из его нужд, а это значит, строго в соответствии с образцами подобных нужд.

Вот и получается, что головой Матки, которой подчинены Кадры и Хозяйство, оказывается **Делопроизводство** — Третье Производство Предприятия, Производство Дел. В старину бы его назвали Писцовым приказом. Делопроизводство насквозь магично в силу того, что работает с образами, значит — нематериально, но правит всей материальной и человеческой частью предприятия. Но об этом мы поговорим подробнее позже. Сейчас достаточно будет указать, какие подразделения входят в отдел Делопроизводства.

Пожалуй, их всего два: **Общее делопроизводство и Бухгалтерия.**

Общее делопроизводство обслуживает все отделы предприятия, создавая их описания и сличая их с образцами. Бухгалтерия обслуживает денежные потоки. И то и другое, по сути, заняты лишь обеспечением неуязвимости предприятия.

Соответственно, **Заведующий делопроизводством**, этакий Генеральный секретарь, оказывается очень важной фигурой в любом деле. И наша история показывает, как Генеральные секретари из главных делопроизводителей превращаются в верховных правителей всей страны.

Эта должность способствует захвату власти, поэтому Заведующий делопроизводством должен быть первым заместителем Генерального Управляющего. Станный ход, правда? Но нет в этом странном мире более прямых путей, чем окольные. Ничто не удержит Главного делопроизводителя от захвата власти, если он задумает подсидеть Первого. Вспомните Сталина. Вольно или невольно Главный делопроизводитель будет собирать свою команду из числа управленцев, а это значит, что в один прекрасный день в его руках окажется вторая Матка. И как только она ощутит себя дееспособной, она тут же начнет роиться, собирая своих людей, и строить свой улей. И если другого места нет, она захватит имеющийся, для чего и уберет бывшего Главу предприятия.

Следовательно, в миг, когда молодая Матка начинает роиться, ее надо отсадить в собственный улей.

Говоря понятнее, на должность Заведующего делопроизводством надо ставить тех людей, кто стажирется на Управляющего предприятием. А как только он обучится, стажировку нужно заканчивать, создавая ему дочернее предприятие от основной фирмы.

Конечно, на должность Заведующего делопроизводством или первого заместителя могут приходиться люди с любых ведущих должностей — Заведующие Производствами, Кадрами, Хозяйством, — но для создания дочерних предприятий их стажировка на этой ступени обязательна. Почему?

Да потому, что Маткой предприятия является его **Управляющий**. А все остальные службы — Кадры, Хозяйство и Делопроизводство — есть лишь его увеличенное тело. И управляет он, передает управление, через «нервы», которые сходятся к Заведующему делопроизводством. И тут есть одна хитрость. **Если предприятие устроено верно, то Управляющий ничего не должен делать.** Он должен быть лишь пучком нервных окончаний, чувствующих неуют от того, что что-то не сделано. А делать все должен Главный делопроизводитель — делатель дел. От лица Управляющего, конечно.

Это надо увидеть, потому что это непривычно. Делопроизводитель потому так и называется, что он должен производить дела. Но «делами» называются бумажки, точнее, папки, в которых хранятся эти бумаги. Многие работники крупных предприятий вообще никогда не видят директора, а уже тем более с ним не работают. Зато все работники видят и работают с выпущенными от его имени бумагами. Например, с ведомостями зарплаты, или кадровыми документами. Это означает, что Управляющий вполне может быть фигурой номинальной, как говорится. Он может быть совершенным бездарем, нулем и просто с достоинством занимать свое место. Если Делопроизводитель на предприятии хорош, и все бумаги производятся в соответствии с образцами, никто никогда не заметит, что Управляющий — пуст! Подробнее читайте у Салтыкова-Щедрина.

Я же со своей стороны добавлю лишь то, что лучшими управляющими являются прожженные, но мудрые лентяи. Как деревенские деды, которые правят хозяйством, не слезая с теплой печки. Задача Управляющего — не лезть ни во что со своим умом. Образцы есть образцы и их не улучшишь. Его задача — нежиться в безделье и наслаждаться этим. **По сути. Управляющий воплощает мечту всего предприятия о блаженстве.** И именно это его дело, а в способности спихивать с себя работу на других — высшая ценность. Я не шучу и очень хочу, чтобы это усвоилось.

Матка, конечно, плодится, но при этом она ничего не делает в улье. Не выполняет

никаких работ. И весь улей ухаживает за ней как за высшей ценностью, какой обладает. Управляющий подобен в этом матке. Он представляет ценность для предприятия именно своей способностью острее всех остальных чувствовать блаженство и умением думать, как избавляться от помех блаженству. Почему?

Задайте себе вопрос: А я хочу в блаженство?

— Ну, конечно. Кто же не хочет! Тогда следующий: А получается?

— Да не всегда, конечно.

— А почему не всегда? — спрашивали себя?

Так вот, объясню. Профессионализма в этом деле не хватает!

Дикое слова, если их принять всерьез. А принять надо всерьез. Дико здесь то, что профессионализм может относиться к работе, но никак не к блаженству. Профессионализм предполагает, что блаженства можно осознанно и определенно достигать. А мы знаем, что оно может лишь случаться в некоторые особо удачные мгновенья жизни. Так показывает наш жизненный опыт.

Однако жизненный опыт есть лишь проявление нашей культуры. В нашей культуре есть знания о том, что блаженство на земле невозможно, и нет знаний того, как его достигать. Это называется опущенностью. Нас опустили с Небес на грешную землю и заставили принять себя такими. И чем дольше мы будем держать себя опущенными, тем труднее нам будет вернуть то, что наше подсознание считает естественным состоянием. Блаженство, к примеру.

Мы постоянно нацелены на смерть — как бы не помереть. А когда нам предлагают просто жить, мы не понимаем, как это, просто жить! Я же и так, вроде бы, живу!

Вроде бы, не помираю... пока!

Если мы вырастим профессионалов, которые будут знать, как сохранять блаженство и вести к нему других, то нам останется всего один шаг до того, чтобы научиться жить.

В чем же тут возможен профессионализм? В умении избавляться от помех блаженству, которое свойственно одаренным управляющим. Как они от них избавляются? Как я уже сказал выше, спихивая работу на других.

Но всмотритесь в эти слова. Они полны ненавистью пролетария-работяги к эксплуататорам и кровопийцам-захребетникам. Человек в ненависти думать не может. Он туп, как злобное животное. А если отбросить ненависть и задуматься?

Что означает способность Управляющего «спихивать» дела на других? Это значит, во-первых, что ***Управляющий видит, я подчеркиваю и пишу это слово с большой буквы. Видит помехи своему блаженству как дела!***

Это большое искусство — способность узнавать в помехах соответствия образцам. А ведь тут мы имеем именно узнавание образцов, потому что ничто нельзя превратить в «дело», если для такого дела нет соответствующего образца. Делопроизводители просто не будут знать, как и что описывать.

Получается, что хороший управляющий должен иметь и великолепные знания образцов, правящих делами в этом мире, и чутье, позволяющее распознавать образцы в мешанине помех, преследующих любое предприятие.

Во-вторых, нельзя спихнуть дело на другого, если другой с ним не справится, потому что такое дело обязательно вернется к тебе еще большей головной болью. Значит, ***Управляющий должен видеть людей, а точнее, их способности, их предрасположенность к тем или иным делам.***

Это сложно, потому что означает, что ты должен видеть устройство мышления работающих у тебя людей. Вернее даже сказать, соответствие устройства их мышления тем или иным образцам делопроизводства. Это уже что-то из ясновидения.

И в-третьих, нельзя на предприятии ничего спихнуть на кого-то, не оплатив ему эту работу. Просто потому нельзя, что все равно он будет делать это в рабочее, значит, оплаченное время. Конечно, если такие поручения разовые, то они отвлекают работников от

основной работы. Но с этим приходится мириться, иначе развалится предприятие и не будет никакой работы. Но если непредвиденные поручения повторяются постоянно, то однажды хорошо справляющегося с ними работника закрепляют за этим участком работ.

И так, спихивая с себя помехи, *Управляющий творит рабочие места, а значит растит тело Предприятия.*

Чуять блаженство и выращивать тело предприятия с помощью своих основных помощников— Заведующих Производствами— вот это и есть основная задача Матки.

Глава 8. Храм, или Научно-исследовательский институт

Для того, чтобы понять, что такое Храм в жизни человечества и что такое **Храм в предприятии**, придется вернуться к понятию *Источника жизненной силы*.

Казалось бы, на Земле не может быть иных источников силы, кроме земных. Но мы уже говорили о том, что человек стал человеком, совершив чудо. Он отказался от Земных просторов и перенес основную часть своей жизни в пространства сознания. Вещь эта невозможная для материального существа, но человек свершил это. И свершил настолько полно, что даже перенес в эти пространства основные Источники силы!

Источники жизненной силы бывают разными. Таким источником может быть и то, что непосредственно можно есть. Поле картошки, отара овец или рыба в реке. Но даже в этом случае, как мы уже поняли, изрядную часть добытого или произведенного придется продавать или менять, чтобы выжить. В этом смысле такой Источник силы ничем не отличается от мест, где можно добывать несъедобные, но нужные вещи. Например, дрова, руду, растительное волокно, электроэнергию. Сила, добытая из Земли, еще несъедобна, поэтому ее надо продать, а на вырученные

деньги купить «съедобную», то есть такие вещи, которые сможешь использовать.

И тем не менее, лишь эти, как говорили мазыки, Земные Источники силы обеспечивают выживание человечества. И другой жизненной силы на этой планете нет.

Однако, как это ни странно, основные деньги достаются не тем, кто непосредственно добывает «несъедобную силу», а тем, кто ее перераспределяет. Иначе говоря, *основные источники земной жизненной силы скрыты для нас с вами не в земле, а в недрах Общества*. Вероятно, это произошло потому, что способы переработки силы так сложны, что добыть ее много можно только

сообща. А это значит, что и распределяться она будет сообща, то есть как решит общество.

Этот разговор о совместном распределении прямо и непосредственно подводит нас к еще нескольким мифологическим или магическим понятиям. К **Счастью и Судьбе**.

Как кажется поначалу, понятие «счастье» трудноопределимо. Самое лучшее определение, которое родилось за двадцатое столетие: Счастье — это когда тебя понимают.

Тем не менее, у этого понятия есть вполне определенная история возникновения. Если приглядеться к самому слову, то в нем определенно звучит: «с частью».

Русский язык содержит целый набор слов, несущих те же значения. Например, **Доля, Удел, Участь** и даже **Честь**. Как видите, в них во всех просматривается одновременно и понятие Рока, Судьбы и понятие Счастья. Это значит, что изначально счастливым считался тот, кто имел право на долю в общей добыче, а может, и проще — просто имел свою долю безо всякого права. И это точнее, потому что когда мы говорим: Таков мой удел, — мы как бы смиряемся с некой неведомой нам неборимой силой, которая решает, выделять нам долю или не выделять. А если мы при этом поймем, что Удел — это впоследствии вотчина князя или боярина, с которой он «кормится», как говорилось, а Доля вообще — это тот запас жизненной силы, который тебе выделен для выживания, то станет ясно, что Доля, Удел, Счастье — это то, что определяет, будешь ты жив или помрешь. И нет никаких прав или

правил, определяющих, кому какая Доля достанется.

Отсюда, из такого понимания Счастья, и рождается понятие Судьбы как Суда Божия, творимого неведомо где и неведомо по каким законам. Но **Бог-ач, Бог-атый** — это избраннык Богов, тот, кому Судом Божиим определено много **Богатства**. У него Судьба такая...

Вообще-то правила выделения доли, то есть распределения счастья, существовали и существуют. Именно они отразились в слове **Честь**. Вероятно, это слово одного происхождения со словом Часть. Во всяком случае народная психология считает, что по Чести и Достоинству, по Достоинству — Место в обществе, а по Месту — Доля, Удел.

Однако общество могло себе позволить определять счастье, то есть часть или долю, или участь своих членов, только пока само было мало. Растет общество — растут сложности управления. Ты просто не можешь больше знать всех лично, а значит, и сравнить их достоинства. Нужно, чтобы память хранил некий посредник, например, родословная книга. Уж родословцы-то вполне можно сравнить между собой.

Но договоры, хранящиеся в записях о местах, в родословцах оказались не очень надежными вещами. Они давали возможность обманывать и приписывать себе более высокое достоинство. К тому же они были далеко не всем доступны. Это была яркая, показательная, но боковая ветвь магии распределения жизненной силы, к тому же тупиковая. Поэтому она умерла.

Гораздо раньше и незаметнее человеческое общество создает духовное пространство, пространство сознания, которое хранит договоры о том, как должна распределяться сила жизни. Именно оно и получило имя Судьбы. *А материальным носителем записей Судьбы оказались Деньги.*

Деньги — это тоже не сама судьба. Это, как и родословные книги, всего лишь одна из попыток записать судьбу, потому что они помнят лучше, чем люди. Они материальны.

Однажды Судьба получила место прописки или приписки — деньги. Теперь, глядя на эти бумажки и монетки, мы одновременно видим вещи и духовные пространства, хранящие предписания о том, как и сколько в этом мире можно получить дополнительных жизненных сил.

У богини по имени Судьба до сих пор полно жрецов, и храмы ее переполнены. Многие религии и их творцы говорили своим последователям: отрекитесь от этого мира, войдите своим сознанием в меня и видите мир только таким, каков он во мне и за мной.

Это происходит, когда кришнаиты вслед за индуизмом говорят о том, что наши такие осязаемые и материальные тела брэн-ны и иллюзорны, а душа, которая не видна, не осязаема и кажется выдумкой, переходит из одного в другое и остается единственной действительностью. Это же происходит, когда в русских житиях святых уверовавшая в Христа женщина говорит домогающемуся ее влюбленному: «Испей воду за правым бортом лодки, а потом испей за левым. Есть ли разница? Нет? Так вот так же и женские тела. По прошествии времени ты не вспомнишь разницы между женщинами, которыми обладал. Все вождение к телу — обман...»

Богине Судьбе не приходилось никого из своих слуг убеждать в том, чтобы они научились видеть не вещи, не материальные проявления, а самую суть, духовное наполнение и внутреннюю силу вещей. Ее служители — это люди, которые делают деньги из денег, даже не вспоминая, что жизненная сила при этом хранится в вещах и пище, то есть в Земле. Человек, делающий деньги в банке или на бирже, подобен математику или музыканту, который глядит в выдуманный мир каких-то несуществующих взаимодействий и, как ни странно, при этом предсказывает соответствия с действительностью. Можем ли мы не считать такого человека магом?

Управление гораздо более магично, чем производство, потому что оно гораздо более действенно. **Но** нет никакой иной магии, кроме той, что производит производство. И это древний спор, завершившийся во многих странах революциями рабочих против

эксплуататоров. Где же действительность, где же настоящее?

Очевидно, нам пора отказаться от материалистического взгляда на мир. Духовный мир, мир человеческого сознания — такая же действительность, как природа и материя. И в нем производится что-то такое, без чего ни одно производство невозможно, а значит, невозможно и извлечение жизненной силы. **Духовный мир человека производит образы.**

К примеру, образы того, как добывать и распределять жизненную силу. И они стоят так много, что люди платят и платили всегда творцам образов больше, чем производителям жизненной силы. Платили как раз те, кто ее производил. Попросту отдавали большую часть произведенного за эти образы. Значит, мы вполне можем перевернуть все взгляды на взаимоотношения между рабочими и управляющими: совершенно неосязаемые, как бы невидимые, почти несуществующие образы так ценны и так ценятся в этом мире, что человечество считает возможным вкалывать в поте лица своего и отдавать все добытое, чтобы только приобрести хоть какое-то количество этих образов.

Иначе говоря, жизненная сила, которую мы добываем, возможно, нужна вовсе не для выживания. И она, и само выживание нужны только затем, чтобы успеть приобрести за свою жизнь как можно больше образов сознания. По крайней мере, так это ощущают все «простые люди», не являющиеся творцами образов. Как называл их один из обучавших меня стариков — охотники за образами. Земля — это лучшие охотничьи угодья в ближайших окрестностях вселенной, почему мы все сюда и слетелись. В образный заповедник.

Эта мысль, возможно, не будет принята сразу, и ей стоило бы посвятить отдельное исследование. Но приглядитесь сами и вы увидите, как жадно хватывается различные образы всю свою жизнь, как готовы платить за них деньги, будь они в виде книг, видеофильмов или бесед с умными людьми... Образы — это инструменты выживания, но выживание — это возможность для охоты за образами... Зачем это, какова цель этой дикой охоты? Это тоже отдельный разговор. Возможно, это одно из условий перехода в мир иной. Но чтобы это рассмотреть, нужно очень глубоко забраться в свое сознание, преодолев множество отвлекающих помех. Например, производство.

Почему Храм или НИИ занимает такое важное место в Устройении предприятия и Общества?

Только потому, что он призван открывать **будущее** людей. Раньше это называлось прозревать. Иначе говоря, читать судьбу или книгу судьбы. Это означает, что люди эпох прозрения признавали наличие рока и всеобщей предопределенности. Когда все в руках Божьих, можно лишь подсматривать его намерения, но ничего нельзя изменить. Тогда ценятся те, кто может подсмотреть — провидцы или продолжатели их дела — религии, церкви.

В материалистическую эпоху провидение было отменено. Конечно, есть в человеческой жизни вещи, которых нельзя избежать:

жизнь, взросление, старение, смерть, пребывание в обществе и т. п. Но в остальном человек сам творец своей судьбы и своего будущего. Будущее можно просто создать таким, как мы хотим. Конечно, для этого придется увязать те имеющиеся неизбежности, которые все-таки остаются. Увязать их непросто, особенно такие, как проявления природы и общества. Поэтому нужно что-то, что может это сделать, — Наука. Пожалуй, только она одна.

И вот по всей земле стоят двойные храмы — религиозные и научные. Одни предсказывают будущее, исходя из озарения и провидения, другие его рассчитывают и делают, исходя из человеческих желаний.

Почему же будущее так ценно? Незнание пугает. Будущее несет страх и надо сделать все, чтобы его избежать. Страх смерти, в конечном счете, какой же ещё! Значит, преклонение перед будущим — это суть борьбы за выживание.

Будущего не боится только тот, кто уже принял идею смерти при жизни и живет как бы умершим. Для всех остальных будущее — постоянная угроза разрушения всего, что сделано или начало делаться, то есть задумано. Будущее — это то, что рождает слова: все напрасно! Иначе говоря, ты предполагаешь, ты строишь образы, ты создаешь, ты бьешься за что-то, а будущее располагает. Именно из него, как из некоего тумана, появляются разрушители намеченного, разрушители мечты.

Просчитать будущее настолько сложно, что остается только смириться. Даже если ты продолжаешь биться и готовишься к возможным невзгодам (из будущего), ты должен иметь заготовленный образ отступления, вроде закопанного под деревом котелка с деньгами.

В этом смысле будущее — главный разрушитель надежды. И мы, начиная новую жизнь, всегда готовы к поражению, оставляя себе лишь одну уверенность: может быть по-разному!

Повезет — не повезет, но жить надо и пытаться сделать то, зачем пришел, тоже. И как бы там ни было, в целом жизнь очень справедливая штука. По большому счету, каждый имеет даже не то, что заслужил, а то, что создал.

Следовательно, допуская возможность любых неожиданностей, нужно исходить из тех условий, что есть, и извлекать из них все, что можно, что они позволяют. По сути — это всего лишь верность глубинной природе человека как живого существа: стекание с плотного, твердого, убивающего жизнь, в мягкое, ласковое, уютное. *У мазыков это называлось лучом райского возвращения.*

При этом можно быть и не согласным ни с религиозным, ни с научным подходами к понятию «будущего» в каких-то их частях. Но будущее, в общем, все-таки предсказуемо, и человек всегда в состоянии создать образ будущего и воплотить его настолько, насколько удастся.

Иными словами, мы можем жить в том мире, в котором хотим жить, несмотря на все сложности и противодействие. Это не просто, но наука Творения миров и не предполагает быть простой. Вот для чего нужен свой НИИ или Храм Будущего.

Матка Предприятия — это место, где перераспределяются образы и деньги.

Храм предприятия — место, где эти образы творятся, когда отсутствуют образцы.

Заключение

Когда мы заглядываем в самые начала человеческого мышления, то обнаруживаем, что в наших представлениях устройство общества соответствует устройству мира. Дюркгейм и Мосс, виднейшие европейские исследователи первой половины XX века, показали это на множестве этнологических примеров^{Эб}.

Суть их исследования сводится к тому, чтобы показать, что между миром и устройством поселения первобытных народов, таких, как зуны, к примеру, имеется прямая связь. Стороны света, зенит и надир, середина мира, все это воплощается в поселении. Но это не главное, потому что при этом сам образ мира хранится не в хижинах и геометрии, а во взаимоотношениях фратрий и кланов, то есть тех групп, на которые делится общество.

И все-таки уподобление поселения миру стоит отметить.

Точно так же существует немало исследований, которые показывают, как устройство мира воплощается в наш дом. Особенно ярко это видно на примере шаманского чума с его центральным шестом — прообразом Мирового древа, по которому шаман отправляется в путешествие на Небо.

Со своей стороны, мифология однозначно показывает нам, что дом, поселение и общество в их уподоблении миру есть лишь расширения, разворачивания образа первочеловека, из которого и был сделан мир. Это Пуруша индоевропейцев, Паньгу ки-

тайцев, Имир германской мифологии и Древний Адам русской голубиной книги. Скорее всего, его дохристианское имя было просто Мир. Из него и были сделаны все явления мира. И означает это, что в самом начале нашего освоения Мира-природы мы имеем только те образы, которые нам доступны. А это, прежде всего, образы собственного тела и его частей. Вот с их помощью мы и пытаемся описать и запомнить все, с чем сталкиваемся во внешнем мире.

26 Дюркгейм Э. Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1966.

Можно сказать, Образ мира выполнен языком наших тел. Но если приглядеться, то мир окажется описанным кистями домов, дворов, улиц, предприятий...

Можем ли мы так же определенно говорить о том, что и в русской деревне или в русском доме сохранились те же черты воплощенного первобытного мышления? Конечно, нет. Исследователи застают русскую деревню на совсем другом этапе развития культуры. И тем не менее, какие-то пережитки того времени сохраняются в русском языке, а значит, и в плохо осознаваемых частях мышления.

Если мы вспомним русскую деревню, ее дома, стоящие в два порядка, то обнаружим множество сравнений с человеческим телом. К примеру, у деревни есть «зады», что, безусловно, означает зады ее домов. У деревни есть лицо, и дорога, пролегающая перед ним, называется *Улицевой* дорогой — улицей.

Она пролегает одновременно и у лица всей деревни, и у лица каждого дома. И у дома обязательно есть лицевая часть. Крестьянский дом безусловно уподоблялся человеческому телу, но и **не** только ему.

Самое яркое из подобных отождествлений — это Храм. Отсюда русское наименование дома — хоромы. Хотя трудно сказать, что от чего позаимствовало свое имя. Очень вероятно, что это Храмы вначале были всего лишь особыми домами для отправления культа. Но это никак не отбирает у деревенского дома права считаться храмом.

Дом — всегда семейный храм. Его крыша должна увенчиваться коньком или петушком, в знак служения солнцу. А внутри обязательно имеется алтарь — красный угол со столом и семейное хранилище ритуальных вещей — иконостас. Также обязательно есть домашний или семейный жрец или жрица...

Этим темам было посвящено множество общедоступных исследований. Я бы хотел показать связь русского дома с производством, точнее, с производственным предприятием. То есть еще раз подчеркнуть мысль, высказанную мною ранее: русская деревня была производственным сельскохозяйственным предприятием. И это видение мира сквозь производство заложились в глубинную часть нашего мышления.

С развитием городов и созданием отдельных от жилья предприятий роль деревни-улицы меняется. Она, конечно, остается тем, с помощью чего мы познаем мир и запоминаем его образы, но она перестает быть совместным предприятием. Перестает им быть и двор городского дома. Тем не менее, дом до сих пор есть то, что должно иметь все необходимые составные части предприятия, чтобы живущие в нем люди не вымерли.

Дом есть Мир. Мир — это место жизни. Если ты хочешь жить в доме, ты обязан иметь в нем все необходимое, чтобы выжить в этом мире, а значит, ты должен вписать в свой дом все те черты, с помощью которых мир пытается на нас воздействовать. Это значит, как говорили древние, что мудрец может познать мир, не выходя из своего дома.

Однако сопоставление Дома и Мира — это слишком глубокая и широкая тема. Я

намерен взять из нее лишь одну часть. Тут начинается прикладная психология.

Условия задачи таковы: мы — народ и наша задача — создать собственную жизнеспособную экономику. Начинаем мы с одного предприятия, как и должно быть в самом начале. Возможно ли создать или найти у всех работающих такой образ этого предприятия, который объединил бы людей, позволил бы им работать с предельной отдачей, с взаимопониманием, не нуждающимся даже в словах? Ну, примерно, как в дружной и слаженной семье?

Что я на самом деле ищу? Я хочу избежать долгого обучения и попытаться сразу, изначально опереться на самые работающие образы культуры, уже имеющиеся в нашем мышлении и понимаемые более или менее одинаково как можно большим числом людей. Конечно, при этом не избежать тех трудностей с пониманием образов, которые я показывал раньше. Но их уже можно будет обсуждать и тем дотраивать образы и дотачивать взаимопонимание.

Какой же образ видится мне как основа построения предприятия? Ответ, я думаю, уже читается. Конечно, Дом. Этот образ лежит в такой глубине мышления, в таком раннем детстве входит в нас, что от него лишь один шаг до истот, до простейших образов, на которых заканчиваются сложности мышления и начинается разум и взаимопонимание. **Предприятие — это твой дом! Дом, который построил ты! Значит, дом — детище, которому ты — Хозяин. Дом, в котором ты живешь! Значит, дом — село, дом — мир. Дом, который надо защищать, значит, дом — крепость! Дом, где стены помогают.**

Вот исходя из какого образа может быть понято *истинное устройство* предприятия, если мы хотим, чтобы оно стало основой экономики или жизнеобеспечения народа. Для того, чтобы прочувствовать этот образ, нужно сесть посреди своего родного дома и ощутить, что он греет, кормит, защищает и даже зарабатывает для тебя деньги. Словно бы в его стенах спрятаны какие-то приспособления, которые общаются с внешним миром вместо тебя, делая все вышеописанное.

Когда я пишу это про дом, то не совсем ясно, как стены могут зарабатывать деньги. Но если с тем же ощущением дома вы представите себя внутри своего предприятия, которое действительно зарабатывает деньги, то станет ясно, что его стены — это не только кирпич и бетон, но и те люди, которые защищают, обогревают, кормят и обеспечивают тебя.

Иначе говоря, устройство предприятия тоже магично, хотя бы потому, что невидимо и живет в людях. Стены и орудия, которые живут в нашем сознании, гораздо сильнее и важнее камня, стекла и железа.

Как все это описать? Это работа! Большая работа. Этому описанию придется посвятить не одну книгу, но при чтении моих последующих рассуждений, держите в уме именно этот образ. Какую-то часть этого описания истинного устройства мира мы обязательно проделаем.

Глава 1. Хозяин

Глава 2. Скрытая магия Хозяина

Глава 3. Начальник

Глава 4. Руководитель

Глава 5. Управляющий

Заключение

Глава 1. Хозяин

Этот небольшой раздел получается мостиком между Устроением и следующими

разделами. Но он чрезвычайно важен, потому что без подсказки наш глаз редко может видеть то, что скрыто в самом человеке. То, что я скажу ниже, должен усвоить любой работник предприятия, если он не хочет, чтобы его предприятие превратилось в место взаимной ненависти и ненависти к начальству, как это происходит со всеми обычными предприятиями. В общем, суть этого раздела работы над созданием собственной экономики — это **выбор**, который необходимо сделать.

Хочешь ли ты жить, наслаждаясь жизнью, или же ты хочешь чего-то другого, например, мстить или ненавидеть, или иметь оправданную возможность не быть художником своего дела и бездельничать или пьянствовать? Всего не перечислишь, но выбор прост: жить и наслаждаться той жизнью, какую определила тебе судьба или что угодно другое.

И это не решение, к которому вас вынуждают, — я намерен говорить о психологической механике того, как этот выбор обеспечить. Если, конечно, выбор — жить в наслаждении.

Тут, конечно, не лишним было бы определить, что такое наслаждение жизнью. Но это так сложно!..

Наслаждение явно происходит от слова «сладость», но означает, скорее, получение удовольствия. Совмещая, получаем что-то вроде «сладкой жизни». Что такое «сладкая жизнь»? Вот еще вопрос из тех!

Лучший способ — это ответить от обратного. Сладкая жизнь — это жизнь без горечи. А горечь уже явно подводит нас к горю. Сладкая жизнь — это жизнь радостная, без горечи и огорчений. То есть хорошая и по питанию, и по взаимоотношениям с людьми.

Я вполне серьезно отношусь к тому, что разговор пошел о питании. Слова о наслаждении рождались в русском языке в ту пору, когда питание было вопросом насущным. Современному человеку трудно представить себе, как жил человек времени рождения языка и магии. И в первую очередь, как он жил в отношении питания.

Я уж и не говорю о том, сколько голодали, и как важно было найти пищу, чтобы выжить. Но во всех исконных словах, то есть словах, пришедших в язык во времена начальные, присутствует составляющая голода. С языковедческой точки зрения это не объяснимо. Но психологу будет понятно, что я вижу.

Когда голодный человек говорит слово или предложение, то, прямо или скрыто, он имеет целью насытиться. И этот оттенок, эта скрытая целенаправленность передается слову. И если это слово постоянно употребляется голодными людьми, оно становится направленным на два смысла — внешний, который оно обозначает, и скрытый — поиск пищи.

Соответственно, и когда мы восстанавливаем в нашей экспериментальной работе какие-то этнопсихологические состояния, описанные в старинных или этнографических текстах, мы должны учитывать и те телесные состояния, в которых эти описания делались. И тогда старые тексты начинают жить совсем не так, как мы их обычно воспринимаем, читая книжку.

Вопрос о наслаждении лежит за чертой голода. Это состояние — следующая ступень к раю после сытости. Но что такое рай? Рай, в который мы не можем попасть телесно, а приходим лишь после смерти в своих духовных телах?

Если мы подойдем к этому научно, то вынуждены будем идти от вопроса о том, есть ли жизнь после смерти. Этот вопрос на сегодняшнем уровне научных возможностей непроверяемый и потому оставляется на веру. Иначе говоря, это вопрос выбора:

как ты предпочтешь считать — умерев, ты разложишься и растворись в биомассе планеты, или же будешь жить духовно в некоем ином месте или пространстве.

Наука тут права слова не имеет, и все сводится к простому предпочтению. Лично я предпочитаю считать, что после смерти

будет иная жизнь. И этот выбор мгновенно меняет всю мою жизнь. Почему?

Да потому, что, если после смерти **ничего** — то не к чему и стремиться, надо просто рвать от жизни все, что удастся, а если это кому-то не понравилось, пусть он за мной

побегают. Попрячусь немного, а там смерть все покрое!

Но это не мое. Я намерен еще много-много жить и много-много всего познать и смочь. Поэтому мне некогда заниматься ничем другим, кроме подготовки к посмертному переходу. Причем среди тех, кто верит в посмертную жизнь, тоже есть деление, одни верят, что посмертная жизнь конечна, а другие, что бесконечна.

Это деление похитрее, чем жизнь-смерть. Тут конечность — не временная, не разложение и исчезновение. Тут конечность — это ограниченность чем-то. Например, раем. Это конечность в возможности расширения, познания и самопознания.

Рай создавала мысль очень и очень изголодавшегося, измученного и истосковавшегося по ласке человека. Он был буквально помешан на своем страдании и больше ни о чем не мог думать, кроме источников, сладостей и райских гурий. Поэтому его мысль дальше страданий и их противоположности не идет. Вот это и надо учитывать при попытке понять, что такое наслаждение

жизнью.

По сути наслаждение это оказывается перенесением духовного состояния, в котором ты пребываешь в раю, на то тело, в котором ты находишься сейчас. И это очень важно понять верно. Получается, что наслаждение жизнью — это измененное состояние сознания, а способность наслаждаться жизнью — это способность управлять собственным" сознанием, меняя его в соответствии с какими-то представлениями.

И приглядитесь с этой точки зрения к таким бытовым вещам, как сахар, например. Некоторые исследователи психоделиков — веществ, оказывающих воздействие на сознание — вообще считают его дающим привыкание наркотиком. Наркотики — это естественные средства воздействия на сознание, причем, как мы это обговаривали раньше, на сознание как тонкоматериальную среду. Приглядитесь с этой точки зрения к сахару.

Сегодня мы можем считать его предельным выражением понятия «сладость». Я имею в виду для бытовой психологии. Почему сахар нам так нравится? Нужен ли он для чего-нибудь в организме в такой мере, в какой мы его потребляем? Уверенно можно сказать, что нет. Почему так уверенно?

Да потому, что сахар появляется в широком бытовом употреблении только в прошлом веке. До раннего средневековья сахара на Руси не знали вообще и использовали вместо него мед и, в какой-то мере, сушеные ягоды и фрукты. Вот и все сладости, что были доступны и русскому человеку, и человеку первобытному. Значит, то, что называют человеческим организмом, рождалось и росло приспособленным к очень малому употреблению сладостей. И такого количества вполне хватало.

Следовательно, сахар, как и алкоголь — это не то, что нужно для человеческого тела, это то, что нужно для современного человека. Но поскольку тела за человеческую историю не изменились, а если и изменились, то не сами, а под воздействием сознания, следовательно, сахар, в первую очередь, нужен сознанию. Я предполагаю, что как один из его расширителей, но точнее будет сказать, как то, что меняет состояние сознания. А как меняет?

Сахар создает ощущение сладкой жизни, как будто что-то в нас может это ощущение узнать и подтвердить, что это действительно, как в раю! А что еще дает сходное узнавание? Любовь и ласка!

Вспомните, и в современной бытовой культуре и в этнографии телесная любовь постоянно сопоставляется с наслаждением и со сладостью. Все эти: «сладкий мой», «honeу», то есть тот самый «мед» по-английски, и тому подобные выражения, сопутствующие любовным ласкам, дают одну линию связи с раем, Другая линия — это сопоставление любви с теплом. Недоласканный человек — это человек, страдающий от холода, замерзший. Поэтому любимая или любимый — это «азноба», который «застудил мое сердечко», и тому подобное.

С точки зрения народной психологии, ласка убирает из наших тел боль, накопившуюся от недолюбленности, но боль эта вызвана тем, что наш Материк, то есть то основание, которое позволяет нам жить на Земле, как бы промерзает от одиночества. Любовь же, страсть

— это огонь, а точнее тепло, возникающее, когда двое замерших сбиваются в кучу. Не забывайте, что «кучное тепло» — это самый первый вид тепла, который доступен живым существам. Так греются все животные. Пищей же для огня, дающего это тепло, является еда.

Когда мы говорили, что сладкая жизнь — это жизнь без горечи и огорчений, мы как бы обозначили две составные части понятия «сладкой жизни» — телесное наслаждение и наслаждение духовное, наслаждение сознанием, взаимоотношениями, к примеру. Когда двое находят друг друга в ласке, они имеют и то, и другое. Но второе может и отсутствовать. Когда мы говорим, что люди сбиваются в кучу, скажем, вокруг любимого дела, то мы имеем пример только второго, то есть наслаждения взаимоотношениями. И такие взаимоотношения тоже могут быть наслаждением. Это каждый знает по себе.

Вот этот пример очень хорошо показывает, что сладости — это орудия управления сознанием, это с одной стороны, а с другой, что того же самого можно достигать и прямым воздействием на сознание, если знаешь, чего хочешь и как управлять своим сознанием.

Если мы хотим на своем предприятии жить и наслаждаться жизнью, мы должны понять, что наше сознание воспринимает определенные взаимоотношения наслаждением. Иначе говоря, есть взаимоотношения, которые изменяют состояние нашего сознания так, что оно начинает ощущать наслаждение.

Это большое поле для утонченных и приятных исследований. Но один пример, он же и обязательное требование к работникам предприятия, я приведу. Называется он — **Хозяин**.

Если мы хотим вернуть тепло в наши взаимоотношения, надо сбиться в кучу. Но как? Не сидеть же на работе прижавшись друг к другу. И просто о взаимовыручке говорить не хочется.

В народе способов существовало множество, хотя бы те же работные песни, но я хочу рассказать о том, что считаю основой всех этих способов. Тут нужно понять то, как наши старики видели Хозяина дела, Хозяина предприятия. Не забывайте, вся крупная промышленность выросла через ремесленные цеха из простейшей ремесленной мастерской, работавшей на дому, где был всего один работник — Хозяин всего дела. Где он и был всем и всеми.

Учитесь видеть, что и всё наше предприятие и любое другое настоящее дело — это не только твой Дом, но и по-прежнему дело одного человека. И он по-прежнему всё и все! Иначе говоря, Хозяин — это воплощенное в одного человека Предприятие, и устройство его «мозгов» полностью соответствует Устройению его Предприятия.

Но поскольку дело выросло, он раздал части себя своим работникам. Свои умения — умельцам, свои знания — знатокам. Свою жадность и бережливость — жадинам и бережливым. Свою заботу — тем, кто больше способен заботиться. Свое творчество — художникам... Назвал это все соответствующими именами и сделал должностями. А себе оставил способность наслаждаться жизнью!..

Перескажу одну сказочку о подобном наслаждении, чтобы лишней зависти и ненависти к «эксплуататорам» не возникало. Поймите, безделье хозяина — это такая иллюзия, которой обмануться может только тот, кто очень хочет, да и то при этом будет знать, что подло врет, как тот поп, что девку в работницы нанимал. Чтение ее будет своего рода прикладной задачей на раскрытие Видения и способности прозревать скрытое за высказанным.

Как поп девку в работницы нанимал

«Тебе, девка, житье у меня будет лехкое,— не столько работать, сколько отдыхать будешь!

Утром станешь, как подобат,— до свету. Избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь, на поскотину выпустишь, в хлеву приберешься и—

спи-отдыхай!
Завтрак состряпать, самовар согреть, нас с матушкой завтраком накормишь—
спи-отдыхай!
В поле поработишь али в огороде пополеешь, коли зимой — за дровами али за сеном
съездишь и—
спи-отдыхай!
Обед свариишь, пирогов напечешь— мы с матушкой обедать сядем, а ты—
спи-отдыхай!
После обеда посуду вымоешь, избу приберешь и—
спи-отдыхай!
Коли время подходяче— в лес по ягоду, по грибы сходишь али матушка в город
спосылает, дак сбегает. До городу рукой подать, и восьми верст не будет, а потом—
спи-отдыхай!
Из городу прибежишь, самовар поставишь. Мы с матушкой чай станем пить, а ты—
спи-отдыхай!
Вечером коров встретишь, подоишь, попоишь, корм задашь и—
спи-отдыхай!
Ужну свариишь, мы с матушкой съедим, а ты—
спи-отдыхай!
Воды наносишь, дров наколешь— это к завтраму. и—
спи-отдыхай!
Постели наладишь, нас с матушкой спать повалишь. А ты, девка, день-деньской
просиишь-проотдыхашь — во што ночь-то будешь спать?
Ночью попрядешь, поткешь, повышивашь, пошьешь и опять—
спи-отдыхай!
Ну, под утро белье постирать, которо надо — поштопашь да зашьешь и—
спи-отдыхай!
Да ведь, девка, не даром. Деньги платить буду. Каждной год по рублю! Сама подумай.
Сто годов — сто рублев. Богатейкой станешь!»^v

Вот таким жадным и ленивым попом и воспринимается в нашей культуре тот, кто позволяет себе отрывто наслаждаться жизнью за счет труда других. Но это в культуре, то есть в готовых представлениях, принятых нами от общества. А если задуматься? Если отбросить уже готовое отношение к этой сказочке и попробовать поглядеть как бы сквозь нее на окружающую жизнь. Просто попробуйте подыскать в настоящем кого-то, кто подходил бы под эти образы, кого-то, на кого они оденутся как одежда.

Что получается? Есть ли среди нас такие работяги, которые вот так бы вкалывали на хозяина, как это здесь описано? Вряд ли... Может, во времена создания сказки и были, но сейчас таких дураков нет! Это определено.

Хорошо. А есть ли вообще такие люди, которые способны так трудиться? Первое ощущение, что нет. Но это только потому, что вы все еще удерживаете заданный сказкой образ — трудиться на другого. А посмотрите вокруг, и вы увидите или вспомните по

²⁷ Как поп работницу нанимал // Русские народные сказки. -- М.: Дет. Лит., 1976.

своему опыту, что время от времени многие из нас начинают вламывать без сна и отдыха сутками напролет. Когда это приходит?

Во времена творческих взлетов. Чаще всего, когда мы создаем собственное дело. К примеру, делаем научное открытие, творим произведение искусства или создаем свое предприятие. Иначе говоря, когда мы всецело захвачены какой-то идеей или образом.

Так вот, значит, о ком этот рассказ. О Хозяине собственного дела, в начале его

творения. А кто такой этот поп, если исходить из того, что это ты вкалываешь, создавая себе предприятие, которое тебя будет кормить, поить и лелеять в старости?

Да он просто воплощение твоей мечты о наслаждении! Он — тот образ, который тебя ведет. Придет время, и я получу по справедливости! Придет время, и я не буду работать и страдать. И уж я постараюсь, чтобы ни дуновения работы, ни касания страдания ко мне не проникало. Уж я это отслежу! Почему? Да потому, что я это очень хорошо изучил, я это прошел и пристрадал. И теперь я точно знаю, в каком направлении наслаждения нет. И даже если я плохо знаю, что такое наслаждение, и где оно лежит, я не ошибусь в своем стремлении к нему, потому что я знаю, куда больше ходить не надо!

Что же делать: идти вслед за культурой и осуждать бездельников и эксплуататоров или выйти на битву с миром за наслаждение и возвращение утраченного рая? Опять выбор. Жить ради общественных норм поведения, жить ради других или жить ради себя?..

Страх перед другими заставляет нас быть неуязвимыми и управляемыми. По сути, избирая следовать общественным требованиям, мы избираем не жить. И не быть собой. Мы так забиты, что готовы служить хоть цирковой собачкой, только бы не били больше! В общем, чего тут говорить — выбирайте сами.

Но если мы избираем в конце концов перестать всю жизнь озираться и сжиматься и решаем построить свой мир, где можно будет раскрыться и творить, придется сделать следующий выбор:

в чужом мире ты еще можешь быть униженным и опущенным холуем, но свой мир может иметь только Хозяин.

Как идти по миру — слугой или Хозяином? Дрожать или наслаждаться? Пережить эту жизнь или жить? Если мы выбираем быть Хозяином собственной жизни, то встает множество вопросов о том, как это сделать. И пока я могу сказать только одно: учиться и учиться. Но с чего начать?

Как и с образом самого действенного устройства предприятия — с образом Дома, — придется опереться на те образы, которые для нас более всего работают и наиболее приемлемы. Например, образ Деда.

Попробуйте принять для себя, что хозяин предприятия, на котором ты работаешь, это твой любимый и любящий дед. Даже если это не так, и ты работаешь на какого-нибудь хама и гада, ты все равно можешь у него многому научиться. Но очень трудно учиться у того, кого не принимаешь. И очень просто учиться у любящего тебя мудрого дедушки.

Увидь, что в твоём Хозяине определенно есть и то, что можно назвать чертами деда. И бери именно их. Как исчерпаешь, пойдешь дальше.

Но тут подстерегает нас следующий вопрос: а как учиться? И вообще, что это такое — учиться?

И если мы приглядимся, то увидим, что учиться значит приобретать или принимать определенные образы действий. Куда принимать? Ясно, что в свое сознание. Это поверхностный способ объяснить, что есть обучение. Заглядывая глубже, можно сказать, что оно, то есть обучение, должно войти как перестройка в сам Образ мира, который через Мировоззрение предписывает, как и когда использовать наши образы действий. Но пока мы и говорим о самых начальных шагах в обучении.

Так как же приобрести эти образы действий, соответствующие Хозяину?

Вас когда-нибудь обучали каким-нибудь сложным движениям? Что делает учитель? Он буквально заставляет ученика с собой слиться и даже не повторять за ним, а вторить ему, быть с ним единым. Это, пожалуй, единственный способ обучения, который доступен нам на этом этапе.

Вот то же самое придется проделать и с хозяином. Увидьте в хозяине своего предприятия любимого Деда, выделите в нем наблюдением мудрую часть и слейтесь с ним. Живите им, видьте как он, действуйте как он.

Все это еще долго и долго расписывать, но начав, вы хотя бы наделаете ошибок от

непонимания, которые уже можно будет обсуждать и править. Иначе нам просто не о чем говорить.

Принять решение слиться в единое в образе Хозяина, конечно, можно. Но наш свобододлюбивый дух сопротивляется этому. Для нас это означает самое малое— унижение, то есть умаление себя, а то и разрушение чего-то великого. Поэтому надо подробно рассказать, что такое Хозяин и с чем тебе придется сливаться. И когда станет ясно, что именем Хозяин обозначается не человек, не собственник и не владелец, а то великое, что идет через него, что воплощается с его помощью на Земле, станет понятно, что сливаемся мы с божественным. Вглядитесь хотя бы в слова: Хозяин, Господин, Господь.

И если и происходит при этом какая-то потеря себя, то как обретение себя Хозяином. Попробуйте увидеть это простейшее волшебство — если ты становишься частью Хозяина, то ты становишься Хозяином. Не Хозяином всего, но Хозяином своего места. А значит, Хозяином внутренне. Хозяином по подходу к жизни!

И еще несколько слов о Видении, которое позволяет стать Хозяином.

Все так или иначе знают, что для того, чтобы выжить, надо быть сильными. А для этого надо быть едиными. В единстве сила. Но что значит быть едиными? Как кажется, это действовать вместе и одинаково. Однако если мы задумаемся, то поймем, что действовать одинаково можно, только если одинаково видишь. Одинаково видишь что?

Мир, конечно, и себя в нем.

Если же мы говорим о мире как о Предприятии, то это означает, что все его работники должны одинаково видеть то, как должно работать предприятие, тогда оно будет успешным и сильным.

Но как достичь одинаковости видения? Ведь у каждого своё видение! Чье-то видение придется принять за основу, с которой согласовываются видения всех остальных. Чье? Ответ, как мне кажется, очевиден. Если уж и выбирать кого-то, чье видение должны принять все, так это Хозяина. По крайней мере, пока мы работаем на его предприятии.

Вот и получается: хотите жить богато, работать радостно и хорошо зарабатывать — старайтесь видеть дело, предприятие глазами своего Хозяина. Если его принимаете. Не согласны с ним — уходите туда, где видение Предприятия соответствует вашему. Но вносить разлад в видение дела на своем Предприятии — это рубить сук, на котором сидишь. Дела все равно не будет!

Я, конечно, понимаю, что ставлю вас перед почти невыполнимой задачей — видеть любимым дедушкой директора какой-нибудь корпорации, у которого вы работаете. Я прямо чувствую, как нечто сопротивляется в вас тому, чтобы видеть мир, слившись с ним. Ну что ж, нет худа без добра. По крайней мере, это позволяет задать вопрос о том, а что сопротивляется? И если вы будете искренни, то увидите, что ненависть. Как я могу с ним слиться, когда я его ненавижу! И даже если вы не скажете об этом прямо — из людей очень трудно вытянуть признание, что они наполнены ненавистью, — пусть это внутреннее сопротивление единению с другим человеком покажет вам какова среда, в которой мы живем.

Наши предприятия переполнены ненавистью, как переполнены ею и мы. И пока не признаешься себе в этом, от этого яда невозможно избавиться. Как избавляться от ненависти — это другой разговор. А пока мне достаточно того, что вы увидели, я предлагаю стать едиными со своим Хозяином не на прежнем предприятии, а на том, что мы создаем экспериментально, как основу мира, где нам приятно жить.

Теперь, для сравнения, представьте себе, что вы работаете на предприятии, где все заполнено любовью. А здесь можно быть единым с Хозяином? И хотеть у него учиться, чтобы стать таким же?

Время от времени видьте себя тем самым мудрым дедом или мудрой бабкой, которыми хотели бы завершить свою жизнь. Залезайте на «печь» повыше и обзоревайте оттуда все

ваше дело: где -какой непорядок, где кто лодырничает, где может быть опасность... И не важно, какое место вы пока занимаете в своем предприятии, как только вы начнете упражняться в хозяйском видении, мир отзовется. Наш жестокий мир все-таки очень справедливая штука! Какой мир себе построишь, в таком и проживешь.

Глава 2. Скрытая магия Хозяина

Быть Хозяином — это так просто! Лежи себе на печи, как дурачок в сказках, плюй в потолок и ничего не делай. Надо только умудриться стать Хозяином дела, а потом раздать себя людям, чтобы они за тебя боролись с тем, что тебя отвлекает от блаженства. И спи-отдыхай!

Все, конечно, и так и не так. Можно сказать, что Хозяин, в отличие от всех остальных, работает все двадцать пять часов в сутки. А можно сказать, что настоящее Управление — действительно чудо, волшебство, и у настоящего Хозяина все делается само собой. И это тоже возможно.

Просто для этого в каждом деле, которое требуется на производстве, нужно найти и магическую основу, и высокий смысл. Самое малое, что для этого надо — приглядеться. А ключом к открытию видения является простое рассуждение: *ни одно дело, ни одна должность не выживет в мире сил, если само силой не обладает. Предприятия, выстроенные не по законам протекания силы жизни, умирают.* Советская эпоха с ее многочисленными экономическими необоснованными экспериментами показала нам это.

Любая должность, которая действительно нужна на предприятии, является дверью в силу, а значит, и в сказку или мечту. Для человека, занимающего ее, она может быть как источником жизненной силы, так и источником глубинного самопознания, потому что существует одновременно и в предприятии, и где-то в основе твоей личности, где хранятся простейшие знания о подобных взаимодействиях с миром сил. Ты можешь занимать свою должность ради зарплаты, или чтобы родители не ругались, а можешь через нее понять себя, понять, как течет в тебе сила, и что ей мешает.

Хозяин, у которого все идет само собой, делает то же самое. Вот только созерцает он не отдельные участки своего «я», а всего себя целиком. По крайней мере, весь свой Образ мира, которому и соответствует предприятие со всеми отделами, цехами, службами, рабочими местами, должностными обязанностями и людьми.

Не надо думать, что работникам на таком предприятии работается хуже. Один из обучавших меня дедов по прозвищу Дядька говорил, что если работа поставлена хорошо и Хозяин чувствует блаженство и правильно раздает себя, то работникам приходится совершать лишь простые, чуть ли не простейшие взаимодействия, чтобы выполнить свои задания. Это воспринимается людьми как наслаждение, и они вкалывают целыми днями и словно не замечают этого. Более того, они сами ищут и просят работы. А Дядьку уважали в округе даже спустя много лет после выхода на пенсию. Причем, он и был-то кем-то вроде бригадира, не более, а я слышал, как вздыхали: Вот был Дядька, при нем жилось!..

Общепонятным примером такой работы являются женские рукоделия, которые независимо от цели, ради которой начаты, сами по себе обладают успокаивающим обаянием. Собственно говоря, так же и с мужскими ремеслами, в которых много привычных, хорошо известных мелких движений рук или ума. Например, рыбалка, карты или гитара...

Очень часто мы не видим чудесного только потому, что привыкли вместо явлений видеть их имена, да и вместо имен воспринимаем лишь знаки имен. Нам достаточно этих знаков, чтобы узнать то, о чем идет речь, достаточно, чтобы действовать в соответствии с какими-то образцами, достаточно, чтобы не думать, а делать. Так легче выживать. До понимания, до того, чтобы разобраться, дело почти никогда не доходит. К примеру, для многих упоминание рыбалки и гитары среди ремесел будет неожиданным, потому что принято называть эти мужские забавы совсем другим именем. А уж карты просто предмет осуждения, а не ремесло. А призадуматься?.. Будем считать, что эта книга для тех, кто не

спешит.

Я посвящу три раздела книги, не главы — раздела! — разнице между тремя словами, которыми в русском языке называют главного человека на предприятии, его **Хозяина** — **Управляющий**, **Руководитель**, **Начальник**. И если призадуматься над ними, то станет видно, что это не разные названия одного и того же, а имена разных состояний одного и того же Хозяина. Тем Хозяином, который может себе позволить спать-отдыхать, нельзя стать, не пройдя все три. Правда, некоторые умудряются стать Управляющим или Руководителем помимо остальных состояний. Так они и не становятся Хозяином. Так всю жизнь и исполняют свою роль руководящего работника.

Тема «Хозяин» чисто психологическая и относится к устройству нашего Ума. Мне кажется, понять себя без понимания устройства Ума невозможно. А он, как считали старики, состоит из трех частей: Стиха, Разума и Мышления, которым, как я уже говорил, соответствуют состояния Начальника, Руководителя и Управляющего.

Говорить о Стихе в этой книге для меня просто невозможно. К тому же это, скорее, предмет показа, а не рассказа. Начинать придется с Разума. А это значит, что нам снова придется заглянуть в основу разума — Образ мира, который, как вы помните, хранит народные представления об Устройстве Мира. А такие понятия, как Устройство Мира, обязательно осмыслились народной культурой через представления о действиях Богов, творящих, устроющих и управляющих. И тогда составляющие понятия «Хозяин» становятся составляющими понятия «Господин» или «Господь».

Иными словами, народная мысль вполне определенно и естественно уподобляла создание Предприятия созданию Мира, а действия Хозяина предприятия описывала теми же именами и

понятиями, что и действия Господина Вселенной — Вседержителя.

Поэтому рассказ об устройстве Ума пойдет дальше как рассказ о его проявлениях, описанных мифологическим мышлением как творение Начал, воплощение первообразов и поддержание найденного миропорядка с помощью правил, обрядов и обычаев, то есть Управления. Сначала вкратце, а потом еще раз подробнее.

Глава 3. Начальник

Как же идет разворачивание воплощаемого Образа Мира? Тут нам без мифологии не обойтись. Все начинается с Начал или Первоначал. Создание их приписывается всеми мифологиями первотворцам или Богам-демиургам. Следовательно, человек ты или нет, но творя Мир, даже такой маленький, как предприятие, ты уподобляешься Богу-творцу и должен это осознавать. Тогда понятнее будет, как делать свое дело. В это начальное время Хозяин есть Начальник. То есть творец Начал.

На самом деле. Творец, из доступного людям никогда не творит ничего, кроме образов. Воплощение их — это уже не творение. Образы — чистое сознание, и значит, прав был Платон, создавая идеализм. Они не относятся к нашему материальному миру. Они из того мира, куда мы уйдем, или они станут тем миром, который мы создаем, чтобы было куда уйти.

Это означает, что образы Начал по своей природе имеют как бы неземную или вземную составляющую. Мы ничего не можем уверенно знать о «вземном». Даже называя что-то «вземным», мы говорим лишь о своих человеческих представлениях, а они земные. Правильнее было бы говорить об особой части нашего сознания, где хранятся представления о вземном или божественном. Сейчас ее принято называть Мифологическим мышлением. Но народная культура знала и другой подход — магический, который не был, в отличие от мышления, лишь представлениями. Живучесть магии в

тысячелетиях объясняется именно тем, что она была действенна, то есть кое-что у нее все-таки получалось и тем поддерживало веру и в магию, и в возможности человека.

Эту действенную часть народной магии мы и пытаемся понять через народную психологию. С точки зрения этой магической психологии. Начальник имеет дело со стихийной частью ума. Стихом. Стих очень и очень действенен.

Уже из своего опыта прикладного психолога и исследователя могу сказать, что он, очевидно, является той средой, где хранится действенная часть наших решений, образы которых создаются в Разуме, а хранятся большей частью в Мышлении. Действенная часть и есть Начала, Основы образов. Но разбирать такие тонкости, как, где заканчивается Начало образа и начинается то, что, собственно говоря, и считается нами образом, я сейчас не буду. Для этого в нашем Училище есть особый курс, называемый по-стариковски Наука думать.

Получается некоторое противоречие: в одном месте я говорю, что творец никогда ничего не творит, кроме образов, а в другом я говорю о том, что Начала, которые создает творец — это даже не образы. С точки зрения мазыкской психологии, я прав и там, и там. Просто для нужд этой книги я выпускаю многие переходные ступени в объяснениях. Примите пока, что задача Творца предприятия — довести дело до вполне определенных образов, которые можно взять и воплощать. А вот это уже будет делать другой человек, а точнее, тот же человек, но уже в другом состоянии.

Образы Начал, созданные Первотворцами, присутствуют всегда и никогда не пропадают, хотя их и не видно, как кажется. При этом они правят всем Миром, всем предприятием, устанавливая невидимые, но ощущаемые людьми границы и токи. Иными словами, мы обладаем этим видением, но не осознаем его.

Приглядитесь, в первую очередь, к восприятию границ мест с их должностными обязанностями. Люди прекрасно видят, куда доходят и их обязанности, и их права. И когда человек отвечает: Это не мои обязанности! — это так привычно, что присутствие у него стихийного видения мы не замечаем. Но вот когда вам нужно сделать что-то, что подлечит обязанностям другого, вы начинаете ощущать телесный дискомфорт, неудобство от того, что вторгаетесь. Вторгаетесь куда? В чужие должностные обязанности? Но это лишь образ. На чужую территорию? Но это совсем условность, потому что это «нетерриториальная территория».

Мы всегда что-то ощущаем, когда делаем дело, которое должен делать другой — или неудобство, или раздражение на него. Конечно, тут присутствует и наше мышление, в части договоров. Но если приглядеться, то за ним есть и наша способность ощущать границы своего и чужого миров, границы образов вообще и особенно границы начальных образов.

На самом деле мы всегда и очень отчетливо видим границы образов и сами образы висящими в пространстве и занимающими его. Это как видение очень тонких и очень прозрачных туманностей. Но поскольку они взаимно проникают друг в друга и заполняют весь окружающий нас мир, мы привыкаем к ним, как к воздуху и перестаем видеть.

Примером может быть плавание под водой с открытыми глазами. Вначале вы видите воду, ее движение и ее составляющие. Затем, познав это, вы начинаете обращать внимание лишь на то, что в воде, и вода вдруг пропадает. И вы видите теперь не воду, а изменения в ее прозрачности: Какая сегодня вода мутная! — говорите вы, нырнув, и тут же снова забываете о воде:

НИЧЕГО не видно! — при этом вода вроде бы не видна, и это ощущается как то, что ты тратишь или не тратишь силы на то, чтобы ее видеть. На самом деле ты перестаешь замечать и воду, и те усилия, которые тратишь на ее восприятие. Они незаметны после привыкания, но они сохраняются, иначе ты бы не замечал изменений прозрачности. Заметить изменения можно только сравнив с основой, на которую постоянно настроено твое восприятие.

Вот так же мы видим и образы. Они основа видения той среды, в которой мы существуем. То есть сознания. Поэтому мы привыкаем к ним и замечаем лишь их изменения или же изменения в среде при переходе из одного образа в другой.

Но для этого среда должна быть очень однородна. Иначе говоря, человек, занимающий

одну должность, то есть находящийся в образе этого места, а вместе с ним в образе Предприятия, которое охватывает все свои места, очень хорошо видит границы соседних образов мест и телесно ощущает их нарушения. Посторонний человек чувствует эти границы гораздо хуже, потому что он находится в образах, принесенных с собой.

Конечно, все это можно было бы расписать гораздо проще, как это обычно и делается, когда описывается предприятие.

Но если мы хотим обучить наших людей тому, как творить предприятия, то надо обучать их тому, как видеть и творить образы. Для нас это означает умение творить образы и умение создавать образы.

Творение, как понятие, относится к созданию отдельного образа из чистого сознания, как своего рода материи. Здесь удачно ложится слово «отдельный», потому что творить образ — это отделять его, как кусок сознания, от всего остального сознания **обрезом**, то есть границей.

Суть этого действия скрыта в самом происхождении слова Образ, где скрывается и некое значение 0-хвата-границы и резания, ражения — поражения — как выделения из всей остальной однородной материи изменением состояния одного ее участка. Поражение, ражение образа — это впечатывание, запечатление чего-то в сознании.

Привнести впечатление, впечатать что-то в однородную живую среду — это всегда нанести этой среде некоторое поражение. Придать впечатлению определенность и с тем узнаваемость — выделить его из остальной среды — это вырезание куска, обрезание его со всех сторон. Это должно быть больно, хотя мы этого и не замечаем. Но если вы приглядитесь к себе повнимательнее, а на прикладных занятиях по Науке думать мы даем почувствовать, то вы заметите, что думать не хочется. И именно потому, что это больно.

Таким образом, творение образов — это способность сохранения впечатлений в сознании, способность создавать отпечатки. Ясно, что это невозможно без среды и без воздействия на нее. Но вот что не так явно бросается в глаза, так это как раз Начала — некая нить или основа, которая после выделения образа сохраняет его живую связь с остальным сознанием, а через него и о силами этой Вселенной.

Начальник — это, конечно, человек, который творит образы, но главная его работа начинается после того, как он их создал и передал для воплощения. Боги-творцы, как рассказывают мифы, после этого уходят на покой, удаляются куда-то из внимания людей на границы расширяющейся вселенной. Их словно бы перестают замечать. На самом деле они остаются именно там, где и должны быть — с Началами, которые хранят. Без них разрушается связь времен, связь между образами и силой, которая эти образы оживляет. Тогда умирают и дела и Миры...

Без Начал отпечатки-впечатления — это вещь в каком-то смысле случайная, потому что они есть всего лишь перенос того, что ты видишь, слышишь, осязаешь, то есть воспринимаешь, в память, что значит в сознание как среду. По крайней мере, так это видит академическая психофизиология. Получается, что если ты захочешь создать нечто новое, ты вынужден будешь обходиться только тем, что есть в окружающем тебя мире, откуда берешь впечатления. А оно может совсем не подходить к твоим замыслам. Правда, этот окружающий нас мир оказывается продленным в

нашу память.

И творим впечатления мы не с помощью вещей и явлений внешнего мира, а с помощью их восприятий, иначе говоря, с помощью самого же сознания, в котором эти внешние вещи отразились.

А раз впечатываются в образ явления сознания, и это естественно, потому что воздействовать на среду определенной плотности можно только тем, что ей однородно и обладает сходной плотностью, то у нас появляется возможность брать для творения образов как отражения внешних явлений, так и уже имеющиеся впечатления из памяти.

Вот это позволяет от творения образов переходить к их созданию, то есть к добавлению к вырезанному из сознания куску дополнительных черт, которые позволяют делать образ

совершенным, по нашим понятиям или по понятиям культуры.

Как пример: образ рабочего места может включать в себя образ комнаты, в которой будет сидеть должностное лицо, и будет сотворен на основе восприятия этой комнаты, а вот образ предприятия будет составлен внутри себя из множества подогнанных друг к другу образов мест. Сами образы мест тоже сложные и составные, созданные из множества простых тварных образов вроде образа комнаты плюс образ телефона, плюс образ сейфа и тому подобного.

Разницу между творением образов и их созданием нужно чувствовать для того, чтобы не делать лишнего, когда ты работаешь Начальником. Лишнее тут — увлечение творением образов. Их должно быть не больше, чем нужно. А сколько нужно, определяет цель, которую ты себе поставил.

Я не хочу даже описывать способность создавать образы, потому что она присуща всем людям. Однако степень увлеченности этим делает из многих людей художников, для кого образ важнее жизни.

Начальник должен просто принять как данность, что он творить образы умеет и исходить из этого. Его задача — научиться создавать из тварных образов образы определенного вида. И объяснить, что это за образы, можно только говоря о творении миров. **Вот** почему работа начальника мифологична.

Какое бы место для жизни ты не создавал — дом, предприятие, страну, — ты создаешь Образ мира.

И хотя есть совершенно определенные признаки того, что мы считаем Миром, перечислить их все было бы для меня сейчас трудно.

Тем не менее, поскольку мы постоянно живем в Образах миров, мы их видим так же хорошо, как и воздух. Это значит, что когда Образ мира создан кем-то совершенно, мы его просто не заметим, хотя будем с наслаждением там находиться или ходить к этому человеку в гости.

Но стоит творцу хоть в чем-то наврать, как мы заметим отличие от истинного мира и или скажем об этом, то есть испытаем желание довести образ до совершенства, или сбежим.

Вот эта способность достраивать миры или сбежать из них и есть основной инструмент исследования творений начальства, то есть проверки образов предприятий на жизнеспособность, которым мы все изначально обладаем.

Жизнеспособность предприятия или образа, как кажется, означает вопрос: достаточно ли жизненной силы у предприятия, чтобы выжить. Но если вы приглядитесь к тому, как вы сами воспринимаете подобные предприятия, то поймете, что речь о чем-то ином. Жизнеспособность образа имеет отношение не столько к образу или предприятию, сколько к людям, которые в него войдут или нет.

Жизнеспособность образа — это не обладание жизненными силами, а способность давать жизнь, иначе говоря, это не обладание жизненными силами для себя, а обладание жизненными силами для людей.

Образ предприятия оценивается людьми как жизнеспособный или нет, так же и предприятие. Но при этом, когда мы говорим об образе предприятия, мы оцениваем этот образ с прикидкой на себя: хотел бы я там жить? Каково бы мне жилось в таком мире? И это сразу же позволяет указать Начальнику места, которые вызывают неуют и отторгают тебя. Дорabатывая их, он и занимается созданием совершенного Образа мира. Когда речь идет о жизнеспособности предприятия, то речь идет не о том, что будет этот мир давать для жизни, а о том, сколько жизненных сил он имеет. Где эти силы? В людях, которые пришли. В образах нет жизненной силы, она есть только в живых существах — людях, животных и растениях. Она зовется **Жива**.

И получается, что, создавая образ мира, мы всегда создаем ловушку, в которую

заманиваем Живу. И видеть это надо именно так. Не людей мы заманиваем, а именно Живу. Если Живе нравится в доме, который ты для нее построил, люди, звери, растения — все придут сюда, их будет тянуть помимо их воли просто потому, что остальной холодный и омертвелый мир будет их выдавливать в это пространство сознания. И они отдадут все свои силы для того, чтобы этот дом Живы стоял.

Вот это искусство — видеть себя небесным женихом для извечной невесты этой Вселенной, для богини жизни и плодородия Живы и есть суть мифологии начальника. Как научиться видеть себя божественным женихом и как научиться видеть, что такое жизнь, — это вопрос, на который я отвечать не берусь, хотя бы потому, что вы сами знаете это еще лучше, чем видите воздух. Вы сдали экзамен на владение этим знанием, обретя жизнь.

Для того, чтобы его вспомнить, наверное, нужно всего лишь захотеть и немножко понаблюдать, посмотреть вокруг себя. Она повсюду, эта загадочная жизнь. И ты ее вечный жених.

А как только глаза немного очистятся, то останется только перенести увиденное в образ твоего предприятия и спросить людей — воплощение Живы — хотите ко мне? Нет? А что не так?

И так дотачивая и доводя, однажды ты создашь и свой Мир, и обрешь свою утраченную цельность. Извечная невеста, твоя давно утерянная половинка, которую многие ищут всю жизнь — это не мужчина и не женщина — это сама Жива, воплощенная в них.

Именно этот миф, миф об извечных вселенских любовниках, и скрывается за образом Начальника.

Можете считать, что работа начальника — это поход Рамы за похищенной ракшасами Ситой, это поход младшей дочери Машеньки за Финистом Ясным Соколом, это битва за возрождение и воссоздание порубанного на множество кусков и раскиданного по свету Осириса.

Для того, чтобы возродить жизнь и жизненное начало, нужно вначале иметь цельный и совершенный образ Дома, в который жизнь может войти, заполнить и слиться так, что будет казаться, что это не Дом и жизнь, а просто одно живое тело.

Живое единое тело — это и есть то настоящее предприятие, которое есть смысл создавать.

Как бы ни казался странным такой подход, но он позволяет говорить о всех частях и шагах в творении, устройстве и работе предприятия на едином языке, а также одухотворяет труд любого работника видением того, ради чего все делается и ради чего он живет.

И последнее, что можно сказать о Хозяине, когда он выступает в роли Начальника. Раз воплощение образов происходит в сознании, то правомерно спросить — в чьем? Конечно, в сознании людей. Значит, образ предприятия прежде всего творится в людском сознании, и лишь потом воплощается ими в материю.

Следовательно, в этом состоянии Хозяин ведет творение предприятия в роли Начальника Отдела кадров.

Потом он, конечно, передаст эту должность особому человеку, но сначала он должен сам подобрать всех необходимых людей. А кто эти люди, если задача — воспринять и затем воплотить образы Начал?

Это люди, способные подобные образы воспринимать. Не всякий человек в состоянии вместить в себя такие образы. Этим и определяется разделение людей в нашем мире на начальство и работников. Когда мы подыскиваем человека на должность начальника какого-либо из отделов нашего предприятия, мы делаем это всегда с помощью как бы какого-то чутья: потянет — не потянет?

На самом же деле просто отсутствие у нас должной культуры самоосознания не позволяет нам увидеть, что при этом мы проверяем — в состоянии ли сознание человека вместить в себя одно из Начал. При этом мы как бы всовываем в него этот огромный образ и наблюдаем, как он с ним управляется. И мы это видим! Мы видим и сам образ, и то

пространство, в которое его *впускает человек. Видим, но не отдаем себе отчета. Присмотритесь при случае.*

Итак если ты захотел стать Хозяином собственного дела, сначала ты его придумашь, то есть создашь образы Начал, а потом передашь каждый из этих образов соответствующему работнику. А это значит, что ты начнешь творение предприятия в должности Начальника Отдела кадров.

Глава 4. Руководитель

Рассказывать про **Руководство** — рассказывать о том, как Начала воплощаются в жизнь.

Руководитель — это среднее звено в творении Предприятия или Мира между Начальником и Управляющим. Именно ему Хозяин и передает образы Начал для воплощения их в сознании работников. Если перейти на язык мифологического мышления, в котором коренятся многие из подобных понятий, то Начальник соответствует Богу-отцу-творцу, Управляющий — Богу-отцу-управителю, а Руководитель — Богу-отцу-устроителю.

Это значит, что суть работы Руководителя — это устройство. Устроить так, чтобы предприятие работало — это значит, что его надо построить в соответствии с проектом или образами Начал, сотворенными архитектором — творцом.

Следовательно, задача Руководителя — это строительство, как материальное, так и в людях. А поскольку строить материально можно тоже только с помощью людей, то получается, что руководитель строит людьми и из людей.

Естественно, для того, чтобы так строить, ему нужно обладать определенными способностями.

Поскольку он строит, воплощая образы Начал, он должен уметь видеть и хорошо понимать такие образы. Это целое искусство.

Кроме того, он должен видеть, как люди вписываются в образы. А это нечто подобное сращению людей с образами, хотя на самом деле — это приращивание образов-начал к образам, составляющим разум людей.

Для того, чтобы это понять, представьте себе один из образов-начал, к примеру, рабочее место Управляющего каким-то отделом программистской фирмы...

Что должен делать Управляющий?

Я всего лишь произнес слова, а у вас уже есть некие представления, которые зашевелились в ваших головах.

Каковы должны быть его взаимоотношения с Начальником?

Как должны относиться к нему подчиненные?

И на все подобные вопросы у вас появляются какие-то образы-ответы хотя бы из предыдущих глав этой книги.

Но эти ответы — это и есть сам образ-начало, только отраженный вашими умами. Значит, с большими или меньшими искажениями. Точнее, какие-то из отраженных граней образа-начала.

Он не имеет отношения ни к чему в вас, кроме памяти о том, как устроен мир, то есть к образу мира как одной из частей Разума.

Как привить его к той части, которую вы считаете собой, значит, к образу себя — вот главный вопрос Руководства.

По сути, он выражается в переносе всех этих понятий о том, что такое работа Управляющих, на себя с помощью вопросов вроде: А как бы я это сделал? А каково мне было

бы принять такое отношение? А что бы я смог из этого извлечь? Какова моя выгода? И каковы помехи?

Но это вопросы для Разума. А ведь люди, приходящие на эту должность, будут в Мышлении и сумасшествии. Для них возникает куча дополнительных вопросов вроде: А мне не будет больно? А меня не будут обижать? А что скажет мама? А моя первая учительница скажет, что я хороший мальчик?

Или же это будут определенные «знания», неизвестно откуда взявшиеся, потому что человек еще не начинал работу. Например, еще до зачисления на должность будущий Управляющий знает, что подчиненных надо держать в узде или что все у нас воры и за ними глаз да глаз нужен.

Ясно, что это сумасшествие, и для того, чтобы человек смог воспринять образ-начало, сначала ему нужно очиститься от сумасшествия, которое стоит перед глазами и мешает видеть. Нужно владеть очищением.

Например, кресением, как это называлось у мазыков. То есть очищением через огонь. Крес — это живой огонь, который вытирали вручную, чтобы, к примеру, прогнать через него скотину, когда начиналась моровая язва или эпидемия чумы. Кресение вместо живого огня, правда, использует всего лишь душевную беседу, но природа у этой беседы яростная, значит, огненная, и вызывает испарину.

После этого, когда у человека раскрываются глаза и уши и он начинает слышать и видеть, надо создать условия, чтобы он мог взять образ разумно. Тут мы приходим к вопросам о выгоде и помехах, потому что Разум будет работать именно через них.

Это значит, что привитие образа идет через целеустройство, как говорили те же мазыки. Взять образ — значит увидеть, что он соответствует каким-то из твоих целей и, значит, является промежуточной целью на пути к твоей мечте. Вот это и есть выгода, которую ты видишь и извлекаешь из своей работы. А значит, то, что будет давать тебе силу для обучения и работы.

Но раз этот образ определяет тебе какую-то цель, то, значит, он переводит тебя в состояние решения задачи, которая всегда есть преодоление помех к достижению цели.

И получается, что сутью работы Устроителя или Руководителя всегда является обращение к Разуму приходящих к нему людей, разыскивание в нем некоей большой цели, для которой предлагаемая должность оказывается составляющей или ступенью, и вписывание образа должности и должностных обязанностей с помощью «простого» душевного разговора с работником, а на самом деле с помощью проводимого во время этого разговора целеустройства и заключаемых тогда же договоров, в его собственную лестницу достижения своей большой цели — например, выживания или богатства.

Таким образом, привитие образа-начала к разуму работника, которого ты берешь на определенное место, есть нечто сходное с узнаванием почтальона в кустах, как это делается на детских рисунках-загадках.

Мышление человека — это дикое и буйное переплетение какой-то растительности. И где-то в этом переплетении среди собственных целей человека обязательно есть те шаги, которые он хочет совершить для достижения той цели, которая правит и должностными обязанностями места, на которое его взяли. Нужно всего лишь однажды прочертить этот образ в общей куче переплетений. И вы помните, если «почтальон» однажды узнан, его уже невозможно больше не видеть.

Так и с должностью. Если ты однажды увидел, как должностные обязанности ведут тебя к твоей цели, ты начинаешь видеть достижение ее через них, и разум твой начинает самопроизвольно в этом совершенствоваться.

Вот это и есть суть работы руководителя по привитию образов-начал и строительству Мира предприятия из людей.

Итак, Руководитель — это человек, который включает разум и с его помощью строит мир. Можно сказать, что он — Жрец Храма Разума, можно, что он — воплощение

божественного Разума, а можно, что он — сама неизбежность соответствия образов-начал земным условиям существования человечества.

Однако гораздо важнее увидеть, что, переходя из состояния Начальника в состояние Руководителя, ты уходишь с должности Начальника Отдела кадров на должность Руководителя Училища. Теперь твоя задача — обучать людей тому, что есть их должностные обязанности.

А что такое обучать, мы уже кратко разбирали. Обучать — это прививать образы определенных действий. Если человек усвоит их, то, как помните, нужно, чтобы Образ мира включал и выключал их в правильное время. И если привить образы действий еще возможно во время производственного обучения, то переделать Образ мира можно только огромными усилиями, да и то лишь изнутри, то есть по страстному желанию самого ученика.

Как быть?

А тут старики говорили об очень важной хитрости. Так вот в

Предприятии, когда оно сделано как Мир, где мы живем, в семейном предприятии, сам образ Предприятия, то есть Образ нашего Дома, будет служить Образом мира для нового работника. Если он готов смотреть на работу как на свой дом, Дом ему все подскажет. Дома обучение пойдет гораздо легче и быстрее. И это надо помнить и тем, кто учит, и тем, кто пришел учиться.

Глава 5. Управляющий

Об Управляющем в общих чертах я рассказал в Устроении. Подробнее же о нем надо рассказывать как и о Хозяине, рассказывая о составляющих его рабочих местах и должностных обязанностях. Это будет сделано в разделе «Управление».

В отлаженном предприятии Управляющий — это делопроизводитель. Тот, кто следит, чтобы дела делались строго в соответствии с образцами — образами, записанными в должностные обязанности. Еще точнее, этот тот, кто правит, то есть исправляет, подправляет работу людей. Делается это обычно с помощью Правил, которые создаются Управляющим в виде всяческих Положений, Предписаний и Приказов, которые приводят Образы действий в соответствие с Образами миров.

Получается, что главное в этой должности — следить за тем, чтобы воплощенные Начала никогда не нарушались и Мир жил в соответствии с ними.

Если же мир изменился, дело Управляющего — вызвать Начальника, чтобы он создал новые начальные образы, соответствующие изменившемуся миру. А затем вызвать Руководителя, чтобы он обучил людей, как исполнять эти образы.

Откуда вызвать? Чаще всего из себя. То есть из Хозяина.

Все остальное время Управляющий блаженствует, спит-отдыхает. Именно он есть наша мечта о блаженстве и наслаждении жизнью.

Заключение

Итак, все устроение Предприятия воплощается в Хозяине в виде мест, то есть образов дел, которые должны делаться, чтобы Предприятие жило, и людей, эти места занимающих. Хозяин же в разные времена существования Предприятия выступает в трех обликах — сначала Начальника, потом Руководителя и до скончания века Предприятия — Управляющего.

Глава 1. Начала и Образ мира Глава 2. Предпринимательство Глава 3. Мазень

Глава 4. Создание образа предприятия Глава 5. Вершина Мира — Печной столб

Заключение

Глава 1. Начала и Образ мира

Теперь о Начальстве еще раз, но подробнее. И самое главное — о том, как Начальник

может создать Начала. Где в нас заложена эта психологическая первооснова творчества.

Начальник — слово привычное. Но если попросить рассказать, что такое начальник, станет немножко страшно, потому что в русском языке в качестве прямого обращения оно употребляется чаще всего в тюрьме. В быту мы говорим о начальстве или о начальниках, но не обращаемся так к человеку. Для нас естественно обратиться: Товарищ директор! Или: Господин управляющий! Но не: Товарищ начальник! Тут уж лучше: Гражданин начальник!

Начальники как бы всегда где-то далеко или высоко от русского человека. До Бога высоко, до царя далеко — и где-то там же Начальство. До него не достучаться и прорваться к нему простому человеку непросто и даже страшно.

Забудем пока о том, что начальство действительно неохотно нисходит до простых людей. Приглядимся к языку. Как по-вашему, такое смысловое наполнение появилось у слова «начальник» только в советское время? А при царе было иначе? А во времена Ивана Грозного или первых киевских князей?

Я опускаюсь в те далекие эпические времена с вполне определенным умыслом. Слово Начальник возникает в том значении, которое мы в нем сейчас ощущаем, именно в то время, когда рождается эпос — старины, былины, иначе говоря, мифологические рассказы о Творении Мира. А Мир всегда творится кем-то из Богов-творцов, Демиургов, кто закладывает Начала Мира.

Что такое Начала Мира? Это его Первообразы. А это значит, что Бог-творец и строит Мир, творя образы, в которые может войти жизнь. Он его придумывает и рассказывает. Вначале Мира всегда Слово, как считает наша культура. По сути же — несказанный образ. Образ-Начало.

То же самое должен сделать и Начальник с предприятием. Он не должен ни руководить, ни управлять. Он должен лишь придумать образ жизнеспособного Предприятия.

А сделать его жизнеспособным, значит, придумать все его составляющие, которые называются отделами и рабочими местами. По сути, они тоже являются мирами, вкладывающимися в большой мир, как в матрешку, и для них тоже требуется придумать образы. Как?

Это Разговор. И для него стоит сделать отступление и понять кое-что в народной психологии. Кое-что о творении образов. И в первую очередь, о том, **как рождается наш Образ мира.**

После того, как приходит понимание, что **Образ мира — это основа нашего Разума**, становится ясно, что он, как психологическое явление, лежит в основе всех наших действий. Он же является основой нашего мышления, потому что все остальные образы или вырастают из него, или к нему приживляются.

При этом мы должны разделить основу Образа мира, которая создается в детстве из образов простейших взаимодействий с окружающими, от той его части, которую мы добавляем впоследствии в виде готовых образов, которые называются Знаниями. **Знания** географии, знания астрономии, знания физики, иначе говоря, знания, казалось бы, о том, как устроен наш мир, у большинства людей не имеют почти никакого отношения к психологическому Образу мира, хотя и называются этим словом во многих научных сочинениях. *С психологической точки зрения эти знания надо бы назвать представлениями обустройстве мира.* Представления эти, которые дает наука, всегда хранятся в самом поверхностном слое памяти и хранятся вполне осознанно, *помнятся.* Часто даже с усилием помнятся. Мы стараемся их не забыть, *чтобы блеснуть умом и знаниями.*

Легко принялось это выражение: блеснуть знаниями? Конечно, ведь оно естественно. И естественно не для языка, а глубже, для нашего мышления. Блеснуть знаниями, значит, быть высоко оцененным, то есть оцененным как способный занять более высокое место в обществе. Вот и смысл обладания знаниями. Они • не прибавляют способности думать, они

просто наша плата за право занять соответствующее место в обществе.

Обратите внимание на выражение «плата за право занять место». Раз нам нужно показать обладание большим количеством знаний, чтобы занять достойное место, значит, мы ими за это место платим. Это очевидно. Но не так очевидно, что мы платим и за обретение знаний. Хотя это знает всякий, просто потому, что за учебу платят. И деньгами, и не деньгами. А чем? Если ты учишься в обычной бесплатной школе, то платишь ли ты чем-нибудь за обучение? Не родители, а именно ты?

Конечно! Ты же не играешь, не ведешь себя свободно, ты сдерживаешь себя и принуждаешь. Безусловно, это психологическая плата. Но чем ты платишь? *Посмотрите по тому, что имеем в итоге, а в итоге мы имеем сознание, заполненное знаниями. Значит, чтобы поместить в свою память знания и умения их использовать, нужно, самое малое, отдать весь этот объем сознания, который они заполняют.* Отдать или связать в определенные образы, которые неизменны. И теперь ты больше не хозяин этому сознанию. *Это твое сознание, но владеет им общество, которое требует от своих членов хранить в себе его признаки как культуру.* А ты вечно таскаешь в себе эту гирию, и крылья тебе больше не нужны... Носильщик культуры, вахана, ездовое животное бога по имени Общество...

И даже переходя в новые возрастные состояния, а это значит, в новые слои Образа мира, мы перетаскиваем свои знания и представления с собой, как груз, как полезные орудия, потому что они — возможность показать свою умность, а отнюдь не то, что обеспечивает возможность жить в этом мире. Образ мира — это так же важно для жизни, как воздух. Поэтому мы его перестаем замечать и помнить уже в раннем детстве. Он — само естество нашего Разума и Мышления.

Как я уже говорил ранее, основная часть Образа мира, или, точнее, самый первый Образ мира назывался у мазыков **Материк**. Так или иначе, но Материк присутствует не только во всех наших действиях и мыслях, но и во всех остальных Образах мира, которые развиваются с возрастом. А с возрастом у нас действительно развивается и наслаивается один на другой несколько образов мира.

При этом более молодые части Образа мира не отменяют и не уничтожают ранние части. Они к ним добавляются. Развитие Материка идет всю жизнь, как и любой другой части Разума. Но полноценно он развивается только в детстве до 2-3 лет, когда *дитё* учится ходить, бегать, прыгать, плавать, избегать мороза, жары и когда *оно познает весь окружающий мир прямо границами собственного тела*. Кстати, тем самым познавая и свое тело, и себя. Образ мира в это время выстраивается как **Образ Дома**. Это общеизвестная психологическая истина, что девять десятых или больше нашего человеческого познания мы совершаем в самом раннем возрасте. И записывается это все как раз в Материк. В старших возрастах делаются лишь небольшие дополнения Материка. Скажем, когда вы осваиваете музыкальные инструменты или учитесь фехтовать или бороться.

Каждый возраст имеет свои психологические ценности и по разному осознает себя. Такие возраста назывались у мазыков **Вежами**. Вежа детства исходит из самоощущения себя маленьким божком, наделяющим всех окружающих блаженством.

Вскоре эта блаженная вежа полубожественности меняется на первую человеческую вежу. Но познание и самопознание пока еще идут не ослабевая, потому что года в три дитё становится **ребенком** и начинает познавать не Мир-Природу, а мир людей. Пока еще не **Общество**. Образ мира превращается в это время в **Образ Двора** или **Улицы**. Это начинается после того, как дитё под давлением окружающих принимает решение *учиться «на человека» и учиться учиться*.

О том, как происходит ученичество, надо бы рассказать подробнее, потому что, по сути, в это время у человека закладывается дополнительный слой Образа мира, который можно было бы назвать **«Миром Разума»**. В нем уложены образы разумных взаимодействий с другими Разумами. **Но** это слишком большой разговор, чтобы отвлекаться на него сейчас.

Вообще-то, ни одно дитё не хочет принимать решения учиться «на человека», потому что оно означает отказ от божественности. Кое-кто удерживается, оставаясь на всю жизнь идиотом. Остальные ломаются под давлением общества и решают **стать людьми**, то есть соответствовать требованиям окружающих людей. После принятия этого решения дитё-неразумное уходит, и появляется ребенок. Признаком разумности видится то, что с ребенком, в отличие от дитяти, можно договориться. На самом деле он становится осознанно управляемым, послушным. Разумность эта, как ее понимают взрослые, если приглядеться, есть всего лишь способность понимать и соблюдать договоры. Истинная разумность при этом не интересует родителей, потому что они уже так устали от маленького засранца, что готовы отдать все, что угодно, лишь бы он стал более удобным для жизни.

Это напоминает сказки о возвращающемся домой из долгих странствий хозяине, которого ловит каким-то образом неведомая сила и требует отдать то, чего он в доме не знает. Ради возвращения свободы и уюта, как вы помните, он отдает родившегося в его отсутствие сына. А если приглядеться символически, то какую-то часть человеческой сущности себя или своего ребенка, без которой нельзя стать царем и волшебником. Вот так и мы со своими детьми за покой и удобство жизни платим способностью думать, получая в обмен послушание.

Но вот сам ребенок в этом возрасте относится к своей разумности совсем иначе. Он искреннее хочет посоревноваться со взрослыми и доказать им, что он уже выполнил их условие, научился думать, и ему можно возвращать божественность. Маленький ребенок как бы постоянно сдает взрослым экзамен на способность думать. При этом он постоянно хочет услышать оценку, признание того, что он справился с заданием.

Но река жизни вспять не обращается. Это только он считает, что взрослые давали ему задание, сами же они всего лишь хотели жить спокойнее. Никто уже не видит больше подросшее дитё маленьким божком. Теперь он один из многих маленьких человечков. Теперь с ним более или менее спокойно и можно его больше не замечать как нечто особенное. Можно заняться собой.

И ребенок начинает мстить за обман и превращается в *маленького гаденыша*, хитрую и мудрую змею, которая пока еще не стала человеком, но всю изображает его для взрослых, постоянно проверяя их самих на разумность. Об облике «маленького гаденыша» должен быть еще отдельный разговор при рассказе об устройстве мышления.

Пока достаточно сказать, что народная культура очень строго видит соответствующие разным возрастным вежам различия в поведении людей и соответственно на них отвечает. Каждой веже соответствуют свои способы наказывать и свои ругательные имена.

Представьте себе, что взрослого человека шлепают **по** попке, а ребенка бьют кулаком по лицу...

Точно так же «гаденыш» — это один возраст, а «козел» — совсем другой.

Состояние ребенка длится лет до семи, когда он сдает экзамен на ученика и поступает в школу или ученичество в старину. В этом возрасте ребенок переходит в новую вежу. Он становится *подростком*.

Его послушность ослабевает, поскольку божественности все равно не возвращают, а разумность снова направляется на познание Мира. Теперь нового и большого. Общества. Разумность человека общественного — это хитрость.

Может показаться, что в этом возрасте, по крайней мере, в начале вы заняты просто учебой. Это не так. Давайте приглядимся. Как вы помните сами, класса после третьего-четвертого учиться становится неинтересно. И вы хоть и продолжаете учиться, но заняты совсем другим. Это с большей или меньшей отчетливостью помнит каждый. Но вот первые три-четыре года в школе, как кажется, ребенок познает, как надо учиться.

Это обман или самообман наблюдателей. Как надо учиться, ребенок познал еще до школы. С близкими. Теперь он познает, как управлять чужими людьми, учителями, к примеру. Он выдерживает в это время чрезвычайно сложную битву с настоящим

противником, как говорят бойцы, спарринг-партнером. Если ребенок научится управлять учителем, то его можно пропустить в большое общество, он и там сумеет управлять людьми правильно.

Задумаемся, чему, с психологической точки зрения, обучает ребенка учитель? Тому, как писать палочки и крючочки? Нет. Он обучает его тому, как получать хорошие оценки.

Для того, чтобы тебя похвалили дома, ты должен принести домой хорошую оценку. Чтобы я тебе ее поставила, ты должен нажать на моем пульте управления кнопочки в правильной последовательности, вот так, ровненько, однообразно... две строчечки палочек, две строчечки крючочков. Молодец! Теперь я могу выписать свидетельство для твоих родителей: Сим заверяется, что этот юный член общества правильно понимает начальные правила управления людьми. Через несколько лет систематических тренировок он сможет выполнять в соответствии с узнаваемыми образцами *последовательности действий такой длины, что перед ним откроются множественные секретные замки и пропустят его к общественной кормушке. После этого он начнет получать первую зарплату.*

Как только ребенок понимает, что надо делать, чтобы учитель и родители были довольными, учиться дальше тому, что преподают в школе, становится скучно, а порою и невыносимо для него. Однако и уйти нельзя.

Он запомнил еще не все секретные последовательности действий, по которым узнают своих в различных тайных сообществах нашего большого общества. А поскольку неизвестно в какие из сообществ потребуется нужный человек. Общество строго запрещает такие уходы и принуждает детей ломать свою личность и накапливать через боль и страдания образцы «правильного поведения».

По сути, это все то же самое привитие послушания будущему члену общества. Иначе говоря, школа делает подрастающих членов общества предельно безопасными для себя, заставляя отдать то, чего в доме не знают, попросту говоря, убивая в них разум, охоту к жизни и свободомыслие. Кое-кто из простодушных учителей, верящих в свое высокое призвание, может искренне не согласиться с этим... У меня нет сейчас ни сил, ни возможности хоть что-то им доказывать. Просто попробуйте сами понять, что такое охота жить, что такое свобода, и что же все-таки делает школа. Что, зачем и по чьему заказу. Кто платит деньги за то, чтобы делать это с детьми?

В этом возрасте, быстро научившись учиться, подросток уходит в изучение **магии и исследует правящие обществом невидимые силы и законы**. В сказках это называлось «Хитрой наукой». **В**

первую очередь, он осваивает такой сложный, незримый, но очень действенный инструмент управления другими, как **справедливость**. Он исследует свое **Тело справедливости**.

Это понятие «Тело справедливости», конечно, тоже надо хотя бы немного пояснить. Мазыки называли так своеобразное психологическое пространство, внутри которого ты «имеешь право». Иначе говоря, где ты «в правах», то есть можешь творить все, что захочешь. Границей этого пространства является кулак, на который ты налетаешь, когда охамел. Это с другими ребятами.

С родителями — это обычно ремень или угол. Или отказ с тобой разговаривать. Это ведь тоже удар. В раннем детстве, как мы помним, через удары и ушибы на тело записывается основа Разума — Материк.

Кулак или ремень тоже прикладываются к телу, но теперь не просто там, где находятся его границы, подросток уже не бьется о вещи бессмысленно, он делает это вполне осознанно и лишь там, где, что называется, напросился. То есть, где бьется сам, чтобы проверить наличие запрета и его прочность. Но «тело», которое обо все бьется теперь, не физическое. Теперь это своеобразное явление сознания, определяемое вопросом: где кончаются мои права? А значит, в каком мире я безраздельный хозяин и могу повелевать другими людьми.

Именно повелевать. А что еще делает подросток, когда, к примеру, с него силой

пытаются сорвать «дебильник» — наушники от плеера — а он просто начинает верещать? Он даже ничего не говорит, а верещит, и взрослые тут же сдаются. Он в правах, оставьте его! Пусть подавится своим плеером!..

Как только такой уровень управления освоен, подросток переходит к изучению более тонких способов, и у него на роже появляются мерзкие подлые хари. Бабушка делает внучке подарок, та корчит харю, и так корчит, что оба родителя подпрыгивают и начинают ей объяснять, что дареному коню в зубы не смотрят... А ей и всего-то нужно было проверить, подпрыгнут они или не подпрыгнут. Разве это не магия?!

Подростка зовут *поросенком*, потому что он постоянно творит вокруг себя грязь и беспорядок. Попросту, не соблюдает никаких правил и договоров, кроме тех, что ему выгодны. И делает он это вполне осознанно — он должен знать размер того пространства, которое занимает в обществе как хозяин. Размер своего физического тела он изучил в раннем детстве, теперь он изучает размер своего Общественного тела, которое и называется **Телом Справедливости**. То есть Телом, ведающим правила, телом, в котором записаны права маленького человечка. Там, внутри, он знает, как должен быть устроен мир, в котором ему хорошо. **Вот это Тело справедливости мы и можем посчитать следующим Образом мира, который появляется у человека после Материка.**

С 14 лет начинается **юность**. Девушку теперь зовут козой, а юношу — *бараном*. Они упрямы и своевольны. Они больше не хотят слушаться взрослых, *гуляют сами по себе и готовы создать свой собственный мир, потому что поняли, каким он должен быть.*

Они осваивали эту науку на протяжении всех старших классах школы. Именно этим они занимались, пока учителя думали, что закачивают их знаниями. Теперь, освоив основные магические законы Большого общества, юноша пытается создать свое собственное и постоянно сбегает с себе подобными, творя **Душевные сообщества**, как говорили мазыки. Сообщества, где вольготно дышится его душе. Например, в подворотне или в притоне наркоманов...

Это означает, что к 14 годам у человека накапливается полноценное, на его взгляд, представление о том, как устроен мир, которое он даже пытается воплотить в жизнь.

Это представление и есть первый Образ мира, который человек хочет создать сам, своими силами. И не так, как это неудачно сделали родители. С этого времени, если говорить о магии или волшебстве, человек осваивает божественную **науку Творения миров**.

Изучать всю теорию Образа мира, как ее видели мазыки, у нас сейчас нет возможности. Поэтому мы сразу перейдем к этому юношескому образу мира, хотя бы потому, что его, как и предприятие, тоже приходится строить.

Образ мира, который пытаются воплотить юноши в своих Душевных сообществах, состоит из нескольких частей.

Первая — это **Материк**, который естественно присутствует во всех Образах мира, создаваемых человеком.

Вторая — это **Тело справедливости**, потому что в нем содержатся все знания человека об устройстве общества.

А к этим неизбежным частям добавляются собственные представления молодого человека о том, как должно быть устроено «настоящее» сообщество.

А представляется оно, исходя из того, что он помнит по своей жизни, проходившей или в семье или в учреждении, заменяющем семью. Тем не менее, даже если семьи не было или семья была плохой, именно она определяет все мечты и представления подростка о том, как должен быть устроен мир.

Семья — это мирок, в котором у каждого есть место и соответствующие этому месту доля и достоинство. Иначе говоря, семья — это место, где возможно счастье, где ты всегда с частью, с долей общих благ, где ты нужен и тебя любят.

Повторяю, даже если семья была плохой или же ее не было, все же именно мечты о

счастливой семье и определяют черты того душевного сообщества, которое хотят построить юноши, сбегаая из дома.

Итак, третья часть мира, который пытается построить юность, это *Мечта*.

Мазыки называли эту мечту о хорошем мире, о душевном сообществе, включающую в себя все, что знает ребенок об устройстве хорошего, справедливого мира, Сулоп или **Шулоп**. Это явно связано с офенским словом, обозначающим счастье.

Счастье — это всегда плотная завязка на общество или, точнее, на какое-то свое сообщество, где ты имеешь свою часть или долю-удел. Возможно, это отразилось в этимологии слова Сулоп, и вторая его часть «лоп» может быть частью слова «лопоть», которым мазыки обозначали все сложности человеческого мышления и личности.

Иначе говоря, Сулоп — образ счастливого мира — без связи с человеческим мышлением, мышлением сообщества невозможен. По сути. Тело справедливости оказывается основой Суло-па, а это значит, что строить свой Сулоп человек начинает сразу, как только переходит от изучения Мира-природы к изучению Мира людей, общества. Поэтому, несмотря на некоторые промежуточные ступени, можно сказать, что Сулоп есть следующая за Материком ступень в развитии нашего Образа мира.

В любом случае, начиная с 14 лет, все дети в том или ином виде, убегаая из дома или только улетаая в мечты, проверяют свои образы мира на жизнеспособность, то есть на соответствие действительности. Тем самым они проверяют собственные творческие способности. А что это за способности?

Если мы поймем, что мечты о своем убежище, доме или сообществе (семье) есть образ убежища, дома, семьи и, тем самым, своего мирка, то значит, подросток создал Образ мира, который намеревается воплотить и непременно воплотит так или иначе однажды.

Это значит, что, вступая в юность, он сдает экзамен на Бога-творца. На демиурга, как говорят мифологи.

Именно поэтому он хочет уйти из сообщества (семьи), где места главных богов уже заняты, и создать свое, в котором будет полным хозяином и властелином.

Вспомните, что после рождения ребенка вы сами своим поведением и обожанием дали ему почувствовать, что видите в нем маленького бога. Потом вы заставили его стать человеком. Обманом, между прочим, если посмотреть с его стороны. И он долго ждал, когда же за освоенную человеческую разумность ему вернут божественность, а потом решил, что вернет ее сам.

Он, конечно, давно забыл, как принимал это решение. Как и вы, между прочим. Хотя память у всех разная...

Да и зачем помнить такие простые вещи — в мире хватает сложного! Но решение, принятое в самом начале жизни, когда в сознании еще нет почти ничего другого, обладает очень высокой действенностью. Можно сказать, что оно и делает нашу жизнь, потому что является одним из Начал.

И все детство и отрочество мы придумываем миры, где нам хорошо, а нашим обидчикам очень плохо. Но сколько можно мечтать?! Вот и кончается наше детство тем, что мы совершаем первую самостоятельную попытку возвращения божественности, творя свой собственный мир мечты — Сулоп.

В Обществе русской народной культуры существует прекрасная основа для отыгрывания сулопных мечтаний. За время своих экспериментальных исследований мы очень много создали, чтобы однажды у нас возник некий Сулопник, мир мечты и счастья для молодых, куда можно сбежать и потренироваться творить миры.

Точно так же на наших базах, в лагерях или жилых кооперативах для юношей надо выделять отдельные помещения, где правление взрослых не имеет силы, за исключением общего государственного законодательства. Взрослые не имеют права туда входить без приглашения тех, кто там властвует. Причем желательно, чтобы было несколько

независимых помещений, чтобы юноши и девушки могли опробовать сразу несколько образов мира. **Чем** быстрее исчерпываются сулопные мечтания, тем **быстрее люди** становятся дееспособными.

Игры в творцов с 14 до 21 приводят к тому, что Сулоп не выдерживает проверки жизнью и начинает разрушаться. Юноши вступают во **взрослую жизнь** и вынуждены принять и взрослые ценности, а с ними переделать и свои представления о мире.

Собственно говоря, основное недовольство юности их родителями заключается в том, что родители как бы забыли о мечте и служат **сытости**. Взрослая жизнь и называлась у мазыков **Вежей сытости**. Именно сытости не хватает в Сулопах. Именно эту ценность и вытекающий из нее покой и вынуждает жизнь добавить к своему образу мира молодых. Это большое и разрушительное поражение для юных мечтателей. Многие из них ломаются после разочарования в Сулопах так сильно, что на всю жизнь отказываются даже мечтать.

Ведь сытость только внешне выглядит как обилие еды в холодильнике. Сытость — это полная перестройка жизни с погони за божественностью на Битву за выживание. Бог-творец должен уступить Богу-воителю.

Он вдруг понимает, что заброшен глубоко в тылы вражеской или, по крайней мере, враждебной территории и должен не только создать жизнеспособный Образ мира и воплотить его, но и обеспечить его выживание. Это все очень и очень похоже на исходные условия современных компьютерных стратегий.

Обеспечить выживание своему миру значит, в первую очередь, обеспечить его постоянным источником пищи, во вторую, защитой от холода, дождя, ветра и жары. В-третьих, от себе подобных, которым нужно то же самое, но они предпочитают не создавать это сами, а брать, где плохо лежит. В битве их можно считать предателями, и это немаловажное уточнение.

Но основная задача любого бога, творящего мир, как это ощущается народом и сквозит в языке, — пребывать в блаженстве и обеспечивать блаженство пребывающим в мире. Отсюда постоянное стремление к улучшению жизни и совершенствованию мира, что тоже надо учесть как самостоятельную струю мышления Блаженства, заставляющую постоянно вносить изменения в Образ мира. Итак, скрыто развившаяся в подростковом возрасте божественность в юности выливается в проживание образа Бога-творца, а затем переходит в Бога-устроителя-воителя-управителя. И это соответствует тем божественным ипостасям, которые описываются мифологиями всех народов.

Но для того, чтобы эти изменения в самоощущении произошли, нужно, чтобы изменилась их психологическая основа:

изменение это выражается в том, что, создав за годы юности один или несколько образов Мира-счастья, Сулопов, и попробовав их воплотить, человек обнаруживает, что они не выдерживают столкновения с действительностью.

По разным причинам. То люди, которых ты избрал в друзья, не способны быть ни «настоящей» семьей (как ты ее себе представляешь), ни настоящими друзьями. То они отказываются предоставить тебе то место, которое ты хочешь занять в этом мире, и сами на него рвутся. А ты оказываешься ими унижен. Либо же, если все идет очень всерьез, очень скоро оказывается, что надо есть, одеваться, платить за жилье, а то и кормить детей. И враждебный мир врывается в твой Сулоп и взрывает его.

После этого юноша задумывается. Собственно говоря, задумываться приходится после появления любых помех и решать их как задачи.

Чаще всего решением оказывается добывание дополнительной жизненной силы — в виде кражи денег. На какое-то время этого хватает. Но очень скоро жизнь ставит перед принципиальным выбором: или добывать силу жизни по мере появления потребности, или же обеспечить себя постоянным источником силы и иметь запас.

Именно это и есть переход в Вежу взрослости.

Принять решение иметь постоянный и безопасный источник жизненной силы —

значит стать взрослым.

Что для этого надо?

Надо изучить мир и понять, где твой Образ мира ему не соответствует. И самое главное — надо понять, где в этом Божием мире располагаются безопасные источники жизненной силы.

Получается, что юность, время пребывания в Сулопах, есть одновременно время повторного изучения Мира, подобное раннему детству, когда творится Материк. Но теперь Мир изучается целно, как одновременно Мир-Природа и Мир-Общество, на предмет обнаружения мест и способов добывания силы. Иначе говоря, вопрос, который стоит, это: где в мире природы можно с помощью мира-общества и неуязвимо от мира-общества добывать силу жизни?

Тем самым медленно, но верно меняется Образ мира. В каком-то смысле он оказывается гораздо ближе к Материку, чем Сулоп, и учитывает общество, хотя и не совсем так, как Тело справедливости. В новом Образе мира приглушаются детская глупая наглость и хамство, потому что взрослый знает, что безопасно можно играть в Теле справедливости только с теми, кто тебя любит. Чужие люди просто бьют. И часто насмерть.

Общество, которое теперь учитывается в Образе мира — это, своего рода, *общественная природа человечества*, это такие же условия жизни на земле, как и природные, хотя и созданные людьми. Это то, что от меня не зависит и что может меня уничтожить без пощады и скидки на то, что я тоже человек. *Это то, что надо знать и учитывать при создании своих новых миров, как природные условия, и с чем нельзя договориться, в отличие от людей.* Попробуйте договориться с законодательством или налоговиками. Как, впрочем, и со всеми другими собирателями излишков жизненной силы, вроде грабителей.

Мир людей разделяется на тот, с которым можно договариваться, и тот, который надо просто знать, как природу.

В итоге рождается новый Образ мира, который мазыки называли **Стодень**. Стод — это по-офенски Образ, Бог, Судьба. Стодами называли и иконы — изображения бога, божьи образа.

Стодень — это божий мир или, точнее, Образ Божьего мира.

Это та часть мира, с которой нельзя договориться, и которую надо просто знать и учитывать как данность, как условия нашей жизни.

Стодень — гибкий образ мира, который постоянно дорабатывается, изменяется и достраивается в соответствии с тем, что **ты** узнаешь о мире.

С появлением Стодня человек раздваивается в своей внутренней жизни, потому что сохраняет и Сулоп. В него ты отправляешь все то, что узнаешь о мире людей, как о дороге к мечте, **но** что не может оказать воздействие на твое выживание.

Теперь Сулоп — это сказка, это знания не о мире, а о том, что знают о мире люди. Все, что знали наши предки о мире, все их взгляды на устройство мира, на его мифологию, отправляются в Сулоп. Туда же, как ни странно, идет и вся наука, прямо не применяемая тобой. Все, что дает надежду, складывается в Сулоп и там постепенно забывается.

Мифологическая и научная картины мира мирно уживаются в Сулопе до тех пор, пока не появляется возможность столкнуться с их частями в жизни. Тогда это переносится в Стодень.

Стодень — это то, что обеспечивает твое выживание сегодня. Какие-то части его могут не соответствовать действительности, как ее представляет наука или другие люди, но они всегда соответствуют твоим представлениям о действительности. Причем на уровне прямых причинных связей, то есть корней того, что с тобой происходит.

Корни корней, которые ты проверить не можешь, отсылаются в Сулоп — мир, где живут первопричины, философия и объяснения отвлеченных понятий.

Уже из этого описания Стодня и Сулопа видно, что оба эти понятия сложные, и Сулоп, к примеру, должен делиться на две части. Ту, что возникает в отрочестве, и ту, что дополняется после рождения Стодня. Это действительно так.

Сулоп отроческий тоже никогда не является чем-то постоянным. Он меняется вместе с познанием мира и появлением каждой новой мечты. При этом сутью его является Образ мира-семьи, где ты имеешь свою долю-удел, то есть он является Миром счастья.

Сулоп взрослый, хотя и сохраняет эту основу, живет больше за счет изменяемой мечтами о хорошей жизни части. Поэтому сутью взрослого Сулопа оказывается **Мир Мечты**, который прячется в душе каждого человека, но тайно правит всеми его поступками.

Вспомним, отказ от Сулопа и принятие ценностей взрослого мира было вынужденной мерой, своего рода отступлением юности под разрушительным напором действительности на их первые миры. Это значит, что в душе любого юноши звучит в тот миг клятва: *хорошо, вы сильнее, я отступлю, но потом я вернусь и построю свой мир еще раз и так, что его никто не сможет разрушить! И построю таким, как я хочу, и так, что никто не сможет в него вмешиваться и мне указывать! Я буду полным хозяином в своем доме, так что вам останется только завидовать и проситься ко мне!*

Иначе говоря, Сулоп, после перехода во взрослость, оказывается тем, чего человек стыдится, как своей детской слабости, незрелости и уязвимости, но что он при этом тайком воплощает всю оставшуюся жизнь до старости.

Старость, правду сказать, отменяет Сулоп, уничтожает раздвоенность и заставляет принять то, что есть, то есть Стодень. Тогда идет обращение к Богу, создавшему Божий мир, как образцу совершенства, и просьба принять в новое ученичество до и после смерти. Вероятно, именно это возвращение цельности и воспринимается мудростью.

Для нас важно понять: все, что взрослый человек делает, делается ради воплощения Сулопа — Мира Мечты, основа которого закладывается в отрочестве, а попытки воплощения осуществляются в юности.

Самое страшное в этом то, что Сулоп оказывается спрятанным и никогда не пересматривается. В итоге его нельзя воплотить, поскольку он изначально создавался нежизнеспособным глупым и вредным подростком. Но при этом нельзя и отменить, потому что человек не просто его прячет, а еще и скрывает даже от самого себя.

И получается, что Сулоп правит и заставляет совершать действия, можно сказать, вершить всю жизнь ради неверно поставленной цели.

Сулоп обязательно надо признать, вытащить на свет, подробно описать и изменить в соответствии с тем, как ты видишь действительность сегодня.

Пропусту говоря, надо сделать целеустройство своей взрослой жизни, опираясь на Мир Мечты, потому что так или иначе он вырастает из Материка, то есть из предельно доступного человеку соответствия действительности.

А это значит, что Сулоп, Мир Мечты, есть прямая и жесткая связка действующего Разума с его основаниями. Исключать ее из своей жизни — значит терять возможность действительно что-то сделать.

Можно сказать, что потеря Сулопа, произошедшая, когда взрослое общественное мнение признало его постыдным, как детский онанизм, повела к потери магических способностей человечества. И теперь мы заняты барахтаньем в поверхностной пене жизни, которая есть борьба за выживание. Божественность же утрачена не только для нас, но и для нашего понимания.

Однако, что важнее всего, описание Сулопа, то есть Мира своей Мечты, прямо и жизненно необходимо при создании предприятия, если ты, конечно, хочешь стать его действительным Хозяином.

И вытекает это из того, что Хозяин всегда точно знает, ради чего он делает предприятие. Если же он его просто делает и не задумывается, значит, он раб, а не господин. Он просто биологический придаток к большой общественной машине по перекачке природных ресурсов в деньги.

В общем-то, вполне возможен и такой путь. Это всего лишь вопрос выбора.

Глава2 Предпринимательство

Все слышали выражения: Повзрослел! Или — Наконец-то повзрослел! Или — Когда ты только повзрослеешь?

Мы очень-очень к ним привыкли. Настолько привыкли, что даже не замечаем и уж тем более не вдумываемся. И используем их совсем поверхностно, примерно, как указание на то, что человек стал старше и с ним теперь можно нормально разговаривать.

Что значит «нормально»? В переводе с латыни «норма» означает правило или образец. Следовательно, с повзрослевшим человеком теперь можно говорить в соответствии с какими-то правилами или образцами. Но говорить можно и с неповзрослевшим. Вот только что с того? Говори с этими молокососами-недоумками хоть по каким правилам, толку-то с того разговора все равно не будет! Значит, с повзрослевшим можно не только говорить определенным образом, но и ожидать в итоге поведения в соответствии с правилами, то есть предписываемыми взрослому члену общества образцами.

Все это означает, что повзрослеть — это не просто стать старше и послушнее. Это означает произвести над собой некую качественную операцию, не менее значимую, чем, к примеру, смена пола. Она сопоставима, пожалуй, только с одной операцией, которую мы над собой производим в самом раннем детстве — отказ от божественности и принятие разумности. Иначе говоря, смену животного состояния на человеческое. В этнографии это закреплялось обрядом, который назывался Постриг.

Проводились Постриги, приблизительно, когда ребенку исполнялся год или два. До этого времени дети считались как бы бесполоыми и именовались просто дитё. В постриг мальчика сажали на конское седло или на оружие, девочку — на прялку, обстригали у них прядь волос и облачали в соответствующую их полу одежду. После этого дитё становилось ребенком и считалось разумным. Так закреплялось принятое маленьким человечком решение учиться на человека.

Решение стать членом общества, гражданином, как бы сказали сейчас, закреплялось другим обрядом, тоже многократно описанным этнографией. Свадьбой. Женатая и замужняя молодежь переставала буйствовать, переставала быть опасной и полностью принимала правящие ценности своего общества. Принять решение жениться значит принять решение повязать свою силу и отдать ее на служение обществу. Называлось это — повить.

Вить, повивать — это вязать, путать. Первый раз ту силу, которая входит в мир с нашим рождением, выют и увивают, чтобы она стала управляемой, при рождении. Жрица, осуществляющая это, так и называлась — повитухой. Ее задача — сделать все, чтобы пришедшее существо оказалось человеком, потому что вместе с новорожденной жизнью мог прийти кто угодно, любой подменьш — от черта, лешего, домового до бога.

Та же повитуха должна была править маленького человечка, то есть придавать нужный вид его головке и телу, чтобы он соответствовал образцу, принятому в нашем обществе.

И так, путем множественных повиваний, человека правили и правили всю его жизнь, пока он не сдавался и не принимал решения стать взрослым, а попросту — рядовым и образцовым членом нашего общества, общества своих. После этого общество могло не бояться за свое выживание. Если в обществе только свои, оно может погибнуть только со смертью последнего ИЗ своих членов. Вот так мы жертвуем собой и своей силой жизни, отдавая ее тому огромному общественному существу, которое живет вместо нас и зовется

народом, родом, общиной или государством. Теперь только оно обладает силой и желаниями в нашем мире, словно бы высосав жизнь из наших бледных, обескровленных тел.

Это похоже на выращивание огромного боевого монстра, который будет защищать нас от других чудовищ. Конечно, можно этого и не делать, но тогда тебя сожрет чужой монстр. Так что выбор у нас невелик — или поддерживать жизнь собственного чудовища-государства, или сдать его чужому. Свое все-таки лучше. Хотя бы тем, что привычнее, понятнее... Так что вопрос стоит не об отказе от государства, а о понимании собственного положения, а точнее, того психологического состояния, которое называется «взрослость». И как видите, юности есть против чего бунтовать! Государство вполне оправданно можно считать примером страшного бога.

Повзрослев, мы, конечно, сдаемся. Признаем, что не в наших силах бороться с богами такой силы. Но поиск божественности и воплощение Мира-Мечты все-таки продолжаются и в веже взрослости. Слабенько, чаще всего жалко, потому что сил нет, но все свободные от служения государству силы, тем не менее, идут на воплощение мечты! Как?

Это или создание своего Дома, Гнездышка, куда входят и знаменитые в России дачные участки, или же предпринимательство, то есть создание собственного предприятия.

Дом (как говорят англичане, мой дом — моя крепость) — это то, что дает защиту от холода и врагов-предателей.

Предприятие — это то, что дает источник жизненной силы.

Если ты занят домом, то есть мыслью о защищенности, то, скорее всего, будешь работать на чужом предприятии, то есть пользоваться чужим источником силы, или же выйдешь замуж за владельца такого источника. И будешь вить гнездышко ему.

В семье это распределение усилий обязательно — один ищет источники силы, другой обеспечивает защиту его тылов. И когда это звучит так: *ведение дома, домоводство — есть обеспечение защиты*, то становится ясно, *что наши женщины — прирожденные воины, и изучение науки побеждать — естественная часть женского образования, чадо только правильно ее подать.*

А если мы при этом еще и вспомним, что экономика переводится как «ведение дома», «домоводство», отсюда — эконом, экономка — человек, ведущий хозяйство большого дома, то можно сделать вывод, что мир сильно изменился. Теперь ведение домашнего хозяйства больше не называется экономикой. Экономика теперь — большое дело больших мужчин. Но суть его та же — обеспечение защиты тылов тех, кто воюет в большом доме — государстве.

В этом смысле и малый дом, и большое предприятие — это все-таки крепости в воинском смысле. И хоть мы не привыкли думать так о предприятиях, но они — совершенно определенно среднее звено в цепи развития дома в государство.

Однако как бы ни была важна способность прозревать сквозь обыденное воинскую составляющую жизненного пути человека, ни один дом не устоит, если будет недооценена необходимость уметь видеть и источники жизненной силы.

Поэтому *основу всей нашей человеческой науки выживания составляет искусство поиска и использования источников силы жизни.* Своего рода, Силовое лозоходство.

В большинстве случаев поиск, источников силы— дело нетрудное. Надо лишь хорошо знать устройство мира, а для этого иметь хороший Образ мира.

Образ мира того, кто намерен искать источники силы, и должен изначально создаваться для этого дела.

Делается это просто: человек с детства запоминает все рассказы о том, как можно заработать на жизнь, и укладывает это в свой Образ мира, то есть в свои знания о том, как устроен мир.

Всем известная привычка учителей и многих взрослых задавать детям вопрос: кем ты будешь, когда вырастешь и станешь взрослым? — как раз направлена на проверку той части Образа мира, где зарисовываются пути к источникам жизненной силы.

Получается, что в детском Образе мира, в Сулопе, источники силы помечены названиями различных профессий. Правда, одновременно с этим на уровне Материка рождается и другой образ источника — это действительные деньги, хранящиеся где-то в доме, в кармане или кошельке, которые оттуда достают взрослые. И это означает, что их можно оттуда доставать и в своем доме, и в доме приятеля, который тебя пригласил, и в доме соседа, куда можно забраться через окно.

И тот, и другой образ источника — и материковый, и су-лопный — ущербны и напоминают «тумбочку» из еврейского анекдота: «Абрам, где деньги берешь? — В тумбочке! А кто в тумбочку кладет? — Сара. — А Сара откуда берет? — Я даю! — А ты откуда берешь? — Так **из** тумбочки же!»

Образ источника силы в Материке точен только в той части, которая касается природы. Но уже обработанная природа — огород, и уж тем более все, что связано с деньгами, совсем не работает без людей. Человек, обладающий лишь Материком, упускает существенную часть устройства мира и выжить не может.

Точно так же и Сулоп, поглощенный изучением связей между людьми, забывает о том, что источником силы все-таки являются не эти взаимоотношения, которые дают деньги, а лежащее в их основе освоение природы. Один Сулоп тоже выживания не дает.

Соединяются оба эти образа источника во что-то цельное только в Стодне, да и то далеко не у всех. Но те, кто видит это соединение, стараются создать свои предприятия, посаженными прямо на природный источник силы, и определять взаимоотношения людей, его разрабатывающих. Это можно назвать «естественными монополиями», хотя и условно.

Большинство же предпринимателей предпочитают извлекать деньги из взаимоотношений людей, даже не задумываясь о связи с природой.

Это редко удается, потому что даже в так называемой сфере услуг все равно требуются те или иные виды материальных ресурсов. Особенно это заметно по транспорту, который без нефти или электроэнергии не работает. Тем не менее, большинство предпринимателей настолько специализируются в извлечении денег из людских взаимоотношений, что словно бы напрочь забывают о природе и живут по правилу: после меня — хоть потоп.

Если мы попытаемся подумать о том, как работать спокойно и долго, то увидим, что даже предпринимателю, делающему деньги на людях, выгодно думать обо всех цепях извлечения силы, которые уходят от его дела до тех людей, которые извлекают ее из природы. Чем выгоднее людям работать с тобой, тем им вообще выгоднее делать свое дело. Тем дольше они будут его делать, и делать так, как выгодно тебе.

Народная культура вся была построена на поддержании установившегося порядка вещей, то есть всем известного и одинаково понимаемого Образа мира. Отсюда и пристрастие древних к обрядам и обычаям.

Для нас с вами все это означает одно важное правило: если ты хочешь иметь богатый источник силы, думай о том, чтобы работающим с тобой было выгодно с тобой работать. Поддерживая их, ты поддерживаешь самую основу взрослого Образа мира — **сетку источников жизненной силы**.

Предпринимательство рассматривается как мужской вид деятельности, хотя, конечно, никакой жесткой определенности тут нет. Можно считать, что «мужской» и «женский» тут лишь способы говорить.

Тем не менее, мужчина гораздо больше связывается с образом Бога-отца-творца. Вероятно, можно посчитать, что **при создании нового предприятия наше мужское начало творит первообразы этого предприятия как мира, а женское впоследствии им управляет**. Однако углубляться в это я бы не хотел, потому что на этом уровне разговора об экономике продолжение привело бы нас к чистому и беспочвенному философствованию.

Гораздо важнее понять, что образ предприятия по сути своей является Образом мира. И это выражается не только в том, что мир — это место жизни, а предприятие в этом смысле

всегда определенный мирок, как и Семья или Дом.

Важнее другое. Образ предприятия всегда строится на основе всех трех основных образов Мира — Материка, Сулопа и Стадия. Без их использования и включения он невозможен. И если мы будем глубоко разбирать устройство предприятия, то в основе его увидим образы простейших взаимодействий, то есть Материк, и образы простейших взаимоотношений, то есть Сулоп.

И все это будет собрано вокруг источника силы, *которого нет*, потому что он есть всего лишь часть Стодня, рассказывающая, как извлекать деньги из людей и мира. Иначе говоря, *источником силы в Образе мира, как я уже говорил, является рассказ о том, где и как можно заработать. В Образе мира вообще ничего, кроме рассказов, а точнее, образов, нет.*

И именно так в виде рассказов и вызванных ими образов и хранятся знания об источниках в Стодне. А это значит, что предприятие есть лишь воплощенный рассказ-сказка о стране, где реки текут молочные, а берега кисельные. Это тоже своего рода мечта, но мечта воплотимая, воплощаемая и воплощенная!

Почему? Да потому, что так считает общество. Считает на уровне магии общественных взаимоотношений, закрепленных законами, правилами и правами.

Но мечта о Мире, мечта о земле благословенной означает, с психологической точки зрения, что части Образа мира, рассказывающие о таких землях, хранятся в нем как зародыши миров. А сам Стодень есть Образ мира, чреватый множеством новых миров. Что-то вроде шара, к которому прилепляется множество маленьких шариков, могущих развернуться в миры.

Следовательно, творя предприятие, предприниматель выбирает наиболее подходящий источник или источники силы и разворачивает их в самостоятельный мир, наполняя жизненным содержанием, которое берет из Стодня, то есть Богом данного Образа мира.

В итоге он во многом уходит из этого мира в свой мирок сознания, и мы все знаем это состояние, когда человек становится как бы *не от мира сего*. На самом деле он становится не человеком не этого мира, а человеком «иногo» мира. «Иногo» в некотором качественном смысле или в смысле восприятия себя иным образом. Потому что биологически быть человеком не этого мира значит не быть вообще.

Мы не можем не быть, мы можем только быть. Мы всегда есть некое существование. И понять это очень важно для прикладного психолога, каким должен быть предприниматель, потому что позволяет видеть, что когда навредивший работник говорит: Да я и не думал!.. — это означает, что он думал. Но думал о чем-то другом, но не о деле. Но это же самое означает, что он где-то был в это время!

А быть, то есть существовать, мы можем только в мире. И этот мир, в котором он был, когда твое предприятие терпело убытки из-за его тупости, был его Сулоп. И он с тем миром, что ты строишь для него же на своем предприятии, не совмещается. Такой работник, который *живет от «не»*, как это называли мазыки — **в нетях**. — «не думал», «не знал», «представить себе не мог», «не виноват» — так же полезен на твоем предприятии, как подросток, ушедший в компьютерные миры, в домашнем хозяйстве.

Все люди — мечтатели, даже ненавидящие это слово. И все работники, которые придут к вам на предприятие, мечтают попасть в Мир Мечты. Они за этим и пришли. *Но у них уже наработалась за долгую жизнь привычка не верить в то, что Мечта достижима, и просто пережидать до смерти.*

Поэтому с ними надо сразу договориться, что ваше предприятие и есть попытка воплотить Мечту, по крайней мере, для вас. Хотя бы мечту о хорошей работе. А это значит, что надо постараться и не испортить ее. Как ни странно, но такой договор даст дополнительные рычаги управления работниками, даже если они никакой мечты и не признают. *Не признавать-то не признают, но однозначно признают за вами право на них обидеться, если они вас предадут или подводят в вашей битве за мечту.* Вот это странное

психологическое право и есть признак живого Сулопа, который правит ими исподволь. Его надо использовать и для дела и для возрождения душ.

До тех пор, пока предпринимателю удается быть полноправным хозяином своего предприятия, оно — мир его мечты. И он живет в мечте и мечтою. Про таких говорят: «Увлеченный человек, всецело отдается делу». На самом деле он беглец, что есть силы старающийся убежать из настоящего мира в свой Сулоп.

Но как только дела в предприятии ухудшаются, и в нем появляются враги, которые начинают отбирать у хозяина деньги и власть, он машет на свое творение рукой и начинает просто собирать с него силу, чтобы создать следующий свой мир — например, дачу. Вот тут он предает и себя, и тех, кого убедил, что охотится за мечтой.

Как ни странно, но теперь работники получают право обидеться на своего хозяина. Причем они имеют право обидеться на него и в случае предательства Мечты, и в случае, если у него действительно не хватило силы противостоять нападениям внешнего мира. *Не имеешь достаточно силы — не подымай людей на Мечту! Сколько можно травить душу! Поэтому, начиная дело, помни правило: ты в ответе за всех, кого приручил...*

И Материк, и Сулоп проигрывают свои битвы, потому что неполно показывают мир своему хозяину. Поэтому большинство людей сбегает в Стодень, как бы сдаваясь на милость Бога в виде победившего государства или общества, и начинает *видеть Мир таким, как это записано в этом Образе мира. Л записано так, как выгодно обществу.* Стодень действительно дает возможность не погибнуть и даже занять видное место в обществе. Конечно, Стодень не дает никаких гарантий победы, но зато в нем можно не проиграть. Что называется, живем, как бог дал...

Победить по-настоящему может только тот, кто живет в настоящем мире и видит все таким, каково оно есть. Но для них предприятие никогда не бывает миром или местом жизни. Оно — всего лишь орудие. Чего? Старики говорили, **преодоления Мира.**

Глава 3. Мазень

Понимание того, что источники силы в жизни существуют в виде различных предприятий, а в Образе мира в виде знаний о том, как создавать предприятия или зарабатывать деньги, то есть в виде рассказов-образов источников силы, дает возможность обрести большую внутреннюю свободу и создать особый вид Образа Мира.

Этот Образ Мира, которому ты полный хозяин, назывался у мазыков **Мазень.** Происхождение этого слова, как объяснял один из моих учителей, таково.

На офенском языке существовали два слова для обозначения себя. Как и обычно в русском «Я» и особое офенское «Мае» или «Маз», отсюда — мазыка. Мас — это, скорее всего, просто обратное прочтение сам. Образ же моего мира, которому я хозяин, называется **Масень** или **Мазень**, что должно означать: мой мир.

Мазенем владеют далеко не многие: подавляющее большинство людей живут в Стодне, как бы признавая, что они сдались однажды, когда приняли решение отказаться от мечты и стать взрослыми.

В итоге все их собственные ценности как бы вписаны в тот Образ мира, который навязало им общество, и сами они — своего рода продолжения этого общего для всех людей Образа мира. Он и существует-то только потому, что хранится в их умах и живет в их поведении. Обычные люди — это воплощение Стодня и его телесные продолжения.

Мазыка и скоморох — люди свободные, ходоки. Они осознанно разрывают свои связи с обществом, отказываются пользоваться известными в Стодне источниками силы и даже изобретают собственные тайные языки, чтобы уйти от правящих нашими умами образов обычного языка. И хоть наука за скудностью сохранившихся знаний и не говорит ничего о

наличии у скоморохов своего тайного языка, я склонен считать, что он был. И более того, лег в основу всех остальных тайных языков, вроде офенского, разбойничьего, конокрадского, языка шерстобитов и тому подобных.

Основанием для такого убеждения является то, что мои учителя, считавшие себя потомками скоморохов, осевших в конце XVII века среди офеней, говорили о том, что офенский язык был тайным, но внутри него был еще и язык мазыков, тайный для офеней. А сами по себе тайные языки, считали они, всегда разбиваются на три вида — маяки, огонь и свет.

Офенский язык и блатная феня — это маяки. Маяки всегда языки, созданные в мышлении, то есть придуманные и усложняющие жизнь.

Огонь — его следы сейчас сохранилась, на мой взгляд, лишь в матерной брани — это язык Разума, когда-то, видимо, был

жреческим.

Связь матерной брани с разумом вряд ли может показаться очевидной неподготовленному человеку. При первой же возможности я подробно расскажу об этом. Пока же достаточно намекнуть на то, что брань, как и язык Огня, изгоняет дурака и служит обрядовым целям, заметно упрощая жизнь. Как ни странно, но матом можно объяснить все, что угодно, вплоть до современных технологий, и люди понимают, потому что вынуждены

включать Разум. Приглядитесь сами.

Свет же — язык стихийный, то есть бессловесный или безмолвный. Общение в нем однозначно, но доступен он только знающим людям — докам. Он-то и был, как мне объясняли, основой языка мазыков, скоморохов, а возможно, и вообще древнего жречества не только Руси, но всех индоевропейских народов Евразии. Свет — это язык магов, чародеев и волшебников.

Для целей этого сочинения, однако, имеет значение только то, что офенско-мазыкская культура использовала понятие свободного или независимого образа Мира — Мазень, которое стоит рассмотреть.

Мазень — это Образ мира, который ты можешь осознанно создать взамен Стодня. Главное в нем то, **что** он высвобождает тебя от зависимостей даже от самого себя.

По мере того, как взрослый человек творит свой Стодень, он все более становится его рабом. Я уже не говорю, каким горем переживается такое вторжение в Стодень, как кража или пожар. Хозяину Стодня порой легче повеситься, чем потерять дело всей своей жизни. Но даже такие мелочи, как бытовое взаимонепонимание, раздражают его болезненно. С годами хозяин крепкого Стодня воплощает его все полнее в своем доме или предприятии, воплощая этим свою Мечту о том, что у него будет однажды свой мирок. И чем больше этот мирок становится его крепостью, тем страшнее его потерять.

Мечта эта все больше сливается со Стоднем. Воплощенная мечта становится застодневшейся. Как говорили дедушки про состоятельных горожан, построивших в их деревнях дачи, — **За-стодневший Сулоп**. Признаками застоднения является болезненная тяга хозяина дома или предприятия к порядку, причем к своему порядку. И не дай бог положить вещь не на место! Или сесть не туда!

Мазыка предпочитает вообще не иметь дома и предприятия, **но** оставаться внутренне свободным. Поэтому они набирали под, честное слово товару и отправлялись бродить по миру, исследуя

возможности выжить неизвестными миру способами. И это им удавалось.

Мазень — это следующая ступень Образа мира, которая собирает в себя то, что необходимо для жизни, из предыдущих Образов мира — Материка, Сулопа и Стодня, но отбрасывает все то, что считается неизбежностями. Мазень — это образ мира, который создает себе человек, считающий себя Хозяином собственной жизни.

Хозяин — это человек самостоятельный, от других людей независимый. А что такое быть независимым от других людей? Хозяином себе можно оставаться даже во вражеском плену. Хозяин — это состояние внутреннее. Это, в первую очередь, независимость от чужого мнения. В том числе и от общественного.

Только человек, отбросивший зависимость от мнений других людей и общества, человек, живущий своим умом и им это общество учитывающий, может ощущать себя Хозяином себе.

Если ты при этом еще и задумал создать свой собственный Образ мира, Мазень, то кроме мнений, кроме само собой разумеющегося для членов нашего общества и нашей культуры, ты отбрасываешь и знания об источниках жизненной силы. Вместо того, чтобы помнить, как она добывается и как создать предприятие по ее извлечению, хозяин Мазень предпочитает:

1. Научиться видеть жизненную силу.
2. Научиться думать.
3. Проверять свою способность думать каждый раз, когда сталкивается с силой, решая задачу, как ее извлечь в незнакомом мире.

В каком-то смысле это искусство добывания силы в мирах неизвестных прямо подводило мазык к искусству Перехода или Светлой смерти.

При всем при этом мазыки были простыми владимирскими крестьянами, у которых оставались по домам семьи, которые надо было кормить и содержать. Чтобы не потерять достигнутой свободы, они, как мне рассказывали, создали понятие «мамки».

Мамка — это заботливая нянька, которая кормит младенца. Мамка взрослого человека — это дело, которое тебя кормит и не дает умереть твоей семье и близким. Мамкой может быть твоя работа, на которую ты ходишь несколько дней, или даже несколько работ, которые ты совмещаешь, работая днем и сторожа ночами. Это плохие мамки, потому что они съедают тебя всего целиком.

Хорошая мамка — это такое дело, которое высвобождает тебе кучу свободного времени для занятий собой и воплощения мечты.

Мазыки, к примеру, скопив деньги, покупали на них товар, раздавали другим офеням с тем, чтобы те расплачивались по итогам торговли с их женами, а сами уходили надолго с артелями бродить по Руси и дальше. Они были свободны, а семьи сыты.

Когда в последней четверти прошлого века офенское дело стало хиреть из-за развития капиталистической промышленности и железных дорог на Верхневолжье, многие из них ушли в города и вложили накопленные средства в создание мануфактур и фабрик. Я не знаю, остались ли они свободными, но мамки у них были очень богатыми.

В нашем случае, как это виделось нам в начале нашего эксперимента, вопрос стоит так: если мы хотим, чтобы предпринимательство, бизнес затащил нас с головой и сделал думающим придатком к себе, — мы обречены. Это неизбежно происходит. Если же мы хотим лишь создать богатые мамки, которые будут кормить нас, но остаться при этом свободными, более того, увеличивать свою свободу, - то это надо поставить себе задачей и решать, как решаются любые жизненные задачи. Не более того Это относится и к человеку, и к сообществу, например, к Тропе, как мы называем Общество русской народной культуры.

Но сначала надо сделать выбор: так чего же я хочу в самом деле?

Глава 4. Создание образа предприятия

Нельзя создать предприятие, не создав его образ. Нельзя создать образ предприятия, не умея творить Начала.

Поскольку множество людей творят предприятия, ничего не подозревая о началах, значит, этот инструмент нам естественно присущ.

К сожалению, большая часть творящих предприятия или разоряется, или творит плохие предприятия. Значит, этот инструмент нужно улучшать и доводить до

совершенства.

Раз некоторым удастся сразу или после множества попыток создавать хорошие предприятия, значит искусству творения Образов-Начал можно учиться.

О каком естественно присущем нам инструменте идет речь, когда я говорю, что множество людей творят предприятия? Конечно, инструмент творения сложных Образов миров.

Мы учимся творить их с самого раннего детства, создавая собственные игровые пространства дома, во дворе, на улице, в школе... И каждый раз увязывая в едином образе множество людей, распределяя их по местам в соответствии с их значимостью и силой. А потом еще и храня эти отжившие образы в памяти как образцы для возможных будущих построений.

Человек — творец Образов миров в силу жизненной необходимости. Сначала он должен создать очень точный образ Мира-природы, чтобы выжить на Земле, а потом, ради выживания в обществе, он должен создавать образ за образом этого странного, необъятного и постоянно меняющегося мира по имени Человечество.

И он с этим справляется. И не просто справляется, а великолепно справляется, раз выживает. Кто не справился, того уже нет.

Что это значит? А то, что для знания общественной психологии или социологии нам вовсе не обязательно читать множество умных книг. Достаточно как следует заглянуть в себя. Там все есть!

Более того, там есть предельно точное знание того, как устроено общество. И это позволяет, скажем, творцу собственного

Мазеня не запоминать умные книжки, а, читая их, проверять на соответствие собственным представлениям об устройстве общества. Если отзывается — значит, книга верная. А если ощущается умным и вызывает мысль: надо бы запомнить — значит, эта умная мысль не вызвала узнавания!

А это значит, что она, скорее всего, не соответствует действительности. Или соответствует какой-то действительности, но не той, с которой сталкиваешься ты. И ты запоминаешь ее не для того, чтобы жить, а про запас, для того, чтобы при случае использовать, вдруг окажешься в ином мире, где это есть, или где есть другие, кто тоже это запомнил...

Когда мы творим образ предприятия, мы естественно и не задумываясь используем свои умения творить Образы миров. И при этом, если мы хотим, чтобы предприятие было жизнеспособным, ни в коем случае не нужно совать туда то, что ты помнишь, но чего нет в твоей действительности.

Попробую еще раз в самых общих чертах описать то, как создается предприятие, а точнее. Образ предприятия.

Конечно, перед создающим его стоит выбор — использовать одно из описаний источника силы из Стодня или же найти нечто свое, совершенно новое, неведомое, что может стать входом в истинный мир, потому что создавалось как способ извлекать силу из живого источника, который не рассмотрели люди.

Как бы там ни было, но начинать надо с учебы, а учиться лучше на простом. Поэтому даже для тех, кто хочет стать магом и научиться ходить по водам и летать, я бы советовал начать осваивать силу с создания обычного предприятия.

Вспомним. Обычное предприятие — это воплощение одной из общественных сказок о добывании силы в нашем мире. Она хранится в Стодне как рассказ о Мечте, где можно заработать — добыть силу, и о способах, как это сделать. Соответственно, там же всегда есть описание пути к месту силы.

Например, студенческая сказка, бытовавшая в пору моей юности: На соседнем комбинате не хватает чернорабочих в ночную смену. Правда, если идти через отдел кадров, тебя оформят на постоянку, скажем, на месяц, и будут платить по сетке. А вот если перелезть

через забор и придти прямо к бригадиру ночной смены, то *он платит на месте сдельно. Это раз в 5 больше, чем за постоянную и без налогов. Перелезай лучше всего в таком-то месте. Колючка там оборвана и под забором лежат ящики. Когда перелезаешь, посмотри чтобы тебя не видели. А перелез— иди смело, как будто ты тут уже всю жизнь работаешь. Тебя уже никто не тронет.*

Вот примерно так мне описывали путь на соседний меланжевый комбинат. Я ходил по нему и действительно приходил к месту силы, где зарабатывал деньги за ночную работу.

Этот путь, это место силы или источник и то, как ее там добывать, до сих пор хранится в моей памяти, хотя комбинат уже почти не работает, и все изменилось. Конечно, я бы не пошел сейчас по той дороге, и вообще не стал бы так зарабатывать на жизнь. Это значит, что то воспоминание из моего Стодня ушло в Мир Мечты, в Сулоп.

Но зато в моем Стодне хранится извлеченный из тех событий урок: в тяжелые мгновенья жизни возле любого крупного предприятия можно поискать дорожки силы, которые ведут к местам, где требуется живая рабочая сила для срочных работ. И за нее платят сразу и больше.

И это знание я забираю из Стодня в свой Мазень по мере того, как создаю его. В нем нет ничего связывающего меня с обществом, но зато в нем отразился один из законов мира людей.

При этом, если мы приглядимся, то увидим, что в этом описании источника силы, который хранится в моем Стодне, есть знания не только о том, как добыть силу, но и об устройстве общества, что досталось в наследство от Сулопа.

Это все то, что связано с искусством управления людьми:

через проходную не ходить — вахтеры неуправляемы, потому что им на общее дело начхать, они работаги и знают только то, за что им деньги платят. А как эти деньги заработать, их не касается. Им вынь да положь!

А сразу идти к дежурному бригадиру, он художник и хозяин, значит, постарается из любого человека пользу извлечь. Ему же дело надо делать, план гнать! Сказать ему, что студент, то есть человек готовый на все, но мало что умеющий, ему так нужны люди, что он даже документов спрашивать не будет. И это не только слова, но и образы того, как подать себя, чтобы человек тебя принял и стал управляемым, то есть делал то, что ты хочешь.

Образы, позволяющие добиваться от людей желаемого, то есть делающие их управляемыми, — это основа общения с людьми, образы простейших взаимоотношений. Следовательно, это Сулоп, а точнее, его основа — Тело справедливости.

Но подо всеми этими образами еще более глубокая основа, делающая возможными взаимоотношения людей — образы простейших взаимодействий с землей — идти, находить нужное место, перелезать, прыгать и так далее, и тому подобное. То есть Материк.

Все это означает, что когда мы творим Образ такого мира, как предприятие, мы очень многое вводим туда, как само собой разумеющееся, совершенно бездумно, заимствуя из Стодня, где вокруг образов источников силы совмещаются знания Сулопа и Материка.

Места силы, какими являются и предприятия, в нашем восприятии следуют какому-то вселенскому закону, который предписывает людям видеть такие места как миры, пригодные для жизни. Это значит, что мы, воспринимая такое место, частично опираемся на восприятие. И в этой части мы видим место силы таким, каково оно в действительности.

Но поскольку наше восприятие несовершенно, оно не может охватить действительность как цельный мир, мы произвольно достраиваем получающийся образ до Образа цельного мира готовыми кусками из памяти. Теперь наш образ предприятия полностью соответствует нашим представлениям о том, каким должен быть мир, но почти не соответствует миру.

Получается, что, творя образы предприятий, мы каждый раз творим Образ мира «по образу и подобию» своего Стодня с небольшой добавкой нового, которая заключается в

использовании именно этого образа источника силы.

По сути, образ предприятия — это тот же Стодень, в котором определенный образ источника силы стянул все к себе, стал сердцевиной и сутью, а остальные источники силы или убраны совсем, или рассматриваются как подсобные, чтобы не разбрасываться.

Можно сказать и так, что теперь один из множества возможных источников силы стал Вершиной мира, с которой и рассматривается весь остальной мир, который теперь становится опорой и поддержкой вершины.

Соответственно, и все остальные источники силы теперь видны, только если они могут оказать поддержку предприятию. Те же, из которых пользы извлечь нельзя, как бы уходят на другую сторону мира и надолго пропадают из видения.

Получается, что творение миров, если обучаться этому через творение предприятий в Стодне, оказывается искусством увязывания в подсобную сеть множества источников силы вокруг избранного тобою, который, вслед за мазыками, можно назвать **Жилой**.

Создание образа предприятия — это создание образа разрабатывания жилы, найденной или избранной тобой. При этом создающие такие образы обычно не думают о материковой и сулопной части образа и заняты всего лишь вершиной айсберга — увязыванием в сеть источников и способов извлечения денег.

Деньги это дает, но мир силы остается в таких случаях по-прежнему недостижим. Тем не менее, если учиться творению миров последовательно, эта ступень выглядит верной. Однако для тех, кто не хочет останавливаться в самопознании, следующей задачей будет научиться создавать предприятие в Мазене, совершенно не привязываясь к образцам и на неизвестных обществу источниках силы, которые ты нашел сам.

Глава 5. Вершина Мира — Печной столб

Пожалуй, надо несколько слов сказать о том, что значит сделать один источник силы Вершиной Образа мира или Узлом сети источников.

Тут надо сразу оговориться, что мой рассказ об Образе мира далеко не является полным. Я выбрал для рассказа только те его части и те ступени развития, которые позволили рассказать о том, как идет взросление человека, как пожирателя силы. Проще говоря, я рассказываю здесь только о том, какие части Образа мира надо знать, чтобы создать собственное предприятие.

Важно при этом понять, что **мимо видения мира как сети источников силы не проходит развитие ни одного Образа мира**, если только человек не самоубийца. Да и то до самоубийства он обязательно использует эти источники.

Как это ни смешно, но самым первым образом источника жизненной силы для современных детей является *холодильник*. Холодильник и плита. Для детей старого русского общества, какими были мои учителя мазыки, — это, в первую очередь, **Печка**, ну и вообще женский кут, кухня возле печки.

Этот образ Печки, из которой извлекается готовая пища, и связанных с нею кладовой, погреба, двора (с курами, овцами и коровой) и огорода, и становился образом первой сети связанных источников силы для деревенского ребенка. Сюда же постепенно подключается понимание того, что какие-то продукты и вещи можно купить у других людей или в Лавках-магазинах за деньги.

Через расширение Печки до мест, где можно приобрести пищу за деньги, постепенно начинают осознаваться источниками силы все места, где отец эти деньги зарабатывает. Но поскольку он при этом все равно отдает деньги матери (полностью или частично), для ребенка и эти деньги увязываются на печку, как вершину сети силы или **Жилы**. Так вокруг печи в сознании ребенка начинает разворачиваться тот узел представлений, который на Руси называли Жило или Жилье.

И точно в соответствии с этим начальным образом будет твориться основа твоего предприятия. **Предприятие — это жила.**

И даже если ты не создашь сам ни одного предприятия, работая на чужих, ты будешь подсознательно видеть их такими и будешь требовать от них соответствия этому детскому образу Жилы, и обижаться на хозяев, если они не соответствуют твоим представлениям. И не дай бог, они перестанут соответствовать образам папы или мамы, ты их тут же накажешь своей нелюбовью, что выразится в том, что ты позволишь себе работать кое-как. И предашь себя!

Печь — хранилище огня — в современном доме заменилась на плиту. Готовая пища стоит на плите. Погреб заменил холодильник, кладовая осталась. Но вот женщина теперь чаще всего работает, и ребенок с детства знает, как важно зарабатывать деньги, потому что пропал двор со скотиной, а чаще всего и огород потерял свое былое значение. Продукты приходят из магазина и с рынка. И их надо покупать. Поэтому образ места, где можно заработать деньги, гораздо яснее и значимее для современного городского ребенка, чем для людей прежней Руси.

Тем не менее, мы вполне можем воспользоваться мазыкскими выражениями **«Печь»** и **«Печной столб»** для обозначения верхушки сети источников, с которой ты их рассматриваешь.

Соответственно, когда приходит твое время творить собственные миры, ты каждый раз, когда хочешь оседлать какой-либо источник силы, делаешь его своим «Печным столбом» и ставишь на него «Печь», которая превращает несъедобную силу в усваиваемую, в случае предприятия — в деньги.

Получается, что образ Жилы или предприятия делится на две или три части: Хозяйство, Кладовые и Печь, или Хозяйство и Печь, для простоты.

Хозяйство — это все то, что поставляет несъедобную или условно несъедобную силу. Печь — это то, что делает из этого деньги.

Иначе говоря, все Производства — это хозяйство, а Рынок — это Печка. Матка же крутится вокруг них обоих, пока Хозяин ведет умные беседы за чаем с заезжими гостями из уезда или даже губернии. Подобное упрощенное деление, когда ты начинаешь создавать образ предприятия, позволяет задаться самыми общими вопросами:

1. Какие источники силы мне известны? (Обычно это звучит для современного человека как выбор: на чем я бы смог зарабатывать?)

2. Как собрать несъедобную силу с известных мне источников или источника? (Попросту говоря: потяну ли я? Хватит ли сил поднять такое дело?)

3. А затем — как превратить ее в деньги, как ее переварить? (И вот тут ты со всей определенностью ощущаешь себя знатоком творения миров, потому что звучит у тебя в голове, примерно, следующее: Ну, если предприятие сложится, то, конечно, потяну. Но что мне нужно, чтобы оно сложилось? И кто нужен?)

А дальше начинаются самые обычные хождения по бюрократическим и прочим мукам. Поиски денег, людей, орудий...

Тем не менее, подход через понятие «переварить» позволяет видеть сам ток силы: переварить — значит сделанное съедобным направить в себя, съесть и усвоить. Это очень важно. Успешность предприятия определяется не тем, как оно работает, а тем, как оно зарабатывает.

Иначе говоря, эти три очень простых вопроса позволяют увидеть предприятие не как нагромождение производственных цехов, а как некое течение, а точнее, то, что обеспечивает течение, заставляет силу течь из источников в переработку, потом потребителям, а потом от них возвращается обратно деньгами.

Иначе говоря, видеть **Жилой**.

Вот это внутреннее содержание любого предприятия в виде Жилы, разветвленной снизу, чтобы охватить все хозяйство, поставляющее несъедобную силу, затем перерабатывающее ее и отправляющее в печь, чтобы вернуть из печи на стол в съедобном виде, и есть основное, что надо научиться видеть при создании образа предприятия или живого мира.

Безусловно, тут еще надо несколько слов сказать об устройстве Жилы, о том, что такое эта разветвленность.

В целом образ предприятия всегда вписывается в то, что позволяет Государство. Иначе говоря, предприятие, как всякая Жизнь, стремится заполнить, занять весь Мир, в который вошло. Как экологическую нишу. Задача Духа, во что бы он ни входил, — бесконечное расширение. Остановить его может только Смерть.

Вот она-то и описывается в тех предписаниях, которые узаконивает Государство в бумагах, называемых Устав и Законодательство. Шаг за границы, описываемые в этих договорах с Государством, — и смерть предприятию.

Я хочу, чтобы это было понято. Устав, так же как и Законодательство о предпринимательстве, — это отнюдь не то, что описывает образ предприятия. Это то, что описывает Концы предприятий и Миров, а не их Начала!

И если в это вдуматься, то можно шагнуть в магию и истинный Мир...

По сути, описанием предприятия оказывается не Устав, с которого начинается работа Начальника, а его содержание, наполнение, остающееся за рамками Устава. Устав — это всегда простой и ясный договор, который не должен содержать ничего лишнего. А лишним будет все, что отвлечет тебя от главного содержания этого договора.

И государство, с которым ты тут договариваешься, жестко настаивает: подпиши, что ты осознаешь, за что будешь наказан, если шагнешь за рамки этого договора! Нет, не надо лишнего, не надо нам знать, как будет устроено все внутри, как будет идти работа и как будут жить люди! Пиши, если нарушу то, что здесь описано, позволяю меня наказывать!

Вот и все содержание Устава, да и Законодательства тоже. Правда, там даже твоей подписи не требуется. Незнание закона не освобождает от ответственности.

И получается, что сам Образ предприятия пишется после того, как тебе отвели тот кусочек мирка, песочницы, где тебе большие ребята позволяют играть. Все как в детстве, только немножко страшнее.

И вот тебя приняли в мир этой песочницы. У тебя крошечный уголок, где ты можешь творить свое. Почти все, что захочешь (за исключением того, о чем жестко предупредили: будешь кидаться песком, залезать на нашу территорию, воровать — выгоним!).

И только теперь ты принимаешься за творение образа своего предприятия или Образа своего мира. Можно назвать его Образом моего Дела.

Для этого понятия у мазыков было одно особенное слово. Образы миров как Образы дел назывались **Мастыры**.

Мастырить — по офенски — работать, делать. Мастырь, Мастыра — это дело и Образ дела, а также должность, которую ты занимаешь.

Какая у тебя мастыра? — вопрос о том, какая у тебя работа и какая должность.

У меня сохранились в записях такие выражения:

Он влез в мастыру не по себе !

Не по плечу мастырка!

Под себя мастыру придумать ума не хватило.

Чужой мастырь жмет.

Мастырь, мастыра — это Образы рабочих мест, которые для нас с вами могут рассматриваться и как Образы должностных обязанностей, соответствующие всем шагам, которые ты должен будешь проделать, если захочешь переработать силу из своего источника в съедобную, в деньги.

И расписываются они так. Ты глядишь на свой источник и задаешься вопросом: *если бы всю работу делал я один, то что бы мне пришлось сделать, чтобы взять это, переработать, продать и получить деньги?*

А как только эта последовательность расписана, а она-то и есть Жила, ты задаешься следующим вопросом: *а как мне раздать себя?*

Иначе говоря, что из всех этих работ я могу доверить другим, а что придется сохранить за собой?

И как только выделяется первое дело, которое можно отдать, его нужно пройти целиком самому, хотя бы в воображении, а потом подробно записать. Вот это и будет должностная обязанность или Мастыр — образ рабочего места.

Начинать тут, конечно, нужно с главных дел — больших участков, которые впоследствии станут производствами, цехами или отделами. И отдавать их нужно не просто работникам, а своим Помощникам, по сути, заместителям.

А уж они пускай сами думают, как раздать себя, то есть продленного внутрь предприятия тебя, по своим работникам. Иначе говоря, прописывание Мастыр дальше надо делать сквозь Помощников.

И так место за местом, пока ты вдруг не поймешь, что все предприятие работает без тебя. Тогда ты свободен!..

Может показаться, что я предлагаю делать какую-то работу, которая, может быть, и желательна, но так излишня, что ни один начальник в действительном предприятии никогда не будет ее делать, потому что она просто отвлечет его от действительных дел. Неверно! Любой Начальник делает то, что я описал, но не очень осознавая, чем же он занят. Я всего лишь предлагаю делать это осознанно.

Когда Начальник занимается созданием Описания Жилы? Когда он расписывает все свое предприятие как иерархически увязанную последовательность мест, дающих определенное достоинство?

Тогда, когда он определяет цену этого достоинства в деньгах. Проще говоря, тогда, когда вместе с главным бухгалтером составляет Ведомости на зарплату.

Мало кто рассматривал этот документ в качестве Образа мира. Но это только потому, что нас приучили считать, что Образ мира — понятие географическое. А на самом деле он гораздо больше понятие общественное, и основа его — описание устройства общества, Велик-стола, за которым на княжеском пиру приглашенные в мир кормятся. Или получают деньги на кормление.

Вот эта бумага и есть обычно завершение работы Начальника на предприятии. Далее дело передается Руководителю, чтобы он объяснил людям, за что они получают свои деньги, и научил, как их надо отрабатывать. Но об этом позже.

Расписывать творение образа предприятия подробнее не имеет смысла, потому что все остальное, что для этого необходимо, или уже имеется в Материке и Сулопе, или же может быть взято в Стодне из рассказов об источниках силы, скажем, из таких, каким является Закон о предпринимательстве.

Тонкости же и детали образов предприятий разрабатываются, исходя из общего понятия решения **задачи**, которой является предприятие, как способ преодоления помех выживанию на Земле. Иными словами, детали предприятия разрабатываются Разумом естественно, стоит только понять, что предприятие — это задача.

Поэтому *обучаться надо не тому, как делать предприятие. Это приведет к запоминанию образцов, а тому, как решать задачи или думать.* Но это особый курс, который кратко не расскажешь.

Тем не менее, об этом можно сказать такую вещь: думать — это естественное состояние Разума. Чистый Разум делает только одно — думает, создавая образы преодоления помех

выживанию. Его даже не надо этому учить, он все придумает сам. Достаточно снять проклятия, запреты и прочие помехи его работе. Вот это и должно быть основным содержанием учебного курса раскрытия творческих способностей и обучения начальников, если мы такой создадим.

Понимать основные законы обращения силы в нашем мире и научиться думать — вполне достаточно для того, чтобы создать любое предприятие и сделать его успешным.

Однако не надо покупаться на кажущуюся простоту этого совета. Большинству людей кажется, что они умеют думать, только потому, что их голова постоянно занята какими-то мыслями, и временами эти мысли захватывают воображение даже их собеседников.

Это мышление. Мыслить и думать — не одно и то же. Повторю, думать — это решать задачи и решать их, творя Образы действия и Образы миров. Проверки показывают, чем лучше человек мыслит, тем труднее ему думать. Или то, или другое. Хорошие мыслители редко бывают хорошими предпринимателями.

Но именно из-за того, что в общественном мнении мыслитель оценивается выше, я бы не хотел развенчивать это предубеждение поспешно. Этому должна быть посвящена отдельная глубоко обоснованная работа.

В заключение же хочу сказать, что, научившись думать в рамках Стодня, однажды надо попробовать создать образ предприятия, извлекающего силу из совсем иного мира, в Стодне не описанного. Написать такой фантастический роман смеху ради. Тогда со всей очевидностью станет ясно, как мы зависим от Сулопа и Материка. Множество самоочевидных вещей поднимут бунт и станут видны.

С этого упражнения может начаться следующий шаг к самоочищению и свободе, который оправдает **все** усилия, затраченные на изучение предпринимательства.

Предложение написать рассказ можете воспринимать как шутку, но вот учиться писать Начальнику надо непременно, хотя **бы** потому, что жизнь его все равно заставит это делать.

Заключение

Начальник — это тот, кто творит Начала, Начальные образы, лежащие в основаниях нового Мира. Они же — образы нового предприятия. И если мы хотим, чтобы эти образы воплотились и исполнялись потом работниками, мы вынуждены записать их в виде Устава предприятия и, самое главное, Мастыр, образов рабочих мест, имеющих на предприятии, хотя бы в виде Ведомости оплаты труда.

Создание этих бумаг и есть основная работа Начальника. Создав их, он может уходить на покой. Время Начал завершилось, пришло время тех, кто будет воплощать эти образы. Время Руководства.

Единственное, что можно к этому добавить, — это то, что творит все эти образы Начальник, находясь как бы на должности **Начальника отдела кадров**, поскольку воплощаться они могут только через людей. По сути, работа Начальника отдела кадров во время творения Начал сводится к тому, чтобы раздать эти большие начальные образы считанному числу людей, способных такие образы понять. Их называют руководителями.

Если Начальник подобрал Руководителей для всех составных частей своего предприятия — оно будет жить. Вопрос только в том, где брать таких людей, которые способны вмещать в свое сознание достаточно большие образы, чтобы быть руководителями.

Глава 1. Наука полководца и руководителя

Глава 2. Преданность и самопознание

Глава 3. Руководство

Глава 4. Тяжело в ученье

Глава 5. Взаимодействие. Битва за силу

Глава 6. Дееспособность

Глава 7. Образы Разума и Дурак

Заключение

Глава 1. Наука полководца и руководителя

Я начну рассказ о руководстве предприятием, вероятно, с неожиданного сопоставления руководителя с полководцем. Эту подсказку я услышал от стариков-мазыков.

Что нужно, чтобы стать полководцем? Нужно иметь полк. Или дружину. Как стать руководителем? Нужно иметь тех, кого руко-ведешь. Тех, кто признает тебя своим Полководцем.

Задача Руководителя — воплотить в жизнь те образы, что создал Начальник. Как он может это сделать, в кого он на самом-то деле их воплощает и кем? **Не** задумывались?

Предприятие не воплощается в вещи, строения и технику. Их оно только подтягивает по мере надобности.

Предприятие воплощается в людей и в них и живет.

Вот поэтому Хозяин начинает свое творение предприятия с должности Начальника отдела кадров, воплощая образы Начал в сознании Руководителей. Они же воплощают их, разбивая на части в соответствии с должностными обязанностями, в сознание множества работников своих отделов.

И уж после этого сознание людей подтягивает необходимую ему материальность.

Руководитель не работает с материей, он работает лишь с сознанием людей, способных перedelывать действительность.

Во время моих этнографических сборов один старый боец по прозвищу Похання, который, как мне кажется, был последним мастером русской народной борьбы, называвшейся Любки, как-то сказал мне: «Да не старайся ты так махать кулаками. Стать бойцом лучше всех — это не так уж много. Ну, станешь ты чемпионом, потратишь время, а там впереди еще целая лестница. На остальное уже ни сил, ни времени не хватит...»

Под «остальным» он понимал еще три воинских посвящения, кроме бойца. Как он говорил:

«Боец побеждает других.

Воин — себя.

Полководец — другими, то есть полками.

Князь — для других».

Как это ни странно, но примерно то же самое объяснял мне за несколько лет до Похани другой дед. Дядька, который рассказывал об устройстве Предприятия. Вот только Князь у него звучал как Хозяин, Боец — это, скорее всего. Художник, Воин — Управляющий, а Полководец — это Руководитель.

Это от Дядьки я услышал впервые, что Предприятие ведет битву за выживание, чаще всего, более серьезную, чем битвы Воинов и Бойцов, потому что она неизбежна и безжалостна.

Или мы побеждаем, или планета уничтожает нас. Следовательно, мы вполне можем говорить о предпринимательстве на воинском языке. Поэтому Дядька, хотя и не был знатоком боевых искусств, постоянно рассказывал мне собственную **Науку Побеждать**, названную им так в честь Суворова. Главное же правило этой науки — **Победу надо готовить!**

Возможно, на первый взгляд, сопоставление экономики и войны покажется легкой натяжкой, как бы литературным приемом. Однако я в этом строго этнографичен. Достаточно вспомнить исследования народов, находившихся на той стадии развития, когда полноценная торговля в нашем понимании еще не возникла, и ее заменяли такие общественные институты, как потлач, обмен дарами, к примеру.

Потлач — это индейский праздник и пир, во время которого ведется обмен подарками.

Этот обмен, кажущийся добровольным, на самом деле вещь строжайше обязательная и для того, кто дарит. При этом один оказывается кредитором, а другой с неизбежностью становится должником. При этом, как пишет Марсель Мосс, «тот факт, что один является должником, а другой — кредитором, делает того, кто обретает таким образом превосходство, правомочным оскорблять другую сторону, своего должника»²⁸.

Но это не самое страшное в том, чтобы оказаться должником. Если ты не в состоянии достойно возвратить дары, ты теряешь лицо и с тем оказываешься в рабах.

Подобные отношения, очевидно, были свойственны всем первобытным народам, в том числе и индоевропейцам. Во вся-

²⁸ Мосс М. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Изд. Фирма «Восточная Литература» РАН, 1996. — С. 171—172.

ком случае, следы этих отношений многочисленны. Поэтому слова Мосса, которые я хочу привести, обретают вполне осязаемую силу:

«Часть ритуалов дарения включает разрушения. <...> Но разрушение в собственном смысле составляет, по-видимому, высшую форму траты. У цимшиан и тлинкитов (*индейские племена северной Америки— А.А.*) ее называют "убивать собственность". <...> В эту практику разрушения в потлаче вторгаются также две движущие силы. Во-первых, тема войны: потлач — это война. Он носит название "танец войны" у тлинкитов. Точно так же, как на войне можно овладеть масками, именами и привилегиями убитых обладателей, в войне собственностей убивают собственность: либо свою, чтобы другие ею не обладали, либо собственность других, отдавая им имущество, которое они будут обязаны вернуть или не смогут вернуть».²⁹

Война и экономика только кажутся противоположностями друг друга. В мифологическом мышлении они служат чему-то такому, что едино в глазах всего общества. Они различные, но вполне достойные средства достижения богатства. Но богатство, собственность — это лишь знак, которым боги отмечают того, кто обладает большей жизненной силой. Прямо и непосредственно понятие чести перетекает в этих обществах в войну.

«Политический статус индивидов в братствах и кланах, ранги разного рода достигаются "войной имуществ", — пишет Мосс и добавляет к этому в сноске. — Об имущественной войне смотри песнопение Маа: "Мы сражаемся с помощью имущества"».^М

Экономика — это тоже своего рода война или боевое искусство.

Как удавалось Дядьке сохранять в чистоте это первобытное видение мира, я не знаю, но получалось у него, что Руководитель — это тот же Полководец. И воплотить образцы, созданные Начальником, он может только своими людьми, то есть полками. Посмотрите на эти русские слова. Кажется, немногие замечали их сущностное сходство. А ведь и Полководец, и Руководитель водят. Водят людей. Некоторым кажется, что Руководитель водит руками. Это насмешка, родившаяся в советскую эпоху. Руководитель водит за руку, водит рукой полки.

^М Там же.-С. 141-142. ^{Т⁰} Там же.-С. 141.

Полки — это орудия победы полководца, его инструменты, как предприятия — орудия Руководителя. *Орудия же надо готовить, как и победу. В отношении полков, то есть людей,— это учеба. Полки надо учить. Вот главная задача Руководителя на предприятии.* Тяжело в ученье — легко в бою. Чему учить? И с чего начать?

Это вопрос вопросов. Можно прекрасно подготовить армию и потерпеть поражение, потому что начал не с того. Как это ни странно, но умение владеть оружием и умение сражаться — это последнее дело в подготовке войска. Этому люди должны были научиться еще раньше, изучая путь Бойца. Точно так же и умение не сдаваться и умение учиться

должно быть освоено или хотя бы понято и принято при изучении пути Воина.

При изучении пути Полководца, то есть Науки побеждать, первое, что изучается ~ это преданность, а затем — управление, дееспособность и взаимодействие.

Именно в такой последовательности, иначе можно обучить людей взаимодействию, и все войско, хорошо взаимодействуя, перейдет на службу к другому.

Но *преданность* не изучается как необходимость быть верным господину, хозяину. Если это и приходит, то как бы попутно. Там же, где это исходит как требование от главаря, дело превращается или в банду, мафию, или в феодальное государство. И все это стоит на крови, на страхе смерти.

Преданность, которую рассматриваем мы, — понятие внутреннее, это отказ от предательства как способа улучшить свою жизнь, это выбор быть верным себе! Можно сказать, что это один из способов познать себя.

Вот это, наверное, звучит неожиданно. Тем не менее, это так. Изучение преданности — это наука психологическая, продолжающая самопознание, начатое воином. Без изучения и очищения собственного Мышления преданности не обрести.

Дело в том, что в основе любой преданности лежит способность соблюдать простейшие договора с собой. Именно простейшие — решения, которые ты принимаешь, когда о чем-то договариваешься. Приведу как пример одну коротенькую прибаутку из сборника И. Д. Фридриха «Русский фольклор в Латвии», где наша неспособность быть верным самому себе показана изящно и ярко:

«— Ерема, куда едешь ?
— Не скажу.
— Еремушка, голубчик,, скажи!
— В город.
— Ерема, возьми меня с собой!
— Не возьму.
— Еремушка, голубчик, возьми!
— Садись.
— Ерема, купи мне пряник!
— Не куплю.
— Еремушка, голубчик, купи!
— Куплю».

Мы начали изучать эту дисциплину в ключе культурно-исторических экспериментов с лета 1999 года. По крайней мере, официально это было объявлено на нашем ежегодном летнем семинаре-празднике Общества русской народной культуры на озере Чебаркуль, где мы начали изучение Науки побеждать в посвящении полководца.

Это было прямо связано с Программой «Назад в Россию». Создание собственного предприятия, в котором так или иначе принимала участие вся Тропа, внесло определенность в наши отношения. Теперь, когда появился вполне осязаемый договор, исполнение которого можно проверить, стало возможным видеть несоответствия в словах и действиях людей.

Цель создать прибыльное предприятие — совсем не то же самое, что, скажем, узнать русскую народную культуру или даже ~ познать себя. Про любого из познающих себя можно сказать с уверенностью только одно: пока он еще себя не познал! Надо идти дальше. И все. Ты не можешь с него ничего потребовать, а он вправе отказаться от твоей помощи и подсказок, даже если ты трижды прав.

В итоге большинство самопознающих, как только достигают первых успехов, а для этого надо прорваться сквозь немалые трудности, сдаются, предают себя и перестают работать. И заставить их идти дальше нельзя, хотя бы потому, что это их дело.

Но вот с теми, кто заявляет, что хочет идти дальше, но не знает как, еще можно поработать. Для начала просто отсеять болтунов, которые врут. А тут лучше проверки, чем

общее дело, предприятие, и не придумать. Ведь познавать себя можно в любом деле.

Человек, действительно познающий себя, очищаясь от инородного, однажды должен прийти к тому, что все сказанное им соответствует его сути, то есть ему самому. Просто он такой. И изменить сказанному он не может, не поменяв себя.

Сказки многих народов отразили такое состояние человеческого сознания, когда герой, сказав слово, уже не может от него отказаться и вынужден часто платить за это даже цену жизни. И это очень верно, потому что, если ты таков, как у тебя сказало, для того, чтобы поменять слова, нужно умереть тем, что ты был, и родиться новым, соответствующим этим новым словам.

Возможно ли такое психологическое состояние в действительности? Да, конечно, если у тебя отсутствует то, что называют культурой. На языке народной психологии я бы предпочел сказать, отсутствует мышление, а слова есть лишь звучание тех образов, из которых состоит основа твоего Разума.

Эти самые простейшие образы Разума называли у мазыков Истотами. И это явно связывает их с Истиной, если доверять Далю. Состояние же сознания, когда ты всей своей сущностью соответствуешь своему слову, и слово твое становится волшебным, как в детстве, называлось Истотностью.

Обратите внимание, подобное состояние верности сказанному описывают не только волшебные сказки, но и бытовые, да еще и посвященные плутам и ворам. Вот, к примеру, кусочек сказки «Деревенский пентюх и московский кесарь» из собрания сказок братьев Соколовых³¹.

«Был деревеньской пентюх. Жил он бенно. И насыпал он куль опилку. "И пойду, говорит, в город и променяю вместо муки на соль!" Прежде соль дорогая была. Пентюх отправился в город. А в Москве жил кесарь. Тоже жил тонко. У того не было соли. И насыпал куль

³¹ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых // Издание Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. — СПб.: 1915. (Переиздано: СПб.: Тропа Троянова, 1999.)

песку. "Поеду в город, променяю на муку!" Вот и съехались в городе деревеньской пентюх с кесарем. Вот московский кесарь и спрашивает пентюха: "У тебя што в куле?" Один говорит: "У меня мука ". Л у другого соль. "Давай менять соль на муку!" Соль прежде была дороже. Кесарь припрашивает с пентюха копейку. Тот говорит: "У меня копейки сейчас нету; если обождешь копеечки таково числа, тогда сменяем ". Ну, значит, перевесили куль с дрог на дроги и поехали домой.

Московский кесарь приехал домой и свалил куль с мукой. С радостью жена, значит, сбежала за мукой. А вместо муки оказались опилки. Стало, тот привез опилок. "Ну, хоть то я у него обменял, да копечку с него обменял ". Значит, радость есть у него. Деревеньской пентюх приехал домой. "Жена, говорит, беги за солью! Соли куль привез ". Жена сошла. Вместо соли оказался песок. "Што, говорит, вместо соли привез песку?"— "Ну, жена, совсем обменялся: я еще копейку придал ".

Число то подходит, штоб московскому кесарю быть за долгом. А этому копеечки взять негде. "Ну, что, жена, мне копеечки взять негде! Я лягу, говорит, помру! "Лег на лавку. И, значит, помер, будто бы. Кесарь приходит и спрашивает: "Где хозяин? Надо бы с него долгу получить!" Жена и говорит: "Копеечки нет, да и сам муж помер"...»

Фольклорист или литературовед мог бы сказать, что эта сказка о том, как странно уживались в русском народном мировоззрении такие противоположные явления как крайнее плутовство и крайняя честность, и отнести все это к чертам непредсказуемого русского характера.

С точки зрения психологической, эти явления однородные и всего лишь описывают природу того, что мы называем Разумом. Разум плут, но состоит он из образов простейших взаимодействий, которые передаются в слове. Разум может плутовать с помощью слов или

образов, но он не может нарушить или поменять сам образ, это саморазрушение, поэтому подобно смерти.

И не русское национальное это, а общемифологическое, свойственное не определенному народу, а определенной стадии в развитии всех народов, а точнее, в развитии человеческого Мышления. Поэтому во всех живых мифологиях, то есть в мифологиях, которые не записаны на бумаге несколько столетий назад, а рассказываются людьми, существуют рассказы, которые можно обобщенно назвать «Неосторожное слово». Очень часто они рассказываются как былички, это значит, рассказывающие верят, что это было на самом деле. Приведу один из таких рассказиков про чертей-лембоев, опубликованный Афанасьевым:

«Жил в Заонежье старик со старухою, кормился охотою, и была у него собака — цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек. "Продай, говорит, собаку, а за расчетом приходи завтра вечером на Мянъ-гору". Старик отдал собаку, а на другой день пошел на гору. Поднялся на верх горы — стоит большой город, где живут лембои; пришел в дом того, что купил собаку; тут гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его молодец и, докончив это дело, пал ему в ноги: "Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!" Дед послушался: "Отдай, говорит, мне добра молодца; за-место сына у меня будет ". — "Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать ". Пришли домой, и сказывает молодец старику:

"Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца ". Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать: "Были ль у тебя дети?" — "Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: "Лембои те возьми!" Лембои и унес его". — "А что дашь, я тебе ворочу его?" Добрый молодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухою к себе в дом».

В этом коротеньком рассказе на самом деле множество примеров работы Разума в ту пору, когда он был прост. В литературоведении есть даже такое понятие «простецы», которым обозначают людей той далекой эпохи, а точнее, тех, кто по тем законам живет среди современных людей. И не только люди бывают простецами. Если присмотреться, мифологический персонаж лембои, черт, по-русски говоря, такой же простец и так же верен своему слову.

Когда небо было близко к земле, а люди просты, чтобы выжить, нужно было обмануть другого. Это свойственно главному простецу, богу простецов, которого в мифологии принято называть Трикстером, Плутон. Но обмануть можно только с помощью слов, но не в слове. Я надеюсь подробнее рассказать об этом в книге, посвященной мифологическому мышлению.

Пока же мне достаточно обратить ваше внимание на то, что такое явление существовало в народном мировоззрении. И существовало как само собой разумеющееся. Более того, оно до сих пор живет в общественном мнении. Дал слово — держись. Я помню из своей юности, что в тех дворовых компаниях, где я бывал, появлялись взрослые мужики, балагуры, которые под всеобщее одобрение обманывали других. К примеру, когда я однажды усомнился, что можно любого заставить сделать все, что хочешь, один из них прямо предложил мне:

— Ну, давай на бутылочку пивка я тебя надую. Только «да» и «нет». И ты мне сам бутылку поставишь?

Тут же вся толпа, где было много старших, то есть значимых для меня парней, обратилась к нам.

— Да не поставлю, — ответил я.

— Значит, согласен? — уточнил мое слово балагур.

— Ну, согласен, — ответил я и внутренне собрался, намереваясь внимательно следить за всеми его словами.

Мужик какое-то время хитро крутил словами. Этого я даже передать сейчас не могу, балагуры обладают потрясающим талантом вязать слова. Единственное, что я после понял, что он это делал для потехи зрителей, потому что окончание не имело ко всей его болтовне

никакого отношения:

— Ну ты же не откажешься поставить мне бутылочку пива!?

Что ответить? Да или Нет?

И как не поставить? Я не поставил, **но так никогда** и не стал своим в той компании.

Почему? Я не захотел играть по их правилам, значит, оказался неуправляемым. А сообщество выживает только, если его члены управляемы. И чем опаснее способ зарабатывания на жизнь, избранный сообществом, тем жестче и определеннее должна быть управляемость его членов.

Вспомните блатные сообщества, попросту говоря, вспомните всем известные способы проверки на свойство (свой—чужой), применяемые в тюрьме. В первую очередь, они выражаются в вопросе: Ты за свои слова отвечаешь? И расплата, в случае нарушения слова, просто страшная. В этом смысле, тюрьма, блатной мир — наследники разбойной культуры, которая прямо вырастает из мифологической эпохи. Их бы надо изучать и изучать этнографам.

Однако моя задача была не дать очерк этнопсихологии мышления, а показать, что у каждого из нас есть возможность выйти **на** такой уровень простоты, который позволит напрямую, без помех и искажений, видеть, как устроен твой Разум. Только тогда над ним можно работать, улучшать и менять на такой, какой нужен тебе для победы, для достижения твоей Мечты.

Иначе говоря, задача Руководителя, конечно, обучать людей. Но возможна ли она, а если возможна, то какими средствами, если сами люди не хотят учиться? Значит, руководитель стоит перед выбором: запустить придуманное Начальником предприятие любой ценой или же сделать так, чтобы люди на нашем предприятии наслаждались жизнью.

Мы изначально ставили условие, что избираем второй путь. И только его. Как же его достичь, если приходящие на предприятие люди откажутся учиться?

Пока я вижу только один способ: не брать их и работать только с теми, кто учиться хочет.

А что такое учиться? В нашем случае — это явно не то же, что и в школе, где требуется запоминать то, что считается нужным человеку. Для нас — это раскрывать способность менять самого себя до самого основания, до Истот или Начал твоего Разума.

После этого уже можно говорить о создании орудий для достижения мечты, но не ранее. Но как дойти до такой глубины? И почему бы не сделать этого самому?

Вот это и есть вопрос, с которого начинается совместная работа: могу ли я достичь всего, нужного для достижения мечты, сам? Если да, то нет никакой необходимости усложнять свою жизнь. Иди прямо к цели.

Если же нет, то появляется следующий вопрос: где, какую и как получить помощь?

И получается, как показывает опыт, что большей частью мы не можем достичь своих целей, потому что у нас не хватает силы. А силы у нас не хватает потому, что мы не можем ее собрать в единый кулак и использовать всю целиком. Мы разбросаны и раскиданы по вселенной нашего мышления...

И это выводит нас на следующую тему — Наука полководца, Наука побеждать, кроме преданности, включает в себя и **Науку самопознания и самосовершенствования**. А это основа и армии, и производства. Странно, правда? Армия, производство — школы самосовершенствования! Однако, если вы приглядитесь к тем, кто только поступает на службу или работу, то увидите, что для них это всегда пора сильнейшей работы над самими собой. Оупение приходит значительно позже.

По сути же, армия и первая работа — это место Мечты для очень многих из нас. И говорить об этом лучше на языке воинском, потому что он позволяет собраться и выдержать это испытание как битву.

Офицерство, армия — это только внешнее оформление внутреннего состояния полководца. На самом деле любой человек, затевающий большое дело, открывающий предприятие, идущий к мечте, которую не достичь в одиночку, хочет он того или не хочет, вынужден пребывать в состоянии полководца.

А это значит, что путь полководца стоит изучить любому, кто больше не хочет быть «маленьким человечком» и кто захотел стать самим собой.

И как только это решение — перестать унижаться и прятаться и стать тем, кто ты есть или занять достойное место в мире — будет тобой принято, тут же станет ясно, что *наука полководца — это, как кажется, наука управления людьми, а по сути, наука создания условий для их обучения через самопознание и самораскрытие*. Тяжело в ученье...

Управление возможно лишь в самом бою, ради которого учились. Но там полководец пропадает как личность, там за него будут действовать его полки. Можно сказать, что армия, которая бьется, — это большое тело полководца, воплощенное во множество людей. В бою поздно что-либо менять, в бою нужно лишь поддерживать те образцы, которые заложены в сознание множества людей во время обучения. Это и есть Управление.

В этом отличие науки полководца от науки Управляющего. Управляющий как бы находится уже внутри битвы. Для полководца она — лишь миг, лишь проверка того, как правильно он подготовил ее. Поэтому большую часть времени полководец занят подготовкой победы, а когда приходит время битвы, он превращается в Управляющего.

Повторю. Путь Полководца на предприятии — это путь Руководителя, готовящего людей.

Глава 2. Преданность и самопознание

Вернусь еще раз к преданности. Но теперь попробую рассказать о ней не с мифологической, а с психологической точки зрения.

Итак, разговор о преданности принято вести как разговор об измене своему господину. Но если твоя задача стать самим собой, то гораздо важнее поговорить о преданности самому себе, соответственно, и о предательстве себя. Способность быть верным себе чрезвычайно редка и сложна в освоении.

Расскажу об этом на примере американцев, которые приезжали на наш летний праздник на Чебаркуле в 1999 году. На них будет виднее, чужую культуру мы всегда видим лучше.

Они все бизнесмены. А это значит, что они все ощущают себя хозяевами собственного дела, людьми властными и способными добиваться того, что решили.

Поэтому, когда я говорил им о важности соблюдать договора и, в первую очередь, договора с самими собой, они меня просто не слышали. Это словно бы к ним не относилось. Они-то знают про себя, что способны хранить свои решения. Но при этом, как полагается настоящим крутым американским бизнесменам в России, они были упрямы и непреклонно требовали выдать им то, за что они заплатили деньги. А за что они их заплатили?

Приехали они все через школу русских боевых искусств, которую ведет бывший русский человек в Канаде. Приехали, посмотревшись пленок с наших семинаров, где я и другие инструктора показывали Любки.

Любки штука обманчивая. С виду их можно принять за борьбу, за боевое искусство. Но это какими глазами смотреть. Для нас они — движение и материал для выявления Мышления. Как ты мыслишь, так ты и движешься. И соответственно, наоборот — если у тебя что-то не идет в движении, ищи сбой в Разуме или Мышлении.

Если исходить из той лестницы развития в боевых искусствах, что давал Поханя, то Любки относятся к ступени Воина, они орудие самопознания. Человек, пришедший к Любкам, даже если он не боец высшего класса, все равно ощущает, что путь Бойца для него исчерпан.

Американцы приехали именно за Любками, но как за искусством боя. Это значит, что-то в них отозвалось на Любки как на инструмент самопознания, инструмент тонкий, нужный для оттачивания уже имеющихся бойцовских навыков. Но они этого, видимо, не осознали. С ними бы надо было очень мягко и тонко поработать над целеустроением, то есть помочь разобраться с тем, что они хотят от боевых искусств и зачем им могут пригодиться Любки. Но они попали, как говорят американцы, не в то время и не в то место.

Они приехали на первый семинар, где я начинал давать Науку полководца, как следующую ступень за посвящением Воина. И при первой же нашей встрече я им об этом

долго и подробно говорил. Даже пытался показывать на примерах. Они улыбались. Они были благодарны и вежливы. Но они не смогли понять, что я говорю то, чем живу. Мне кажется, они приняли мою беседу за реверанс почетным гостям.

Как настоящие американские бизнесмены они позволили мне высказаться, но остались при своем. Они рассмотрели в Любках каждый что-то свое и хотели подучить именно это. И не важно, что хотел «навалить» им хранитель традиции. Они были верны своему решению, потому что знали: приехал в дикую страну — не верь ничему, не бери то, что тебе будут подсовывать, стой на своем.

Но при этом они вежливо кивали мне, соглашаясь на все мои предложения! Способность предпринимателя хранить свои решения, быть верным самому себе — это всего лишь очень узкая часть его разума, это тот мирок, в котором он однажды избрал создать себя как новую землю. За счет этого островка новой земли он и стал более-менее успешным предпринимателем. Будь этот островок больше, он был бы гораздо более крупным и более успешным предпринимателем. Называется это — узколобость. Покивать в знак согласия, но при этом остаться при своем, означает не получить ни того, ни другого!

В последующие дни они всем своим видом показывали мне, что для них все, что я говорил про способность быть верным договорам с собой, само собой разумеется, что уж они-то договора хранить умеют, и им можно было бы такие пустяки не разжевывать, это даже где-то унижительно, говорить о таких азах, о таких началах с людьми достаточно продвинутыми. И при этом они так и не связали происходившее на занятиях с тем, о чем мы договорились в первый день.

Я обратил внимание, что при общении с ними я начал очень часто трясти головой. Говоришь им что-то, они кивают. Все четко — поняли. Можно идти дальше. Вдруг кто-то из них задает вопрос, который вообще не имеет отношения к разговору... Отступаешь, объясняешь все сначала, спрашиваешь: это понятно? Понятно. На всякий случай договариваешься: могу я объяснить, что из этого вытекает? Да, конечно, пожалуйста! Только начинаешь строить красивый и чарующий образ — хлобысь, новый тупой вопрос, не имеющий никакого отношения к развивающемуся повествованию! Проклятие! Только голова трясется...

Вот это **состояние «несвязывания»** я и хочу показать как основу неспособности быть преданным.

Эта неспособность не есть вина современного человека. Это часть культуры современного общества. Называется она — **недоверчивость** и очень ценится в современном бизнесе. По сути, **недоверчивость** заменила **преданность** как психологический механизм, обеспечивающий успех предпринимательства. Купец, начиная с раннего средневековья, а может быть, и с античности — это плут, обманщик. Главная ценность — это нажива, способность получить наивысшую выгоду любым путем. А победителей не судят.

Человек традиционного общества судит о себе по-другому. Деньги не так важны, как самоуважение, как уверенность в собственном пути, в том, что ты — это ты и поэтому сможешь сохранить себя таким, какого ты знаешь даже после смерти, совершив переход в иные состояния. Человек первобытный — это человек религиозный, говоря словами Мирчи Элиаде, что значит, он весь одержим идеей te-ligio — вос-соединения с собой, со своей небесной прародиной или природой. Деньги в этом не помощник. Ты можешь унести туда только душевные качества.

Все традиционные воинские искусства рождались как способы воссоединения с собой, как служение. Поэтому военных называли «служба», «служака».

Америка же сегодня является самым ярким представителем обратного этому пути — это храм чистогана. Я с удовлетворением использую это избитое выражение. Успешный храм. Россия — ее условная противоположность. Она противоположна Америке совсем не как страна воссоединения с собой, это — зеркало Америки, но неудачное. Это страна чистогана без чистогана. Все новые русские мечтают быть американцами, потому что хотят быть богатыми и наглыми, хотят повелевать миром.

Следовательно, традиционный путь полководца — не для них. Он для тех, кто избрал

познать себя и вернуться к себе, кто не хочет жить ради оценки общества и других людей, и кому достаточно внутреннего самоощущения, что он возрождается.

Когда я так жестко говорю об Америке или американцах, включая и русских американцев, я вовсе не хочу обидеть всех людей современной культуры. Я видел по тем же нашим американским гостям, как и по нашим русским слушателям, что они старались. Но как же трудно сходу понять то, что не узнается ни мышлением, ни разумом.

Как поверить, что, если вчера какой-то незнакомый человек сказал тебе, что мы начинаем изучать искусство Полководца, как оно понималось в традиционной русской культуре, то сегодня все, что он делает, будет только показом этого искусства, только действиями Полководца, а не просто разговорами?!

Как в мире, где так много болтунов и обманщиков, поверить, что человек, сказавший: «Мы больше не занимаемся путем Бойца и путем Воина — мы перешли к изучению пути Полководца», — не преподает эти знания, как университетский преподаватель, то есть не рассказывает о пути полководца и не показывает его на примерах, а живет им и ведет по нему?!

Ведь это так привычно: выслушать лекцию, обсудить ее; посмотреть примеры, обсудить их; подумать лет пять, получить диплом об окончании колледжа или университета по специальности «полководец», потом от трех до десяти лет постажироваться на полководца, а потом вдруг понять, что жизнь проходит и пора делать выбор: уходишь ты из армии или делаешь карьеру и действительно становишься полководцем.

Поэтому, когда я провел первые беседы о том, что мы на этом семинаре будем изучать путь полководца, и спросил: «Согласны ли?» — все, и русские и американцы, дружно сказали: «Да!».

Но при этом они видели в качестве образа действия в ответ на заключение такого договора обычный, привычный для них способ обучения или изучения — вот тот университетский подход, когда много лет им будет позволено знакомиться с материалом, а уж потом они сами сделают свой выбор.

А тут сразу же после пустячного первого разговора и после первого же ничего не значащего «да» их вдруг погружают в самую материю, в самую жизнь полководца, готовящего свои полки. Причем это делает на их глазах учитель, но при этом сама дисциплина такова, что они обязаны проживать это все каждый миг, отвечая за все свои поступки и мысли как полководцы. Да, да, неся полную ответственность за все свои поступки, и самое главное, за своих людей, за то, что с ними случится, если ты дал слабинку и не повел себя полководцем, не подготовил победу своим людям.

Конечно, все, что было — лишь учеба, лишь игра или психологический тренинг, но наше мышление тут же выявляется и показывает себя, как если бы это было в настоящей битве. И это значит, что в битве оно поведет себя так же!

Заклучив со мной договор на изучение пути полководца, не только американцы, но и очень многие наши слушатели на самом деле его не приняли. Они сказали мне «да», но тут же отменили его, скрыв это от меня и, самое главное, от себя.

Вот это, как принятые договора отменяются незаметно для самого себя, нужно увидеть и нужно показать в учебе, когда Руководитель готовит людей для предприятия.

Мы не в состоянии хранить договора с собой не потому, что мы плохи, а потому что такова сама «операционная среда» нашего мышления. Мы принимаем решение согласиться на какой-то договор, но тут же его незаметно отменяем, поскольку перескочили в другую часть мышления или были в нее переведены легким, почти невидимым изменением в окружающем мире, в способе воздействия на нас.

Я приводил выше прибаутку о нашей неспособности хранить собственные решения. Приведу еще одну из Афанасьева:

«Куда, миленький, снаряжаешься?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «В город на ярманку». — «Ми-

ленький, возьми меня с собой». — «Не возьму». — «Возьми, мой дорогой, меня с собой». — «Садись на самый краешек». — «Что у тебя, миленький, в возу?» — «Не скажу». — «Что, мой дорогой, в возу?» — «Яблоки». — «Дай мне, миленький, яблочко». — «Не дам». — «Дай, дорогой, яблочко». — «Возьми одно». — «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, где ночуем с тобой?» — «В большой деревне, у попа в пелевне».

Когда американцы пришли на следующий день на работы, они, как мне кажется, уже забыли о том, что пришли учиться Науке полководца, и просто изучали Любки. То есть изучали особый вид боя, а не Науку полководца. Очевидно, в глубине души они смутно помнили о том, что Наука полководца будет изучаться на семинаре, но когда-то. А пока мы изучаем бой на Любки.

Соответственно, как я сейчас вижу, все мои действия рассматривались сквозь изучение боя, а не сквозь изучение полководчества. И я не смог это объяснить. Можно сказать, что я проиграл ту битву за становление Науки полководца, хотя и очень старался. Но это неверно. Битва бывает проиграна только тогда, когда ты принял поражение. Я проиграл ее, если бы был Бойцом. Я не смог сразу объяснить, что я делаю и что происходит.

Но я полководец. По крайней мере, я изучаю этот путь и иду им. Поэтому я отступил и продолжаю ту незавершенную, не доведенную до победы битву и буду ее продолжать снова и снова, пока не погибну или не одержу победу.

Победой тут было бы достижение ясности в том, что же такое действия Полководца, когда он обучает людей началам этого искусства. И мы уже определили, что самая первая наука, которую он должен привить себе и своему войску — это способность быть верными. Но поскольку мы не собираем армию, а изучаем народную психологию и строим на ней свою экономику, то быть преданным, быть верным изучается нами как способность быть верным себе, хранить договора с собой и со своим предприятием.

И это выбор: быть верным себе, а через это любому решению, которое ты принял, и о котором заявил — это то, что стоит достигать в жизни? Иначе говоря, стоит ли обретать такую способность? Ведь она очень **ко** многому обяжет, и из сора, плывущего по потоку чужой жизни, может превратить тебя в Хозяина собственной.

Сделать такой выбор — это принять очень жесткий жизненный вызов. Тут очень просто потерпеть поражение.

Многие его делают, и можно считать, что вся остальная книга — для них. Стать верным себе — значит больше никогда не предавать то большое и настоящее, что ты несешь в глубине души. И также означает это постоянную работу над собой, постоянное убирание всего, что делает тебя предателем и слабаком.

Что для этого надо? *Желание очищать свое сознание от внутреннего предательства. Умение очищать. Возможности для выявления подобных нечистот.*

О том, как очищать, рассказывать сейчас я не могу — это тема особого курса в нашем Училище народной культуры. Именно там она и должна изучаться, потому что вся прикладная психология в рамках народной культуры всегда и во всех традиционных обществах строилась именно на науке очищения.

Но определенно, Руководитель должен подобными знаниями владеть, потому что по мере разворачивания подобной работы мы все больше убеждаемся, что почти все необходимые знания, которым, как кажется, надо научить работников, у них уже есть. Надо лишь помочь им их вскрыть. А для этого часто бывает достаточно лишь убрать помехи.

Желание — дело личное. Его я не обсуждаю.

А вот как предоставить людям возможности для выявления помех — это важная тема. И нет лучшего способа выявить их, как засовывая людей в игры, повторяющие то, с чем они столкнутся в жизни.

Производство можно считать жизнью, а можно — лишь игрой, которая готовит наших людей к настоящим свершениям и к настоящим битвам, ради которых они и пришли на эту планету. К каким — вопрос тоже личный. И мы его не задаем, но есть ощущение, что каждый человек знает что-то подобное про себя.

И если подобную возможность за человеком признавать, то все производство превращается в одну огромную учебную игру, где людей готовят к чему-то сущностному и главному. Тогда у них появляется возможность относиться к предприятию легко и делать дела играючи и постоянно учась. Это очень выгодно для всех. Так вот, если использовать этот игровой прием, то можно сделать следующий шаг: если мы изучаем верность себе сквозь путь полководца, то мы обязаны посмотреть на преданность с двух сторон: *как быть верным себе, будучи преданным своему Полководцу, командиру или работодателю; и как быть верным себе, будучи преданным своим воинам, подчиненным или работникам.*

Если я воин, то будет ли преданностью себе принести ложную присягу? Иначе говоря, если я как работник нанялся на чье-то предприятие и подписал ведомость о получении зарплаты, тем самым подписав присягу, то могу ли я работать кое-как, обманывая своего Начальника-полководца?

Конечно, если я хочу жить ради денег, например. Но если я хочу быть самим собой, то каждый миг жизни становится моей битвой за то, чтобы стать собой. И получается, что если я работаю кое-как, то я и живу кое-как! **Я**, устраиваясь на разные работы по лживым присягам, и большую часть жизни отдаю лжи, можно сказать, вырезаю из настоящей жизни.

Если я верен себе по договорам с собой, то, присягнув, я буду работать на своем пределе, потому что где бы внешне ни проходила моя жизнь, внутренне это моя жизнь! И я живу для себя, делая любое дело. И, значит, любое дело я делаю для себя. Пробовать делать дело кое-как, живя полноценно лишь после работы, можно. Но приводит это только к тому, что ты живешь по-настоящему те мгновенья жизни, которые осознаешь настоящими, и выкидываешь из жизни те мгновения, которые осознаешь ложью. Вглядитесь в эти слова и вы увидите: ***когда ты не живешь по-настоящему, ты не живешь!***

И это закон, потому что наше осознание себя точно и в единицу времени может находиться только в одном месте. И когда ты врешь или обманываешь себя, твоя жизнь вся в той точке лжи. Когда ты не осознаешь себя живущим настоящей жизнью, ты осознаешь себя живущим жизнью ненастоящей. А какой?

Что это значит с точки зрения изучения пути полководца? А то, что если у тебя есть хоть малейшая возможность не заключать договора, которые кажутся тебе невыполнимыми или неподходящими, ты их не должен заключать. «Да» из вежливости есть ловушка для твоей верности самому себе. И она обязательно работает.

Американцы пришли на второй день после такого условного договора на Любки и не понимали, что происходит. Большая часть моих объяснений просто ускользнула от них, потому что они не были на нее настроены. Наверное, им казалось, что им мешает языковой барьер. Но им мешало совсем другое. С языком, если бы было единение душ, мы справились бы. Они оставались как бы туристами, что есть силы старающимися остаться со стороны, приглядеться.

Это вполне достойная и очень разумная позиция в новых условиях. Единственное, что им нужно было сделать — это не соглашаться со мной, не говорить «Да», а заключить свой договор примерно такого рода: «Да, мы согласны изучать посвящения полководца, но не сразу, а как только мы освоимся. Поэтому сначала мы хотим походить туристами. Не берите нас в работы, пока мы не попросим».

Этого они не произнесли, утаив. Вся Тропа приняла их внешний договор с нами, прозвучавший на моей первой лекции:

изучаем путь полководца.

Никто не сказал: вот эти люди идут путем туристов, ответственность за себя и своих людей не несут, поэтому будьте с ними осторожны и бережны.

Люди Тропы были искренне погружены в работу над собой и скидок никому не делали. В итоге несколько американских туристов пошли на экскурсию в нашу «тюрьму», был у нас такой психотренинг, и там впустили свою женщину в женское отделение. «Зэчки» тут же попытались ее «изнасиловать», как и полагается в настоящей тюрьме. Такова Тропа — чтобы ты ни делал, делай на пределе, и на пределе возможностей, и на пределе искренности, на пределе соответствия самому себе, то есть тем образам, из которых ты состоишь.

Бедные американцы! Такого они не ожидали. Как не ожидают они, что чеченцы, к примеру, украдут их и будут требовать выкуп, если они приедут в Чечню и заявят о своей любви к чеченцам и о полной поддержке их борьбы. Не благодетельствуй насильно! — так говорили на Руси. Все, что случилось, было шоком и потрясением для туристов, хотя их и предупреждали, что все, происходящее на Острове, — не просто игра, а серьезнейший психологический тренинг с полной ответственностью за себя, свою жизнь и за жизнь и психику своих людей. Они вылетели из «тюрьмы» как ошпаренные.

Если бы договор об изучении пути Полководца был принят на самом деле и не подменен хитростью на тайный договор о том, что: «Я турист! Я с вами об этом не договаривался, конечно, но вести себя буду именно так!», — то, приняв решение идти в «тюрьму», американцы вели бы себя совсем иначе. А как?

Сначала они сели бы и подумали как следует, а зачем им это. Они никогда бы не полезли туда смотреть достопримечательности. Тюрьма — это место боли, какие туристы! Они бы задались вопросом: а что я хочу для себя от тюрьмы? И поняли бы, что поскольку от тюрьмы и от суммы никто не застрахован, то им было бы полезно или подготовиться к тюрьме, или освободиться от страхов попасть в тюрьму.

Иначе говоря, они бы поняли, что пребывание в психологическом тренинге «тюрьма» может быть им полезно и выгодно. А раз так, то идти туда можно только как в настоящую тюрьму. Проживая не столько то, что происходит в ней, сколько то, что отзывается в себе. А затем, убирая то, что делает тебя несвободным, освободиться от твоей внутренней тюрьмы, от тюрьмы, которая всегда с тобой. Наши идут в тюрьму только так. Да и за чем еще можно идти в тюрьму, кроме как за свободой?!

Вот тогда бы этот тренинг был полезен и не только для освобождения от страхов, но и для изучения Науки полководца. Почему?

А потому мы опять возвращаемся к самому началу: главное в Науке полководца — быть верным самому себе. И вот когда ты избираешь в качестве упражнения верности своим решениям такие пугающие и болезненные тренинги, как Тюрьма или Правеж (работала у нас и такая мастерская, где желающих пороли так, как когда-то это было принято на Руси), ты настолько поглощен ими, что не можешь отстраниться и пройти их туристом. Тут не настоящим быть не получается.

Трудно висеть на дыбе или лежать на «кобыле» под розгами и думать, как ты выглядишь на моментальных снимках. В это время ты думаешь только одно: **Я это выдержу! Я смогу!** А что **это?** Ты принял решение пройти порку. При этом ты знаешь: ты свободен и в любой миг ты можешь сказать вслух:

все, я больше не хочу! Очень похоже на нашу жизнь вообще.

И тебя тут же отпустят. Никому, кроме тебя, не нужно тебя пороть, также как никому не нужно и чтобы ты жил. Это работа, и работа не простая и не легкая. От нее просто устают те, кто порют, и те, кто живет с тобою рядом. Ведь им же нужно так тебя пороть, чтобы ты верил, что все на самом деле, но в то же время, чтобы не только тебя не повредить, а еще и подправить, где надо, и чему надо, подучить. Порка — это искусство утомительное. Как и вообще воспитание человека.

Ты решаешь лечь на «кобылу» и ты решаешь уйти с нее. Но у тебя есть выбор: выдержать и дойти до победы или прервать порку и уйти с поражением. Только твое решение выдержать удерживает тебя на «кобыле». Следовательно, заклинание: **Я это выдержу!** — означает вовсе не: Выдержу удары, выдержу боль? А что оно означает?

Все проходившие наши правежи знают: работают психотерапевты-профессионалы и больно не бьют, точнее сказать, они как бы вообще не бьют: они восстанавливают в твоей

памяти прошлые наказания, изображая удары. Само воздействие их розог не сильнее, чем при глубоком массаже. Но ты кричишь и корчишься, и пребывание на «кобыле» для тебя непереносимо, потому что старая боль растравливается и ты оказываешься в пространствах памяти, в переживании каких-то прошлых болей. Трудно выдержать именно это переживание. И этот символ всей нашей жизни...

Именно относительно него ты и принимаешь решение выдержать, пройти насквозь этот ад, чтобы освободиться от него. Победой и здесь оказывается Свобода.

Но решение выдержать означает и еще одну пытку — выдержать желание отменить собственное решение, предать себя. Ведь так просто: как только встретился с болью, сбежать. А когда эта боль не внешняя, а живущая в тебе, то отвлечь себя и посмотреть что-нибудь занимательное. Скажем, стать туристом и смотреть на других, чтобы только не задумываться о себе, не заглядывать в себя.

На примере «тюрьмы» или правеха показать верность договору с собой проще. На примере Любков — гораздо сложнее.

Я показал, как в Науке полководца убирается из людей склонность к предательству. А убирается она уничтожением предателя.

Все, кто изучает Любки, заключают согласие, договор: «В Любках не звереть». «Любки или зверки», — говорил Поханя. «Зверками» он называл борьбу на победителя, то есть то, что делают спортсмены, когда им все равно, как победить. Любки — это не орудие победы над другими, это орудие самопознания, повторяю, то есть орудие победы над собой.

А озверевший в Любках — предатель договора и предатель Любков. И как это трудно, оставаться в договоре. Вот встают два человека в Любки. Всю жизнь их учили: сцепился бороться, делай все, что можешь, но победи! Им, может быть, этого и не говорили словами! Но чувствовали только победителей, а победителей не судят. Как ты там победил, кому какое дело! Главное, что закрепляются в культуре только те способы борьбы, которые ведут к победе. Пусть даже грязной.

А тут полная смена установок: никакой победы, вы должны просто войти в совместное движение и пребывать в нем как потоке. **На** тренировках тренеры часто сами пытаются давать борцам сходные установки: не вяжитесь, не упирайтесь, работайте технично, просто подвигайтесь!

Можно сказать, что в Любках это доведено до совершенства. Просто двигаться, не упираться и не ломить. Бросок получится сам, если ты будешь верен своему видению движения. Любки — это что-то вроде мужского воинского танца. Там есть и удары, и броски, и болевые приемы, но нет обиженных и проигравших. Это надо видеть. Когда Любки получают, играющие воины бросают друг друга и летают по воздуху, кувыркаются и катаются по земле, выламывают друг другу руки, ноги и головы, но царит радостное веселье и нет боли.

И вдруг пришел победитель, вдруг кому-то захотелось выйти из движения и доказать, что он сильнее. Он тут же звереет и начинает ломать другого. И есть борьба, но нет Любков. Договор нарушен.

Нет способа проще для выявления собственной неспособности хранить договора, чем Любки.

Когда-то отец русской психофизиологии Сеченов сказал, что наше мышление доступно нам только через движение. Все верно, говоришь ли ты, пишешь, ли, ты совершаешь движения, чтобы выразить свои мысли. Народной культуре это было известно задолго до Сеченова.

И народ создал красивый и утонченный способ выявлять не только Мышление, но и его погрешности. Любки. Все так просто: ты берешь и договариваешься сам с собой, что будешь двигаться в Любках. А теперь двигайся и следи, что заставит тебя предать договор и озвереть.

И ведь не будет ничего случайного в твоих сбоях. Или это, условно говоря, твое сумасшествие, нечто, что внесено в твое сознание помимо твоей воли, когда ты не был в

своим умом. К примеру, во время болезни или потери сознания. Или же вылезет одна из основных твоих жизненных целей, например, стать победителем, которая вдруг, посреди Любков, подчинит твоё тело и заставит не двигаться, а побеждать. Точно так же может вылезти Мечь, и Ненависть, и Неуязвимость... Впрочем, это уже пошла Наука мышления, о которой отдельно. Важно лишь то, что какое бы из проявлений неуправляемости ни выявилось в таком нарушении договора на Любки, было известно, как от него освободиться. Затем и боролись те, кто уже не боролся на Победителя.

И это, как видите, то же самое, что выявлять предателя через договор создавать предприятие. Производство тоже может быть Любками.

На Любках есть возможность научиться и ещё одному искусству из Науки побеждать — безжалостности. Полководец, если он верен договорам, вынужден быть безжалостным и жертвовать людьми, потому что он должен обеспечить выживание всего общества. Пока мы существуем в рамках общего договора, ценны только те, кто искренне и полноценно работает на общую победу. Тех, кто мешает, надо научиться выбрасывать с Предприятия. Это трудно. В нас воспитали потребность больше возиться как раз с бездарями. Хороших же работников — не замечать. Везет — ну и пусть везет себе. А вот клязник или крикун требуют особого внимания, особого отношения и особенных условий для работы. Почему?

А это старая традиция! Кто более ценен для религиозного человека: истинно верующий или раскаявшийся грешник? Конечно, вновь обратившаяся мразь. Истинно верующий уже сам никуда не денется, а вот вновь обращенные позволяют расширяться, захватывать пространство и отчитываться перед вышестоящими, хотя бы перед богом. Цена тому, кто обратил в пионеры или комсомольцы настоящего хулигана, выше. Вот мы и гонимся за шпаной и пройдохами на своих предприятиях, пока стоящие работники хоть как-то тянут дело. И очень многие руководители не в силах просто выгнать такого мерзавца и дать вздохнуть остальным, не попробовав его перевоспитать. Общественное мнение осудит!

Вспомним: исходный договор, с которого начинаются наши экспериментальные работы над самораскрытием, таков: мы вместе, лишь пока не можем идти дальше самостоятельно. Значит, мы верны друг другу лишь в рамках присяги, общего договора вместе достичь чего-то. Значит, каждый сам определяет срок, сам определяет, когда он уйдет. И однажды каждый должен обрести свободу.

Получается, что предательство — это не уход от остальных, а нарушение договора, нарушение присяги, которую принес.

Ещё точнее — ты волен уйти в любой миг, но объяви заранее всем, кого приручил, что ты уйдешь тогда-то или после того-то, чтобы они знали, до какой поры на тебя можно рассчитывать. Получается, что ты предатель лишь тогда, когда не соответствуешь заявленному о себе, образу себя, который создал.

Для полководца или руководителя это означает, что он должен видеть такие несоответствия и приводить людей в постоянное единство со своими образами. Даже если эти образы гадки.

Если ты ощущаешь себя гадким в каком-то образе — убирай его! Становись таким, каким ты можешь гордиться. Это в твоих руках. Жить недовольным собой — предательство. Заставлять других жить с таким собой — предательство вдвойне.

При таком подходе, выгнать того, кто предал себя — это подчас единственный способ помочь ему обрести цельность. Пусть это соображение облегчит ваши действия на посту Руководителя.

На Любках это видно ярче. Когда ты ведешь Любки, тот, кто постоянно нарушает договор и из Любков перескакивает в зверки, калечит остальных. Это можно наглядно показать. И Руководителю проще на этом примере научиться безжалостно выгонять таких людей, потому что боль и вред тут очевидны, а он в Любках гораздо больше ощущает себя Полководцем, чем на Предприятии.

А это значит, он ощущает себя тем, кем не правит общественное мнение. Когда начинается война, есть только одна цель — победить, чтобы выжила Родина. И больше нет цели занять достойное место в обществе. А это значит, что, когда ты в состоянии

Полководца, для тебя имеет значение только жизнь и здоровье людей, с которыми ты идешь в бой, потому что от них зависит победа. И никакого общественного мнения! Никакого озирания на то, что скажут зрители и свидетели. Это сложно, это так сложно... Это так же сложно, как решение жить для себя.

Итак, я думаю, что сейчас уже довольно отчетливо заметен *первый психологический сбой, мешающий нам побеждать в жизни, да и просто жить, который был замечен по нашим американским гостям: согласившись изучать Науку полководца, сказав мне «да», они, условно говоря, обманули, то есть поступили так, как это предписывала им их культура — их воспитание и образование: они не приняли это «да» как действительность, не начали его исполнять сразу и однозначно. Предпочли сначала присмотреться, походить туристами.*

Это было вполне возможно, но об этом надо было заключить другой договор, уточняющий их «да». Он заключен не был, потому что сам собой разумелся для американца: американец, едущий в другую страну не по делам правительства или бизнеса, — всегда турист. Он об этом знает, поэтому об этом должен знать весь мир.

В народной психологии такие убеждения имели свое наименование — «настоятель». То, что стоит перед внутренним взором вместо действительности. Об этом тоже подробнее рассказывается в Науке мышления, которая отчитывается как особый курс в Училище народной культуры. По сути же, это выражение того, что американцы — дети по своему психологическому состоянию. Они искренне верят, что спасают мир и считают, что все человечество должно их любить, восхищаться и знать. И это в первую очередь. Учеба и взаимодействие только после того, как получено восхищение.

Первейшее условие совместной деятельности, делающее ее возможной, — научиться передоговариваться, перезаключать договора, если ошибся или не продумал всего заранее!

Второе нарушение договоров, которое они сделали, не так очевидно, хотя очень важно из него извлечь урок. Возможно, что на своих, привычных, не на американцах, его бы и вообще не удалось рассмотреть.

Когда я говорил, что на этом семинаре мы будем изучать посвящение полководца, то я заключал договор на две вещи, на два вида действий: на изучение полководчества и на учебу, как основу любого изучения.

Именно этот как бы скрытый за само собой разумеющимся договор и не смогли рассмотреть. А ведь, по сути, он составляет как бы следующую иерархическую ступень по отношению к любой теме, которую мы можем рассматривать на наших семинарах: полководчество ли это, Любки ли, народная психология или психотерапия. И уж тем более, такое ответственное дело, как создание экономики.

Научиться учиться, может быть, важнее всего в начале движения. Это очень высокая цель, потому что она позволяет достигать вообще любые цели.

Также очень важно ***научиться соотносить цели между собой.*** Когда они расположены иерархически, по мере возрастания их ценности, предательство становится все трудней. И тут мы подходим к тому, ***как может полководец быть верным своим воинам, а работодатель, предприниматель — своим работникам.***

Где-то на очень высоких уровнях наши цели, цели всех собравшихся на Тропу, должны совпадать. Иначе что же могло свести нас вместе, таких разных. И там, где хранятся наши мечты, мы равны.

Так разложились наши судьбы, что здесь, в этой непосредственной битве, я лучше владею орудиями Полководца, а ты — Воина. Или наоборот. Но бьемся мы за одно и то же. И когда битва завершится, то я могу остаться все тем же Полководцем или стать простым работником, а ты станешь Князем или моим Хозяином. Как часто это происходило с заслуженными боевыми командирами, которые на гражданке оказывались на службе у бывших подчиненных. И это будет новая битва, где мы преданно пойдем рука об руку к

новой победе, потому что она нам важнее, чем временные должности, которые мы занимаем, или чем оценки посторонних людей.

Для нас на Тропе договор об учебе важнее всего. Мы пришли ради нее. Значит, **что бы ни происходило, как бы ты ни был обижен или уязвлен, учебу ты все равно можешь получить и даже обязан извлечь урок из всего.**

Точно так же и я. Что бы ни происходило, как бы это ни разрушало привычное и правильное, как бы ни отталкивало друг от друга — сначала углубиться в себя и подумать: дает ли мне это какой-то урок, полезно ли это для моей учебы или работы над собой. И если так, то, прежде чем уходить, убедись, было ли целью учителя навредить тебе или же все делалось для твоей учебы.

А кто может быть учителем? Учителем является любой, кто дал тебе урок. Попробуй принять это простейшее правило. Рассмотрим его. Учитель — это не звание и не должность. Это стечение обстоятельств. В тот миг, когда кто-то получил от тебя урок или чему-то научился из-за тебя, ты учитель. Я намеренно говорю «научился из-за тебя», а не благодаря тебе. Мы не вольны не быть учителями, потому что мы не вольны ими быть. Вопрос не в том, чтобы учить. Вопрос в том, чтобы кто-то захотел у тебя научиться. Учителем быть нельзя, можно быть учеником. **Вот** какая хитрость.

И когда я сижу на преподавательском месте и читаю лекции о народной культуре, меня слушают, а я созерцаю то, что происходит. И когда я вижу, что кто-то учится, а это каким-то образом всегда видно, я с удивлением думаю: вот это состояние, в котором я только что был, оказывается, и есть состояние учителя!.. Как его запомнить, как удержать?.. Но это неповторимо. И это недостижимо усилием.

А вот когда тебе кто-нибудь из твоих же слушателей навешивает по роже, тут и выбор и усилие возможны. Ты можешь избрать быть обиженным, а можешь сделать над собой усилие и сказать себе: Но мне же больно! Значит, он что-то задел, что можно задеть, и что болит. Единственный способ избавиться от боли навсегда, это войти в нее и найти причину. Я хочу научиться видеть такие болячки и убирать их!

И тогда это урок. Ты вышел из схватки с болью, но не с поражением.

Как ни странно это прозвучит, но Руководитель учится у подчиненных больше, чем они у него. И боли он от них получает больше, чем они. Почему? Да просто потому, что их больше, и они все хотят доказать ему, что у них тоже есть достоинство и они значат не меньше, чем он.

При этом Руководителю гораздо проще бросить все, забрать избыток денег, который вращается в деле, и жить спокойно в собственное удовольствие. У него есть такая возможность, в отличие от работников. И это будет предательство тех, кого повел за собой.

Мир так сложен, жесток и коварен, что нам придется проходить сложнейшие и разрушительнейшие ситуации. Мы будем приходить в тупики, нам будут наговаривать кучи лжи друг про друга, наша боль будет гнать нас прочь.

Только более высокие договора могут спасти тебя в миг, когда все рушится, — это решение учиться, решение познать себя и решение однажды вернуться к себе, стать собой.

Быть верным себе — значит постоянно помнить эти решения, постоянно все проверять на полезность для достижения этих целей.

Если твоя задача — ненавидеть и выпускать ненависть, то лучший способ, который изобрели дети, — видеть во всех обидчиков и на всех обижаться.

Если ты хочешь идти к себе, то себя надо изучить, а для этого придется самому себе создавать разнообразнейшие положения, которые вскроют тебя, как консервную банку, и покажут тебе, что же ты прячешь, каков ты в глубине.

Мне думается, что из американских гостей наибольший урок могут извлечь те, кто сунулся в «Гюрьму» и был ею потрясен.

Конечно, это можно использовать для обиды. А можно поглядеть на то, как заключались и незаметно отменялись договора. Как из желающего изучать Науку полководца ты превращался в туриста, что привычнее и уютнее, как родное болото. Как договор об учебе вообще не начал действовать, и ты полез в тренинг, словно бы и не подозревал, что он создан, чтобы давать урок.

Я пишу это, конечно же, не для американцев. Может быть, они никогда больше не приедут и не прочитают этих строк. Я это пишу для желающих учиться. Я просто использую американцев как иллюстративный материал, считая, что этим они заплатили мне за учебу.

Но пример именно с американцами хорош еще и тем, что он показывает всеобщность тех психологических законов, которые мы с вами изучаем. Различия в культуре — только пена над ними.

Точно так же лишь пена различия в наименованиях Полководца и Руководителя.

Поэтому Наука полководца — это основа того, как нам сделать свою экономику и стать народом.

Глава 3. Руководство

Как сделать преданность и верность самой сути взаимоотношений между работниками на наших предприятиях? Возможно ли это? Мне кажется, возможно, но сначала поговорим о народной психологии.

Итак, ясно, что договор сегодня воспринимается не так, как во времена магии, когда слово изреченное означало то, что означало. Сегодня договор — это не способ говорить, а особая бумага, оформленная со всеми необходимыми юридическими уловками. Ничто без такого оформления договором не считается, и уж совсем не может заставить кого-то действовать соответственно. Причем вовсе не обязательно, чтобы эта бумага действительно была написана. Даже если этот договор заключается устно, он все равно торчит в наших головах чем-то вроде этой бумаги.

Сегодня договор — это внешняя сила, пугающая наказаниями, договор в прошлом, скорее, внутреннее состояние верности себе и своему слову. Конечно, это идеальный случай, иначе не было бы таких понятий, как индоевропейское Рита (rita), от которого произошло русское Рота, — договор, присяга, хранимый Богом порядок или устройство.

Но мы и говорим не о юридических взаимоотношениях с деловыми партнерами или зарубежными странами. Если жизнь заставит, то будешь коварным, чтобы выжить. Науку выживания надо изучать отдельно.

Мы говорим о науке самопознания, о том, можешь ли ты верить самому себе. Хоть самому-то себе!

На самом деле это сложнейшая дисциплина, малодоступная для человека мыслящего. И сказать, что кто-то не умеет хранить договора, — это отнюдь не обидеть человека, это просто сказать, что он обычный человек.

Вопрос даже не в том, что культура наша такова, что верность договорам и верность себе не существуют в общественном сознании как ценность. Возможно, что верность пропала сейчас из числа ценностей как раз потому, что хранить ее невозможно.

А почему так трудно быть верным?

Да потому, что верность определяется имеющимися целями и, по сути, является верностью определенной цели. Это значит, что когда у тебя очень мало целей и все они выстроены в лестницу достижения одной самой большой цели, то ты ясно видишь, ради чего делаешь все дела и как достижение одной цели ведет к следующей, как ступень.

Когда целей очень много, они тоже все увязываются в огромную лестницу достижения твоей сверхцели, того, ради чего ты живешь.

Вот это очень важно понять, что как бы много ни было у тебя целей, все они на самом-то деле последовательны, все они вытекают одна из другой как необходимые шаги. Вот только мы постепенно перестаем это замечать. Их слишком много, их слишком трудно распутывать, поэтому кажется, что навалены наши цели беспорядочной кучей. И повсюду более высокие и более низкие цели перемешиваются в твоём восприятии, оказавшись рядом. Поэтому каждый раз при таком столкновении целей тебе приходится делать выбор. И тем предавать одну цель

ради другой.

Если же при этом ради какой-то цели ты договорился с людьми, а завтра утром, взглянув на свое целеустройство с другой ноги, понял, что должен жить ради другого, то вместе с целью ты предал и людей, и себя.

Почему людей — понятно. А почему себя? А потому что любая имеющаяся у тебя цель — это твоя цель. Раз она однажды появилась, значит, однажды тебе открылось, что ради достижения твоей высокой цели нужно совершить и этот шаг. Не забывайте, все цели — последовательно увязаны в общую нить. И все они необходимы для чего-то. Это значит, что если не будут совершены все однажды намеченные шаги, ты никогда не станешь тем, что наметил. Следовательно, любой выбор между целями — это предательство той мечты о себе, которую ты вынашиваешь всю жизнь.

При этом разум говорит: целей так много, что от чего-то надо отказываться, чем-то жертвовать. Так что мы смиряемся с выбором между целями.

Но это неверно, потому что, если ты станешь собой, совершив только все намеченные шаги, то отказ от любого шага есть предательство себя.

Следовательно, выбор надо совершать не между двумя отдельными, но нужными целями-шагами, а между путем достижения себя, между сверхцелями, которые ты хранишь.

Почему? А потому, что если путь намечен, то без любого шага он будет неполон, даже если этот путь далеко не самый краткий. И ты изначально обрекаешь себя на поражение, если отказываешься хоть от одной цели. Путь, не пройденный хоть на один шаг, не пройден!

Но если ты выбираешь пересмотреть все свое целеустройство, то очень даже вероятно, что выяснится такая вещь: ты намечал весь свой путь еще в детстве и юности, отнюдь не умом взрослого, разумного человека. И ты совсем не думал о достижении своей самой большой цели, которая затерялась где-то в глубинах самого раннего детства. Ты просто прилеплял и прилеплял к уже имеющемуся новые куски и петли, которые подсовывала тебе жизнь под видом необходимого для выживания или же более удачного, чем имеющееся у тебя.

В итоге «твой» жизненный путь — это куча наворованных у других образцов того, как надо жить умному человеку. Люди, у кого ты заимствовал эту «умность», были разными, их жизни тоже, как и цели, к которым они стремились. И теперь из разнонаправленных кусков ты склеил собственный жизненный путь и надеешься, что он может быть цельным.

Похоже, что выбор, который надо сделать, — это ***выбор между своей жизнью и чужой. Жить для себя и по-своему или жить так, как «умные люди» живут.***

Если избирается свой путь, то отваливается все чужое, и неожиданно твое собственное целеустройство оказывается во много раз короче и проще.

Иначе говоря, надо сделать себе Целеустройство, как это называется в народной психологии мазыков. Попросту говоря, не выбирать между отдельными целями: чем можно пожертвовать ради другого, — а выкинуть все целеустройство разом и сделать заново, но уже как хозяин, осознанно и взрослым умом.

Но как его сделать, если совершенно невозможно назвать самую главную, самую большую свою цель? Мечту жизни.

Невозможно для некоторых, потому что они ее не знают или не помнят, для других — потому что она звучит так простецки, что стыдно вслух назвать, а для третьих — не имеет ни имени, ни слова для обозначения...

Тут надо понять такую вещь. Ты не можешь сегодня ясно ощущать то, что ощутишь завтра после очищения. Завтра твое сознание будет обладать большими способностями, если ты искренне идешь к себе.

Значит, тебе необязательно давать точное имя своей сверхцели. Ты можешь ее назвать как угодно, например, сказать, что считаешь **своей целью такое состояние сознания, в котором сможешь понять, какова твоя окончательная или следующая цель.**

И тогда такое состояние сознания, назовем его условно **ясным сознанием**, и становится твоей целью на этом участке жизненного пути. При этом ясному сознанию можно дать

дополнительные определения. К примеру, если мы собираемся вместе для какого-то дела или в одно предприятие, то можно сказать, что ясное сознание — это такое сознание, когда мне ясно, ради чего мы должны быть вместе и когда я освобожусь от остальных, потому что смогу дальше пойти один.

Тогда можно принять решение: пока я не понял, что дальше я могу идти один, я останусь вместе с другими и буду делать общее дело. Почему так?

Потому что пока у меня всего две задачи: выжить и познать себя. Где и как выживать, мне все равно. Лучше там, где идет учеба и создаются условия для самопознания. Поскольку все мы собрались ради этого, то лучше всего, не упуская учебы, создать условия для выживания, то есть предприятие, которое будет нас кормить, и использовать все, что в нем происходит, для самопознания.

А это несложно, потому что любое предприятие — это мирок, соответствующий образу мира. Жить же — значит пребывать в мире, умирать — покидать мир. Следовательно, познать себя, пока мы живем в мире, — это, в первую очередь, познать самую доступную часть, ту, которою мы живем. Что означает, что чем более точно мы в своем предприятии будем воспроизводить части мира, тем вернее наше естество, соответствующее миру, вскроется и покажет себя, то есть станет доступно познанию.

Живое, то есть «Я», познается через жизнь, жизнь же познается через свою среду, делающую ее возможной. Среда, в которой возможна жизнь, называется мир. Наилучший способ познания себя — это познание в себе отражения мира.

Не зря изначальные мифологии говорили о том, что мир был сделан из первочеловека и все части мира соответствуют частям человека. Таков традиционный подход мифологического мышления. Это же самое можно обосновать и психологически.

Что же в таком случае мы имеем с точки зрения Науки полководца и Науки руководителя?

Если ты хочешь иметь преданное войско, то должен сделать его не преданным себе, а преданным общей цели, например, ясности сознания.

Соответственно, и ты сам должен избрать ее же своей главной целью.

Тогда ты больше не обижаешься на предавших тебя. Их просто не будет, потому что не будет тебя. Но самое главное, что больше не будет и тех, кто обидится, если ты его накажешь за предательство, как бы жестоко ты это ни сделал. Почему?

А потому, что теперь предать можно только свою собственную большую цель, только договор с собой о ее достижении. И значит, ты не бьешь предателя лично, ты помогаешь ему не сдаться и победить однажды. Наказывая за предательство, ты теперь не бьешься против человека, а бьешься за него. И он это всегда видит и чувствует.

Так ты из тирана, самодура и деспота превращаешься в учителя, друга и соратника. И, пожалуй, немного в жреца, если кто-то ощущает свою цель и свое предназначение в жизни мистически.

Вот, на мой взгляд, основание работы Руководителя и Полководца. **Глава 4. Тяжело в ученье**

Основная работа любого водящего, как Полководца, так и Руководителя, — это обретение тех, кого можно вести. То есть Дружины.

Не буду говорить сейчас о том, как собрать дружину. В конце концов можно просто объявить прием на работу. Но когда люди собраны, как их превратить в дружину? Ответ прост — их надо обучить. И, значит, лучшее место для отработки этого посвящения — это место учителя или руководителя учебного заведения.

Если наш разговор идет о том, как нам создать свою экономику, то, следовательно, задача освоения посвящения Полководца или Руководителя должна решаться в таком учебном заведении, которое будет готовить работников для наших предприятий. Это или в Школе Управления при Отделе кадров, готовящей работников для предприятия, или в

Научно-исследовательском институте, созданном для нужд Предприятия. В общем там, где проще всего научить людей, как работать на предприятии.

Однако тут не все так однозначно. Во-первых, говоря о Руководителе, мы все-таки имеем в виду человека, возглавляющего все Предприятие, а не подразделение Отдела кадров.

Во-вторых, подобная внутренняя школа Предприятия должна работать не по каким-то утвержденным в Министерстве образования методикам и программам, а строго исходя из того, что нужно Предприятию.

Иначе говоря, школа начинает работать после того, как на рабочих местах выявились какие-то сбои из-за непонимания людьми того, как устроено предприятие и как надо на этом месте работать. Следовательно, исправлять эти сбои придется и на производстве, и в Школе одновременно. *Школа оказывается как бы влитой внутрь Предприятия, разлитой по нему и не существующей как-то отдельно, в виде самостоятельного учреждения.*

Это значит, что преподаватели Школы должны быть одновременно и работниками предприятия, скажем, Авалона, а все опытные и особенно руководящие работники Авалона — преподавателями Школы. Полководец — это учитель для своих бойцов во время мира и военачальник в бою. Всем работникам Авалона предстоит совмещать работу с преподаванием.

Соответственно, вести работу Школы должен кто-то из самых ответственных работников предприятия. Скорее всего, заместитель Управляющего — вице-президент, в чьем ведении находится Отдел кадров. Тогда вопрос о подыскивании нужных работников становится вопросом об их подготовке и обучении.

Но кто должен быть Главой Школы, ее Ректором, условно говоря? Сам Руководитель Предприятия до тех пор, пока не передаст эту должность подходящему человеку. И сколько времени он должен занимать ее? А все время, пока он Руководитель.

Это значит, что, создав Начала, ты должен будешь их воплотить, подыскав и обучив людей. Все это время воплощения начал ты — Руководитель и Глава Школы. Но как только ты понял, что все заработало само и можно уходить в Управляющие, школу надо отдавать тому, у кого душа лежит к обучению. То есть тому, у кого пришло время быть Руководителем.

А это значит, что должность Руководителя Школы будет сменной, и занимать ее будут те, кому пришла пора научиться воплощать образы Начал.

Что должно войти в Школу как учебные отделения?

Все, что входит в предприятие в качестве отделов, служб и цехов. Любой отдел или цех — это воплощенная часть Предприятия. И воплощена она прежде всего в людей, способных своими действиями производить то, что ожидается от этого отдела. Значит, будут сбои и ошибки от непонимания и неумения делать то, что должен делать отдел. Образ трудно воплотить сразу и однозначно. Большой образ — это большая картина. Ее быстро до совершенства не довести.

Поэтому при любом отделе Предприятия должен быть отдел Школы, который дотачивает и доводит до совершенства понимание работников отдела.

Следовательно, в этих отделах Школы должны работать лучшие специалисты Предприятия. Иначе как они объяснят работникам, как делать дело?! Но это ловушка! Вывести из Производства лучших специалистов, чтобы они обучали новичков — труднопозволимая роскошь. Как быть?

Да просто не выводить их, оставить на своих местах и одновременно числить преподавателями Школы и доплачивать за обучение молодежи. Они ведь все равно обучают менее опытных. Любой из вас учился у такого более опытного товарища и обучал сам новичков. Это обязательная составная часть любого дела. Только обычные предприятия делают вид, что не замечают этого и не оплачивают этот труд.

Почему? Потому, что они создаются из чужих людей и ради наживы.

А мы делаем свое Предприятие из своих и для того, чтобы жить. Поэтому мы постараемся выявить все подобные скрытые виды работ, описать их и соответственно

оценить. Выявить их не сложно, но и не просто. Они слишком привычны, как и это обязательное подучивание новичков. Глаз их не замечает, но руки и голова при этом делают.

Выявление пропавших из восприятия видов работ даст немало. Это, во-первых, вернет и раскроет способность видеть. Видеть действительность сквозь привычное, то есть сквозь мышление и культуру. Во-вторых, позволит сделать полноценное описание Предприятия, а значит, и Образа мира. А в-третьих, даст возможность жить за счет своего труда, а не за счет способности ловить прибыльные места.

Все мы знаем об этой общественной несправедливости — привычное, как, к примеру, труд домохозяйки, вообще не оценивается как труд. Шарлатанство же может приносить неизмеримые доходы, лишь бы поражаало внимание.

С одной стороны, это не случайно и отражает то, что мы охотники за образами, но с другой стороны, это означает, что погоня человеческого внимания за новым и поразительным увела нас от истинного видения Устройства мира. Основные его части как бы сами собой разумеются и поэтому ступшеваются в нашем внимании, сжимаются, ссыхаются и ощущаются маленькими. А неожиданное раздувается и воспринимается большим и значимым. И вот мы живем в мире, который как бы перевернут с ног на голову. Именно так «наниче времена ся обратиша», как говорится в «Слове о полку Игореве». Мир из Истины, действительности превратился в Морок, иллюзию.

Я, пожалуй, приведу в подтверждение того, что народ все это видел, сказку об охотнике до образов из сборника «Северных сказок» Ончукова. Сказок таких много. Обычно они называются «Морока» или «Любитель сказок»:

«В одном прекрасном мести, на одной почтовой питенбургской дороги, на громадном большом волоку был почтовый содержатель и страшно любил истории и сказки, и проходящего народу, и упредил всякого человека, и кто знал сказку, тому есть ночлег, а хто вовсе ничего не знал, того— иди вперед. Он имел пять сыновей; в одно прекрасное время шел проходящий человек и попросил у его ночевать, он допросил его строго: "Знаешь сказку — есть ночлег, а не знаешь-иди вперед". Ответил ему проходящий человек, што: "Я как-нибудь скажу ". Заходит в дом, и когда не кормил, не поил человека и допрашивает уж сказку. Отвечал ему проходящий человек, што: "Ты перво накорми и напой, а потом висти выпрашивай ". После ужина уволились на спокон, проходящий человек лег на предел, сынова с женами разошлись по горницам, отец с матерью лег зараз, спросил проходящий человек хозяина: "Встань, старичёк, проводи меня на двор ". Приходят на двориню ступень. "Стань-ко, хозяин, на правую ногу". Обернулся хозяин медведем, пришли они во двор — приломали они всех лошадей, зашли они в хлев— прирвали они всех коров, приходят они в сени, не идут они в фатеру, как кастили они много, выходят они на улицу среди темной ночи. Спрашивает проходящий человек:

"А што, хозяин, ищи репную яму, отульться набтуда ". Встал светлый белый день, приходя сынова во двор — приломаны еси лошади, приходят невестки в хлев— прирваны еси коровы, приходят к невестке в фатеру, и срычали громким голосом: «Мужики, што знайте, то делайте ". Два брата были полисники, взяли два ружья железны-их, лыжи под ноги деревянный, пошли по следам зверинным, приходят к ямам к репным, услышали медведи черные, говорят: "Идут полисники нетленные ". Говорит проходящий хозяину, што: "Я тебя поберегу, я сяду поближе; убьют меня ножом, погляди, што делать будут надо мной: шкуру мою сдерут, вынут с грудей вынишок, между ноги оттянут липасы [так зверей сдирают] и станут поколачивать по шкуре: "Шкура эта хороша ". Вы оборотите внимание. Выскочишь из эфтой ямы и сгребши за липасы зубами и смолитесь со слезами, што: "Детушки, меня не убейте"". Этот самый старик выскоцил мимотально на эфту медвежью шкуру, сгрёбса за липасы зубами и србиўful, што: "Детушки, не убейте". Прохватились еси сынова в горницах, набежали сынова со свичками со светом: отец у матери меж ногами сгрёбса за липас зубами и рыцит, што "Детушки, не убейте ". Не столько отец рыцит, /соль/со мать рыцит; едва старика оттянули, полтора цяса был старик в затмении, цезез полтора цяса

старик отжился хорошо, пришел в старый рассудок и дал клятву допрашивать добрых людей».

Человечество пока еще в репной яме. Похоже, что до старого рассудка, то есть до того состояния Разума, которое было до опьянения образами, нам еще далеко.

Какое это имеет отношение к работе Школы при Предприятии? Думается, вопрос возможный, но излишний. Если мы действительно хотим что-то создать, мы должны жить в действительности. Люди, приходящие на Предприятие, приходят из того мира, который полностью захвачен мороком современной культуры. С ними почти невозможно говорить, а уж тем более делать дело. Он вроде бы все понимает, такой человек, но глядит как будто постоянно сквозь тебя. Ты словно марево для него, которое мешает видеть настоящий мир. А в том мире он лютой зверь или нетленный охотник. И там ему хорошо...

А мы хотим, чтобы было хорошо здесь. И этому надо учить. Учить видеть людей, видеть дело, мир, в конце концов.

Понимание того, что большая часть людей не в состоянии хорошо работать и учиться потому, что они живут не в том мире, где находятся, и видят совсем не те образы, которые нужно видеть, чтобы освоить дело, должно лежать в основе всей работы с новичками. Иначе говоря, надо лечить, прежде чем учить.

Дружина или, как мазыки называли свои артели, Сбрань — это сообщество людей, видящих мир одинаково. Единое мировоззрение позволяет работать во взаимодействии. Если же это видение дает возможность видеть истинный мир, а не воображаемые образы, тогда можно говорить и о дееспособности дружины.

Глава 5. Взаимодействие. Битва за силу

Чему же обучать дружину, когда она собрана? В первую голову, и нет важнее этого, **взаимодействию**. Что это такое?

Взаимодействие возможно лишь внутри чего-то между его частями, например, между отрядами внутри дружины, между полками внутри войска, между войсками внутри союза двух или более государств, между отдельными работниками внутри артели, цеха или предприятия.

Но сначала должно быть целое, тогда его части могут быть во взаимодействии. Два государства могут воевать против третьего, не объединяясь в союз, то есть не договариваясь. Тогда между их войсками не будет взаимодействия.

Точно так же, когда союз заключен, но полководцы отказываются его принимать, хотя и признают на словах, между войсками отсутствует взаимодействие.

Следовательно, цельность, которая нужна для взаимодействия, не просто звук, не просто имя. Это нечто действительное, способное управлять и объединять. Что это может быть?

Первое, что приходит на ум — общие цели или, точнее, единая цель, ради которой создается эта общность или цельность. *

Но цели двух государств, как кажется, могут быть одними и теми же, например, разгромить третье государство, а при этом взаимодействия нет.

Значит, одного понятия единой цели еще мало для взаимодействия или, по крайней мере, оно должно быть очень и очень уточнено и понято одинаково.

На самом деле, если цель действительно едина, то в одинаковых условиях шаги ее достижения будут одинаковыми для всех соратников.

Иначе говоря, единая цель уже дает возможность для взаимодействия, но в жизни ее обычно бывает мало. Что ей мешает?

Во-первых, по-разному понимаемые шаги ее достижения. Во-вторых, ложь, скрытые за названной якобы единой целью собственные цели. Например, жажда славы, власти или

денег. Иногда желание сберечь своих людей за счет больших потерь у союзника, иногда желание, разгромив третьего, ослабить и второго. И так далее, и тому подобное.

Это значит, что единая общая цель работает как основание взаимодействия, только когда она цель конечная. Но если после нее стоят какие-то еще цели, то они начинают подправлять все намеченные действия. И чем ближе к концу, тем вернее уничтожается взаимодействие союзников, потому что цели, намеченные на после победы, оказываются все сильнее. И это надо учитывать. Как?

В первую очередь, если речь идет об экономике сообщества, а не о международных отношениях, в том, чтобы не иметь дела с потенциальными врагами или конкурентами, а работать только со своими.

Если это свои, то всегда можно договориться и о главных целях, и о тех шагах, которые к ним ведут. При этом опыт нашего Училища показывает, что договариваться о шагах, заключать разнообразнейшие согласия придется постоянно.

Это значит, что главный договор на взаимодействие — это не договор о шагах, а договор о возможности постоянно пересматривать договора и передоговариваться каждый раз, когда нарушилось взаимодействие.

Надо полагать, что именно потребность в очень твердых и определенных основаниях для взаимодействия множества людей заставила древних китайцев стать страстными приверженцами ритуалов.

«О ритуале, как важнейшем основании порядка в природе, обществе и человеке в древнем Китае, ярко свидетельствуют слова Конфуция, запечатленные в классической древнекитайской книге "Ли цзи" ("Книга обрядов", IV-I вв до н.э.):

"В "Ши цзин" сказано: "Когда у человека нет ритуала, он подобен крысе, у которой [одно только] тело; если у человека нет ритуала, лучше ему скорее умереть!" Поэтому ритуал должен исходить от неба, но подражать земному, распространяться на духов и души умерших и касаться траура, жертвоприношений, стрельбы из лука, управления колесницами, брака, аудиенций и приглашения на службу. Совершенно-мудрые сделали ритуал всеобщим достоянием, так что Поднебесная и ее царства' могут употреблять их для наведения порядка"». ³²

Если мы теперь вспомним теорию мифологического мышления, то увидим, что ритуалы (обряды) считаются способами вероисповедания на земле первомифов, то есть своего рода оживлением, ежегодным возрождением первоначал, данных творцами мира.

Это значит, что задача водителя (руководителя или полководца)—это перевод Начал, данных творцом предприятия, начальником в своего рода обряды, которые всеми работниками, служащими или воинами понимаются одинаково, а значит, и исполняются однозначно с отданным приказом или распоряжением.

Это особенно ярко видно на примере армии. Однако и на производстве все начинает работать только тогда, когда люди обучены и понимают друг друга однозначно, а сами должностные обязанности усвоены точно обряды.

Ритуальность, обрядовость должностных обязанностей имеет и еще одно ценное качество: она позволяет людям многократно повторять одни и те же действия, не утомляясь от них психологически.

Это совершенно невозможно, если все люди занимаются творчеством, — такие люди совершенно не могут повторять однажды пройденное.

Следовательно, повторяющимся действиям просто необходимо придать обрядовый вид, чтобы люди ощущали себя **священнодействующими**, исполняя их, хотя бы потому, что без повторяющихся действий мы просто не сможем выжить в нашем ежегодно повторяющемся мире.

Вот почему в традиционных обществах сутью всех основных обрядов годового цикла являлось поддержание жизни мира, его возрождение. Зная о том, как важно то, что он делает, человек может повторять свое действие столько раз, сколько это требуется для поддержания

жизни, и тогда это становится одновременно и служением, и молением или медитацией, посредничеством между

" А-В.Подосинов. *Ex oriente lux. Ориентация по странам света.* — М., 1999. — С. 46.

267

людьми и Богами, или, по крайней мере, божественностью. А люди, которых готовит руководитель-полководец — жрецами.

Поэтому путь воина, как на Востоке, так и в Европе, предполагал возможность прямого перехода в Мир богов, в Рай воинов прямо с поля битвы, если ты правильно выполнил воинский обряд.

Но если мы вспомним русскую культуру, то, начиная со «Слова о Полку Игореве» или раньше, ратный труд, труд воина уподобляется труду Ратая, крестьянина и свадьбе. Например, строка 377:

«На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужны-ми...» Или строки 183—187: «...ту кровавого вина недоста, ту пир докбнчаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

И это явно говорит об общих истоках всех культур, в том числе и таких отдаленных, как русская народная и традиционная культура Китая, как она проступает сквозь слова Конфуция. В них тоже говорится о том, что в обряды должны быть облачены воинские искусства, смерть, свадьба, служение. И при этом разговор об обрядах жертвоприношений, инициации и всего, связанного с духами и душами умерших, явно указывает на самую сущность обрядов — открытие дверей в иные миры, куда попадают только через переходы.

При этом, как это явно бросается в глаза, в китайских обрядах словно бы отсутствует обычный труд, который так заполняет нашу жизнь. Это говорит о том, что те общества по сравнению с нами видели главными совсем иные цели.

Главное — это все-таки движение к себе, даже если для этого надо совершить многочисленные переходы сквозь смерть. Вот что скрывается за внешним в глубинах любого предприятия или сообщества, которое могли бы создать люди. Хотя прозреть это сквозь внешнее и поверхностное всё труднее.

Получается, что задача водящего — это точно прочитывать образы Начал, созданные начальником, разработать обряды, которые будут оживлять и поддерживать начала, подготовить людей, способных эти обряды исполнить, и расставить их по местам. После этого можно начинать битву. Если начала были верны, она будет выиграна.

Что это за битва, когда мы имеем в виду предприятие? Как и битва войск, битва предприятия — это, в первую очередь, всегда битва за жизнь. Но войска бьются против других войск, против людей. Предприятие же сражается с самой Землей, пытающейся отнять у нас то, что дала. Земля — одновременно и Матушка, и Мара-моревна. И Мать, и Смерть.

И если проигрыш в битве войск лично для тебя может означать плен или необходимость прятаться в кустах, то от того врага, которым является Земля, не спрятаться. Или ты побеждаешь, или погибаешь. А победить Землю можно, лишь извлекая из нее же скрытую **силу жизни**. Это всегда понималось народной культурой, поэтому в сказках Земля выступает то в образе Смерти, то в

образе любимой невесты.

Битва, в которую мы ввязываемся, создавая свою экономику, — это **Битва за жизненную Силу**. Ее вели во все времена и во всех сообществах Земли, а может, и Вселенной. Древнее и важнее этой битвы нет в Мире.

Поэтому все найденные нами образы взаимодействий есть возрождение древнейшего из

боевых искусств мироздания. И в этой битве мужчины и женщины равны как воины.

Так что же такое взаимодействие, без которого нам эту битву за выживание не выиграть?

Взаимодействие, как следует из слова, — это действия двоих или более, которые совершаются «взаимно» или «взаимы». Иначе говоря, совместно и дополняя друг друга.

При этом предполагается, что действия, осуществленные **во** взаимодействии, гораздо успешнее, чем без него. Это значит, что взаимодействие всегда направлено на какую-то цель, считающуюся совместной или общей.

Это, вроде бы, ясно. Однако большинство людей не имеют даже смутного понятия о взаимодействии, когда доходит до дела. При этом они могут хотеть взаимодействовать и даже стараться. Но что-то в их сознании делает их противоположными взаимодействию, его разрушителями.

Попробую показать это на примерах. Простейший инструмент для изучения взаимодействия — это двуручная пила. Двое держатся за рукоятки и пилят бревно. Задача — напилить как можно больше чурбаков. При этом подспудной стоит задача сделать это наилегчайшим способом, потому что «как можно больше» предполагает некий запас силы: пилить, пока силы не кончатся. Значит, пилить надо как можно легче и производительнее — это становится главной задачей взаимодействия. Количество же перестает иметь значение, потому что оно определяется запасом сил.

Следовательно, суть взаимодействия при пилке дров — тратить как можно меньше сил самому и одновременно делать все, чтобы напарник тоже потратил как можно меньше сил. А для этого надо понять простейшую и, в силу этого, недоступнейшую вещь: *когда вы пилите двуручной пилой, вы—одно из двух человек, и сила, отведенная вам на двоих, одна совместная.*

Получается, что вопрос о взаимодействии при пилке, как и любом другом взаимодействии, — это вопрос о самом рачительном использовании совместной силы.

Как только это становится ясно, появляется и возможность думать о том, как беречь вашу совместную силу, как ее правильно перераспределять, какой рукой какого тела делать те или иные движения. Понять это глубже может только человек, изрядно потаскавший пилу. Поэтому пилку дров двуручной пилой надо сделать базовым упражнением для всех изучающих взаимодействие и ставить по нему зачет.

Это упражнение особенно хорошо тем, что дает возможность телесно почувствовать уют от взаимодействия и боль при его отсутствии.

Следующее, более сложное упражнение — это ловля рыбы бреднем. Мне пришлось пройти обе школы, и все старшие инструктора Училища и преподаватели Школы при Авалоне проходили бредень как тренинг взаимодействия.

Бредень — это невод, своего рода сеть с большим карманом посередине. Ее не ставят, как обычные сети, а волокут за концы, так что рыба сбивается в карман, который называется *мотня*. Находящиеся по бокам от мотни полотна сети называются *крыльями*. Крылья привязываются к шестам, которые называются *ко-новцы*. Тянущие за коновцы зовутся *коновчанами*. Поскольку бродят с бреднем обычно вдоль берега, то ближний к берегу коновчанин зовется *береговой*, а дальний от берега — *забродящий*. Во всяком случае так это все называлось на Верхневолжье.

Задача — поймать рыбу. Для этого бредень, который бывает от 10 до 50 метров, растягивают от берега вглубь реки или озера, выворачивают мотню так, чтобы она тянулась вслед за бреднем, и тянут бредень вдоль берега, пока не посчитают, что пора вываживать. Обычно это расстояние в сотню-другую метров. Оно называется *тоня*.

Вытаскивать бредень с рыбой на берег значит *топить*, то есть делать *тоню*. Получается, что тоня — это как бы улов, который сначала плавает в воде, и его надо собрать, пройдя определенное расстояние, затем он оказывается в мотне, и его надо вытащить на берег, а потом он оказывается в мешке или корзине. И тогда говорят: хорошая или плохая

тоня.

В каком-то смысле понятие тоня пересекается по значению с понятием **спорость**. Это своего рода урожайность определенного участка реки, как спорость — урожайность определенного участка поля.

Итак, задача, как кажется, проста: двое должны взять бредень за коновцы, растянуть вглубь реки (обычно мы ловили на Волге под Юрьевцем), тянуть бредень вдоль реки метров на 100-150, а затем затопиться на удобном местечке, чтобы выбрать из бредня улов.

Рассказать все, что происходило при этом с инструкторами, просто невозможно. Отсутствие взаимодействия каждый раз было просто патологическим. Причем настолько, что над нашей артелью стоял сплошной мат, как он обычно и стоит над любой рыболовецкой артелью.

Отличие было только в том, что там матерятся все, а у нас матерился только я один, как преподаватель науки взаимодействия.

Любой слушатель Училища Народной культуры, слушавший курс народной психологии, знает, что матерная брань никогда не вылетает зря. Она всегда предельно точна и появляется тогда, когда у кого-то отсутствуют инструменты Разума, которые должны лежать в самом его основании. Основание разума, состоящее из простейших образов-истот, — это тот самый первичный Образ мира, который называется Материк. Поэтому появление мата, матерной брани (можно назвать материковой бранью) всегда свидетельствует о том, что у кого-то Материк ущербен и его восполняют. Иначе говоря, в Разуме человека, которого бранят, отсутствуют образы простейших взаимодействий с миром или людьми. Как говорили старики, они выморожены, превратились в Мразь. И их надо восстановить, для чего требуется растопить эту замерзшую грязь огнем ярости.

Сплошная матерная брань говорит о том, что действие, которое требуется сделать, которое задумано и принято всеми сообща к исполнению, просто недоступно, потому что у людей отсутствует хоть какая-то возможность его выполнять. Выполнить действие, не имея его образа, — не в человеческих силах.

И тем не менее, страна, вся покрытая толстенным облаком матерной брани, как-то живет, и дела как-то делаются...

Если вспоминать наши первые рыбалки с бреднем, приходишь к очень обнадеживающему выводу: дело, которое задумано, делается само, делается назло и в противоречие, и вопреки тому, что делают люди, взявшиеся за него. Если глядеть со стороны, то люди делают все, чтобы не было взаимодействия, и рыба не ловилась. Но рыба обманывает людей и ловится! И если бы Бог не был так заботлив, и не кормил нас насильно, мы бы даже не передохли, мы бы просто не родились! Все-таки надежда еще есть!..

Не буду перечислять всего, приведу в качестве примера «деятельность» двух ректоров наших учебных заведений: Федорыча — бывшего ректора Училища, и Доуля — ректора Школы Управления при Авалоне. (Прозвища не расшифровываю.)

Федорыч был недееспособник коммунистический. То есть пылепускатель. Он очень любил занимать руководящие должности, но так боялся участвовать в работе, где бы выявилась его неспособность обучаться новому, что просто ненавидел ловить рыбу и отрабатывать взаимодействие. Каким-то чудесным образом он постоянно оказывался с корзиной, а не с бреднем, хотя с нами ходили мальчишки, которые могли бы носить улов. Каждый раз, когда приходила его очередь взяться за коновец и показать людям, как изучать новое и что такое взаимодействие, он оказывался на берегу, полностью одетым-обутым, и как последний из холопов на барской охоте нагруженным и корзиной с рыбой и всей нашей одеждой, которую он незаметно отбирал у мальчишек.

Когда же я решил сам не идти на рыбалку и назначил старшим Федорыча, артель так и не вышла на реку, пока я не погнал ее пинками на рассвете.

После этого Федорыч поболел психологически несколько месяцев и ушел из Училища на полтора года. Попытка изучить взаимодействие оказалась для него просто разрушительной.

Доуль представлял из себя другой тип недееспособного человека — недееспособник

комсомольский или старательный. Он никогда ни от чего не отказывался и всюду готов был быть первым и самым трудолюбивым.

Хуже этого бывает только самоубийца, каким всегда выступал у нас директор Канадского отделения Авалона Сапиенс. Тот просто бросался на косу, когда мы изучали косьбу, или пытался сам влезть в бредень вместо рыбы, чтобы утонуть или быть избитым.

Доуль старательно и даже жертвенно брался за все, что велели. Как обычно идет ловля? Рыбаки растягивают бредень вглубь. Заброящим (он же Заводящий) идет тот, кто повыше, чтобы опустить дальний коновец как можно глубже. В общем-то он должен идти по самому краю доступной ему глубины и всегда немного впереди берегового, чтобы отсекал мористым крылом бредня рыбу от «моря», как это называется.

В десятке-другом метров от намеченного места тонения *Заводила-бригадир*, идущий по берегу, дает знак вываживать, то есть завершать тоню на этом месте. После этого знака Береговой начинает притормаживать, а Заводящий по широкой дуге режет воду по направлению к месту тонения, где стоит Заводила. Если артель велика, то остальные, их называют *ботальцики*, разделяются на две части. Меньшая перекрывает водное пространство от берега до Берегового, чтобы рыба не проскочила, но ведут себя не очень шумно. Остальные же начинают подрезать воду навстречу Заводящему, одновременно *ботая* по воде, чтобы загнать рыбу

в мотню.

Затем по одному-два человека дополнительно хватают **коновцы** и помогают коновчанам быстро вытащить невод на берег.

При этом очень важно еще в воде свести как можно плотнее нижние концы коновцов так, чтобы волокущиеся по дну струны (веревки, на которые насажены крылья бредня) оказались соединенными, и рыба не выскакивала снизу. При таком соединении весь бредень оказывается как большой кошель, выход из которого только сверху, через струну с поплавками.

Частенько рыба перескакивает через нее на ходу, поэтому ботальцики обычно стараются приподнимать верхнюю струну над водой.

Как только коновцы оказываются на берегу, Заводила хватает обе нижние струны, соединяет их и тянет за них вместе, как за одну веревку. Двое бродивших точно так же тянут за свои верхние струны.

Бредень и мотня с рыбой вытаскиваются на берег. Большая часть артели занимается после этого выборкой рыбы и очисткой *Дели* (дель — это сетевое полотно бредня) от сучьев и травы. А кто-то одновременно с этим разбирает дель и ровно укладывает ее в сторонке, чтобы она не путалась и было бы легко снова отправиться с нею в воду.

Когда Доуль был Береговым или Заброящим, он всегда исправно тянул свой конец и все делал, вроде бы, верно. Но когда приходило время тониться, начинались трудности. Я обычно вставал именно на его крыло, ожидая потеху, и помогал ему тянуть. Это значит, что когда коновец оказывался на песке, я его держал. Время тонения — очень ответственное и очень быстрое, тут мешкать нечего — рыба уйдет. Делать и думать надо быстро. Эта спешность, очевидно, что-то перемыкала в мозгах Доуля. Стоило ему от меня услышать: Быстро! — как он становился диким.

Он быстро тянул коновец к берегу, часто забывая о том, что надо тянуть в одной скорости со вторым коновчанином, да еще сводя коновцы низами. Затем на берегу, когда кто-то уже выбирал нижние струны и надо было выбирать верхнюю с его стороны, он вдруг начинал метаться, потому что не мог расстаться с коновцом.

При этом низ и второе крыло быстро выбирались, а крыло Доуля начинало провисать, и рыба шла через него.

— Отдай, дурак, — ласково упрашивал я его, чтобы не спугнуть и тем не испортить рыбалку еще больше. А сам при этом пытался вывинтить палку из его рук. Доуль, цепко держа одной лапой коновец, а другой — струну крыла, которая почему-то одной рукой никак не выбиралась, каждый раз поворачивался и дурно смотрел на меня.

Тут я обычно не выдерживал, вырывал у него коновец и принимался поливать

матерными молитвами. Лишь тогда он хватался за струну и принимался лихорадочно перебирать руками.

Так повторялось много-много раз. И каждый раз я вставал на его крыло, чтобы пролить ему как можно больше крови. Почему он не мог расстаться с коновцом, я не помню. Да это и не важно. Важно другое: ни о каком взаимодействии с другими не может быть и речи, пока тебе не ясна твоя часть работы. А это значит, пока у тебя нет простого, ясного и четкого образа действия на своем участке. Добавлю — разумного, то есть гибкого и тобою управляемого, а не правящего тобой.

Но однажды случился прорыв. Доуль, наконец, внял моим требованиям. А требования были таковы: если ты коновчанин, то, вытащив коновец на песок, просто швырни его на берег и занимайся струной — она главное, а коновец свое отслужил.

Если же ты беспокоишься о том, что коновец ляжет неудачно и потом запутает Дель, то почувствуй, что у тебя за спиной товарищ, который уже подхватил коновец. Научись отдавать часть своих дел тем, с кем взаимодействуешь. Как говорили старики, *раздай себя*. И научись доверять тем, с кем делаешь дело, или не делай его с ними. Иначе говоря, если даже я не подхватил коновец сразу, и он упал, поверь, что в дружине, в артели, ты не один и к тому же имеешь право на ошибку. Товарищи все понимают, они видят, что ты занят делом и подправят тебя, устранят ошибку.

Пропусту говоря, занимайся делом, я тебя подстрахую и подберу я несчастный этот коновец и уложу так, чтобы никому не мешал!

И вот пришел случай, когда Доуль, не оборачиваясь, отдал мне коновец и сразу перешел на струну. Он выбирал ее, а я радовался: урок взаимодействия усвоен! Но не долго было мне радоваться!

Доуль выбрал свой конец сети и, радостно переживая победу, остановился над ней в потрясении. При этом вся мотня оставалась вместе с рыбой глубоко в воде. И если в мотне прорвались дыры, рыба так же радостно покидала нас!

Не буду описывать, что я делал и говорил. Но вывод таков:

большинство людей, делая дело, так глубоко уходят в мелочи и частности, что напрочь забывают, зачем они его вообще начали.

Ни одно дело и ни одно взаимодействие не может быть успешным, если потеряна цель, ради которой все начиналось.

Что является целью рыбалки с бреднем?

Хорошая, наваристая уха.

Что является целью рыбалки, которую мы делаем бреднем нашего предприятия?

Хорошие зарплаты и достаток в наших домах.

Что для этого нужно делать каждому из нас на его рабочем месте?

Домашнее задание. Возьмите бумажку и подумайте сами

Глава 6. Дееспособность

Нацеленность взаимодействия на достижение общей цели означает, что взаимодействие недостижимо без понятия **дееспособности**. Это следующая ступень в обучении дружине.

Дядька, который объяснял мне эту дисциплину, редко говорил слово «дееспособность», чаще у него звучало просто «способный», а чаще: «способен» или «способна». Там, в разговоре это было как-то очень однозначно и сразу понималось как «дееспособный». В его устах эти слова имели какое-то особое звучание.

К примеру, он бы не сказал: «У этого человека способности к управлению». Он бы сказал: «Этот к управлению способен». «Она способна. Возьмите ее» — у него звучало как: «Она справится. Можете на нее положиться».

Сейчас, когда я пишу, я вижу, что может выйти путаница, потому что выражение «способный» в современном русском языке воспримется не как «дееспособный», а как «обладающий способностями». Поэтому я предпочитаю употреблять слово дееспособный.

Дееспособность есть способность достигать поставленные цели.

Дееспособность как и взаимодействие, как это видно из самих слов, имеет отношение к действиям. Причем оба слова — через понятие цели. Разница в том, что дееспособность имеет отношение к воплощению личных целей, а взаимодействие — к целям общим.

Но когда мы говорим о дееспособности сообщества или предприятия, то в рамках его цели, цели всех членов сообщества или работников предприятия сливаются, и взаимодействие личностей становится основой достижения общей цели. Такая цель заявляется, и оценка дееспособности идет лишь относительно ее. Впрочем, точнее было бы все же говорить не о заявленных, а о поставленных перед собою целях. Причем поставленных личностью, даже если эта личность общественная, как предприятие или сообщество.

Говорить о дееспособности в общем сейчас не имеет смысла. Она подробнее расписана в учебном курсе Школы управления. Если же говорить о дееспособности экономики, которую мы хотим создать, то первой или внешней целью, которую должна достигать наша экономика (что, по сути, означает — должно достигать наше сообщество в экономике), является получение прибыли или обращение силы в съедобную.

О целях, стоящих за этим, я сейчас не говорю.

Следовательно, дееспособность предприятия, предназначенного для получения прибыли, есть **способность получать прибыль.**

Это означает, что, выстраивая предприятие, мы должны постоянно проверять все сделанное через понятие дееспособности. А для этого мы можем использовать прибыль как точку отсчета или основание для оценок.

Выглядит подобная проверка в виде примерно такого рассуждения:

- Если мы хотели получить прибыль и это было нашей целью, то все наши действия, как и устройство нашего предприятия, должны вести только к получению прибыли.
- Мы устроили дело таким-то образом и произвели такие-то действия.
- Получили ли мы прибыль? Если получили, то достаточно ли? **Нет** ли недополучки?
- И если мы прибыли не получили или же недополучили ее, **то** появляется возможность задать вопрос: из-за чего?

И ответов будет не так уж много:

- в первую очередь, это неправильное устройство;
- во вторую, плохая обученность работников;
- в третью, отсутствие взаимодействия;
- в четвертую, противодействия врагов или природы.

Иными словами, помехи дееспособности сообщества могут крыться: а) в Образе мира, который заложен в устройство сообщества; б) в людях, его населяющих; в) во внешних причинах.

Но прежде чем хоть что-то менять и что-то делать, надо точно определить место сбоя. Найти, где и по какой причине воз

никла помеха. А это вряд ли можно делать теоретически, да еще заранее. Такие вопросы будут прописываться по мере выверки дееспособности наших предприятий, значит, во время их **отладки**. А это значит, не во время Руководства, а во время Управления.

Помехи дееспособности могут быть самыми неожиданными и непредсказуемыми. К примеру, *услужливость*.

Наш многократно бывший директор Училища Федорыч предпочитал сам делать секретарские дела вместо директорских. И каждый раз, когда ему указывали на это по жестче, он бросал директорство. После Федорыча мы называем таких людей не холуй и не денщик, а форточник.

Случилось так, мы проводили семинар и для этого сняли небольшой зал. Федорыч отдал

распоряжение подготовить помещение. Люди работают. Посреди работы Федорыч входит в зал, замечает, что из форточек дует и отдает громкий приказ начальственным голосом. А изображать начальство он умел. Лучше его никто никогда больше не сыграет нам Генерала.

Приказ звучит:

— Закрывать форточки!

Люди слышат приказ и спокойно отправляются его исполнять.

В это время я вижу, что на лице у Федорыча отражается какая-то напряженная работа. Он словно бы к чему-то прислушивается. Вдруг лицо его меняется с генеральского на услужливое, и он трусит вперед своих людей закрывать форточку.

Его же ребята его отлавливают со словами:

— Федорыч, ты куда?! Отдал приказ, мы же сделаем. Ты директор!

Я долго пытался понять, что же произошло? Потом вспомнил, как Федорыч прислушивался, и понял. Он денщик, холоп, но великолепный фигляр. Ему не сложно сыграть генерала или генерального директора предприятия. Лишь бы партия назначила. Но каждый раз, когда это ему удается, он раздваивается. И отдавая приказ, одновременно слышит, как он звучит в воздухе.

А в следующий миг остаются только воспоминания. Одно о том, что он изображал генерала, другое о том, что был отдан приказ. Образы эти равнозначны в памяти. И Федорычева коммунистически-холуйская натура предпочитает выбрать из них то, что ей ближе. Конечно, надо закрывать форточки, сам же слышал, как приказывали! Вот и родился форточник.

Другой пример услужливости был создан другим нашим генералом, генеральным директором Авалона Тимофеем. Мы с ним отработывали взаимодействие при ловле бреднем вдвоем.

Бродить вдвоем несложно, но вот вытаскивать бредень вдвоем совсем другое дело. Он как бы рассчитан на троих. Один тянет обе нижние струны, чтобы подхватить рыбу кошелом в воде. Это обязательное требование, тянуть низы вперед верхов. Рыба держится у дна. И стоит чему-то приподнять низ, как она вся устремляется в образовавшуюся дыру. Поэтому можно считать, что бредень вытягивает тот, кто тянет низы, двое других должны лишь поддерживать верха, чтобы они были повыше, и рыба через них не перепрыгивала. Ну и перебирать их, конечно, понемножку.

Когда тянут трое, все понятно. Один внизу, двое вверху по сторонам, бредень вытягивается как бы по треугольнику, широким основанием кверху. Всем удобно. Нижний тянет, а двое верхних аккуратно укладывают крылья бредня по бокам от него. И никто никому не мешает.

Попробуйте представить себе, как это делать вдвоем. Один должен по-прежнему тянуть низы. А как второму тянуть оба верха? Очень трудно передать, что начинается при такой ловле, стороннему человеку... Могу сказать только одно — тому, кто снизу, не позавидуешь!

Однако я ловил вдвоем с дедушкой, и у нас все получалось. Более того, решение просто, даже чересчур. Вот этому я и обучал Тимофея, поскольку он должен был пройти мастером производственного обучения в нашей учебной игре по созданию предприятия — рыболовецкой артели. Об этой игре я рассказывал.

Сначала я показывал ему, как одному тянуть обе верхних струны. Дель, то есть полотно бредня, привязано к двум колам " коновцам. Если сложить коновцы, крылья бредня сложатся, если свести верхние концы коновцов, сложатся только верхние струны и их можно взять.

С нами был третий, которого мы использовали как помощника, пока Тимофей учился. Когда мы подводили бредень к берегу, я отдавал третьему команду выбирать низы. Как только он за них брался, я приказывал Тимофею подать мне верхи. Для этого всего лишь нужно свой коновец наклонить в мою сторону. В итоге сеть складывается наискосок, и один человек оказывается сидящим, а другой рядом с ним стоящим. И если при работе втроем сеть расходится по бокам тянущего низы, то здесь она укладывается посередине между тянущими. Вот и весь секрет.

Мы несколько раз повторяли это упражнение. После того, как ты попробовал сам дойти

до этого простейшего дедовского способа и тянул бредень вдвоем всеми другими возможными способами, широко разводя руки через голову напарника, всячески мешая ему и обматывая двумя полотнами мокрой сети, это решение — просто сложить коновцы наклонно и вытягивать сеть наискосок — поражает и восхищает своей простотой.

Но при этом дойти до него оказывается очень непросто. Разум сначала перебирает все узнаваемые образцы. А тут образцы не проходят, тут нужно думать.

Думать трудно. Думать — значит творить образы. Для того чтобы творить образы, нужна материя — материал творения. Это чистое или свободное сознание, которым ты располагаешь лишь в определенном размере — в размере своего **печища**, как говорили мастики. Печище — это то сознание, которому ты хозяин. Хотя об этом надо бы рассказывать подробнее в свое время.

Для нас сейчас важно понять, что, как только ты израсходовал отведенный тебе объем свободного сознания, ты на какое-то время тупеешь, пока не накопится новый объем.

Вот это и произошло с нашим генералом. Он попробовал сначала сам решить задачу о том, как вытягивать бредень вдвоем. Это получилось плохо и неумно, что для него как человека, всю жизнь бившегося за то, чтобы быть умным, было неприятно и заставило думать. Думая, он сжег весь запас свободного сознания. Тут я показал дедовский способ. Такой простой и красивый, что генералу стало стыдно. Плюс к отупению он ещё и ушел в переживания. Немножко страданул, как у нас говорят. А как не страдануть, когда такой умный, сильный мужчина и вдруг не мог решить такую простую задачу!

И тут, в очередной заброд, не предупреждая, прямо посреди его страданий я с уже привычных верхов перехожу на показ того, как надо вытягивать низы. Собственно говоря, все уже было показано. Но коновцы наклонялись в предыдущие разы **верхами** от себя.

Теперь, когда я резко у самого берега говорю: Подай мне низы! — нужно всего лишь сделать то же самое, что и раньше, но симметрично наоборот. Сложить коновцы вместе и наклонить **их низами от себя, а верхами к себе**, тогда мы опять можем работать рядом и не мешать друг другу.

Звучит:

— Подай мне низы!

Мозгов у генерала уже нет, как нет и сознания, из которого можно создать новый образ, все равно какой — сложный или простой. Есть только один способ хоть что-то сделать в этом случае и не остаться стоять безмозглым столбом — это обратиться к памяти. И он выхватывает первый подвернувшийся в памяти образ «подать».

Наш услужливый генерал внезапно выбрасывает свою часть сети в воду, падает на колени, хватает обе нижние струны и протягивает мне обеими руками, точно свою отрубленную голову...

Глава 7. Образы Разума и Дурак

Вот мы и подошли к неожиданной, если бы был разговор о менеджменте, теме — к творению образов. К счастью, мы говорим не о менеджменте, а о Руководстве. И здесь этот разговор из прикладной культурно-исторической психологии вполне уместен.

Итак, дело **Начальника** творить *Образы миров*, в которых будут жить пришедшие на его предприятие люди. В отношении предприятия образами миров будут считаться как Образ всего предприятия, который записывается в Устав, так и образы мест, которые называются Мастыры и записываются в должностные обязанности.

Дело **Руководителя** — творить *Образы действия* внутри этих образов миров. Называются такие **Образы действия Должностными обязанностями**. Об этом и рассказ.

Если быть кратким, то можно просто рассказать о том, как создаются Должностные обязанности. Это лежит на поверхности, но возможно, что не поняв это, к глубине и уж тем

более к магической глубине работы Руководителя не пройти.

Итак, на производстве Руководитель получает в свои руки готовое предприятие, которое как-то работает в соответствии с начальным образом. При этом люди получают за свою работу деньги в соответствии в Ведомостью оплаты труда. И это основание для того, чтобы требовать с них хорошей работы, лучшей, чем они вначале делают.

Но те же люди, которые обычно в начале творения предприятия очень стараются, чтобы оно выжило, и работают не покладая рук, с полным основанием могут сказать тебе: прежде чем требовать, научи!

И получается, что главная задача при составлении Должностных обязанностей — это создать ясные, четкие и исполнимые образы тех дел, которые надо делать на рабочем месте, за которое получаешь свою зарплату.

Исходить при этом, конечно, приходится из того, чтобы общий ток Жизненной силы по предприятию не прерывался ни одним из мест. Условно говоря, заготовка должна непрерывно и естественно передаваться из одних рабочих рук в следующие прямо от места ее приобретения и до места ее продажи уже готовым товаром.

Как написать должностные обязанности таких мест? Конечно, можно засесть самому, прокрутить в воображении, как движется по Жиле нашего предприятия эта условная «заготовка», то есть необработанная еще, несъедобная сила жизни, и записать это. Недалеко не все Руководители обладают такими литературными способностями. Да и не дело это — Руководителю писать. Это дело писцов.

Поэтому он просто должен вызывать последовательно всех работников, начиная с самого первого по ходу силы, и усаживать их вместе с Главным делопроизводителем за описание их рабочих мест. Пусть работник, который, естественно, писать не мастак — затем его и брали, чтобы он работал, а не писал — просто расскажет тебе, как он видит свою работу.

Ты задашь ему все уточняющие вопросы и спросишь, видит ли он, как его место вписано в цепочку передачи «заготовки» из рук в руки до получения денег за товар. То есть видит ли он, за что и как получает зарплату? Он тоже уточнит свой рассказ или образ с помощью твоих вопросов.

А писец пусть все это запишет и сведет в единое целое описание работы, которое назовет «Должностные обязанности такого-то места».

И так последовательно всю цепочку, всю Жилу твоего предприятия.

Вот, в общем, и все дела. А теперь не помешает несколько слов о содержании этой работы, в частности, о том, что такое эти образы, которые ты будешь описывать. Чтобы понимать, что же ты делаешь.

Итак, сотворить Начала — это еще полдела. Их еще надо воплотить, довести до завершенности.

Перед Руководителем стоит задача сначала самому увидеть тот образ, который задуман, затем рассмотреть его составляющие. А состоит Образ мира из образов вещей, образов взаимодействий и образов взаимоотношений. Следовательно, Руководителю нужно увидеть, что должны делать люди, работники, чтобы создавать такие вещи и такие взаимоотношения.

Это исключительно разумная работа — увидеть образ и разложить его на составные части и шаги, которые могут привести к его воплощению.

Что тут определено: людям, которые будут это делать, то есть будущим руководителям, необходимо уметь разбираться в искусстве чтения и воплощения образов. Этому нужно учить.

По сути, учить нужно тому, как видеть в большом образе основы, взяв которые и сделав нужные действия, ты восстанавливаешь образ, но уже как воплощенный мир. Как научиться разбираться в основах? В истоках, как называли их мазыки.

Один из основных моих учителей — Дядька — даже создал целую «науку думать», которая целиком была посвящена образной механике Разума. Мы ее помаленьку преподаем в Училище. Повторить ее положения здесь мне не по силам, поэтому я вынужден буду пока сказать лишь самые общие вещи о работе Руководителя с образами.

Как это видно из рассказов о взаимодействии и дееспособности, все упирается в

способность или, точнее, неспособность создавать нужные **Образы действия**.

Образы действия — это тот материал, из которого состоит все, что мы делаем. Точнее, то, что заставляет нас делать то, что мы делаем.

Дурак же — это и то, что мешает делу, что может сломать любое дело, и тот, от кого считается необходимым построить защиту. Чтобы защищаться от дурака, нужно хоть немного знать, что он такое.

Дурак — слово бранное. Значит, придется поговорить о Материке и материковой брани. Брань по-русски — это сражение, битва. *Материковая или матерная брань — это сражение за Материк или за Свою землю, которой оказывается твой собственный Разум. А значит, то, что ты осознаешь собой.*

Вероятно, ни Разум, ни его основание (Материк), состоящее из образов простейших взаимодействий, не являются окончательным «Я». Вряд ли познание себя заканчивается на них. Многочисленные примеры пребывания людей не в разумных, а в стихийных состояниях показывают, что за материком еще есть что изучать. Однако определенно то, что, *не познав сначала свое Мышление как отражение в сознании человеческого общества, а потом Разум как отражение природы, мы к стихийным состояниям не проходим.*

Следовательно, производственная учеба с проверкой ее производством, например, в Авалоне есть изучение собственного Разума до самых его оснований. А это не сделать, если не понять, что такое способность Разума творить образы, что такое образы и как они работают.

Сама теория образов излагается в нашем учебном курсе отдельно. В отношении создания дееспособной экономики достаточно рассказать лишь об **образах действия**.

Образ действия—это своего рода пространство, в которое некая сила, носившая у мазыков наименование Охота, втягивает наше сознание, заставляя двигаться и тем самым действовать.

Следовательно, если вопрос стоит об определенных действиях, **о достижении определенной цели**, то мы должны говорить о **воплощении определенного образа**, который предпишет нам, какие шаги надо сделать для его воплощения.

Но эти шаги, если мы приглядимся, есть не что иное, как тоже образы, складывающиеся в воплощаемый образ. **Все** образы, кроме простейших, — это матрешки, и самая большая матрешка — это наш Образ мира.

Если это становится понятным, то можно рассмотреть, что **образ цели** — это всегда такая матрешка, подобная Образу мира, которую надо построить с помощью множества образов действия.

По сути, мы не имеем никаких других видов образов, кроме образов действия и образов миров, даже если это всего лишь образ вещи, игры или взаимоотношений. Образами миров, как вы помните, занимается Начальник, а образами действий — Руководитель или тот, кто обучает людей жизни в мире предприятия.

Что же может означать страх перед изучением взаимодействия и дееспособности, который бывает у одних, или же тупое застревание на частных действиях в ущерб целому и главному, у других?

Одно из двух: либо люди не умеют строить образы действия, либо они не умеют строить и видеть образы миров. Если, конечно, не рассматривать третьим случаем неумение строить образы вообще.

На самом деле последнее невозможно. Способность строить образы от нас не зависит. Это данность нашего Разума, связанная со способностью восприятия. Иначе говоря, образы создаются механически при восприятии Мира.

Следовательно, вопрос не в умении создавать образы, а в умении их использовать и в умении строить из них более сложные, а еще точнее — нужные образы.

Нужные образы — это всегда новые образы. Если он у тебя уже есть, он никогда не ощущается нужным. Ты используешь его как образец, не успевая задуматься. Образ ощущается нужным, только когда его нет или не хватает. Тогда мы начинаем говорить о том, что нам не хватает знаний или умений и задумываемся о том, где их взять.

Следовательно, **первая задача** учебного курса по изучению работы Разума с образами — создавать **такие условия, чтобы ученики чувствовали себя дураками!**

Вот так все странно в перевернутом мире, если хочешь прийти к себе. Однако основное учебное пособие по курсу волшебства — народные сказки, — если вы вспомните, тоже начинается с этого условия. Вначале был дурак!

Дурак — это человек неразумный, без разума, не homo sapiens.

Дурак — это основное ругательство, которое использует человечество. Оно даже не воспринимается особо грубым или запретным, потому что вместе с ним пришлось бы запретить основную часть всей человеческой культуры.

Битва против Дурака за торжество Разума ведется на протяжении всей человеческой истории всем человечеством без исключения и перерывов. По-русски она может быть названа **Великая Брань**.

Но Разум — это всего лишь способность сознания создавать нужные для выживания образы. Следовательно, дурак — это человек, у которого отсутствуют нужные Образы действия или мира.

Просто отсутствие образов действия — это еще полбеды. Их можно быстро создать, но вот когда отсутствует сама инструментальная мастерская — основа, на которой и из которой они создаются — тогда дурак становится круглым.

И это выражение «круглый дурак» подсказывает нам, что же является основной способностью творить образы разума — это Образ Мира. Мир, как считает народ, тоже круглый, как и дурак.

Причем мир круглый и в пространстве, и во времени, как круглый год. Следовательно, у Образа Мира, как и у его обратного отражения — дурака, как бы два измерения — пространственное и временное.

Мир катится по годовому кругу, и в зависимости от того, в какой части года он находится, он меняет свои черты.

Вспомните, как рождается отражение этого Мира в нашем сознании. Ребенок, придя в Мир, долгое время, первые 2-3 года целиком, занят изучением мира во всех его годовых видоизменениях. Изучает он его, можно сказать, собственным телом, хотя точнее было бы сказать, сознанием. Он бьется, трется, гладится, трогает, двигает все и обо все, что встречается. В итоге он познает плотности и пустоты, жар и холод окружающего мира, которые скрываются за внешним видом вещей и предметов.

Иначе говоря, ребенок собственным телом вступает в простейшие взаимодействия со всем окружающим миром во время всех годовых изменений. И они все откладываются образами восприятия в его сознании.

Но поскольку, как считает традиционная русская культура, сознание есть все, в том числе и тело есть лишь створожившееся сознание, большая часть этих первообразов земли хранится как бы прямо в теле. А точнее, в уплотнившейся части телесного сознания, которая соответствует плотности Матери-женщины и Матери-земли и зовется поэтому **Материком**.

И как на материке Земном нарастает почва и делаются постройки, так и на материке человеческом строятся все последующие личностные особенности и человеческая культура вместе с общественной психологией.

Что же такое в таком случае дурак? Это просто человек, у которого не записана в материк какая-то существенная часть мира, то есть отсутствуют образы взаимодействия с этой частью мира. Соответственно, у него и нет возможности построить из этих образов-первокирпичиков какие-то образы действия или Образы миров.

Но возможно ли такое, что у кого-то отсутствует запись на материке какой-то части мира? Скажем, ребенка так берегли, что не дали вовремя познакомиться со снегом? Не дали

вовремя — познакомится потом. Оттого, что негры не знают снега, они не становятся глупее, они просто не знают снега. Дурак же снег знает, но **будто бы** не знает его.

Вот это вот «**будто бы**» и объясняет самую сущность дурака. Тот, кто просто чего-то не знает, еще не дурак. Он просто не знает, и его надо научить. Но вот тот, кто не может научиться или знает, но ведет себя, будто бы и не зная, тот дурак.

Как же это может быть?

Мазыкская психология называла такой отказ учиться или же упорное «будто бы не знание» **мразью**. А означает это то, что в Образе мира словно бы *вымораживается* какой-то участок образов взаимодействия с миром. Вымораживание, замораживание и есть мразь, мерзость, которую ощущали как *замерзшую грязь*.

Попробуйте представить себе замерзшую грязь, но замерзшую до такого состояния, что если ее раздавить голыми руками, она потечет, обмораживая тебе руки и царапая льдинками. Кусаясь, как говорили. Мразь — это не просто отупение, это злобное отупение. *Мразь всегда кусается, вероятно, потому, что она противоположна жизни и пытается ее убить. В словах «мразь», «мерзость» явно просматривается тот же корень, что и в словах «смерть», «мор», «Мара».*

Мразь и мерзость, как и дурак, одни из основных бранных слов. Бранных — значит, слов брани, слов войны. Иначе говоря, любая брань есть война, есть битва, даже если она ведется лишь в слове.

Старики Тропы называли брань языком Огня, Огнем. И это очень логично. Потому что сутью настоящей брани является ярость, природа которой ощущается огненной. А что может справиться с выморозками разума, мразью, как не огонь?

Тут, правда, надо сделать примечание. В современном быту ярость стала почти синонимом ненависти и воспринимается как состояние отрицательное. Это неверно. Ярость — состояние чистое. Вдумайтесь. Оно одно и то же как при яростной брани, так и в бою или же в творчестве. Ярость не имеет никаких личностных оттенков, она всего лишь огонь, чистый и настолько сильный, насколько ты способен его пропускать. И с его помощью можно как сжигать, так и творить или спасать.

При этом, поскольку огонь ярости сам по себе не имеет никаких личностных оттенков, **язык огня — матерная брань — оказывается самым точным, а значит, магическим языком.**

Приглядитесь к бранящимся матерно, и вы увидите, что матерная брань никогда не бывает случайной. Она всегда поразительно точна. И если тебя приложили матом, взглядишь в себя, и ты обнаружишь, что это было за дело. Всегда! Матерная брань мимо не бьет!

И если кого-то матерно бранят, значит, у него мразь на материке, значит, ему восстанавливают разум и изгоняют круглого дурака. Простого дурака просто называют дураком, не переходя к Огню, то есть матерной брани, и учат.

Матерная брань указывает не только на отсутствие образов, но и на отсутствие способности или желания учиться — это и есть мразь — замерзшая грязь разума. А грязь — это такое вещество, которое формы не держит, то есть образов не принимает. Сколько из нее ни лепи, она опять растекается. Да при этом еще отнимает жизнь работающего, потому что холодная. Попробуйте полепить что-то из промерзшей грязи.

Следовательно, мразь — крайнее состояние дурака — вещь опасная для жизни на земле, враг действительный. И вся эта битва Разума, Великая брань ведется человечеством не случайно. И мат звучит над планетой вполне оправданно, защищая нас, наших детей и наше будущее от крадущей жизнь глупости. Если мы захотим взглянуть в это мифологически, то внезапно погрузимся в те состояния, которые описываются в древнейших книгах человечества, составленных еще мудрецами — риши, как, например, Веды.

Бесконечная битва со злыми духами, бхуттами, похищающими нашу жизнь, здоровье, силы, гобино-благополучие, — это, в первую очередь, битва с мразью и глупостью.

И мы с вами в неоплатном долгу перед этой самой изгоняемой и порицаемой матерной бранью, которая, слава богу, живет пока и не сдастся, очищая мир от скверны, выжигая в нем

зло.

Конечно, такой взгляд на брань многим покажется не только неожиданным, но и достойным осуждения. Не спешите, а сразу приглядитесь к тому, что в вас изготовилось осуждать. Это мерзкая штука. Сейчас она закричит о приличиях или просто заткнет уши. Она даже слышать не может этих слов, не то что их говорить. Кстати, примерно, как и видеть половые органы. Правда? А ведь это то, что дало нам жизнь, а?

Эксперимент. Понаблюдайте за собой сейчас, когда я продолжу разговор. Итак, давайте поговорим о *половых органах, гениталиях человека в медицинском аспекте проблемы*. Что происходит? Отозвалось что-то внутри словами: Ну в медицинском это еще куда ни шло?..

А вы обратили внимание, что при этом я перешел с русского языка на **особый язык**, который можно назвать **тайным**. Ни одного русского слова, кроме «половых», да и то бы заменить на какое-то приличное слово вроде «креативных»! Но пока не получается. Совсем ведь не поймут люди, что же я хотел сказать!

О продолжении жизни нельзя говорить прямым языком — это запрещено общественной нравственностью. Проще говоря, не принято и осуждается.

Можно свалить этот запрет на христианство. Оно, мол, объявило греховным то, без чего жизнь невозможна. В итоге все нарушают запрет и вынуждены платить за прощение грехов. И деньгами, и управляемостью. Это и верно, и неверно. Церковь, кстати, не только христианская, действительно использует подобные нравственные запреты к своей выгоде, но запреты эти появляются ранее. Церковь лишь приспособливается к ним, делая людей управляемыми, а за нарушения получая плату.

Нет, тут корень глубже. Иметь правила приличий выгодно самому обществу, то есть всем нам и каждому в отдельности, чтобы все были управляемыми. Иначе — страшно! Иначе — непонятно, как жить рядом с этим зверем по имени «человек»! Об этом я надеюсь написать значительно подробнее в книге по общественной психологии, как ее видел народ.

Пока же нам надо понять, что в основе приличий лежит простейшее понятие — запрещать надо именно то, что невозможно не нарушить. Тогда ты — постоянный нарушитель, а значит, постоянно виноват. А это значит, что в битве, которую ведет общество, чтобы сделать тебя управляемым, в твой тыл забрасывается десант.

Как только в тебе поселяется **вина**, ты непроизвольно сбрасываешься в тот возраст, в котором за вину били, а ты был так слаб, что вынужден был покоряться. Тот маленький ребенок, которого многие годы приучали жить сломленным, просыпается в тебе и овладевает твоим сознанием. И ты в своей битве с обществом избираешь сдаваться.

И «битва с обществом» — не пустые слова. Любое нарушение приличий — это попытка выйти за те рамки, которые старики мазыки называли **стойлом**. Это попытка обрести свободу. Приличия — это то, что *при лице*, которое нельзя терять. Исследования антропологов XX века определенно показывают, что потеря лица означала рабство. Самое настоящее рабство за потерю лица или чести.

Но раз лицо можно потерять, значит, оно не лицо, а личина, маска, ящик, разрисованный знаками покорности. И любой встречный внимательнейше следит за правильностью исполнения этих заклятий и с наслаждением бьет за их нарушения. Мы сами и рабы, и тюремщики...

Половые органы — это неприлично. Естественный запах — неприлично. Жизнь большей частью тоже... Так же и Брань.

Но неприлично — это значит всего лишь не в ящике, не в стойле. Неприлично — это там, где жрут, срут, размножаются! Неприлично — это там, куда сбегают, чтобы не задохнуться и не подохнуть. Глотнул живого воздуха — и обратно в мундир! Обратно в ящик! Пока место не заняли.

Приличия — это способ умереть спокойно. Но там, где идет битва за жизнь — на войне или на поле — люди забывают о приличиях. И им это прощается. Нравственность, как хорошо расчесанная и промытая лосьонами породистая сука, затыкается и делает вид, что не слышит, как матерятся военные или крестьяне. Самое большее, она в репортажах с полей битв вырезает «нехорошие» слова, чтобы хоть те, кто будет слушать, не испортились и этих

слов не узнали!.. Анекдот!

«— Дочка, ты опять рассталась со своим парнем ? — Он знает слишком много неприличных песен, мама!

— *Что, он так прямо их при тебе и пел?! ••*

— *Нет... Но он их все время насвистывал!»*

Раз мы все всё знаем, значит, плохо не знать, плохо — произносить или делать! Заметьте, тому, кто не произносит нехорошие слова, надо знать их лучше, чем матерщинникам. Матерщинник-то их лепит, не задумываясь, а ты все время должен их помнить и следить за собой, чтобы случайно не вырвалось, это раз, а во-вторых, следить за окружающими, чтобы тут же показать им свое отрицательное отношение и что ты не такая! Пусть не думают!

Значит, вопрос не в том, чтобы знать и владеть, вопрос в том, чтобы не дать себя ударить за знание и владение. Следовательно, матерная брань не плоха и не хороша — она осуждаема! Она делает тебя уязвимым. А ты не хочешь боли.

Сама по себе она всего лишь называет какие-то вещи своими именами. И вещи важные, без которых не обойтись. И даже ты, самый ханжа из ханжей, не можешь не говорить «о проблемах сексуальных интеракций со своим эротическим партнером», когда, к примеру, приходится попросить его «надеть средство презервации на эту штучку... Как бишь ее по-русски? Пенис, кажется!»

Раз все люди, всё человечество так или иначе используют брань в своем каждодневном общении, значит, она передает что-то жизненно важное. И это надо изучать, а не скрывать. По крайней мере, тому, кто хочет прийти к себе.

О, нет! Я не призываю всех подряд начать материться. В Тропе, кстати, мата в быту вообще не слышно. А если он где-то и появляется, значит, идет какая-то работа с подсознанием пациента, где он хранится. Более того, старики прямо говорили, что матерной брани не должно быть, как не должно быть войны... Именно поэтому, чтобы не было ни войны, ни брани, нужно **их** не запрещать, а убирать сами причины, их вызывающие.

Что же касается дурака, то ясно видно, что вопрос не в отсутствии нужных образов простейших взаимодействий. Тут придется поговорить, условно говоря, о психологической механике этого явления. Когда американский негр попадает в Россию на мороз, он тут же научается носить шубу и шапку. Иначе говоря, добавляет к. Образу мира недостающие образы.

Дурак же не может добавить к своему Образу мира того, чего не знает или не имеет как раз потому, что оно у него уже имеется.

Внутренняя механика разума, использую пока это всем понятное слово «механика», проверяет Образ мира на соответствие действительному миру и говорит: данная часть мира в образе отражена верно, добавлять нечего! А дурак остается дураком.

Это значит, что образы есть, но они перекрыты каким-то запретом и их нельзя использовать. Этот запрет и есть основа Мрази. Называется он в народе **Проклятием**.

И единственное, что можно и нужно тут делать — это **восстановить этот участок разума**.

Как?

Погрузив человека снова в то детское состояние знакомства с миром, когда он собирал эти образы простейших взаимодействий, и выявив через это, как, когда и какое проклятие на него наложено.

Проще сказать, **человека надо заставить делать как раз то, что он делать не может или не умеет**. Человек разумный может все, что необходимо для выживания на земле, просто по определению, то есть исходно. И сразу, не учась. Просто потому, что он живет и он разумный. И точно так же, без напряжения он может научиться всему более сложному сам с одного взгляда, если оно лежит в рамках обычной культуры.

В нашем обычае, в нашем быту, который отлажен и доведен до совершенства за тысячелетия жизни в определенных земных условиях, нет ничего, что бы превышало человеческие возможности, точнее, естественные возможности человеческого Разума.

Если человек подходит к крестьянскому делу и, поглядев на него, не может выполнить, значит, на нем лежит проклятие, которое является помехой и должно быть снято **очищением**.

Очищение от этих проклятий всегда делается огнем — или бранным в быту, или Кресом при особой знахарской работе. Крес — это живой огонь, как его называли крестьяне.

Очищение Кресом, кресение — особый вид беседы, как и брань, имеющий целью довести помеху, мразь, выморозку разума до осознания человека. Называлось это *изгнанием одержимостей*.

Звучит это очень по-колдовски, но по сути является одним из народных способов психотерапевтической беседы. Не более. Поэтому проще было бы сказать, что благодаря осознанию, которое приходит во время такой психотерапии, ты должен стать Хозяином всего себя. Ничего инородного и неуправляемого мною во мне быть не должно. Как и в предприятии, кстати.

Подробнее это рассказывается и показывается в учебном курсе психотехники в Училище народной культуры Тропы.

Осознание в таком случае оказывается обнаружением и возвращением к использованию закрытых проклятиями участков Разума или образов, из которых эти участки состоят.

Конечно, сами приемы погружения недееспособного человека в те состояния, когда он был проклят, и его Разум выморозился и теперь не понимает дела, надо расписывать подробнее в отдельном курсе. А поскольку наша задача — создание дееспособных предприятий, то такой курс нельзя составить в общем. Он родится из прикладных задач, которые будет ставить жизнь перед нашими предприятиями и их работниками.

Убирание помех в достижении главной цели предприятия— получении прибыли— и дает очень точно приспособленный к нуждам производства учебный курс восстановления дееспособности Разума предпринимателей.

Он-то и является основой работы Руководителя, обучающего свою дружину. У Руководителя нет иной цели, кроме создания жизнеспособного Предприятия в соответствии с образами Начал. Значит, у него нет задачи раскрывать какие-либо иные способности своих людей, кроме тех, которые позволяют Предприятию достичь свою цель и стать сильным и успешным. А это значит — хорошей основой для тех, кто мечтает пойти дальше.

Но дальше Руководитель не ведет, как не ведут и Начальник и Управляющий.

Однако, единожды пройдя всю битву за создание живого Предприятия и вычистив у себя все, что мешало тебе, ты всегда будешь иметь возможность воплотить свою Мечту как живой Мир.

Если ты справился с Предприятием, ты сможешь справиться с чем угодно. Даже с Жизнью, будем надеяться!

Заключение

Итак, если мы хотим, чтобы наши предприятия, основа экономики нашего сообщества, были успешными, нам придется многому обучить работающих на них людей. Но первое, что необходимо сделать, — это привить им отношение к своему предприятию как к родному Дому и одновременно нашей крепости, осажденной вражеской армией в бескрайней битве за выживание на планете Земля.

Это очень простой образ, поэтому он может быть воспринят любым человеком без особой подготовки. И тогда возможно учиться прямо в бою. Даже такое простое основание для взаимопонимания, как Дом — осажденная крепость, которую нужно беречь и защищать, и заделывать дыры и проломы в стенах — поможет добиться от людей единодушия,

взаимодействия и дееспособности.

А учеба? А учеба пусть идет потихоньку прямо в бою...

- Глава 1. Переход в Управление
- Глава 2. Управление предприятием
- Глава 3. Управляющие
- Глава 4. Делопроизводство и писцы
- Глава 5. Привратник
- Глава 6. Бумага и Описание мира
- Глава 7. Бухгалтерия
- Глава 8. Описание мира на языке счетов
- Глава 9. Счетоводство и неуязвимость
- Глава 10. Скрытая бухгалтерия
- Глава 11. Отладка. Устранение помех

Выводы

Глава 1. Переход в Управление

Однажды ты должен сделать выбор и решить, кем ты пройдешь эту жизнь — Хозяином или холопом. Это сложно, это выбор жизненного пути и полная смена Мира. Переходы в иные миры, как и творение миров — это всегда магия. Но распространяться об этом не буду. Просто отошлю к работам Мирчи Элиаде ". Он очень хорошо и много об этом говорил с точки зрения культуры. Меня же больше интересует психология перехода в мир Управления.

В мировой экономической литературе отмечалось: люди боятся переходить в Управляющие.

Джек Стэк — очень успешный американский управляющий, автор «Алхимии прибыли», писал:

«Многим просто страшно бросать производство ради работы управляющим. И одно из самых больших опасений — что люди перестанут тебя уважать.

Многие рабочие часто отказываются от руководящих должностей из боязни потерять друзей. В этом таится угроза кризиса личности. Их беспокоит, что став управляющим, они смогут общаться только с руководством».³⁴

Стэк не был психологом, хотя и был прекрасным бизнесменом. Поэтому меня не удовлетворяют его попытки объяснить это явление: «Когда я вижу человека, который пользуется подчиненным положением людей, когда я вижу грубияна начальника, я знаю — дни его власти сочтены. (...) Думаю, именно в этом одна из причин, по которым многие люди ненавидят саму идею руководства».³⁵

Думаю, Стэк ошибается. Причина даже не в мышлении ненависти. Но это очень хорошо, что он затронул эту тему. Понятие «ненависти» позволит нам лучше понять магию этого культурного

" Смотри, напр., Элиаде М. Священное и мирское. — М.: Изд. МГУ, 1994.

³⁴ Стэк Д. Алхимия прибыли. — Минск: Парадокс, 1996. — С. 34—35.

³⁵ Там же.

перехода по мирам-сообществам. Поэтому поговорим о ней еще раз.

Ненависть есть невозстановленная справедливость, как утверждали мазыки. Если несправедливость происходит, мы ощущаем ее как некий болезненный груз, который рвется из нас наружу. Мы говорим о ней, кричим, плачем, требуем вернуть наше внутреннее состояние в некое равновесие, которое дает ощущение справедливости. И если

справедливость восстанавливается, мы некоторое время еще пыхтим, как успокаивающийся чайник, а потом действительно приходим в какое-то равновесное или спокойное состояние.

Но что делать, если несправедливость остается в тебе? И что это такое — несправедливость? Всяческие объяснения вроде «нарушения договоров» будут всего лишь описаниями «знаний», хранящихся в мышлении, то есть культуры. А что такое несправедливость психологически, для моего сознания?

Несправедливость, безусловно, есть нарушитель внутреннего гомеостаза. Гомеостазом считается «совокупность сложных приспособительных реакций животного и человека, направленных на устранение или максимальное ограничение действий различных факторов внешней или внутренней среды, нарушающих относительное динамическое постоянство внутренней среды организма». ³⁶

Иначе говоря, несправедливость нарушает какое-то внутреннее равновесие, и мы стремимся его восстановить. В середине века, когда была очень сильна уверенность психофизиологов в действенности нейрохимического подхода, наука пришла к выводу, что поведение человека определяется биохимией организма. Простецки говоря, впрыснул одно химическое соединение в тело — радуемся, другое — горюем.

Американский физиолог У. Кеннон в 1929 году создал даже понятие «гомеостатов» — нервных механизмов, осуществляющих выравнивание состояния человеческого организма. Изменилась биохимия — меняем поведение — в итоге имеем восстановленное равновесие, гомеостаз.

При таком подходе средой, где живет несправедливость, оказывались внутриклеточные и межклеточные жидкости. И если это

³⁶ Современный словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.

так, то застоявшаяся несправедливость, которая, по мнению стариков-мазыков,

превращается в яд, называемый ненавистью, действительно оказывается ядом в прямом

смысле этого слова. И наши метания в поисках способа восстановить справедливость

оказываются поиском возможности избавиться от причиняющего боль внутреннего яда.

И тогда мы можем говорить о цивилизации ненависти, о глобальной культуре, построенной на поисках способов сбрасывания внутреннего яда. Если учесть, что единственный способ выкинуть этот яд из себя, доступный обычному человеку, — это передача в среду, которая в состоянии его впитать, то есть пролитие его на другого человека, мы должны обнаружить в общественной психологии множество способов, как оправдать подобные действия и тем самым получить право травить другого неуязвимо для себя.

По правде говоря, если подойти к этому всерьез, то мы такие способы обнаруживаем, и обнаруживаем повсюду. По сути, эту неуязвимость для стравливания ненависти обеспечивает такой всеобщий общественно-психологический механизм, как понятие «свой - чужой». Чужой — это даже не человек. В отношении его не действуют законы и правила, относящиеся к своим. Чеченская война и работа так называемых шариатских судов показала это нам со всей очевидностью. Чужой — это материал для ослабления моего отравления!

Но это в случае открытой войны. Затравливание, которое так широко применяется в демократических обществах — есть то же самое стравливание ненависти и означает не только «преследование сворой псов», но и отравление, если приглядитесь. Травля собаками лишь оказалась, на мой взгляд, удобным воплощением внутреннего желания, даже потребности кого-то травить своей ненавистью.

Иначе говоря, пока травля относится к охотничьим зверям, — это очевидный и

узнаваемый психотерапевтический прием сброса внутренних напряжений, в том числе и кипящей ненависти. Когда же мы наблюдаем травлю людей, мы распознаем этот механизм не так легко. Нам кажется, что у травящих могли быть какие-то вполне разумные цели, которые их побуждали это делать. Конечно, у тех, кто травит, почти всегда есть какой-то заказ или внешняя цель. Но ложатся они всегда на внутреннюю потребность.

Человек без ненависти и не возьмется за такую работу. Если у него есть цель, которой ты мешаешь, он просто пойдет договариваться.

Картина правдоподобная. Однако в ней есть сбои. Гуморальная среда человека вряд ли есть прямой носитель таких вещей, как несправедливость. Те же самые нейрофизиологи, исследуя теорию гомеостатов, пришли к выводу, что должно быть нечто еще. Воспользуюсь рассказом профессора Стэнфордского университета Прибрама:

«Наблюдатели и экспериментаторы, работающие с людьми, неоднократно убеждались в недостаточности нейроэндокринного подхода при рассмотрении потребностей и чувств, субъективного опыта, всего того, что мы называем переживанием.

Радость открытия, разочарование от неудачи, счастье понимания и тоска одиночества — эти чувства, по-видимому, далеки от уже описанных механизмов гомеостазиса.

Тип эксперимента, впервые проведенный С.Шехтером (1962 г.), помогает подойти к только что обозначенной проблеме. Четыре группы студентов держали экзамен. Предварительно с этими студентами проводили эксперимент, в котором две группы экзаменовались в условиях враждебности, а две другие — в условиях дружественного отношения. На экзамене одна из каждой пары групп получила инъекцию адреналина, а другая — контрольную инъекцию физиологического раствора. Студенты давали отчет о своих переживаниях. Как и ожидалось, первая группа испытывала преимущественно отрицательные эмоции, а вторая — положительные. Влияние же адреналина оказалось неожиданным. Он усиливал *как* положительные, *так* и отрицательные эмоции. Какое бы физиологическое состояние ни вызывала инъекция, его *знак* определялся *установкой* — социальным окружением студентов, а не введенным веществом». ³⁷

И что же мы имеем? Биохимия организма, как, вероятно, и биоэнергетика его, лишь передают на тело управляющие воздействия. Впрочем, мы с вами знали это и без мудреных экспериментов. А то мы мало пьяных повидали на своем веку! Алкоголь

³⁷ Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. — М.: Прогресс, 1975. — С. 223—224.

не вызывает ни радости, ни горя. Он лишь вытаскивает наружу то, что у трезвого на уме.

Материальным носителем причин является более тонкая среда, которая и хранит в себе такие явления, как несправедливость и ненависть. И эта среда прямо связана с общественным окружением, а точнее, прямо доступна воздействию общественного окружения, я думаю, через общественное мнение.

Все это чрезвычайно важно для того, чтобы понять, что такое магия.

Человечество придумало не так уж много способов борьбы с ненавистью. Поэтому она является прекрасным материалом для исследования. С ней все очевидно. Современность знает некоторые психотерапевтические приемы, связанные с погружением в переживания из прошлого. Традиционные общества — войну своих, с чужими, как войну между обществами. Христианство и буддизм — уход в иночество, как отрешение от этого мира и уход в мир иной, прижизненную смерть.

Сейчас мне важно обратить внимание на сходство всех этих приемов, особенно того, что происходит с ушедшим из этого мира в монахи и тем, что описывается Стэком как состояние ухода в управляющие.

Совершенно определено, уход в Управление — это не просто потеря уважения прежних друзей. Уважать-то они, может быть, будут и больше. Это потеря самих друзей. Они теперь

сами начинают тебя сторониться, они боятся при тебе открыто обсуждать то, о чем раньше говорили с тобой, боятся проболтаться. Хуже того, ты постепенно замечаешь, что у тебя все меньше и меньше времени и возможностей для прежних разговоров с прежними людьми. Работа требует отдачи и затягивает тебя все сильнее. На самом деле это твой новый мир втягивает тебя в себя.

Это самый сложный психологический механизм, который надо описывать отдельно в той части психологической науки, которая посвящена понятию «Образ мира».

Сейчас для нас важно одно: переход на должность Управляющего — сильнейшее средство для очищения от старых привязанностей. Оно неизбежно заставит тебя пересмотреть всю твою жизнь, все твои ценности, цели и установки. Все жизненные связи **тоже** придется перепроверить на нужность и прочность.

В этот мир, как в любой иной мир, невозможно протащить ничего, что к нему не относится. Легче продеть верблюжью веревку в игольное ушко... Попытка это сделать заставляет тебя застрять промеж миров и прервать движение. Старика-мазика называли подобные переходы по мирам-сообществам — **Волочильнями**.

Волочильня — это железная доска с отверстиями разного размера, через которые протаскивали в старину раскаленную проволоку, чтобы она стала длиннее, тоньше и гибче. Вот и человека, как они говорили, чтобы он обрел силу и свободу, чтобы стал гибче и утонченнее, надо пропустить через несколько таких волочил, которыми являются новые миры. Все, что с него сваливается при этом — окалина, старье. Все же, что он отказывается отпустить из этого старья, что пытается протащить в новые миры — *сволочь*, то, что надо *сволочь* с него.

Как это ни странно, но проявляется это удерживаемое старье в быту так, что для него действительно существует только одно слово: *сволочь*. Так люди называют проявления человеческой личности, которые вредоносны и подлы. Но когда вы приглядитесь к человеку, пытающемуся в наш мир протащить своё старье, ваш язык неизбежно избирает именно это бранное выражение. Может быть, в целом оно и шире по значению, но и для носителей старья, то есть разрушителей мира вашей мечты, который их принял и пригрел, оно подходит полностью: Мы мечтали, мы строили, душу свою вкладывали, а ты!..

Понимание того, что переход в Управление — это действительно уход в иной мир, осознаваемый так всеми окружающими, ставит любого из нас перед выбором: что делать и как делать? Принимать или не принимать свой новый мир. Принимать или не принимать то, что уходя в иной мир, ты становишься чужим для людей из прежнего мира, и уж одним тем заслуживаешь их ненависть. Принимать или не принимать необходимость очищения, которое во всех традиционных культурах считается необходимейшим условием перехода.

И если да, **то** как это делать и с чего начать?

Как ни странно, но очищение начинается с людей. Просто потому, что вся наша жизнь воплощается своими частями в образы тех или иных людей. Мир, в котором мы живем, всегда связан с обществом и людьми, и все места в нем заняты людьми. Это настолько всеобщее правило, что мы и сами места в мире воспринимаем и помним, как людей, им соответствовавших.

Первое же, что необходимо сделать, это задаться вопросом:

а зачем тебе прежние люди? И задаться не как вопросом для зрителей, на который можно прошебетать красиво: «Как вы смеете вообще задавать такие вопросы?! Служение людям! ... И т.д., и т.п.». Зрителей нет, сейчас ты один на один с собой у ворот в новый мир, не бойся и не ханжествуй из страха. Ответь себе.

И если только ты действительно всерьез взглядишься в это понятие «люди», то увидишь, что оно делится на две части:

- 1) несколько человек, которые тебе действительно нужны, и
- 2) огромная масса, стихия, биоокеан, в котором ты живешь и который научился использовать в своих интересах.

Сделать свое предприятие, стать его Управляющим — означает колоссально увеличить число тех, кто нужен тебе и кому нужен ты. Но это почти целиком будут новые люди. И это такая ответственность, что все остальные люди просто теряют значение и отваливаются. Ты начинаешь их воспринимать не как человек, а как природную стихию, которую, конечно, надо учитывать как любую стихию, но которая больше не содержит для тебя личностей. А если и содержит, то только тех, кто полезен для твоего дела или понимает его и тебя.

Когда ты становишься Управляющим, ни одно твоё действие, ни одно твоё слово не останется без объяснения. Любой человек теперь вправе задать тебе вопрос: **зачем?** Вправе просто потому, что ты ему ответишь с полнейшей определенностью, и он пойдет делать то, о чем ты говорил.

В мире Управления правит Разум, а он всегда знает, зачем нужно сделать то или другое. Конечно, Разум и здесь, как и в остальных мирах, переводит ответы на этот вопрос сначала в образы действий, а потом в образцы, чтобы высвободиться из повседневного и думать о новом или опасном. Но предприятия есть настолько молодые миры по сравнению с обществом, что расстояние между разумом и образцом всегда очень коротко.

И ты всегда можешь увидеть задачу, которая скрывается за образцом, дающим ей решение.

Задать вопрос «зачем?» в том мире, из которого ты ушел, значит усомниться в искренности или честности говорящего. Почему? А потому что как человек одной культуры с тем, кого спрашиваешь, ты и сам должен бы все понимать. Попросту говоря, в культуре все давным-давно определено, и вовсе ни к чему лезть со своими вопросами. Не трави душу, делай, как полагается! Умные люди за нас с тобой давно подумали! Условно говоря, первоначально, творцы и демиурги нашего общества-мира дали правила и образцы, которым мы должны следовать бездумно и с песнями...

В мире, который ты покидаешь и который перестает теперь считать тебя своим, нет смысла. Вопрос, который считается безответным для людей христианской культуры: Что есть истина? — показатель именно этого. Все так абсурдно, так бессмысленно в состарившихся культурах, что можно только верить и слепо следовать образцам.

Отсутствие смысла, то есть отсутствие ответов на вопросы:

Зачем? — показатель старения культур. Поэтому в состарившихся мирах нет тех точек опоры, относительно которых можно проверить истинность. Люди живут в них, купаясь в стихии человеческого мышления, ведя постоянные бои, проверяющие отточенность их мышленческого оружия. А это значит, отточенность владения образцами культуры. Но можно сказать и так, что это мышление ведет бои человеческой материей.

Уход в Управление — это уход из мышления в Разум, это уход из драк в Битву за силу. И первый твой шаг — стать Охотником за смыслами. Простой вопрос: Какой в этом смысл? — вот ладья, которая помчит тебя сквозь мир Управления, скользя по стихии человеческого мышления.

Это разные миры и разные стихии, так что переход произойдет действительно. И его надо принять, как принимает индейский мальчишка во время инициации. Не стоит оставаться немножко утопленником. Или внизу или вверху, или плавать или летать.

Твой выбор.

Глава 2. Управление предприятием

Что же такое предприятие с точки зрения управления. В самых общих словах.

Ясно, что управляющему, если он хорошо подготовлен, все равно, каким производством занято его предприятие. Управление от производства не зависит, потому что оно занято не внешними проявлениями, а глубинной сутью, которая лежит в основе всех производств.

Производства могут быть очень и очень разнообразны, однако все они создаются затем, чтобы перерабатывать некие проявления нашего мира (материальные или телесные) в деньги. Не в вещи или услуги, а в деньги. Вещи и услуги нужны не тем, кто их Производит.

Для работников предприятия есть только то, за что они работают.

При этом мы видели, что деньги есть лишь воплощение Жизненной силы, которая свершает в предприятии обращение из неусваиваемого («несъедобного») вида в усваиваемый.

Что же представляет из себя собственно Управление? Если мы поглядим на кого-то из знакомых нам директоров или хозяев предприятий, — то это напряженнейшая битва за множество неохватных целей, которые в сумме и определяют работу обычного предприятия.

Однако если мы задумаемся, исходя из того, что рассмотрели за время этого исследования, то увидим, что вся работа Управляющего, по сути, сводится к поддержанию сложившихся Образцов или Обрядов с помощью определенных Правил.

Управляющий с помощью Правил правит, подправляет те образы, которые начинают терять свою определенность. Где он их берет ?

Создает, когда занимается доработкой соответствия Образов действий Образам миров, в которых эти действия должны совершаться. Проще говоря, Правила создаются при подгонке работников к их рабочим местам, как бы странно это ни звучало.

И получается, если эти образы хорошо прописаны на этапе творения и устройства предприятия Начальником и Руководителем в Уставе и Должностных обязанностях, а Правила им соответствуют, задача Управляющего сводится к **Делопроизводству** — постоянному списыванию того, что делается, и последующей сверке этого с установленными образцами.

А когда что-то выходит за рамки этим образцов, к правке, которая может называться **Отладкой**.

Поэтому образ того, что представляет из себя Управление, должен включать в себя три части. Первая — это лично твое решение избрать Управление своим миром. По сути, избирая мир Управления, ты избираешь перейти в мир Магии, потому что теперь смыслом твоей жизни становится охота за Силой или Битва Силы. А главным качеством — дееспособность. Могия.

Вторая часть, как и третья, — это орудия магии управления, которыми ты располагаешь. В первую очередь, Образ мира и Образы действия. Они есть скрытая суть Делопроизводства.

Третья часть — это выверение твоей дееспособности в использовании этих орудий — Отладка соответствия действий твоих воинов тому, что требуется. Иначе говоря, наработка способности приводить Образы действия в соответствие Образам миров.

Вот об этом и будет весь последующий рассказ.

Сначала о собственно **Управлении** еще раз.

Итак, предприятие состоит из двух основных частей: **Производства и Управления**. **Точнее, трех — двух производств и Управления**.

Производства могут каждый раз быть разными, а вот Управление принципиально одинаково везде.

Поэтому нам будет очень выгодно ввести упрощенное тройное устройство Управления:

1. Управляющий.
2. Помощники.
3. Писцы.

И все. Больше никаких должностей и сложностей в управлении нет.

При этом в Должностные обязанности управляющего входит все предприятие. Но поскольку он не в состоянии все это обрабатывать, он делит себя на части и раздает эти части своим помощникам.

Причем, поскольку предприятия разные, точное деление **на** части ввести нельзя. Основные отделения ясны: Производство, Делопроизводство в широком смысле. Обслуживание или Мамка.

Храм в Управление не входит. Он то, что призвано быть за рамками образцов и должностных обязанностей и создавать движение в будущее. Начальник и Руководитель после того, как сделали свои дела, уходят в Храм. Поэтому, когда Отладка показывает, что для устранения помех основному делу нужно создать что-то новое, Управляющий обращается в Храм. Можно считать, что он представитель предприятия перед Храмом, его жрец. А можно и так, что он защищает предприятие, точнее, его устоявшиеся образцы от Храма, который своими постоянными нововведениями может разрушить любое дело.

Однако сохраните образ Управляющего, постоянно устремленного в Храм. Там, где это действительно так, предприятие развивается и богатеет. Вот такая магия. Почему?

А потому, что Храмом мы с вами называем НИИ, Исследовательское сердце предприятия. Значит, то место, где постоянно исследуется рынок и готовятся новые товары и новые подходы к получению прибыли. И если Управляющий предприятием, отладив работу производств, постоянно занят своим Исследовательским институтом, фирма все время идет в ногу со временем и даже опережает его. Попросту говоря, она не побирается у ног транснациональных гигантов, а становится одним из хозяев рынка. Вот и вся магия.

Как Управляющему высвободиться от повседневных производственных забот, чтобы заняться Храмом? По всем отделениям или службам у него должны быть помощники, которые, по сути, есть его части и составляют вместе с ним одного Большого Управляющего или Управление. Разница между Управляющим и его помощником в том, что Управляющий знает все предприятие, но не так глубоко. А помощник глубже знает свой отдел, но меньше все остальное предприятие. В итоге они прекрасно дополняют друг друга, охватывая своим «большим телом управления» все предприятие.

И при этом настоящий Помощник должен стремиться познать все предприятие просто потому, что однажды ему предстоит

захватить место Управляющего. В этом предприятии или в дочернем, или же в своем собственном.

И это неизбежность. Или та же магия. Свято место пусто не бывает, гласит народная мудрость. Но означает она то, что народ видел, как работает механика такого общественно-психологического явления, как «места». Природа пустоты не терпит. Это тоже народное наблюдение. Оно дополняет первое. Свято место не потому не бывает пусто, что кто-то на него обязательно залезет. Как залезет, так и вылетит, если не по себе место схватил. Это как допрыгнуть до терема, где сидит царевна в русских сказках. Прыгают многие, а занимает достойный, что значит, тот, кому оно по силам. Не по себе дерево не руби!

При этом созданные обществом места не бывают пусты, потому что втягивают в себя людей, как полагается пустоте. Только общественной в данном случае. И при этом, при всей толчее вокруг таких мест, только кажется, что их трудно занять. Если ты чувствуешь, что это место по тебе, ты его обязательно займешь. Просто делай дело, которое хочешь делать. И тебе придет то место, которое этому делу соответствует. Места занимают только теми, кто в состоянии делать их дела. Так не за местом надо рваться, а делать то, что ты хочешь. Однажды пустующее место оказывается занято. И всегда тем, кто делает его дела.

И самое страшное — дожидаться или добиться назначения на место, которому не соответствуешь. Этим страдают армия, коммунизм и блатные сообщества. Они ждут назначений, чтобы потом властвовать. К сожалению, коммунизм очень сильно испортил русских и приучил ждать и просить места, а не делать соответствующую ему работу, набирая такую нужную для него силу... Сила — это и есть суть магии мест.

При наличии хороших помощников, знающих свое дело, на долю Управляющего остаются самые общие и самые тонкие дела. Те, что не вмещаются в среднюю струю отлаженного производства. Те, которыми помощники на поставленном предприятии не могут позволить себе заниматься, поскольку это отвлечет их от отлаженной работы.

Какие? Определенно не скажешь, потому что это дела, возникающие ситуативно, случайно, не учтенные в Должностных обязанностях. Это дела, где нужно иметь полностью свободные мозги, чтобы их разрешать. Скажем, связи с нагрянувшими государственными

органами или выслушивание неожиданных жалоб работников.

Однако, как это уже рассказывалось раньше, на все, что повторяется хоть с какой-то регулярностью, должна быть заведена особая служба, хотя бы в виде дополнительной служебной обязанности у одного из работников. Управляющий ни в коем случае не должен быть перегружен работой, потому что, как мы уже говорили, его **главная задача — ничего не делать**. Он — стрелка компаса, перст, указующий всем дорогу в сторону **Блаженства**.

Повторю еще раз. Главная забота хорошего Управляющего — это блаженствовать в безделье. Как старейшина рода — самый старый дед в семье — управляющий должен, условно говоря, валяться на печи или греться на завалинке.

И если предприятие это себе позволит, то очень скоро его Управляющий станет очень восприимчив к нарушениям блаженства, потому что блаженство нарушается тогда, когда Управляющему приходится что-то делать самому. А это значит, что дело не делает кто-то, кто должен был его делать.

Это означает, что есть помехи, или пора находить помощника, кто будет делать это дело.

Вся работа Управляющего должна заключаться в том, чтобы читать газеты и отчеты писцов о состоянии дел предприятия. Ну и, соответственно, ставить свою подпись под некоторыми из отчетов, в знак того, что читал и тем позволяет работать дальше.

Государственная система контроля за работой предприятий прекрасно продумала, как держать Управляющего в курсе всех дел. Иначе говоря, он должен подписывать такое количество разных бумажек (значит, и читать их), что никогда не останется неосведомленным о делах на предприятии.

Как это ни кажется странным на первый взгляд, но если Управляющий ограничивается блаженным бездельем, чтением бумаг и подыскиванием помощников для устранения беспокойств, это даст для предприятия гораздо больше, чем если он будет всюду лезть, всех отменять, лишать власти и убивать творчество.

Лучше найти хороших помощников, чем делать все самому. Конечно, вкалывая сам, ты сэкономишь на дополнительных зарплатах, зато во много раз проиграешь на обороте. **Каждый отдел — это самостоятельное предприятие, которое само себя обрабатывает, отдавая часть прибыли в общее накопление.** Вообще-то, можно даже разделить разросшееся предприятие на ряд специализированных фирм — бывших отделов, которые будут друг друга обрабатывать.

Это означает, что основные помощники Управляющего, возглавляющие отдельные службы, по сути, тоже являются управляющими, а их службы могут рассматриваться полноценными малыми мирами, вложенными в мир Большого предприятия.

Если увидеть отделы как в общем-то самостоятельные предприятия-миры, появляется возможность сделать их внутреннюю жизнь насыщенно-творческой. Это дело управляющего и Отладки — психотехников. А начинать это надо с видения всего цельно, как взаимоотношения сообществ внутри общества или народа.

Глава 3. Управляющие

Итак, Управление — это одна из трех божественных задач, которую может решать человек в своей жизни.

Работать Управляющим значит **править по правилам**. Править же — это делать правильным, исправлять.

Правила — это договора, ставшие обычаем, чтобы хранить неизменными первоначала. Записывает их, как уже говорилось, Управляющий. Я называю правила договорами, хотя в жизни о правилах редко договариваются в собственном смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев нас просто вынуждают принять правила, угрожая изгойством. То есть изгнанием из мира своих.

Когда дело касается предприятия, все так же, хотя и выглядит по-другому. С тобой договариваются, как кажется, и заключают трудовые соглашения на исполнение определенных обязанностей, что равносильно занятию места. И тебя никто не имеет права заставить **что-то делать**, о чем с тобой не договаривались.

На самом деле выбора у тебя нет. Ты или принимаешь место, как оно есть, или изгоняешься из предприятия, как из сообщества или мира, так же как и в случае отказа соблюдать должностные обязанности.

Поэтому оказывается, что управление идет не в соответствии с волей Управляющего, а в соответствии с правилами, заложенными в должностные обязанности мест, созданных Руководителями в соответствии с образами этих мест, сотворенных Начальником.

Получается, что работа Управляющего, после того, как предприятие сотворено, воплощено и проверено, заключается, в первую очередь, в надзоре за тем, чтобы выполнялись должностные обязанности мест. То есть в Делопроизводстве.

Глава 4. Делопроизводство и писцы

Как я уже говорил ранее, Делопроизводство предприятия делится на две части — Общее делопроизводство и Бухгалтерию. Пока поговорим об Общем делопроизводстве.

Сутью делопроизводства является производство «Дел». Делами же обычно называются папки с надписью «Дело» на обложке. Поэтому надо отрешиться от излишней значимости этого названия и понять, что Делопроизводство — это правильное описание предприятия и дел, которые в нем делаются.

Просту говоря, делопроизводители — это писцы, а Главный делопроизводитель предприятия — это Управляющий Писцовым отделом.

Это позволяет сразу же определить его должностные обязанности. Что должен делать Управляющий Писцовым отделом? Как кажется, то же самое, что и Управляющий всем предприятием — ничего, блаженствовать в безделье на своей писцовой печке! Неверно.

Не забывайте, что задача и цель жизни Главного Делопроизводителя, как и всякого Генсека, — захватить однажды место Управляющего, окончательно выпихнув того в Храм, на творческие дела.

Поэтому он должен крутиться как белка в колесе и вкалывать как проклятый. Без этого, без того, чтобы люди увидели, что он действительно стал Управляющим, ему это место не занять. А если и займет как-то нечестно, то сам же и будет наказан тем, что схватил ношу не по плечу. Тяжела шапка Мономаха.

Чтобы однажды начать блаженствовать и ничего не делать, нужно, чтобы дело шло без тебя. Этого можно достичь, только если за тебя работают помощники. А для этого их нужно обучить.

Значит, Главный делопроизводитель предприятия — всегда заведующий учебной мастерской делопроизводства в Школе производственного обучения. Даже если такой Школы на вашем предприятии нет!

Вот такая хитрая шутка это блаженное безделье Управляющих. Такое простое дело, как ничего не делать, требует немалого труда по своему устройению. Для того, чтобы все дело за тебя делали твои работники, нужно не только научить их как делать это дело, но и разбить всю работу на участки в соответствии с частями предприятия, но и определить должностные обязанности работников. Причем не только писцов, но и всех работников вообще!

Описание работы предприятия имеет хоть какой-то смысл, только если описывается работа Жилы, то есть описывается то, как протекает и перерабатывается сила. А это значит, что описание должно обеспечивать работников образами действия, а потом, следуя за исполнением работниками их должностных обязанностей, оно должно постоянно вносить уточнения в образ всего предприятия.

Просту говоря, для предприятия Делопроизводство нужно, только если оно полезно для работы. И в этом смысле Делопроизводство чрезвычайно важный отдел. Можно сказать, что

оно — инструментальный цех предприятия, потому что его задача: вслед за Руководителем описать Жилу и то, как работают все рабочие места. Должностные обязанности — это самые главные инструменты предприятия. Хорошо прописанные Должностные обязанности, Мастыры — это золотой фонд предприятия.

Обеспечить неузвимость предприятия перед Государством, а также описать Жилу с помощью Должностных обязанностей всех мест — главное дело Делопроизводства.

И получается, что работа писцового отдела разбивается на следующие части:

1. Сначала нужно выложить внешнюю границу предприятия с помощью всех необходимых законодательных актов и ведомственных предписаний.

2. Затем вложить в эти границы описание предприятия как Жилы. То есть описать все «Устройство» и добавить к нему все «**Изменения в устройении, введенные за последнее время**».

3. Следующий шаг — понять, как это устройство работает, то есть как оно пропускает силу. «Понять» тут означает, прописать «**Вводную часть**» «**Должностных обязанностей предприятия**», где рассказывается, ради чего работники должны работать на своих местах, а по сути, описывается взаимодействие между участками, отделами и цехами. Поэтому называется это так: «**Вводная часть к должностным обязанностям.**

Взаимодействие цехов и участков».

4. После этого надо объяснить каждому работнику, как он может и должен на своем рабочем месте включиться в общее взаимодействие и заработать свои деньги. Объяснить письменно. На уровне приказа по предприятию. Это расписывается в «**Должностных обязанностях мест**», которые утверждаются приказом Управляющего предприятием.

Всю эту часть работы Главный писец делает вслед за Руководителем предприятия и совместно с Управляющим. И начинает со своего отдела, когда описывает устройство писцового дела и должностные обязанности разных писцов в соответствии с общим устройством всего предприятия.

После этого писцовый отдел продолжает работать самостоятельно, ежедневно описывая все изменения и все сделанное предприятием в таком виде, какой требуется для двух потребителей писцового труда:

1. Для Управляющего, чтобы он мог знать, как идут дела в его предприятии.

2. И для внешней неузвимости, то есть для составления всяческих отчетов.

Из всего вышесказанного следует, что вся писцовая работа распадается на несколько видов:

1. Во-первых, это общее описание, так сказать, летопись предприятия на языке управления, то есть приказов, деловых писем и распоряжений, которое ведет секретариат Управляющего и секретари начальников различных отделов, вроде Отдела кадров.

2. Во-вторых, это магическое описание предприятия на языке денег, которое осуществляют писцы бухгалтерии.

3. И последнее — это Сохраняющее описание отделов. В таких, как Школа, — это описание изменения **качества людей**, то есть отметок об их движении в готовности решать задачи.

В производственных отделах — это сохранение творческих находок, то есть накопление качества продукции или движения мысли, позволяющей лучше решать задачи, стоящие перед Жилой. Естественно, что вся писцовая служба должна быть разбита на отделы, соответствующие основным подразделениям предприятия. А все описания должны сходиться у Главного писца, что означает, что управляющий писцовым отделом должен иметь полный образ всего предприятия как Жилы и быть одним из основных помощников Управляющего.

Где и как должно храниться описанное предприятие? Очевидно, по тем отделам, где оно ведется. Но это касается бумажного хранения. Что же касается электронной версии, то ее можно свести в единый Образ Предприятия, состоящий из нескольких частей:

1. Описание Устройства.

2. Должностные обязанности и их изменения.
3. Отчетность.
4. Текущая переписка.

Главная задача подобного хранения — как только потребовалось, управляющий должен иметь возможность получить любые сведения о своем предприятии и состоянии дел на нем, просто заглянув в компьютер на своем столе.

А теперь, когда устройство Делопроизводства в общем описано, можно перейти и к более интересным темам, более близким к магии.

Глава 5. Привратник

В Делопроизводстве есть еще одно очень хитрое дело, кроме бумажных дел. Это работа секретарей при управляющих. Хотя правильнее было бы сразу назвать их не секретарями, а помощниками. В первую очередь, конечно, Помощник Управляющего предприятием.

Секретарь, если верить словарю, — это работник, ведущий делопроизводство, переписку какого-либо лица, организации, учреждения. Секретарь Управляющего, конечно, заведует и его перепиской. Но в хорошем предприятии у него для этого должны быть отдельные писцы. Задачи же у него гораздо сложнее.

И вообще, это очень сложное место, и совершенно не правы те предприятия, которые на нем держат «девочек». Это место для одного из хозяев предприятия. И вовсе не женское. Точнее, его может занимать как женщина, так и мужчина из числа тех, кто болеет за все дело и ощущает предприятие своим. Поэтому я пишу название этой должности с большой буквы — Помощник Управляющего.

У Помощника Управляющего, как я уже сказал, для писцовых работ должны быть свои писцы. Он же сам работает стражем Управления. Поэтому он сидит у дверей, которые олицетворяют Хозяина, и заведует входами. Он Привратник в высоком смысле этого слова. Телефоны тоже в его ведении, потому что они тоже являются дверьми в Управление. Тем предприятиям, где у врат Управления оказывается прирожденный Помощник, сильно повезло. Это товар штучный и редкий.

Если в отношении всяческой письменной работы все довольно просто — ее надо делать по образцам или в соответствии с желанием управляющего, — то в отношении работы Помощника есть над чем потрудиться психотехникам.

Каким-то образом до обучающегося на должность Помощника Управляющего надо донести, что он получает зарплату, только если Управляющий ее для него заработал. Иначе говоря, от заботы Помощника об Управляющем прямо зависит производительность фирмы и его собственное благосостояние.

Но это значит, что Помощник должен заботиться не собственно об Управляющем, а именно о дееспособности и производительности предприятия. Об Управлении. А выражается это в том, что он распределяет силу Управляющего, бережно расходуя ее, когда отводит время для встреч и дел.

Бережно — это самое главное! Четко видя, что это лично он с помощью такого прекрасного работника, каким является Управляющий, делает дела предприятия. А раз работник такого уровня, кто может сделать все эти дела, у него один, то и надо беречь его силы, как крестьянин бережет собственную лошадку. Надо думать и о том, как выглядит Управляющий, насколько он ухожен — по этому судят о делах на предприятии. И о том, обладает ли он всем необходимым, начиная с ручки и носового платка и кончая информацией и нужными работниками, ждущими за дверью, когда отправляешь его на важные переговоры. И о его семье кто-то должен подумать. И о том, чтобы защитить его от обид подчиненных. И о том, чтобы у него нашлось несколько минут для сна между важными

встречами...

Для того, чтобы соответствовать своему месту, Помощник очень хорошо должен представлять себе устройство предприятия и то, как сила идет по Жиле, то есть обращение силы или суть производства.

Как только он начинает понимать, от кого зависит прибыль предприятия, он расставляет всех возможных посетителей Управляющего в соответствии с их значимостью для дееспособности предприятия. Соответственно, он научается оценивать и значимость документов, исходящих от управляющего, и никогда не отложит важный документ в конец очереди.

Более того, разобравшись с устройством предприятия, Помощник начинает перенаправлять поток желающих поговорить с Управляющим к тем работникам предприятия, кто и должен вести такой разговор по должности.

По сути, Помощник должен чувствовать себя продолжением Хозяина предприятия и работать в паре с управляющим. Как только это приходит, Управляющий обретает еще одну дополнительную, но очень важную возможность. Он обретает **Право на ошибку**.

Ошибаться может любой человек, просто оговариваться или принимать решение по незнанию. Хороший управляющий — это решительный управляющий. Но чем решительнее управляющий, тем выше риск ошибиться.

И вот тут очень важно, чтобы работники, непосредственно передающие его распоряжения, то есть помощники и заместители, вовремя замечали ошибки и бережно показывали их Управляющему, а не слепо исполняли, перекладывая на него всю ответственность.

Вот это **первое**, на что нужно обратить внимание при обучении Помощника.

Второе — это обстановка в приемной. Уютно ли там, и дееспособна ли приемная.

Если сквозь Помощника прорываются к Управляющему люди, которых Управляющий потом выставляет или перенаправляет к другим работникам, значит, Помощник недееспособен и предает общее дело ради мелких детских целей. Скорее всего, он упивается своей властью. Его надо проводить сквозь общее кресление и целеустройство. Иначе говоря, делать Хозяином.

Если сквозь Помощника не могут прорваться, потому что боятся, значит, эта стерва делает собственное дело и бьется за власть, за собственную империю. Его надо убирать.

Если же Помощник понимает, что на нашем предприятии мы все вместе зарабатываем деньги, и каждый важен в этом общем деле, и от каждого что-то зависит, то он начинает ценить всех — и Управляющего, и любого работника. Он тогда становится одним из основных психотехников предприятия, и в приемной уют и взаимное любование.

Глава 6. Бумага и Описание мира

Несколько мыслей о восприятии «Бумаги». Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек! Это знают все.

Я живой, но я не интересую тех, кто проверяет мои документы, их интересует не то, как я существую в истинном мире, главное, как я существую в мире виртуальном, в иллюзии, иными словами, в **Описании мира**.

Если у меня все благополучно в Описании, как бы я ни проявился в мире телесном, это не существенно. Хорошее положение в Описании может значительно исправить и улучшить мое плохое положение в мире тел. Раньше, в советскую эпоху, в первую очередь, если обо мне хорошее мнение людей, с кем я работаю и живу, то есть хорошая Характеристика, сейчас — если обо мне хорошее мнение банков.

Иначе говоря, существование в Образе мира, в его Описании — это сущностное

существование — это существование в мире Эйдосов. И мое описание там — это и есть мой эйдос. Телесное же существование — это всего лишь материализация, воплощение эйдоса.

Это странно, дико, это не хочется принимать, но это так. Когда милиционер проверяет ваши документы, вы это чувствуете, когда вы приходите с письмами к деловому партнеру, тоже.

Получается, что работа того, кто придумывает «бумажки», заполняет или пишет их, чрезвычайно важна. Без нее мы теряем какую-то сущность, и даже истинность собственного существования.

Очень похоже, что это не просто слова, не литературный оборот, а отражение того извечного закона, о котором твердят мировые религии — истинным является лишь духовное существование. Именно тело, со всей его плотскостью и материальностью является иллюзией.

Тело преходяще и скоро преходяще, бумага помнит и живет долго. Бумага о тебе, то есть твой эйдос. Поэтому люди охотятся за славой — она позволяет воплотиться в бумаге и так пережить смерть тела.

Бумага — это внешний носитель памяти, то есть образов. И если существование Описания похоже чем-то на существование духовного мира, так это тем, что мир духовный тоже хранит первообразы нас. Тут мы пришли к Платону. Это не ново, но не понято и обозвано «идеализмом», как ругательством.

Однако несмотря на то, что сопоставления эти условны, они позволяют понять значение работы писца. Да, с одной стороны, мы понимаем, что Описание мира и описание жизни не есть истинные мир и жизнь. Но с другой стороны, они, безусловно, являются указанием на то, что телесностью жизнь наша не исчерпывается. Есть и иные миры, которые нам открыты. Нужно только научиться их видеть, извлекая тонкие связи, открывающиеся через образы Описаний. Эти связи есть проявление законов, правящих миром.

Создать любой цельный мир в Описании, значит, на каком-то более или менее доступном языке воплотить законы более тонкого мира. Научить людей прозревать эти законы сквозь «Бумагу» — значит подготовить их к жизни в нетелесных мирах. Создать школу, творящую бумажные миры, значит создать храм, готовящий к переходу.

Человек, владеющий писцовым делом по-настоящему, — это жрец перехода, страж у ворот в духовный мир. Но только бы он понимал, что такое этот переход.

Глава 7 Бухгалтерия

Нельзя показать магичность и действенность Делопроизводства ярче, чем на примере Бухгалтерии.

Что такое бухгалтерия? Что она делает?

Вообще-то, бухгалтерия штука простая, хотя ее кошмарно усложняют две вещи: происки русских законодателей-бюрократов и стервизм и тупость бухгалтеров.

Про всяческое хитрое дополнительное законодательство, которое так или иначе касается бухгалтерии, я говорить не буду, потому что его не знаю, и потому что на это как раз и есть спецы-бухгалтеры.

А вот тупость и стервизм бухгалтеров учитывать необходимо, потому что любое предприятие с этим столкнется. А программистское столкнется с тупостью и стервизмом двух видов работников — бухгалтеров и программистов — просто потому, что это два вида художников, которые считают возможным показывать и то, и другое.

Я сам работал бухгалтером, а потом работал как директор с многими бухгалтерами. Причем как главными, так и расчетными.

Бухгалтер — это особый вид мышления. Это человек, испорченный властью, которую дают деньги. Пусть даже это деньги не его, но без него их не получить. Конечно, мышление

бухгалтеров надо расписывать подробнее и отдельно. Пока будет достаточно всего нескольких слов.

Расчетные бухгалтеры, буквально за считанным исключением, изображают из себя тупых. Тупой, и это достаточно ярко показано в курсе Науки Мышления нашего Училища, — это не глупый. Тупой — это хитрый, но мелкотравчатый. Иначе говоря, с ним ни о чем нельзя договориться, он ничего не понимает не потому, что он дурак, а потому, что он постоянно занят достижением своих собственных и очень мелких целей. Расчетчик, имеющий хоть чуть-чуть более крупные цели, мгновенно становится главбухом, потому что дело это простое.

Главбух почти всегда стерва, даже когда он мужик. Задача главбуха быть шеей, которая вертит головой, то есть директором предприятия. А значит, и всем предприятием. К тому же главбух всегда изрядный козел, даже если он женщина.

Это потому, что его вечно недооценивают, и он должен всем доказать, что он умнее и выше всех. Все вы такие умники, но вот он сейчас позабудет про одну бумажку — и все забегаете! Почему? А потому что все забывают, что **главная задача любого предприятия — это не научно-технические достижения и не участие в выставках, а обращение силы.**

Обращение в смысле превращения ее из неусваиваемой в деньги.

Главбух — это одинокий боец против несправедливости и за возвращение миру магичности.

Менталитет бухгалтера, используем это слово, необходимо тонко учитывать при работе с ним, потому что, если его не учесть, бухгалтер готов пойти даже на жертвы, лишь бы быть по достоинству оцененным.

К примеру, такими жертвами являются бухгалтерские компьютерные программы. Я бы даже назвал их жертвами аборта от неудачного брака двух козлов — бухгалтера и программиста.

Программист — козел известный. Его главная жизненная задача — отбарабанить своими остро-интеллектуальными копытцами чью-нибудь крышу, обычно пользователя, потому что кто же, кроме пользователя, такое ему позволит? Ну уж только не главбух!

Но тут приходит приказ — создать программу, обслуживающую бухгалтерию.

Как это сделать? Программист, естественно, ничего не знает о бухгалтерии, а понять книжку о бухгалтерии так же просто для него, как бухгалтеру понять книжку о компьютере. Программист некоторое время бьется о такие книги, потом обзывает всех, кто их писал, козлами и просит: дайте живого и хорошо знающего свое дело бухгалтера.

Вот это вот «хорошо знающего» и есть смертный приговор программе. Ведь программист и сам из чайника и пользователя превратился в пользующего остальных козла только став «хорошо знающим» свое дело. Какое? Как кажется, компьютер и программирование. На самом деле — как пользоваться пользователями. Это скрытая цель, но она правит жизнью.

Соответственно, правит она жизнью и «хорошо знающего» бухгалтера. И вот они сошлись, можно сказать, сшиблись. И вместо того, чтобы делать программу, они мгновенно начинают козлить друг друга.

Сначала программист удивляется невежеству бухгалтера, который требует от программы невозможного.

Затем бухгалтер, уже одним тем униженный, что над ним теперь появился еще один человек, кроме генерального директора, кто может с него чего-то требовать и ругать, показывает программисту, как сложна бухгалтерия. И это тем болезненнее, чем очевиднее, что деньги программист получает каждый месяц, а при этом не удосужился заглянуть в бухгалтерию. Ругать-то бухгалтеров вы все горазды — а вот попробуй-ка сам!

Сознательно или бессознательно, но бухгалтер показывает программисту, что бухгалтерия сложнее и запутаннее, чем она есть на самом деле. Если этого не сделать, секрет полишинеля будет раскрыт, и все увидят, что король голый. Иначе говоря, если сложность и запутанность бухгалтерии пропадает, пропадает и основание для завышенной оценки

бухгалтеров.

Взаимное козление раскручивается в несколько витков и усиливается по мере создания образа бухгалтерии, запечатленного в программе...

Попробуем поговорить о бухгалтерии самым простым и очевидным способом.

Какова главная задача бухгалтерии?

Если главная задача предприятия — обратить неусваиваемую силу в деньги, то есть в съедобную силу, то задача бухгалтерии — **закрепить это превращение на бумаге**. *Иначе говоря, задача бухгалтерии — создать описание деятельности предприятия на особом, можно сказать, тайном языке. А отнюдь не считать деньги!*

Язык бухгалтерии, как язык математический или язык логический, служит описанию мира. Но как всякий тайный язык он еще призван создавать видимость магичности, то есть показывать, что с его помощью можно на мир воздействовать.

Это обман. Даже само название Бухгалтерия происходит от понятия вести книги, то есть записывать все, что делается с деньгами в книгу учета.

Зачем? Чтобы хозяин предприятия мог иметь представление о том, как протекает сила по Жиле.

Именно **хозяин!** Отнюдь не внешние проверяющие органы. Представлять бухгалтерскую отчетность внешним органам — это мера вынужденная, на которую государство заставило предприятия пойти. Тем не менее, это существует, и это тоже надо учесть.

Но сначала разделим всю бухгалтерию на две части: **основную и дополнительную**.

Итак, **в основную часть бухгалтерии** входит только одно: *по ходу работы делать точное, полное и ясное описание всего обращения средств, материалов и труда в деньги с тем, чтобы хозяин имел четкое представление о токе силы в его предприятии.*

К дополнительной относится, например, *отчетность перед вышестоящими финансовыми органами (квартальная и годовая)*, что можно назвать **неуязвимостью предприятия**.

Почему так важно знать, что эта часть бухгалтерского дела дополнительная?

Да потому, что большинство русских бухгалтеров обучались своему делу в советское время. С точки зрения бухгалтерской, то время отличалось от настоящего тем, что у предприятий не было хозяина. А это значит, что советский директор, назначенный на предприятие исполкомом, был ничуть не большим хозяином, чем советский фининспектор, назначенный той же советской властью.

В итоге, бухгалтер советского предприятия жил в постоянном двойном подчинении и болел за дела финотдела, то есть фиска, ничуть не меньше, чем за дела предприятия. Более того, главбух на советском предприятии очень часто ощущал себя работником финотдела, прикомандированным к предприятию. На директора главбух начинал хоть как-то прирабатывать, только если начинал делать левые делишки с деньгами. А это он чаще всего делал не для обогащения, а для того, чтобы держать директора управляемым.

Богатство — не есть мечта бухгалтеров. Они слуги власти, кроющейся не в деньгах, а в управлении ими.

Все это значит, что до сих пор многие из бухгалтеров считают отчетность перед финорганами самым главным в их работе. Им даже кажется, что это они отчитываются перед этими органами.

Кстати, им точно так же кажется, что это они осуществляют всяческие платежи и проводки.

Это тоже самообман и обман.

Бухгалтер лишь вовремя делает описание всех действий, которые осуществляются в предприятии с деньгами, материалами и трудом.

Все платежи, проводки и отчеты перед внешними органами делает Хозяин или

Управляющий предприятием!

Часто это видно лишь в том, что без его подписи бумаги никуда не уходят. А в остальном кажется, что все делает бухгалтерия. Но это только потому, что бухгалтеры постарались отхватить себе как можно больше власти и затуманить мозги всем своим тайным магическим языком.

По-настоящему бухгалтер ~ это всего лишь секретарь, то есть писец при Управляющем, отвечающий за описание обращения денег.

Это очень мало и, как кажется, не очень значимо. Простейший способ поднять свою значимость — вставить несколько палок в колесо денежного вращения. Запутать его как следует, изобразить дурака, который не знает, как защититься от бешеного законодательства, и тем сломить хозяина, чтобы он встал на колени и попросил! Ну сделай хоть что-нибудь, чтобы предприятие не остановилось!

Но это уже выбор Хозяина, выбор Управляющего — управлять превращением денег или отдать на откуп писцам.

В любом случае ясно, что предприятие, собирающееся стать местом уютным и радостным, должно будет готовить собственных секретарей-бухгалтеров, с которыми можно будет говорить не как с вечно готовым обидеться «Бухом», а как с человеком, участвующем в общем деле, со своим.

А то, что бухгалтеры, прочитав сказанное мною, с готовностью скажут: «Ну и попробуйте обойтись без меня! А я посмотрю!» — это очевидно. Иначе говоря, оружие у них одно

уду

шить саботажем и подломить. Вот почему мы и должны иметь своих бухгалтеров с образованием психотехников.

Кстати, это сейчас совсем не сложно. Это в советское время профессия бухгалтера была, что называется, дефицитной. Или в начале перестройки. Сейчас повсюду работают курсы бухгалтеров, и множество выпускников этих курсов окончили их уже в новое время и давно успели стать опытными бухгалтерами, которые к тому же понимают, что такое Хозяин дела.

Этого одного уже достаточно, чтобы работать с таким человеком по-новому. Второе условие, которое потребуется, — это готовность бухгалтера обучаться новому. Сейчас и таких людей много, потому что должность маленького бухгалтера перестала быть престижной. Одной власти уже мало. В новом мире нужны и деньги. Следовательно, проверкой на то, подойдет ли нам новый бухгалтер, вполне может быть вопрос: Вам достаточно власти или вы хотите зарабатывать хорошо? И если хотите зарабатывать, то готовы ли ради этого учиться чему-то новому плюс к бухгалтерии?

Глава 8. Описание мира на языке счетов

То, что задача бухгалтерии — считать деньги, — очень старое мнение. Раньше в России бухгалтера так и называли счетоводом. Но если взглянуть в само слово «счетовод», то в нем видны два корня. Один — счет, а другой — ведение, вождение.

Кажется, что «счет» должно означать, что задача счетовода — считать. Но если вдуматься, то задача — делать счета, писать счета, а потом их «вести», то есть приводить в определенный порядок.

Конечно, уметь считать при делании счетов надо. Но это всего лишь особенность бухгалтерского языка — он на половину состоит из цифр. На самом деле счета не считают, а пишут. Пишут и математическими знаками. Пишут или составляют.

Определение понятия «бухгалтерия», которое дает «Словарь иностранных слов» еще начала века, тоже включает в себя счетоводство. Но в целом оно очень точно определяет суть

бухгалтерии: «Наука счетоводства и ведения торговых книг, дающая возможность во всякое время видеть положение дела и определить состояние имущества и его изменения»³⁸.

Когда бухгалтерию считают счетоводством, то есть считают главной задачей бухгалтерии счет денег, то сутью бухгалтерии становится составление балансов, то есть выведение суммы прихода-расхода. Очень многие так и считают, что главное в бухгалтерии именно приход-расход.

Однако, как раз это весьма частная вещь, и значение прихода-расхода раздуто, в первую очередь, из-за необходимости отчитываться перед внешними организациями.

Повторю. Главная задача бухгалтерии — это делать полноценное описание предприятия как мира на бухгалтерском языке, на языке счетов.

³¹ Словарь иностранных слов. Сост. Е. Ефремов. — М.:

Что входит в описание мира, с точки зрения человека?

Во-первых, *описание мира природного*.

Во-вторых, *описание сил и законов*, в этом мире действующих и им правящих. Для той части, что я называю мир-природа, силы и законы проявляются в виде неизбежности, которые надо принять как данность, и действовать, исходя из них.

В части же *мира-общества* они существуют в мире правил, записанных в законодательстве, а также договорами, приказами и распоряжениями.

Если вы вспомните, то все приказы, связанные с устройством предприятия, учитываются в бухгалтерии.

Все это означает, что бухгалтерия не просто должна обладать полным описанием предприятия, но и сама по себе полностью ему соответствовать и повторять своим устройством. Бухгалтерия — это уменьшенный образ предприятия.

И действительно, если взглядеться в устройство бухгалтерии, то вы обнаружите отраженными в нем все отделы предприятия. Какие-то будут иметь бухгалтеров, отвечающих за них, какие-то будут скрыты в книгах, собранных у одного человека. Все, что имеет в предприятии отношение к току силы, писано в бухгалтерские книги и так или иначе в них может быть обнаружено.

Вот это и есть главная задача бухгалтерии.

Что же можно там обнаружить?

Списывание действий управляющего по неуязвимости мира я пока хочу опустить.

Туда входит всяческая внешняя работа — с банками и **финорганами**.

Я ставлю ее на последнее место, чтобы показать, что самое главное, без чего не будет ни бухгалтера, ни его значимости, ни возможности всем ее показывать — это все-таки само предприятие, его работники и его условия зарабатывания денег. И уж только потом отчеты и неуязвимость.

Защищать нужно, но было бы что защищать. Это настолько всем понятно, что есть смысл сразу поговорить о более сущностном и более скрытом.

1. Начнем с **Мира-природы**.

В бухгалтерских книгах должны быть описаны все материальные предметы предприятия. Это помещения, оборудование, транспорт.

Не записаны, а именно описаны.

В чем разница?

Записать, что у нас есть такое-то здание или такой-то станок, может и обычный писец на обычном языке. Как бы я ни строго относился к личностям бухгалтеров, но личность — это

одно, а профессионализм — другое. В целом *бухгалтер действительно обладает исключительными знаниями. Он знает, как описывать вещи на языке силы.*

Поскольку сила потребляется нами только в съедобном виде, то есть в виде денег, то и описания, которые создает счетовод, — это описания на языке денег, да еще и предписывающие людям определенные действия.

Пример. Когда бухгалтер описывает здание или станок, он указывает его изначальную стоимость, то есть стоимость предмета в тот миг, когда предприятие его получило или приобрело. Но в этом же описании уже заложена задача через определенные промежутки времени учитывать износ вещи, то есть падение ее стоимости. И этот учет износа есть предписание для всех проверяющих исходить в своих расчетах из этой и только из этой стоимости вещи. И как бы ни был враждебно настроен проверяющий, он поведет себя в этом отношении так, как написал бухгалтер. Если только бухгалтер не ошибся, конечно.

Есть ли в этом способе описания мира действительная магия? Конечно, нет тут никакой собственной магии. И тем не менее, бухгалтерские записи магичны, поскольку передают управление. Магичность эта передана подобным записям *большим договором*, действующим по всему государству, исходить при расчете стоимости предметов, принадлежащих предприятиям, из определенных правил.

И поскольку эти правила едины как для предприятий, так и для проверяющих, рождаются взаимное управление (приведение в соответствие правилам) и иллюзия силы бухгалтеров.

Итак, какова бы ни была скрытая суть этой силы, на поверхности мы имеем в бухгалтерских книгах не записи, а описания мира, выполненные магически.

Следующая часть описания мира-природы — *это описание неизбежностей*. Что это такое?

На основе жизненного опыта мы знаем различные взаимосвязи. И до тех пор, пока не найдено способов их обойти, мы вынуждены им следовать неуклонно.

К примеру, чтобы точить болты, нужно иметь токарно-винторезный станок и нужно иметь заготовки болтов. Иного пути нет. Хочешь точить болты, покупай станок и покупай или изготавливай заготовки.

Если ты эти болты продаешь, и их сегодня покупают по рублю штука, то для получения 1000 рублей нужно закупить не менее 1000 заготовок. Это та же неизбежность. И так далее, и тому подобное.

Все подобные неизбежности записываются в бухгалтерских книгах языком магии, то есть языком, предписывающим определенные действия. Как?

А, например, так: перевести в текущем месяце 200 рублей такому-то заводу в оплату за 1000 заготовок болтов.

Все эти долгие рассусоливания о том, как устроен мир, которые я себе позволяю, в магическом тексте, как в тексте компьютерной программы, опускаются. Там должны быть только концентрированные взаимодействия и управление. На то он и магический. Тем не менее, если бы кто-то задался целью описать предприятие обычными словами, то ему нужно было бы всего лишь пройти по всем бухгалтерским записям и перевести их в другой язык — язык бытовой речи.

Кстати сказать, это постоянно делается, когда работники обучают друг друга или, когда Руководитель пишет должностные обязанности. Так что уметь рассказать обычными словами, что скрывается за бухгалтерской записью, — одна из учебных дисциплин Школы производственного обучения.

Итак, в записях о всевозможных производственных платежах скрывается полное описание мира-предприятия как мира неизбежностей. Его надо выделить в отдельный предмет и изучить, когда знакомишься с предприятием.

2. Теперь Мир-общество.

В любой бухгалтерии есть полное описание устройства предприятия как *княжеского*

стола или кормушки. Тут я использую понятие из учебного курса нашего Училища народной культуры. Это ведомости начисления зарплат и соответствующие приказы о назначениях на должности, которые в свою очередь напрямую связаны с должностными обязанностями и устройством мест и самого предприятия.

Магичность этих документов настолько велика, что ежемесячно два или более раз проводятся обряды их магического поддержания с выходами в измененные состояния сознания и, следовательно, жертвоприношениями богам.

Это дни получения получек и следующие за ними пьянки. Только христианская неукротимая враждебность ко всем иным культам заставила человечество морально осудить пьянство, как служение нехристианскому богу. Но суть питья, мы уже это обсуждали, — это расширение сознания и выходы в те его слои, где становится возможным общение с богами, снимающими боль. Сутью жертвоприношения является *жерание* — пожирание жертвы (жератвы) жрецами (жерцами). Сюда входят и обряд поения богов. Пою богов — это восхваляю их пия «сому», позволю себе это ведическое слово. Для нас сейчас сома — любое расширяющее сознание питье.

То, что получка священна для работников предприятия, — очевидность. Но если смотреть на предприятие как на мир, то это значит, что люди мира, человечество, обретая силу, используют ее для расширения сознания, чтобы выйти за рамки, которые этот мир на них налагает.

И вы все знаете, что пьяницам плевать и на свое предприятие, и на правила поведения. Пока они пьяны.

Сила нужна для поддержания жизни. Избыток силы — для возвращения божественности.

Чем выше ты сидишь за столом, чем ближе ты к вершине человеческой иерархии, тем больше силы ты получаешь. Тем легче ощущать себя богом и провозглашать воплощением Божиим на земле.

3. Но мир людей очень и очень плотно перевязан **Правилами.**

Эти Правила выражаются в законах, и в должностных обязанностях, и в трудовом договоре, которые, как я уже показал, плотно связаны с бухгалтерским описанием предприятия как общества.

Именно эти Правила и делают язык платежных ведомостей магичным и сильным. Не сам бухгалтер выдает столько-то денег работнику и не сам назначает эту сумму. Это делают Правила и Управляющий.

Бухгалтер только олицетворяет собой верховного бога, кормящего людей. Поэтому можно считать, что он жрец.

Оправданно ли мое употребление понятия «магии» в подобных случаях? Думаю, что да. И не только с мистической точки зрения. А деньги и управление ими многими воспринимаются как мистика и всегда были предметом мистической литературы. Люди гибнут за металл...

Но описанные мною явления магичны и с этнологической точки зрения, хотя на это мало кто из антропологов и обращал внимание. Общественно-психологический механизм, который я обозначаю словом Правила, на самом деле чрезвычайно близок тому, что знаменитый французский антрополог К. Леви-Стросс описал в своей «Структурной антропологии», в главе «Колдун и его магия»:

«Сила воздействия некоторых магических обрядов не вызывает сомнений. Но, очевидно, действенность магии требует веры в нее, представляющей в трех видах, дополнительных по отношению друг к другу. Прежде всего, существует вера колдуна в действенность своих приемов, затем вера больного, которого колдун лечит, или жертвы, им преследуемой, в могущество колдуна и, наконец, доверие общества и его требования, создающие нечто подобное постоянно действующему гравитационному полю, внутри которого складываются взаимоотношения колдуна и тех, кого он околдовывает».³⁹

Вот только вместо веры в данном случае мы имеем некие договоры, переплетающие и перевязывающие все общество. По

сути, они ничем от «веры», описанной Леви-Строссом, не отличаются. Их с нами никто не заключал. Условно говоря, мы родились, а в обществе уже существовали эти договоры, которые мы вынуждены были «добровольно» принять, чтобы выжить. То же самое происходит и с человеком первобытного общества: он рождается, и общество ему навязывает «веру» или обычаи, которые предписывают определенное поведение. И то, и другое — культура. Именно она — носитель этого вида магии.

Каким-то образом культура связывает общество своего рода жилами, по которым течет сила, могущая как давать человеку жизнь, так и отнимать ее.

Сама по себе постановка вопроса о подобных связях человека и общества впервые, пожалуй, была сделана основателем французской социологической школы Эмилем Дюркгеймом в главе «Анемичное самоубийство» его классического труда, посвященного самоубийству⁴⁰. Первое же по-настоящему серьезное исследование этнографических материалов, связанных с магией, сделал Мосс в работе, посвященной внушенной смерти, где он прямо берет за исходное «существование в человеке прямой связи между физическим, психологическим и моральным, то есть

социальным»⁴¹.

Приведу описание подобных явлений, сделанное Моссом. «Категория фактов, которые я хочу представить, с нашей точки зрения и для нашего доказательства поразительна <...>. Это случаи смерти, наступающей внезапно и просто у многих индивидов лишь потому, что они знают или верят (что то же самое), что скоро умрут. <...>

Мы же рассмотрим только те случаи, когда умирающий субъект не считает себя больным или не знает, что болен, а просто уверен, что по определенным причинам коллективного характера находится в состоянии, близком к смерти. Это состояние, как правило, совпадает с разрывом связей (вследствие либо магии, либо греха) со священными силами и вещами, присутствие

⁴⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. - М.: Мысль, 1994. •" Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1996. - С. 223.

которых обычно поддерживает индивида. Сознание в этом! случае полностью охвачено мыслями и чувствами исключительно коллективного происхождения, не отражающими никаких| физических нарушений. Анализ не обнаруживает никакого элемента воли, выбора, даже произвольного создания представлений у жертвы или же умственного расстройства индивида вне собственно коллективного внушения. Этот индивид верит в то, что он околдован, или в свою вину и умирает по этой причине».⁴²

Этнография действительно приводит огромное число свидетельств о том, что человек вдруг узнает, что он околдован на смерть. Тогда он ложится и умирает, и никакая медицина

его спасти не может. Разве что его расколдуют.

В связи с этим интересны два вопроса. Первый — какова же причина этих смертей? Даже если мы допустим, что причина магическая, вопрос остается в силе: а каким образом магия передает такое воздействие, что человек умирает.

Второй вопрос заключен в последующих словах Мосса:

«Отмеченные факты хорошо известны во многих так называемых низших цивилизациях, но редки или отсутствуют в наших. Это связано с их отчетливо выраженным социальным характером, так как они явно зависят от присутствия или отсутствия некоторых специфических институтов и верований, исчезнувших у нас: магии, запретов и табу и т. п.». ⁴³

Вопрос тут таков: если эти, можно сказать, всеобщие для «низших» культур явления не узнаются нами в окружающей нас культуре, то исчезли ли они в действительности? Ведь ни о каком исчезновении запретов, к примеру, на самом деле говорить не приходится. И «табу» исчезают у нас лишь в том виде, в каком они существовали в тех обществах. А это значит, что они и не исчезали у нас, их у нас просто не было. А было нечто иное. Но равноценное!

Потому что сила общественной жизни во всех обществах равна, хотя и проявляется по-разному. Просто потому, что она равна силе жизни людей, составляющих общество. А у людей разных народов она примерно равна, как мы знаем.

"Там же.-С. 224-225. ⁴³ Там же.

Следовательно, вполне правомочен вопрос: если нечто сходное существовало в нашей культуре раньше, а теперь как бы ушло, то на что мы его заменили?

Как вы догадываетесь, я, конечно же, выдвигаю гипотезу, что вся сила подобных орудий общественного воздействия на личность в современных обществах перешла в те самые Правила и Образцы поведения, которые мы изучаем в науке Управления.

Из этого предположения следует, что сами эти способы воздействия или орудия общественного управления личностями должны быть чрезвычайно действенны, на уровне с внушенной смертью первобытных.

И тогда естественно возникает вопрос о той «прямой связи между физическим, психологическим и моральным, то есть социальным». Мосс в 1926 году, отвечая на этот вопрос, приводил объяснения некоего доктора Голди, которые сам считал уже несколько устаревшими по форме:

«Эта столь часто наблюдавшаяся фаталистическая тенденция, ...приводящая к смерти после более или менее длительного периода глубокой депрессии, сопровождаемой отсутствием желания жить, обусловлена последствиями суеверного страха, воздействующего на чрезвычайно чувствительную нервную систему». ⁴⁴

Леви-Стросс, с работы которого я начал этот разговор, попытался дать на него ответ, обращаясь к авторитету физиологов. В частности Кеннона, о котором мы уже говорили в связи с его теорией гомеостатов — нервных механизмов, приводящих организм в равновесие:

«Каким же образом эти сложные явления отражаются на физиологии? Кеннон показал, что страх, как и ярость, сопровождаются исключительно интенсивной деятельностью симпатической нервной системы. Подобная деятельность обычно полезна, поскольку возникающие при этом органические изменения позволяют индивиду приспособляться к новой ситуации, однако если индивид не наделен по отношению к необычной ситуации никакой инстинктивной или выработавшейся ответной реакцией или считает, что не обладает таковой, то деятельность симпатической нервной системы усиливается и расстраивается,

•» Там же. - С. 238.

что может привести, иногда за несколько часов, к уменьшению объема крови и сопровождающему падению давления. Это вызывает, в свою очередь, необратимое расстройство органов кровообращения...».⁴⁵

Сегодня мы знаем, что Кеннон ошибался. Я думаю, что он не очень ошибался в описании того, что происходит, когда расстраивается симпатическая нервная система. Он ошибался при определении причин, воздействующих на нее. Очевидно, между общественным внушением и человеком, кроме нервной системы, есть еще какое-то упущенное исследователями звено. Вероятнее всего, правильнее было бы сказать — между общественным мнением и нервной системой человека. Что это за звено?

На мой взгляд, его назвал Мосс в заключении своей работы:

«Психологическое звено зримо и твердо — это сознание»⁴⁶.

Боюсь только, что мы с ним понимаем сознание по-разному. Для меня, как для человека, который этнографию изучал не по книгам, а в живом общении с действующими колдунами в русских деревнях, сознание — это тонкоматериальная среда, действительно способная принимать и передавать воздействие. Не только внушение. Но это не относится к нашему разговору о магии Описания мира.

Поэтому я всего лишь ограничусь постановкой задачи для будущего исследования. Если рассматривать сообщество или общество как целостный организм, некое общественное существо, то в нем, по аналогии с телом человека, должны быть некие «нервные системы», которые осуществляют в обществе работу, сходную с той, что и нервная система в человеческом теле. Именно эта общественная «нервная система» или системы и передают воздействия на личную нервную систему, а точнее, на человеческое сознание, которое и управляет нервной системой.

Русская народная культура, в частности, мазыки, называли эти «нервы» Жилами по аналогии с жилами человеческого тела. При этом если «жила» телесная в их понимании была отнюдь не сухожилием, а каналом, путем тока жизненной силы, то Жила общественная — это, в первую очередь, предприятие. Исходно —

⁴³ Леви-Стросс К. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. — С. 148. ⁴⁶ Там же. — С. 240.

"семья и Дом. То, что обрабатывает и перекачивает жизненную силу по обществу.

Но это лишь один из видов возможных Жил. Дать описание всех их видов — дело будущего исследования. А пока вывод:

Магия, безусловно, присуща бухгалтерскому делу, как и первобытному колдовству, и держится она исключительно на силе общественного мнения. Разница между магией колдовской и магией Описания мира лишь в том, записано это мнение или не записано в виде Закона.

При этом сама способность человеческого тела принимать подобные мнения как нечто обязательное не только для поведения, но и для физиологии, показывает, что за общественным мнением есть и нечто гораздо более природное, стихийное, что и есть истинная причина подобных воздействий и самой всеобщей веры в магию.

Глава 9. Счетоводство и неуязвимость

Теперь попробуем поразмышлять о том, что же такое приход-расход и что же все-таки в бухгалтерии считается.

Хотя подсчеты в бухгалтерии неминуемы, но, на мой взгляд, они не являются сущностными. Если говорить современно, то всю счетную часть вполне может выполнять за

человека простейшая компьютерная программа, иными словами, машина. Это означает, что и без компьютера счетную часть бухгалтерии проделывает человек-машина или механическая часть его мозгов.

Попробуем поглядеть на бухгалтерию с этой стороны. Все сложные подсчеты в современной бухгалтерии связаны с отчетностью. Но отчетность, усложняя жизнь предприятия, упрощает задачу управляющего в его битве с бухгалтером. Конечно, внешние органы требуют, как кажется, много лишнего по сравнению с тем, что нужно знать о движении денег хозяину. Но лишнее это является лишним только по отношению к необходимой основе. А какова она есть?

Любой хозяин должен знать, сколько средств потрачено, сколько заработано и каков остаток, то есть — есть ли прибыль и какова она.

Говоря иначе, удалось ли на вложенные средства добыть излишек силы.

Соответственно, мы видим, что вся счетная часть состоит из расхода-прихода и их разницы.

Если разница отрицательна, придется сжиматься, тратить запас и сокращать производство. Если положительна, то можно расширяться. Расширяться во всех возможных смыслах — расширять производство, поехать в отпуск на другой конец света, купить себе поместье, выпить или завести еще одну любовницу.

Финорганы, по сути, интересуют то же самое: какова прибыль предприятия. А значит, сколько с него можно содрать налогов, то есть какой навар можно забрать в пользу государства и себя.

Но поскольку ни один предприниматель платить налоги, а особенно большие налоги, не хочет, финорганы вынуждены проверять, не занижается ли в отчетах сумма прибыли. Вот почему они интересуются всяческими подробностями о расходной и доходной частях бюджета предприятий.

И если смириться с тем, что налоги платить надо и писать в отчетах то, что есть, то эти отчеты становятся очень полезными вещами для хозяина предприятия. В них все отражено.

Дело, конечно, значительно усложняется, когда предприятие многое скрывает. Но усложнение это — всего лишь увеличение труда в 2 раза, потому что приходится вести 2 бухгалтерии. Одну для финорганов, другую — для себя. С точки зрения внутреннего содержания отчетов — это одно и то же. Хоть это открытая бухгалтерия, хоть скрытая, ее задача показать, как из расхода и дохода появляется прибыль и какова она.

И вот, если мы увидим, что на одном конце жилы находится годовой отчет с очень четко определенными графами показателей, по которым надо отчитываться, а на другом ее конце — описание предприятия, сделанное бухгалтером, то промежуточная часть оказывается очень и очень проста. А именно она-то и есть подсчеты, которые может делать машина. Покажу на примерах.

Если речь идет об износе, который называется амортизацией, то главное, чтобы в начале отчетного периода было сделано описание всего, что подлежит амортизации. Далее процент износа определяется по формуле, которая дается в соответствующей фининструкции по исчислению износа. Это значит, что каждый месяц стоимость оборудования снижается на определенный процент, который считается автоматически. Соответственно этому изменяются еще несколько показателей, по которым надо отчитываться. Машина выдавала бы их лучше и точнее человека. Человек тут должен делать лишь точное начальное описание.

Другой случай — материалы и сырье. Скажем, те же заготовки для болтов. Если их куплено 1000 штук в начале периода, то в конце периода мы должны иметь или сумму дохода от продажи всех изготовленных винтов, или все заготовки в наличии, или часть винтов проданных, а остальные в винтах и заготовках. Главное, что ни одна единица подобного сырья не должна просто исчезнуть. Или она в наличии, или же на счету есть документы о ее продаже. Это тоже работа для машины.

Соответственно, так же с любыми материалами и сырьем. Поскольку все превращения

сырья расписаны в технологических картах, то лишь путь, который изделие проходит от сырья до денег на счету предприятия, может быть разложен на несколько обязательных шагов и отмечаться в соответствующих таблицах. Это называется учет. И главное тут — вовремя и точно давать описание прохождения изделий сквозь эти шаги и превращения в деньги. Сами же подсчеты опять же автоматически выполнит программа.

Точно так же программа может автоматически начислять зарплату работникам, нужно только вносить в нее сведения об изменениях, вроде больничных, штрафов или повышений.

Получается, что самая трудная часть работы, с которой программа справиться не может, — это описание предприятия как мира. Все остальное она подсчитает сама. И если в нее вовремя вносить данные о новых придумках коварно-заботливых законодателей, то она применит нужные коэффициенты, сделает правильные отчисления и выдаст распечатанный квартальный или годовой отчет без малейшего участия главбуха. Только дайте ей правильное описание и введите вовремя сведения об изменениях условий, то есть отладьте в соответствии с сегодняшним днем.

Что мешает созданию такой программы, которая устранила бы главбухов и нуждалась бы только в бухгалтерах-секретарях, писцах?

Очевидно, сложности двойной бухгалтерии предприятий и сложности с мозгами бухгалтеров и программистов.

Впрочем, может быть, существование честной бухгалтерии и невозможно. Тогда всегда будет нужен человек, который будет решать, какие показатели изменить и ввести в программу искаженными, но так, чтобы полученный отчет был внутренне увязан и выглядел правдоподобным. И тем не менее, создание *программы, которая просто жестко увязывает между собой графы отчета и описание предприятия*, производя все необходимые подсчеты по формулам, данным в инструкциях, было бы очень полезно для того, чтобы люди могли понять, что такое бухгалтерия.

Кроме того, на мой взгляд, не представляет никакого труда ввести в такую программу набор подсказок о том, как законно показать наименьшую прибыль и тем уменьшить налоги, раз уж это все равно делается предприятиями.

Глава 10. Скрытая бухгалтерия

От этой части бухгалтерии зависит слишком многое, вплоть до выживания всего предприятия. Поэтому ее было бы желательно или вообще убрать и принять мир таким, каков он есть (мало кто согласится на это в России), или же уменьшить и упростить до такой степени, чтобы ее мог вести сам Управляющий.

Если это удастся, на предприятии убирается необходимость в наличии привычной бухгалтерии — внутреннего врага, который постоянно изыскивает возможности подломить Управляющего и подчинить работников собственной власти.

Тогда весь оборот силы смогут описывать бухписцы. Они же смогут составлять и отчеты с помощью бухпрограммы.

Возможно, отказ от главбуха пугает начинающего управляющего. Однако цена, которую надо платить за удовольствие посоветоваться с этим «знающим человеком» в трудные для предприятия мгновенья, так велика, что игра стоит свеч.

Бухгалтерия должна работать на общее дело, а не сосать кровь в пользу каких-то неведомых богов.

Однако это не всегда возможно. Если предприятие старо, крупно, а бухгалтерия уже здорово запутана и имеет сложную скрытую часть, главбух оказывается неизбежностью.

В таком случае, как кажется, его психотехником должен стать сам Управляющий. Но это накладно, да и никогда не помешает уменьшить значимость главбуха, а также его возможности обрабатывать сознание Управляющего. Очень важно ввести третейского для разборок с главбухом.

Это значит, что психотехник, облеченный доверием, должен присутствовать при всех

разговорах Управляющего с главбухом. По крайней мере, до тех пор, пока главбух не станет своим, одним из членов команды нашего предприятия.

Чтобы главбух принял и не затравил такого человека, хорошо бы, чтобы этот психотехник обладал властью на предприятии. Скажем, был одним из его совладельцев или рассматривался возможным кандидатом на место Управляющего. Скажем, был бы официально назначен заместителем управляющего по психотехническим делам. А главбуху был бы сделан намек, что в случае ухода Управляющего именно этот человек станет первым, поэтому его надо ввести в курс всех дел.

Я не случайно так много внимания уделяю этому вопросу. Это жуткая беда предпринимательства, когда по мере роста объемов производства Хозяин или Управляющий начинает терять представление о том, что же действительно творится у него с финансами.

Если зам по психотехнике или кто-то другой из своих получает доступ к закрытой бухгалтерии, у Управляющего появляется возможность знать, что действительно творится в бухгалтерии и как обращаются деньги. Иначе говоря, появляется возможность выкинуть этот кусок дела из головы и вздохнуть спокойно. После этого даже такой язвopodobный участок предприятия, как скрытая бухгалтерия, станет управляемой частью производства.

Для психотехника скрытая часть бухгалтерии еще проще, чем открытая. Она вся разбивается на простейшие задачи, которые надо решать неуязвимо. Например: нужно заплатить налогов как можно меньше. Как это сделать? — это постановка задачи управляющим перед главбухом.

Ответ: можно не показывать в бухгалтерских бумагах, то есть в описании предприятия, подпольный цех. Это значит, что целый цех, отдел или заказ можно перевести из явной бухгалтерии в скрытую в надежде, что продукция этого цеха будет распродана так, что никто не задаст вопроса, откуда она взялась.

Как избежать этого вопроса — забота управляющего и не касается психотехника бухгалтерии. Его касается только то, как все это принимает и обрабатывает главбух. А как он это может принять и обработать?

Принять это он может или как способ заработать фирме деньги, или как способ держать управляющего на крючке.

Если он хочет заработать деньги, то он позволит себя «замазать», то есть свяжет себя с этим тайным делом ради денег. Если же он хочет шантажировать управляющего, то он пройдет по нему так, что останется ни при чем. Проще говоря, главбух или будет брать свою долю от прибыли, или не будет. И это надо сразу выявить. Если он на этом не зарабатывает, значит, он должен сделать все, чтобы уберечь Управляющего от нарушения закона.

И если тот все-таки решится на дело, даже несмотря на отказ буха в нем участвовать, бух должен или уйти, или дать очень сильное личное объяснение, почему он остался в уязвимом деле.

Если этого нет, то главбух — враг, и надо осторожно от него избавляться.

Если же главбух в деле, то все просто. Скрытая бухгалтерия подпольного цеха — это та же самая бухгалтерия, но только не попадающая в отчеты. Следовательно, в скрытой части главбух работает точно так же, как и в открытой, только меньше пишет бумажек, чтобы не попасться.

Вот это и есть основное отличие. Скрытую бухгалтерию надо проверить точно так же, как и открытую, только устно.

Устно, конечно, проще многое скрыть и запутать, притворившись тупым. Вот почему Управляющему нужен помощник для работы с бухгалтером скрытой бухгалтерии.

Можно ли скрытую бухгалтерию перевести в компьютерную программу? Да, почему нет? Враги же не только проверяющие, но и собственное ворье, и легче всего их выявить именно на проверке учета и тонких счетоводческих операций. А ничто лучше хорошей засекреченной программы не покажет, где слова людей расходятся с показаниями машины.

Как бы там ни было, но задача Управляющего, прямо или через психотехника

бухгалтерии, сделать так, чтобы этот участок Жилы проводил силу без помех.

Самый простой способ увидеть, что помехи есть, это посмотреть на Управляющего во время и после разговора с главбухом. Если он сдерживается или матерится, значит, главбух предатель и им надо серьезно заниматься.

Точно так же видны помехи в работе главбуха с его подчиненными. Да, кстати, это работает и в любом другом отделе. Если там не царит благодушное взаимолобование — ищи предательство.

Работники в хорошем предприятии наслаждаются работой и друг другом.

Как это определить? А по своему состоянию. Если тебе доставляет наслаждение бывать в отделе, к которому ты прикреплен, значит, там хорошо.

Итак, основная часть бухгалтерии очень проста. Лишь бы бухгалтерия сделала правильное бухгалтерское описание предприятия и постоянно поддерживала его обновление. Тогда независимо от требований достаточно получить форму отчета, который требуется, и можно все его показатели с помощью простейших математических действий вывести из описания. Тем более, что формулы этих действий чаще всего прилагаются к требуемому отчету.

Это все означает, что счетоводство — это, в основном, та часть работы бухгалтера, которая связана с отчетами. Главное же — правильное ведение Описания. Конечно, считать надо и в других случаях, например, пересчитывая зарплату или платежи. Но это может делать и школьник. К тому же это должен делать кассир или расчетный бухгалтер. Под бухгалтерией же обычно понимается то, что должен делать главбух.

А главбух занят отнюдь не математикой денежного обращения, **а изысканием возможностей, как обеспечить предприятие деньгами и защищать его от внешних органов.**

Отчетность — это и есть защита. В отчетность входят две вещи:

- 1) умение *правильно* составлять отчеты;
- 2) способность вовремя *узнавать об изменениях законодательства*, которые могут быть опасны, *и учитывать их в работе и* при составлении отчетности.

В изыскание возможностей обеспечить предприятие деньгами

входят, пожалуй, две вещи:

1) способность *вовремя узнавать об изменениях законодательства*, которые можно **выгодно использовать**. Например, разрешение создавать на предприятии фонды, типа ремонтного или строительного, означает, что дозволенную часть от всей прибыли предприятия можно в конце отчетного периода скинуть в такой фонд и тем уменьшить налогооблагаемую базу;

2) и, конечно, *способность хитрить, обходить закон и вести двойную бухгалтерию*, скрывая прибыль да и вообще денежный оборот от проверяющего и от работников собственного предприятия.

Вот именно за это ценятся так высоко главные бухгалтеры, именно из-за этого они не могут работать открыто с программистами и из-за этого никак не может родиться полноценная компьютерная бухгалтерия. Ведь в ней никак не отразить тайную бухгалтерию, хотя бы потому, что тогда она будет доступна проверке или шпионажу. А без нее вся остальная бухгалтерия — липа, и никогда программа не сменит главбуха. Главбух — это всегда виртуоз обмана. И очень важно, чтобы этот виртуоз работал на предприятие. Тогда ему цены нет!

Кроме того, нельзя недооценивать и еще одно качество настоящего Главного бухгалтера. Главбух — это главный защитник предприятия. Он — действительный начальник Отдела безопасности.

Это кажется странным. Уж слишком определенным и определенно связанным с деньгами

является образ бухгалтера.

Однако если присмотреться, станет очевидно — главный бухгалтер всегда и во всех предприятиях отвечает за безопасность. И не только со стороны интересующихся деньгами — госорганов, бандитов и собственных работников. Но на нем же и ответственность за правильное использование основных средств, оборудования, сырья, материалов и готовой продукции.

Иначе говоря, он постоянно должен видеть некий воображаемый образ предприятия, состоящий вроде бы из предметов, но, по сути, из неких объемов ценностей, как бы странно это не звучало.

Накопление этих ценностей — одна из важнейших задач предприятия. Именно они обеспечивают перевод силы в съедобное состояние. Утеря их ослабляет предприятие.

У главбуха должно развиваться некое особое видение, которое позволяет не только видеть эти ценности, вложенные в образ предприятия, но и буквально телесно ощущать неуют оттого, что они уязвимы из-за того, что предприятие плохо защищено в каком-то из возможных смыслов. Именно это видение позволяет заботиться о неуязвимости и предпринимать нужные шаги. Какие?

Когда уязвимость денежная — те, что идут через бухгалтерию и делопроизводство. Когда материальная — через отдел охраны.

В любом из этих случаев от главбуха требуется только забота. Остальное должны делать его помощники — начальник отдела охраны или старший бухгалтер.

Когда же оказывается так, что главбухом взят новый человек, которому ещё нельзя доверять безопасность целиком, его надо ставить на должность старшего бухгалтера, с правом второй подписи. А начальником отдела безопасности — одного из заместителей Управляющего, разбирающегося в бухгалтерии.

Это все должен учитывать Управляющий, обеспечивая возможности для работы своего Главбуха. Лучше всего и ему придать доверенного психотехника, который помогал бы Главбуху справляться с бухгалтерией. Он должен прекрасно знать открытую бухгалтерию и понимать, как с ней связана бухгалтерия скрытая.

По открытой бухгалтерии — а это прежде всего описание предприятия — он должен работать с расчетными бухгалтерами. И тут его «заказчиком», условно говоря, выступает **главный бухгалтер**. Ведь плохая работа расчетников и кассиров ведет к тому, что ему труднее защитить предприятие и изыскать средства. Следовательно, первый уровень работы психотехника — это помощь главбуху в отладке работы его отдела.

Отладка же эта проста. Нужно всего лишь проверить, какие задачи ставит главбух перед своими подчиненными и как они решаются. Иначе говоря, не возникает ли каких помех при их решении.

Производства обновляются и постоянно создаются новые виды производств. Так что скорее всего бухгалтерия окажется одной из самых древних частей вашего предприятия. Это значит, что все задания, которые может дать главбух своим подчиненным, давно отработаны и четко прописаны в образах должностных обязанностей и различных Положениях о производстве тех или иных действий. Что, в свою очередь, означает, что проблемы с расчетниками или кассирами могут быть лишь личного свойства, условно говоря — из-за тупости.

Убрать тупость работников бухгалтерии — вот основная задача психотехника при работе с открытой бухгалтерией.

Если же, убирая помеху, помимо тупости ты налетаешь на что-то еще, — спроси главбуха, не давал ли он этому работнику какого-то дополнительного задания, которое нужно для **скрытой части бухгалтерии**.

Если нет, значит, в доме предатель.

Глава 11. Отладка. Устранение помех

Вопрос о том, что такое предатель, я оставляю на усмотрение читающих. Для кого-то — это враг народа или друг, доносящий на тебя в налоговую инспекцию. А для кого-то и просто человек, неспособный соблюдать договоренности или исполнять Должностные обязанности. По причиненному вреду еще неизвестно, кто навредит больше.

В любом случае, если наше предприятие — наш Дом и наша сражающаяся за выживание крепость, предателей надо убирать. Если сказать об этом помягче, то означает это, что одна из основных забот Управляющего, после того, как сотворены Начала, то есть Образы миров и созданы Образы действий в этих мирах, — это приведение тех и других в соответствие друг другу. Это и есть отладка.

Суть же этого приведения образов в соответствие заключается в уборании помех исполнению Должностных обязанностей работниками. Чистой воды прикладная психологическая или психотерапевтическая работа.

Что может помешать работнику исполнять должностные обязанности?

Только две причины:

- 1) или человек, занимающий место, не хочет работать;
- 2) или есть помеха, которая не позволяет ему делать дело.

Если человек не хочет работать, то вопрос прост — позвольте ему не работать. Отпустите. А поскольку предприятие работать должно, значит, место этого человека надо занять человеком, который хочет работать. Сейчас таких много. Вот и все.

Это самая простая часть в работе управляющих: **выгнать всех лодырей и перевести ошибающихся с выбором на подходящие им места.**

Гораздо сложнее и объемнее оказывается в Отладке работа по устранению помех, мешающих вашим работникам делать дело. Описать все виды помех невозможно. Они могут быть и личными, и производственными. Поэтому проще сразу взять на вооружение несколько общих правил:

1. Для того, чтобы устранять личные помехи в работе, надо быть хорошим прикладным психологом.
2. Для устранения помех производственных надо научиться хорошо видеть и подробно расписывать должностные обязанности, четко выделяя все, что должно быть сделано, чтобы цель Жилы была достигнута. Иначе говоря, надо понять, что такое **задачность**, и устранять любую производственную помеху, решая ее как задачу. Это соответствует природе Разума.
3. И, наконец, после прописывания должностных обязанностей тобой или самим работником надо постоянно исследовать каждое место на предмет выделения из него подмест. Иначе говоря, прописав должностные обязанности места или получив такую роспись от работника, надо посмотреть, нельзя ли выделить часть их в отдельные должностные обязанности.

В хорошем предприятии один человек должен исполнять только одну обязанность, но зато исполнять ее хорошо.

Повторю еще раз: Основная работа Управляющего — это не командование, а устранение помех исполнению должностных обязанностей своих работников.

Устранять производственные помехи лучше всего путем своего рода «управленческой сангигиены». Иными словами, надо постоянно садиться и прописывать устройство предприятия и должностные обязанности мест. Причем прописывать, то есть **делать описание того, что имеется и что делается**, надо с одной простой целью — **не удастся ли выискать еще какое-нибудь место, которое сразу не было замечено.**

Как только обнаруживается дополнительное место, а это значит, что обнаружено какое-то количество вполне самостоятельных должностных обязанностей, появляется возможность видеть их как излишнюю помеху работе тех людей, чьим местам пока эти

обязанности принадлежат.

Лучший способ убрать эту помеху — передать это место дополнительному человеку — *помощнику* того, чью помеху мы этим устраняем.

Конечно, такое решение возможно, только если у предприятия есть средства. Но тут вопрос не однозначный. Очень часто предприятие как раз и не имеет средств на дополнительных работников потому, что пытается экономить на местах, скаречничает, а в итоге и не может развернуть настоящие обороты.

Хорошо зарабатывает то предприятие, где люди работают легко и с охотой, где они всегда точно знают, как сделать свое дело и в любой миг готовы переключиться на творческий поиск и решение задач. Почему они готовы легко переключаться? Да потому, что их мозги не перегружены. Говоря на профессиональном языке психотехников, рабочая часть их сознания, «мережка» по-мазыкски, свободна от лишнего, и им есть чем думать. Эта тема подробнее рассматривается в учебном курсе Училища.

Конечно, вначале, когда предприятие только создается и доходов еще почти нет, зарплаты всех работников будут низкие или отсутствующие. Но таково условие задачи. Точно так же долго будут низкими зарплаты тех работников, которые работают охотно, но плохо владеют профессией. От того, что ты вкальываешь почти сутками напролет, количество труда, конечно, растёт. Но растёт ли количество денег? Хороший работник как раз не бывает перегружен работой. Именно потому, что умеет работать.

Так что считайте начальные небольшие зарплаты сниженными за счет того, что вы платите за учебу. Это подготовка к настоящей битве. Подготовка победы.

Как от построения предприятия подойти к Отладке.

Вначале, во времена Руководства, вопрос управления предприятием — это, в первую очередь, вопрос подбора нужных и знающих людей под необходимые места.

В это время построения предприятия по образам начал ты подбираешь людей на Основные места, которые как бы олицетворяют собой основные части предприятия, без которых оно не будет *завершённым*, то есть не будет приносить деньги.

Следовательно, начальное построение предприятия завершается с получением первых денег за его работу.

Их получение означает: **в целом все построено верно.** Предприятие есть! Можно работать!

Теперь Хозяин как Управляющий переходит к **Отладке**. Что он делает?

Он постоянно собирает сведения со всех мест о том, какие на них существуют помехи делу. При этом места могут видеть и себя, и свое дело как угодно, но **Управляющий должен видеть предприятие лишь одним образом: как поток силы.**

Мы уже договорились, что, если мы хотим понять мазыкский магический подход к миру, предприятие надо видеть как одну большую **Жилу**.

Жилами в русской народной культуре называли иногда связки, а иногда вены и артерии. Но это уже потеря понимания. На самом деле кровеносные сосуды назывались венами, а жилами назывались сосуды внутренние, скрытые. И до наших времен сохранилось древнее, сказочное — былинное речение: *Силушка по жчлушкам гуляет.*

Жилы — это пути тока силы.

Как в человеке, так и в мире, считали мазыки. Люди же — дети силы, потребители силы. Мы живем на силе и за счет силы. Поэтому мы даже селимся в тех местах, где есть сила и ее легче извлекать из мира.

Отсюда и **жилье, жило**. Любое большое жильё — это большой источник Силы, большая жила.

Собственно и та часть сознания, которой мы улавливаем силу из окружающего мира, называлась у мазыков «**Пузырь жизни**», «**Жилой гвор**» или просто **жило**, что очень близко к **жильё**.

Итак, **предприятие — это большая Жила, по которой течет сила**, питающая нас, дающая жизнь всем, кто работает на этом предприятии, и тем, кто вокруг.

Мы, в силу слабости видения, воспринимаем лишь внешнее, «съедобное» проявление этой силы жизни — **деньги**. Неважно. Пусть так. Если тебе сложно все время прозревать сквозь пену, просто прими это и помни о том, что деньги мчатся по этой жиле твоего предприятия, как пена на потоке силы. И поскольку пена от потока неотделима, следи за движением силы по движению денег. Что для этого надо?

Надо увидеть свое предприятие как цепочку последовательных шагов, которые необходимо сделать, чтобы сила-деньги пришла к **людям**. А себя — как чистильщика потока, который держит источники силы, проливающейся в наш мир, открытыми.

Тогда сведения с **мест, которые соответствуют шагам достижения силы**, будут сведениями о заторах в жиле, сведениями о том, где образовался разрыв тока силы.

Отладка предприятия — лажение жил — и есть восстановление и улучшение этого тока силы Жизни по Жиле нашего предприятия.

Появился сбой, дело не идет — Управляющий должен прежде всего понять, какого рода этот сбой.

А видов сбоев, если видеть ток силы по Жиле, может быть только два: либо это затор, либо разрыв.

Что такое сама Жила? Из чего она состоит? Из последовательности Мастыр, образов мест, которые и складываются в цельное предприятие. Но это все лишь образы. *А на самом деле Предприятие состоит из последовательности людей, которые эти рабочие места занимают и мастырят что-то на своих рабочих местах в соответствии с тем, как свои должностные обязанности поняли.*

И мастырят плохо. Сейчас это слово имеет сниженное значение. «Мастырить» и воспринимается нами как «плохо работать», «работать спустя рукава», кое-как. Это пошло от блатной фени, где это офенское слово сохранилось до сих пор и используется блатными для обозначения работы. А поскольку «вор в законе» работать не должен вообще, а работу презирать, то и «мастырить» несет оттенок презрения к труду. Это, конечно, надо учесть и понять, что я использую это слово в его этнографическом содержании.

И тем не менее, большинство наших русских людей работать не умеют и не любят, а так, мастырят себе кое-как... Вот они-то и есть заторы в токе нашей Русской силы.

И получается, что любой сбой в протекании силы по Жиле нашего предприятия — это всегда человек.

Либо это человек, который не пропускает сквозь себя ток силы, либо человек, которого не хватает для тока силы. Что делать?

Для начала понять, что при таком подходе Отладка предприятия становится исключительно «отладкой людей». **Это значит**, Следовательно, вторая задача Отладки — восстанавливать способность работать самого предприятия.

А для этого нужно **получить от работников описание остающихся помех**. Будет описание задачи, препятствующей работе предприятия, — появится возможность эту задачу решить и восстановить работу.

И какими могут решения? Скорее всего, либо придется прописать имеющийся образ рабочего места так, чтобы он стал понятен, либо дописать еще один образ, то есть создать дополнительное рабочее место или должностную обязанность. Именно отсутствие четко и определенно названной должностной обязанности в ведении определенного работника и создает разрывы в жиле.

Представьте или вспомните из своего опыта: работа есть, работу кто-то должен делать. Но никому не приказано, никто не знает, чья это обязанность. И что тогда? Ничего, кроме вопроса:

А почему я?! А работа стоит, и все без денег.

Уберите самую возможность для подобных вопросов, издайте приказ, которым эта работа вменяется в чьи-то обязанности. И тогда ответ прост: Приказано! Такова должностная обязанность.

Возможность для межличностных игр в справедливость или независимость пропадает, когда дело выходит на уровень выживания и жизненной силы.

Это никак не устраняет необходимости точно определять объемы работ, отводимых работникам. Возможно, что создание дополнительной должностной обязанности окажется созданием рабочего места для помощника кого-то из работников. Но пусть об этом думает Управляющий. Заранее тут все равно ничего не скажешь.

Итак, повторю: для того, чтобы научиться отлаживать предприятие, **надо научиться видеть предприятие как Жилу, по которой идет ток силы. И состоит эта жила из последовательности мест, проводящих ее, проталкивающих, точно клапаны.**

Помеха на одном из мест означает, что есть затор или разрыв Жилы. Но в предприятии нет никакой жилы, и даже места — это нечто воображаемое, это образы действия, которые оживают лишь воплощенные в соответствующих людях. Значит, вопрос в людях. Следовательно, если на каком-то месте затор, этот клапан не справляется с идущим сквозь него потоком необработанной силы. Нужно создать дополнительный клапан — дать помощника тому работнику, который занимает место.

Место от этого станет шире, дороже, но зато будет мощнее и тоньше приспособливаться к потоку.

Это и является сутью Отладки предприятия — встроить дополнительные клапаны-места всюду, где случаются заторы и имеющиеся места не справляются.

Для того, чтобы отладка прошла действительно хорошо, надо всегда держать в памяти, что в сторону покупателя по предприятию течет несъедобная, неусваиваемая человеком сила. Где-то там в конце этого тока она должна обернуться и потечь к нам съедобной и усваиваемой. Где? Предприятия — это своего рода большие желудки общества, которые эту силу перерабатывают и переваривают, выдавая съедобной.

«Съедобной» сила становится, воплотившись в деньги. А это происходит уже у покупателя.

Это значит, что Покупатель или Заказчик для Управляющего являются частью предприятия! Именно той, которая превращает товар в деньги.

И если все мы в состоянии думать о том, как заработать больше для себя и близких, то есть своего предприятия, то **хороший Управляющий постоянно думает о том, как с помощью своего предприятия заработать как можно больше Заказчику или Покупателю.**

Чем больше ты принесешь денег Заказчику, тем легче и больше он заплатит тебе и твоим людям. Но это отдельный разговор.

Отладка предприятия в каком-то смысле может длиться вечно, потому что жизнь вечно меняется, и надо к ней приспособливаться и приспособливать предприятие. И тем не менее, можно выделить Отладку как вполне самостоятельный и определенный во времени период работ, сопоставимый с творением предприятия.

Что такое построить предприятие?

Построить предприятие — это создать **основную Жилу** — узкую цепь из мест, которая уже будет достаточна для зарабатывания денег.

Что в таком случае — отладить предприятие? Это создать **широкую цепь мест**, соответствующую внешним условиям существования предприятия на миг его построения.

Широкая цепь мест — это такая Жила, в которой у каждого человека имеется лишь одна должностная обязанность.

Узкая цепь — это Жила, в которой на каждом работнике столько обязанностей, сколько он может тащить на пределе своих возможностей.

Обычно предприятия находятся посередине между узкой и широкой Жилами.

Что такое одна должностная обязанность?

Вот это надо обязательно понимать, иначе все будет очень механистично. - -

На первый взгляд может показаться, что иметь только одну должностную обязанность — это выполнять что-то типа одной операции. Эдакий биоробот на вахте, который делает одно — увидел пропуск, нажал кнопку.

Как раз нажатие кнопки не является должностной обязанностью вахтера. *Должностные обязанности вообще не относятся к работникам, они относятся к местам.*

Это значит, что должностной обязанностью места «вахта» является работа вахтером со всем, что может сюда входить как понимание подобной работы. А вот кнопка может нажиматься и сама, если пропуск не показывать, а вставлять в автомат.

Поэтому простейшим определением должностной обязанности будет, пожалуй, такое: **Должностная обязанность — это то, что здоровый человек может делать на своем рабочем месте полный рабочий день с наслаждением и не истощая себя.**

Определение для психотехников, потому что требуется еще и дать дополнительное определение понятия «здоровый человек». А заодно и объяснить, с какой это стати наш человек хоть что-то будет делать с наслаждением. А если будет, то почему, скажем, работать, а не играть в домино на своем рабочем месте?

Ясно, что я говорю здесь о человеке, который способен полноценно трудиться. Более того, все отрицательные примеры я считаю примерами психических болезней, которые надо лечить. Вот почему вопрос о плохих работниках для меня — это вопрос для психотехников.

Поэтому мною под именем «здоровый человек» имеется в виду не только телесное здоровье, но и отсутствие психических помех работе именно на этом месте. Разобраться с этим для психотехника — несложно. По крайней мере, понять — есть помехи или нет. Вылечить, может быть, гораздо сложнее. И часто проще заменить сумасшедшего работника на другого, пока тот лечится.

Для людей же, психотехникой не владеющих, определить больного можно только сравнением с другими работниками на сходных местах. Если твой работник работает плохо, и дело не делается, а ты знаешь, что где-то, кто-то справляется с такой же работой, задайся вопросом: а этот, который справляется, случайно не одержимый? Не помешанный на этой работе?

И если ответ будет: нет, нормальный человек, — значит, твой работник нуждается в лечении, а ты — в новом работнике.

Если же в отношении того, кто справляется, появится ощущение, что он несколько помешан на своем деле, за счет чего и справляется, прими, что справиться с этой работой можно одному человеку плюс небольшое помешательство. Иначе говоря, твоему работнику нужно давать помощника.

Итак, отладка предприятия идет до тех пор, пока ты не почувствуешь, что на сегодняшний день ширина твоей жилы достаточна. И у всех работников или только одна должностная обязанность, или же несколько, но они довольны компенсацией и работают с удовольствием.

После этого отладка будет идти только как **приспособление** предприятия к меняющимся внешним условиям.

Основным орудием отладки предприятия для Управляющего оказывается прикладная психология и **психотехники**. На том предприятии, которое может себе позволить содержать штат психотехников, их количество подбирается само по мере работы и определяется просто достаточностью для отладки всех участков.

Можно считать, что Управляющий на предприятии является главой отдела психотехников или главным психотехником.

Сами психотехники должны быть закреплены за определенными службами и постоянно докладывать Управляющему о состоянии дел в их службах.

Естественно получается, что устройство службы психотехников должно соответствовать устройству всего предприятия. И тут особо важно, чтобы в устройство службы психотехников, как и в устройство предприятия, входил **Отдел заказчиков**. Об этом я хочу сказать особо.

Обычно подобные отделы называют отделами по работе с заказчиками. От этого стоит отказаться, потому что за этим названием стоит уже вполне сложившийся образ определенного отношения к заказчикам и определенных действий, которые надо делать.

Психотехники, подобно Управляющему, должны работать с заказчиками, как с работниками своего предприятия.

Это значит, что психотехники должны постоянно смотреть на заказчика как на человека, который должен им и всему предприятию выдать зарплату, а значит, должен зарабатывать как можно больше.

Что для этого нужно?

1. Нужно понимать как заказчик зарабатывает деньги.
2. Нужно понимать как поможет ему зарабатывать деньги **то, что** он нам хочет заказать, то есть наш товар, наше изделие.
3. Нужно уметь видеть разницу между тем, что нужно заказчику, то есть тем, что поможет ему зарабатывать деньги, и тем, что он заказывает.

Иначе говоря, нужно помочь Заказчику сделать целеустройство, а затем, когда он поймет, что же в действительности ему нужно, надо помочь ему создать и записать точный и выполнимый образ заказа.

Очень часто, особенно в программировании, да и других побочных для заказчика отраслях, он весьма приблизительно знает, что ему нужно, и уж совсем не может это выразить словами.

Программист же, как полагается молодому козлу, с наслаждением показывает заказчику, кто умнее и выше, так что тот оказывается опущенным и обиженным. В итоге между ними теряется не только взаимопонимание, но и простая возможность поговорить.

Программист делает то, что он понял, и, чувствуя, что обидел заказчика, сам встает во встречную готовность к обиде, чтобы только не извиняться.

Итогом оказывается не тот продукт. Тут уж заказчик берет власть и начинает унижать программиста и всю фирму из-за того, что ему сделали не то, что он просил.

Теперь у программиста есть все основания говорить, что заказчик дурак и козел, и работать с ним было невозможно. Вы же сами видите? И фирма вынуждена прощать его за срыв заказа. Ведь и в самом деле видно, что с таким заказчиком невозможно работать!

Именно от этого дурного и подлого цирка и должны спасти психотехники свое предприятие, работая с заказчиком.

Заказчики должны с наслаждением ощущать себя частью нашего предприятия и бежать к своему прикрепленному психотехнику с каждым вопросом, даже личного порядка.

Это значит, что по мере расширения предприятия, то есть по мере увеличения крупных заказчиков, с которыми работает предприятие, должен расти и **Отдел психотехников заказчика**. И за каждым крупным заказчиком должен быть закреплен свой отдельный психотехник, получающий в зависимости от прибыли, полученной от его заказчика.

Конечно, мелких заказчиков можно объединять и по несколько на одного психотехника, чтобы у него набиралась зарплата.

При таком подходе психотехники ничего не будут стоить предприятию, поскольку сами

себя будут обрабатывать, и их можно иметь очень и очень много. А это значит, что для выпускников Училища и Школы производственного обучения всегда будут рабочие места.

Соответственно должны быть закреплены психотехники и за всеми внутренними отделениями предприятия. Но это там, где у предприятия имеется достаточно средств для содержания штата психотехников.

А что делать тем предприятиям, где средств для этого нет?

В таком случае психотехниками должен работать весь руководящий состав предприятия. Те люди, которые яснее других видят, из-за чего мы все можем не получить зарплату.

На самом деле все руководители всех уровней постоянно работают психотехниками. Даже просто более опытные работники постоянно помогают новичкам убирать помехи в работе, точно так же, как и постоянно обучают новичков. Это настолько естественно и привычно, что мы просто не замечаем этой части нашей работы.

И получается, что, предлагая создать Школу производственного обучения и Отладку, как отдел психотехников, я на самом деле не предлагаю совсем ничего нового. Все и так есть и делается. В чем же разница?

А в том, что если мы дадим имя явлению и опишем его, можно будет поставить вопрос: а достаточно ли хорошо происходит на нашем предприятии обучение и убирание помех? И нельзя ли это улучшить?

И как по-вашему, что ответится, если мы будем искренними?

Закончить же рассказ об Отладке и психотехниках я хочу словами о том, что самое главное как в работе психотехника на предприятии, так и в освоении этой работы, — это очень отчетливо понимать, как его предприятие делает деньги. И соответственно, как затор на любом месте обрывает ток денег. На языке психотехники это называется Прикладное Целеустройство.

Именно видение предприятия как Жилы и Прибыли как вершинной цели деятельности предприятия позволяет хозяевам предприятий, не имеющим никакого психотехнического образования, тем не менее устранять помехи и лечить людей и все дело.

Если только ты понял, что одно из мест работает плохо и из-за этого все предприятие меньше зарабатывает, ты уже можешь решать это как задачу. Просто задашься вопросом: А что нужно сделать, чтобы место заработало? — и разум начнет искать решения одно за другим. И если ты не сдашься, то однажды задача будет решена. Вот и все.

Психотехник гораздо лучше знает, как лечить людей и убирать помехи из их сознания. К сожалению, он очень плохо умеет видеть все предприятие целиком, да еще как свое предприятие. И поэтому ему трудно болеть за дело так, чтобы собственным сознанием чувствовать, что где-то, на каком-то участке дело стопорится.

По сути, чтобы стать хорошим психотехником, нужно не столько осваивать способы очищения сознания, сколько становиться Хозяином. Хозяином себя, своей жизни и своего предприятия. Даже если ты не его собственник. Ты только стань Хозяином, а хозяйство и собственность тут же не замедлят появиться!

Выводы

Выводы будут короткими. Для того, чтобы стать хорошим Управляющим, конечно, нужно овладеть и искусством творения образов Миров, и искусством создания образов действия, но в первую очередь — наукой написания Правил.

Именно наукой, потому что в основе подгонки образов действий к образам миров лежит точная психологическая наука, основывающаяся на знании того, как работает Разум. Проще говоря, на знании Языка образов.

Это подводит нас к тому, что самым основанием обучения Управляющих должен быть курс прикладной психологии, позволяющий как работать с механикой разума, так и вести

очищение сознания от помех и сбоев в правильной работе.

Наверное, подобных учебных курсов может быть много, поскольку в мире существует множество школ прикладной психологии. Тот курс, который читается сейчас в Училище народной культуры Общества русской народной культуры, включает в себя в качестве основных две дисциплины: науку очищения сознания, построенную на этнографических и этнопсихологических исследованиях, проводившихся нами в течение уже полутора десятков лет, и науку Мышления, как называли старики. Это, пожалуй, даже не наука, а большая подробная карта, рассказывающая о том, как же устроено наше мышление, которое предполагается очищать от мозгового сора.

В общем, хочешь понять Управление на глубинном уровне, как магию или медитацию, надо учиться и чиститься. Вот и весь вывод.

Глава 2. Дееспособность и обидчивость

Глава 3. Неопытность. Молодой работник

Глава 4. Родственники

Глава 5. Неистовость

Глава 6. Необучаемость и возвращение способности учиться

Заключение

Глава 1. Не хочу!

Эта книга во многом задумывалась как учебник «Сделай сам» для нашей Школы производственного обучения. Пока этот учебник существует лишь в виде Методического пособия или, даже точнее, Методических материалов. Но, возможно, однажды эта книга состоится как полноценный учебник, позволяющий человеку с пониманием создать собственное предприятие, которое бы влилось в общую экономику нашего маленького казачьего народа.

Поэтому завершаться она должна была следующим образом. *Наилучший образ начала своего предприятия, который видится мне, такой: ты находишь симпатичного тебе человека и предлагаешь ему стать Начальником отдела кадров в твоём новом предприятии.*

Если он соглашается, то ты говоришь ему: найди мне Помощников среди учащихся Школы — Заведующего Основным производством, заведующего Вторым производством — Рынком и Генсека, управляющего Делопроизводством.

Он уходит искать, а ты ложишься на печь и ничего не делаешь. Он находит людей и приводит их к тебе. Ты раздаешь им по главе из этого учебника и говоришь: изучите и найдите необходимых вам людей в соответствии с образами ваших отделов. Они уходят, а ты опять ничего не делаешь.

После этого они возвращаются и говорят: Все готово, можно приступать ? Ты говоришь: Приступайте! И больше никогда ничего не делаешь.

Только следишь, чтобы тебя ничто не беспокоило и не отвлекало от блаженства.

Конечно, это шутка, хотя, мне думается, что создание своего предприятия для понявших Науку Управления будет настолько простым и естественным, что многие предприниматели, хлебнувшие горя и труда до крови из-под ногтей, скажут вам, что шуткой это только кажется. Просто в России никто никогда не обучал людей, как вообще делать предпринимательство, не говоря уж о том, как делать его легко и богато. Такие знания почему-то утаивают, думая, что этим самым обходят конкурентов. А на самом деле лишь удерживают нашу экономику

дикой, а себя обрекают работать с плохообученными партнерами.

В подтверждение я хочу привести слова из совершенно неожиданной книги русского исследователя Г.М. Галуцкого о культуре и культуре управления одновременно: «Управление культурой как научная дисциплина не существует, хотя и является реальностью, смыслом и жизненным уделом по меньшей мере десятков тысяч человек только в России, которые пытаются управлять культурными процессами в надежде на то, что тем самым они влияют на культуру отдельных людей и человечества в целом»⁴⁷. Вот то утверждение или жизненное наблюдение практики управления, которое является методическим оправданием моей книги: «Управление — это род деятельности для немногих избранных и посвященных. Те высшие управляющие, кто уже имеет власть, хотели бы удерживать ее дальше и не заинтересованы в том, чтобы множить число претендентов на свое место. Поэтому по объективным законам им не нужна публикация и популяризация сведений, которые основаны на беспристрастном научном анализе механизмов управления и разрушают "таинство" власти, демонстрируют ее "анатомию". Люди начинают делиться знаниями о тайнах управления только после того, как утратили власть»⁴⁸.

Я создавал несколько предприятий разного вида, начиная с кооперативов, как только это разрешили. Я помню, как я бился с работниками в первые два года в своем крошечном кооперативчике по изготовлению игрушек. Они тогда приходили с госпредприятий, отношения были тесными, тем более что руководству и хозяевам постоянно приходилось стоять за станками вместе с работниками, не говоря уж о всяких других работах, которые обрушились внезапно. Грузчиков нет? Есть руководство! Вперед.

⁴⁷ Галуцкий Г.М. Управляемость культуры и управление культурными процессами. — М.: 1998. — С. 11.

⁴⁸ Там же.-С. 12.

До меня долго не доходило, почему при всем горении, с которым мы тогда работали, наше предприятие все никак не становилось прибыльным. Сначала я подозревал, что это потому, что мы не хотим воровать. Но однажды я понял, что дело в людях.

У меня было внезапное прозрение, сатори. До меня вдруг дошло, что они хотят получать за свою работу ту цену, которая стоит на их изделия в магазине! Все объяснения о том, что такое производство, что такое производственные затраты, прибыль, социальное страхование, они умудрялись не слышать, глядя тебе в глаза!

Они еще как-то были согласны платить зарплату мне, правда, давая почувствовать, что я у них ворую, как полагается бездельникам из управления. Но всё остальное!..

На этом рифе разбился мой первый корабль с очень символичным названием «**Не хочу!**».

Это было в Иванове — городе со старыми революционными традициями, иначе говоря, в городе с устоявшейся пролетарской культурой. Пролетарская культура — это мировоззрение неимущих и не желающих, озлобленных плембеев. Подлого люда, как их называли в старину. Единственное желание людей пролетарской культуры — сровнять с собой все, что выдается. Известный анекдот про внуку Пестеля — про них.

У окна сидит внучка декабриста Пестеля. Мимо, с выстрелами, криками пробегают толпы вооруженных пролетариев.

— *Что происходит? — кричит она в окно.*

— *Революция, бабуся! — отвечают ей.*

— *Как хорошо. Мой дедушка тоже хотел революцию! А что вы хотите? — снова кричит она.*

— *Чтобы не было богатых!*

— Как странно, а мой дедушка хотел, чтобы не было бедных...

Сейчас кооператорам и предпринимателям работать гораздо легче, даже в Иванове. Люди поняли: частное предприятие — это тоже предприятие, а не калым, шабашка или групповое воровство.

Но зато сами предприятия, с трудом выживающие в условиях дикого законодательства, пока еще, в основном, напоминают **мне** тех пролетариев. Теперь уже не работники, а сами Хозяева ненавидят государство, потому что оно у них ворует...

Оно не ворует, оно берет, что полагается, но, к сожалению, отбирает последнее, потому что другого не осталось.

И людей, и предприятия, и даже государство надо учить. И учить не экономике и менеджменту, а тому, как работать и становиться богатыми, не воруя.

Так вот, начиная наш экономический эксперимент, мы предполагали, что учеба в нашей Школе управления будет завершаться тем, что для успешно сложившейся за время учебы команды мы будем создавать Фирму под ключ. Это несложно и даже выгодно для нас. Просто сделать дочернюю фирму от одной из наших основных компаний. И даже иметь в ней долю. Нам эта доля дает прибыль, а значит, оправдывает наши затраты на ее создание и последующее поддержание, вплоть до обеспечения кадрами и заказами. А молодой команде эта доля дает уверенность в том, что ее не бросят, и они не прогорят по неопытности.

Подобный подход в мире широко используется. Да и создать дочернюю фирму от Авалона действительно очень просто. Однако как много подводных камней, оказывается, преграждает этот простой и очевидный путь. И камней, в первую очередь, психологических. А в силу этого хоть и преодолимых, но каким трудом преодолимых, какими слезами и кровью...

К примеру, как легко и просто преодолеть малый жизненный опыт!? Очень трудно сделать свое дело успешным, если ты не знаешь, как устроен мир и как в нем делаются дела. Все равно как вести корабль сквозь рифы с завязанными глазами.

Или как преодолеть культуру, которая на протяжении всей жизни убеждает нас, что своим надо помогать. К примеру, родственникам. А если ты не помогаешь, то тебя можно превратить в чужого и начать травить. То есть стравливать на тебя ненависть. А что делать, если родственник хуже врага?

Чем страшны подводные камни более всего? А тем, что их не видно на поверхности, то есть за обычным поведением. Они в глубине, ниже уровня, достаточного для бездумного бытового взаимодействия.

Где? В какой глубине? Ясно, что в психологической, то есть в основаниях разума.

И распознать — это не случайное слово. Именно распознать, узнать, разглядеть — вот основная способность, которая должна раскрыться у Хозяина, если он хочет сделать предприятие успешным. Поэтому надо учиться видеть не сами столь разнообразные помехи делу, а что-то более глубинное, что присутствует в них во всех.

Или, еще важнее, задуматься о том, а что мешает тебе видеть это? И как вернуть способность видеть, распознавать подводные камни, помехи делу.

Вот этим самым рифам и камням и посвящены последующие главы. По сути, они являются мало связанными между собой очерками, хотя все они — итог наших экспериментов. Мы вполне осознанно поставили себе задачу выявить как можно больше подобных камней. Методически это было выстроено так.

Как только основное производство Авалона заработало, мы собрали основных работников и ведущих преподавателей нашей Школы Управления и провели серию учебно-производственных игр. Начиналось все с прикладной этнографии. Как я уже рассказывал в самом начале, мы восстановили артельную ловлю рыбы бреднем. Для этого мы и изучали этнографические материалы, и сами ездили ловить рыбу с местными рыбаками в Ивановской и Костромской областях.

Затем мы провели нашу первую Игру, в которой прошли все создание Артели — от голодного ребенка и до пира. Она и дала материал для обобщений. Первые подводные камни полезли уже в этом эксперименте.

Затем мы начали создавать наши отделения и поселения. По сути, это были эксперименты по созданию предприятий на основе артельного и производственного права прежней Руси. Рассказывать подробно о том, как шли эти эксперименты, в этой книге я не буду. Но кое-что из выявившихся камней покажу.

Поскольку всех подводных камней не перечислишь, да и жизнь не прекращает одаривать нас новыми подарками, рассказывая о скрытых сложностях в Устройстве и Управлении предприятием, я решил исходить из того, что в любом случае надо не описывать всевозможные проявления, а указать на ту основу, которая их всех определяет. Если вернуться к языку культурно-исторической психологии, то это означает вернуться от описания многообразных проявлений мышления и культуры к Разуму, который и обеспечивает наше выживание на Земле. А через это к способности обучаться новому. В том числе и способности распознавать помехи.

Иными словами говоря, в тех примерах подводных камней, что я привел, я постараюсь показать, как за многообразием помех предпринимательству скрываются сбои в работе Разума. Все эти разнообразные помехи, если приглядеться, и составляют содержание нашей культуры, связанной с предпринимательством. Получается, что мы можем говорить о таком неожиданном явлении, которое предстоит преодолеть на пути к успешной экономике, которые я бы назвал Культурой помех. Культурой помех нашему выживанию в мире.

Глава 2. Дееспособность и обидчивость

Начну с такого вопроса: Что требуется предприятию от его работников? Чтобы дело делалось. Иначе говоря, главное требование к любому работнику — это **дееспособность**.

Но дееспособность — это способность достичь поставленную цель. И тут начинаются сложности.

Попробуем сначала разобрать такие понятия, как **способность достигать**, затем **цель и поставленная цель**.

Я различаю *цель* и *поставленную цель* как *внутреннее желание* и *договор*. Многие чрезвычайно дееспособны в отношении личных целей или своего сумасшествия, но зато совсем не могут выполнять договоры. А цель, которая определяет дееспособность работника предприятия, — это договор о том, что он должен делать. То есть его должностные обязанности.

И если окажется, что его личные цели расходятся с требованиями предприятия, он начнёт «воровать», как говорили в старину. «Воровать в Литву», как это звучит в летописях, означает предавать, пытаться сбежать из той страны, где ты живёшь, то есть из настоящего, куда-нибудь. В мечту, например.

Значит, мы должны сделать так, чтобы личные цели работника совпадали с целями предприятия. Что хочет предприятие? К примеру, занимающееся офшорным программированием.

Предприятие хочет получить от каждого из своих проектов предельную выгоду. Выгода эта заключается в нескольких вещах. Во-первых, это предельная прибыль, деньги. Во-вторых, это хорошее имя. Иначе говоря, дело должно быть сделано не только быстро, но и предельно качественно, чтобы нас знали и давали нам следующие заказы, к тому же по более высокой цене. В-третьих, из каждого заказа надо извлечь урок: или освоить что-то совсем новое в нашем деле, или обучить кого-то, кто ещё этим не владел. В-четвёртых, надо суметь привлечь новых хороших работников, для чего надо сделать предприятие и каждый отдел в нём очень уютным и привлекательным для людей. Вот, наверное, и все основные пожелания

предприятия. И это не просто пожелания. Это данность мира, которым является предприятие, и в силу этого неизбежность для входящего в него. А это означает, что четыре требования есть сито, сквозь которое не соответствующему этому сити человеку не пройти. Иначе говоря, тот, кто не будет их исполнять, будет отчислен.

Значит, принимать на работу можно только тех, кто сразу приходит с таким же видением мира или кто в состоянии принять его. Как?

Тут мы подходим к понятию «способность достигать» поставленную цель. Если посчитать, что твоя цель, к примеру, стать управляющим, а для этого надо принять требования к управляющему как свои, то как достичь эту цель?

Любая цель достигается трудом, то есть действиями, направленными на ее достижение. Делами или деяниями. Отсюда — дееспособность. И мы в состоянии достичь любую цель, если хватит сил. Но сил чаще всего не хватает. Куда они деваются?

Рассеиваются на достижение других целей. Часто мелких и никчемных, к тому же не твоих. Вот ты собрался сдать экзамен, пошел в читальный зал, взял книги, но вместо того, чтобы понять их, все время был занят тем, что производил впечатление на окружающих девочек... или мальчиков. Думаю, многие замечали, что работать над книгой в читальном зале гораздо сложнее, чем дома. Что-то нас растаскивает и раздергивает. Как говорят, отвлекает. То есть влечёт откуда-то или к чему-то.

Всё это цели. И все их надо достичь. Но можно достичь, только посвятив себя целиком, хотя бы на время достижения. Когда ты одновременно гонишься за двумя целями, не достигается ни одна. Поэтому, работая с целями, всегда надо делать **выбор**.

Иногда этот выбор достигать, иногда — отказаться, то есть полностью убрать цель. Это надо делать с чужими целями, которые поселены в нашем сознании помимо нашей воли, как об этом говорит курс психотехники Училища народной культуры. Чаще же надо делать выбор, какую цель достигать в первую очередь, какую потом. Как сейчас говорится, расставлять приоритеты.

Для этого надо просто задаться вопросом: а зачем я хочу достигать эту цель? Несколько таких вопросов подряд — и ты вдруг обнаруживаешь большую цель, ради которой ты когда-то встал на путь, приведший тебя в сегодня. И если она всё ещё жива, она оправдывает все твои действия.

Так, к примеру, для меня цель — сделать богатое предприятие, сделать предприятие прибыльное, сделать предприятие известное, то есть богатеющее за счёт известности, сделать его уютным и привлекательным для людей и сделать его таким, какое учит учиться, — оправдывается той мечтой, ради которой мы все когда-то собрались на Тропу — создать, однажды построить собственными руками Мир нашей Мечты. Лукоморье, как мы его называли.

Для этой стройки мне потребуются средства, а также источники их возобновления, знания и люди, могущие и умеющие, Маги, как можно назвать таких людей. Мир мечты, Мир сказки, волшебный Мир и могут построить только маги и чародеи. Вот почему я так много пишу о магической подоплеке всего, что мы делаем.

А ради чего ты можешь принять требования своего предприятия? Если такого, что оправдывает все в твоей жизни, нет — ты в беде. Если же есть нечто, то его надо запомнить и осознанно делать своё дело ради этой цели, то есть работать управляющим или на любом другом месте надо ради себя, а не ради работодателя. Это главное.

Сказанное, конечно, не исчерпывает всех сложностей в понятии «способность достигать», но зато позволяет принять их как помехи твоей собственной цели. Тогда их можно убрать. Это опять же дело психотехники.

Главное в Науке дееспособности — высветить помехи твоей способности достигать поставленные цели с помощью Большой цели. Мечты.

Если этого не сделать, любые попытки начальства или психотехников устранить

такие помехи в работе будут восприниматься только как личные обиды.

Обидчивость — это психическая болезнь. Стоит только отпустить ее с цепи, и мир сходит с ума. Все против тебя. Тебя постоянно хотят лишить самости, личность твою подвергают давлению, вторгаются в твою внутреннюю жизнь. Ты или будешь воевать, или затаишься и будешь вредить. И тебя в любом случае уберут, потому что ты враг и предатель.

Но если ты сумеешь видеть, что вся эта работа над помехами и слабостями нужна тебе и только тебе для достижения твоей личной большой цели, все *помехи работе становятся помехами в твоей битве!* Услышьте это: помехи работе, из-за которых тобой были недовольны на предприятии, — это твои помехи, помехи в твоей личной битве! И это так уж потому только, что нелюбовь начальства, наказания за тупость и плохую работу действительно мешают жить!

Увидь, что производственные помехи — это нечто психологическое и глубоко корнящееся в твоей личности, и всё, что будут делать другие, чтобы убрать их, будет восприниматься как помощь. Ты научишься быть благодарным и научишься учиться.

Если же ты предпочитаешь затаиваться или обижаться — насторожись, — значит, ты врешь себе, ты не хочешь достигать те цели, которые заявил. Ты предал себя. Вместо тебя живут чьи-то чужие цели.

Обида невозможна, когда ты достигаешь свои цели. Не на кого обижаться. Если они совпадают с целями предприятия, где ты работаешь, или войска, в котором служишь, ты не обижаешься, когда тебе помогают убрать помехи, ты благодарен. Просто потому, что из-за помех враги убьют тебя. Но на войне это понятно. Как рассмотреть это в обычной жизни, где мы приучены скрывать и прятать свои слабости вместо того, чтобы убирать их?!

Обида невозможна и если твои цели тайные, скрытые, а на предприятии ты что-то вроде разведчика в стане врагов. **На** врагов не обижаются!

Мы обижаемся только на друзей и близких. К тому же обида — это лишь воплощение или внутреннее ощущение несправедливости, которую в отношении нас совершают. Несправедливость ощущается самой настоящей душевной болью. Но что такое боль?

У меня нет возможности рассказывать здесь об этом подробнее. На семинарах я время от времени показываю на примерах, что боль — понятие воображаемое. Это всего лишь знание о том, что тело разрушается, которое вызывает потребность избежать разрушения. Когда мы не знаем о разрушении, мы не чувствуем боли. Бессознательное тело, тело с перерезанными нервными путями боли не чувствует.

Но что за боль мы испытываем от несправедливости? Знание о разрушении какого тела? Ответ уже звучал: душевная боль — это знание о разрушении Души.

И опять же у меня нет здесь возможности подробно делать исследование понятия «душа», хотя я много уделял этому внимания в других местах. Но нам достаточно того, что есть. Ощущение несправедливости даёт душевную боль. Несправедливость — несоблюдение «ведливости прав», знания о правах и правилах поведения ведёт к душевной боли. Значит то, что мы понимаем здесь под «душой», как-то соответствует нашему знанию о наших правах и правилах поведения.

Это значит, что мы в состоянии менять свою душу, как некое тело, строить её. Выглядит странно. Но физическое тело, тель, как говорили мазыки, мы менять можем, хотя и ограниченно. Культуризм, бодибилдинг это показывает. Почему же нельзя менять и перестраивать и тело души?

Но оставим пока исследование и вернёмся к понятию «обида». Итак, обида — это ощущение несправедливости. А это значит, обида — это чувство боли, сообщающее о том, что разрушается часть тела твоей души. Причём та часть, которая построена тобой на знании о своих правах и о правилах поведения. А это значит, на договорах с людьми!

На договорах, которые бывают двух видов — такие, о которых люди знают, или такие, о которых не знают; те, о которых мы знаем, — это договоры, о которых мы договаривались. Договоры же, которые мы не знаем, — это договоры культуры. Это среда, в которой мы

живём.

Что значит, что мы не знаем об этих договорах? Конечно, если мы люди определённой культуры, то мы знаем договоры, по которым люди в этой культуре, то есть в этом обществе, живут. Но мы их не принимали по собственной воле и никогда не подтверждали, что согласны их исполнять.

Пример. Ты сидишь в столовой или в классе. К тебе подходит твоя знакомая и начинает разговор. Ты отвечаешь на её вопросы и продолжаешь есть или читать. Через некоторое время вдруг выясняется, что она на тебя обижена и не хочет с тобой знаться. В чём дело?! Оказывается, в культуре существует договор, который называется правилом хорошего тона, — вставать в присутствии дамы...

Но ты же не знал! Не знал что? Не знал, что такой договор существует? В общем-то, знал, конечно. Ты не знал, что он действует в отношении этой знакомой. Вы его не заключали. Теперь ты оказался выкинут из числа допущенных в её мирок. В ответ ты плюнул и сказал с обидой: Да пусть катится, не больно-то и хотелось!

Но обида есть. И это значит, что она тоже нарушила какой-то договор. Скажем о том, что предупреждать надо! То есть договариваться заранее. Или не бить того, кто не знает. И т.д., и т.п., что означает, что и ты, как и она, попал на поле существующих, но не заключённых договоров, а значит в пространство нескончаемых обид.

И что это значит? А то, что в основе всех обид лежит предположение, что человек знает, где находится граница твоей души, и, не соблюдая договор (правило), осознанно наносит тебе удар. Оскорбляет — делает тебя скорбным, то есть скорбящим о потере чего-то, что составляло часть твоей души или часть представления о себе самом и твоём мире. Потеря части или разрушение образа себя тут же проявляются сообщением о потере или разрушении — душевной болью. А это всё, в свою очередь, означает, что если мы обижаемся, мы считаем, что человек, нас обидевший, делал это осознанно, зная то, что ты думаешь, зная твои представления о себе, о мире, о том, каким он должен быть.

Вот это и есть основная ловушка, которую выявляет точное целеустроение. Как только мы определяем ту Большую цель, ради которой делаем предприятие, и ради которой ты занимаешь в нём определённое место и точно исполняешь служебные обязанности, то есть договоры, высвечиваются все незаключённые договоры, которые живут в тебе сами по себе.

Есть основной договор о работе, состоящий из нескольких составляющих его договоров о том, как эта работа исполняется.

Вдруг обиделся! Что это значит? Нарушено одно из условий твоего трудового соглашения? ***Почему ты обижаешься вместо того, чтобы пойти и исправить нарушение? Обижаешься вместо того, чтобы сражаться за себя и свою жизнь?***

Начальство заинтересовано в том, чтобы договоры исполнялись точно, и никогда такое предприятие, как наш Авалон, не будет их нарушать, потому что у нас есть такой инструмент: **перезаключение, пересмотр договоров.**

Если условия жизни изменятся и соблюдать прежние договоры станет невозможно, нужно просто собраться и передоговориться. Но не нарушать договоры тайком, по умолчанию. Таков исходный договор. Начало начал.

Если же условия твоего трудового договора не нарушены, тогда чего ты вообще обижаешься? Обрадуйся. Ты же нашел какую-то вещь, которая живёт вместо тебя, жрёт твою силу и за тебя обижается.

Если ты считаешь, что она правильная, — предложи её остальным и договорись об исполнении. Может, они её с радостью примут. Если же ты стесняешься, значит, она делает тебя уязвимым. Чистись! Убирай помеху. Убирай или то, что делает тебя стеснительным, то есть стеснённым душевно, заставляющим жить сжавшись, или же само «право», которое ты хочешь иметь, но не можешь себе позволить. Не внесено ли знание о нем в твое сознание помимо твоего разума?

В общем, вопрос о «способности достигать» — это вопрос об очищении себя от помех дееспособности. Нужно только хотеть учиться и хотеть менять себя.

Глава 3. Неопытность. Молодой работник

Один из самых страшных подводных камней, о которые разбиваются предприятия, — это молодость работников. Я налетел на это, как на рожон, когда пытался делать молодежные производственные объединения, где бы школьники могли сами зарабатывать свои карманные деньги.

Какая здравая мысль: надо дать возможность ребятам, которые нуждаются в деньгах, может быть, больше, чем взрослые, не кланчить и не воровать, а просто зарабатывать. И как ее поддерживали ребяташки, когда я обсуждал это с ними. Но, кроме желания, еще надо иметь и способность. Однажды слова превращаются в дело, и тогда все внутренние помехи вылезают наружу...

Как знающий человек с опытом работы с молодежью скажу то, что годами сдерживал и прятал в своем сердце: молодой человек, приходящий на предприятие, — это такая гадость!

Молодого работника не любят на производстве и, в общем-то, довольно заслуженно. В советское время его презрительно называли молодым специалистом и несколько лет жестоко унижали, словно испытывая на молодежных инициациях. Зачем? Чтобы он ушел. Гадость, гад — это сохранивший раннее детство козел.

Иначе говоря, молодой человек, приходящий на предприятие, — одновременно и маленький гаденыш, и поросенок, и козел. Он занят чем угодно, только не тем делом, которым живет предприятие. Да и на работу он устраивается не потому, что хочет. А потому что надо, чтобы освободиться от родителей.

Это значит, что цели предприятия его совершенно не интересуют. Но при этом он часто настолько умен, что этого не распознать. Но занят он лишь своей мстью родителям, учителям и взрослым, и своей пиписькой, которая не дает ему покоя со времени полового созревания. Вот и все.

Естественно, я пишу не просто памфлет против молодежи, а психологический очерк, который будет полезен и им. Во всяком случае, тем, кто захочет понять, почему его не любят на предприятии и не хотят брать на работу. То есть тем, кто захотел поменять свою жизнь и стать ей хозяином. Конечно, сказанное мною — жестокие вещи. Но именно этим они и полезны. Остальным это просто можно не читать.

Итак, сначала опишу состояние руководителя, которому подсунили молодого работника.

Когда ты глядишь на молодого работника или работницу, знай, все это вокруг для него не нужно. Он лишь пускает пыль в глаза, напрягается, чтобы ты этого не заметил, да и то в любой миг может переутомиться от перенапряжения и грязно сбежит в другое место. Все, что он делает здесь — это ради возможности создать свой сулопник — подобно собственной поросычье избушке из соломы, куда вход взрослым запрещен.

Избушки из соломы быстро рушатся, а молодых работников быстро выживают из предприятий, как вредоносное гадье. Тогда они идут на новые предприятия и строят избушки из хвороста. Их опять бьют и гонят прочь, и так до тех пор, пока они не начинают строить добротные дома, как у всех вокруг.

А это значит, что молодого работника само общество естественно избивает и выкидывает на мороз до тех пор, пока он не сменит мировоззрение на соответствующее мировоззрению общества, в котором живет. Можно сказать, так общество ломает молодых и гнет в дугу их души.

Смена эта болезненна, хотя и не сложна. Понять надо всего лишь несколько самых простых и, в общем-то, естественных для этого мира вещей. Например, никто не обязан за тебя работать, и вовсе не надо переносить свое детское представление о том, как взрослые

должны крутиться вокруг тебя и твоих какашек, с родителей на всех остальных людей. Холодильник бывает полным не сам по себе, его надо наполнять. И если ты хочешь быть независимым, наполняй его сам и своим трудом.

Еще одно: когда ты истекаешь ненавистью к человеку, который этого не заслужил, он ощущает потребность дать тебе в морду и так или иначе дает. Поэтому есть смысл задуматься: а чего это ты всех ненавидишь-то? И окажется, что это ты переносишь ненависть со своих родителей или учителей на всех взрослых.

Тогда появляется возможность увидеть еще одну важную вещь:

родителей ты ненавидишь за то, что они каким-то одному тебе ощущаемым способом обещали любить тебя больше, чем смогли.

К тому же они тебя предали многократно: обещали любить и заботиться, а сами послали в школу, институт, на работу. Ты, конечно, пошел, но сломаешь всю эту работу, чтобы родители увидели, что из их затеи все равно ничего не выйдет!

Я могу ошибаться в деталях, но молодому работнику предприятие, на котором он работает, не нужно для самого себя. Это точно. Он здесь ради кого-то или чего-то. Родители или общество требуют. Они не любят маленького мальчика или маленькую девочку, мучают, не хотят кормить просто так и заставляют отрабатывать. Хорошо, я пойду работать, но вы ещё пожалеете!

И вот у тебя на предприятии враг. Он может не осознавать этого сам, пока воспринимает это предприятие сулопником — местом, куда он сбежал от родителей к таким же, как он сам. Тусовкой. Но в этом случае он враг в том смысле, что дела не делает и проедает предприятие. Он здесь просто тусуется — хорошо и бесполезно проводит время, красуясь перед старшими. Предприятие гибнет в таком случае, изъеденное паразитами.

Если же хозяин захотел заставить молодых работников работать и разрушил «кайф», они мгновенно начинают его ненавидеть и искать другое место. Разрушать же то, что ненавидишь, ощущается для них естественным. Это даже не предательство. Предательство для такого козлогата — это когда предаешь то, что любишь. Какое же это предательство, если ненавидишь!?

Вот эта лёгкость в предательстве и поразительная способность скидываться, переметываться из любви в ненависть и есть основная мировоззренческая слабость молодых, а также признак отсутствия разума и жизненного опыта. Они все плоские, как фанера. На одной стороне написано любовь, а на другой — море ненависти. И нет пространства между.

Его-то, это внутреннее духовное пространство, и создают все общества своей молодежи, выбрасывая их в равнодушную и жестокую природу. Там рождается разум и там ты начинаешь задумываться о том, с кем же тебе действительно надо бороться в этой жизни, кто твой настоящий противник.

Поэтому — никаких молодых работников на наших предприятиях, пока они не начинают строить настоящий дом для самого себя, для собственной жизни. Пока они не приняли решение стать взрослыми и своими руками построить собственную жизнь.

А это значит, что тех симпатичных ребятишек, которые пытаются прийти на наши предприятия, нельзя брать сразу. Их нужно посылать на, назовем это, стажировки на других предприятиях, которые они должны найти сами. И стажировки эти — не менее, чем по году, и не менее трех раз. Пусть их бьют чужие, и пусть чужие покажут им, что такое люди и каковы их требования к любому из нас. И очень полезно будет нашим молодым попробовать, что такое голод и холод.

Вот тогда у них появляется способность любить и быть благодарными за тепло и дружбу. Тогда становится возможным и целеустроение. Все наши работники должны понимать, что наше предприятие — это их собственное предприятие. Он здесь хозяин и создавал это предприятие вместе с остальными, чтобы добиться общей цели — выжить, победить в битве с природой. Все остальные цели, какие бы они ни были, невозможны без этого основания.

Пока ты на предприятии — сначала производство и только производство. Все остальное предательство, все остальное — попытка использовать других людей. За это маленьким

ангелочкам бьют по красивеньким, миленьким мордам так, что зубы летят на полку! Я имею в виду ту полку, на которую зубы кладут в голодные времена.

Какие плохие взрослые! Ведь обещали же не бить детей! Зачем же я тогда учился верещать и натравливать общественное мнение на собственных родителей? А затем, чтобы однажды отец отбросил свой ремень и сказал: Ты победил. Живи теперь, как знаешь! — И отвернулся от тебя.

— Ну и проживу! — заявил ты и во всеоружии своего детского незнания жизни пошел побеждать других людей. А там вдруг выяснилось, что все такие, как ты, ничто из детского старья не работает, и надо переучиваться, чтобы не проиграть и не помереть.

Можно, конечно, чтобы не показать родителям, что проиграл, предать себя в руки какой-нибудь банде или сбежать в мир наркоты. Но этих слабаков мы не рассматриваем как работников своих предприятий. Все равно они окажутся врагами.

Но можно ведь и признать, что в детстве ты был глупее, чем сейчас, а жизнь тебе многое показала. Тогда появляется возможность набрать силу и извлечь урок.

Сутью его в любом случае явится ответ на вопрос: кто же мой настоящий противник в этой жизни и зачем я пришел?

С ними исчезает молодой работник и рождается настоящий человек. И даже если ответа ещё долго не будет, его можно искать вместе.

Конечно, можно ещё ярче показать, как плохи молодые работники и как гадко их мышление. Однако это мышление — лишь продолжение общественного мышления в детских головах.

Вопрос может быть рассмотрен и с другой стороны — с детской, то есть **со стороны молодого работника**.

Был ли он действительно предан взрослыми и в том числе своими родителями? Конечно! Как и каждый из нас, родившихся в человеческом обществе.

Выжить в обществе гораздо сложнее, чем в природе. В сравнении с теми сложностями, которые противостоят взрослому, детские заботы кажутся такими мелкими, что все родители постоянно врут и врут детям. Это даже считается чем-то очень правильным и благородным — «оберегать детей» от лишних знаний о настоящей жизни. Ещё намучаются, когда повзрослеют! Пусть хоть сейчас поживут для себя, как мы не можем!

Ребенку создается мирок искусственной фальшивой сказочки, где он точно знает, что хорошо, что плохо. Например, иметь половые органы — плохо настолько, что даже слова «жопа» или «задница» неприлично произносить, потому что от них совсем недалеко... Хуже, чем почесать задницу, только ходить с расстегнутой ширинкой. Кстати, половые органы, которые так укутаны, что постоянно преют, совсем не должны чесаться. И если ещё грубые мужики могут позволить себе это, демонстративно бросая вызов обществу, то уж чешущую половые органы женщину я не видел ни разу.

Но есть и иная сторона хорошего и плохого, через которую идет управление ребенком. И она тоже ложь. Это **понятие Вины**.

Вина всеобща и вездесуща. Гений христианства заложил её в виде понятия греха в самое основание своей церкви, и человечество сломалось, потому что было готово. То же самое успешно проделали и остальные мировые религии.

При этом вина — это всего лишь игра, ловушка для управления ребенком. И она — обман.

С самого раннего детства ребенок знает: нарушил договор — виноват. И тебя можно наказать. Но сначала надо доказать твою вину. Не виноват — наказывать нельзя. Соответственно, не доказал вину — не имеешь права наказывать. Это тоже договор, существующий в обществе.

Ребенок вырастает и обнаруживает себя все в том же мире доказанной или недоказанной

вины. Не доказали — не имеете права наказать. Все ясно и понятно. Мир такой, как научили в детстве.

Но есть место, прямо соприкасающееся с силами и природой. Это производство, точнее, твоё **собственное предприятие**. То, что обеспечивает твоё выживание. *Природу такое дерьмо, как вина или невиновность, не интересует. Она признает только силу жизни! Тут нужно делать дело или сражаться.*

К сожалению, заметно это становится только в собственном деле. Когда молодой работник приходит на чужое, да ещё и большое предприятие, ему кажется, что все по-прежнему, что все, как в мире людей. И он может бездельничать, а если его выгоняют, он идет в суд и восстанавливается или высуживает себе оплату в соответствии с договором. Он пытается не зарабатывать деньги, а доказывать, что не виноват.

Но вот ты попадаешь в собственное предприятие, и все меняется. Теперь никого не интересует, что ты не виноват. Ты можешь трижды не быть виноватым, но денег в фирме нет. И оттого, что ты честно делал свое дело, как договорились, зарплата у тебя не прибавится, и твой собственный ребенок накормлен не будет. Нужно было не только следить за виной, но и думать.

А думать — это и есть вести битву Разума за выживание на Земле.

Я вспоминаю, как делал один из своих первых кооперативов с несколькими близкими мне людьми. Как только я стал начальником, а кто-то всегда должен им стать, чтобы дело шло, один мой приятель тут же скинулся в ребенка. Он так шел по всей жизни, отказываясь быть хозяином, начальником, взрослым. Это казалось очень удобным. Ты ребенок, с тебя взятки малые, умеешь только быть ни в чем не виноватым.

И вот в кооперативе, который и за его подписью взял огромную по тем временам ссуду, он продолжал вести себя как на государственном предприятии. Я начал требовать взрослой работы, а потом браниться и свирепеть. Он, как полагается молодому, тут же из любви перескочил в ненависть. Не было больше ни одного дела, за которое я не измордовал бы его: он работал не на себя, лишь выполнял приказы. При этом всем окружающим было показано, какой я плохой, и как он не виноват!

В доме завелся вредитель. И довольно скоро я бил его уже смертным боем. Выгоднее было потерять его, чем позволить ему переводить средства во вред делу.

Облик малолетнего милого дурачка — это оружие потрясающей силы, непробиваемая броня. В нем так же надежно на государственном предприятии, как в патентованном сейфе. И так же страшно в частном, как в сейфе на дне реки.

Конечно, кончилось это тем, что он пришел и заявил об уходе. Я принял его уход. Тогда он сказал, что хотел бы получить свою долю станками...

Честно признаюсь, я пожалел его, просто сказал, что основные средства не выдаются и отпустил с небольшим пособием. **Но** я мог бы и повести себя так, как полагается безжалостной и равнодушной природе. **То** есть выдать ему его долю. Это было ещё до начала инфляции. Станков у нас было на 3-5 тысяч рублей, а долгу на 120 тысяч на троих!

Молодой видит свою часть и совершенно не хочет видеть сторону остальных, потому что не может поверить, что они могут позволить себе быть жестокими к нему. Это ещё одна ложь родителей: они много угрожают стать такими, каков мир, но все время обманывают. И когда мир показывает себя настоящим — это такая неожиданность, что дети вправе обижаться на родителей, которые не подготовили их к настоящей жизни.

При этом, когда я говорю, что таково наше мышление, я, говоря современно, имею в виду саму операционную среду, в которой работает наш ум. Это значит, что вопрос не в крупных предательствах, которые мы вынашиваем. Вопрос в том, что любая мелочь, любое движение совершается нами не ради дела, а ради того, чтобы быть не виноватым.

Пример. Я даю своему секретарю задание — написать в самокате Образ своего отдела. Самокат — это такой прием, который использовали мазыки для очищения сознания. Ты просто перестаешь сдерживаться и говоришь то, что само выскакивает на язык. Вначале это

очень глупо и уязвимо. Но постепенно, добавляя к этому другие приемы, ты вычищаешь сознание от кучи чужеродного сора, от Мозохи, как говорил мой первый учитель Степаныч, и оказываешься способным делать многие дела в самокате лучше, чем если бы шел по образцам.

Мой секретарь говорит, что не может писать. Не идет у нее это дело. Как только берется за бумагу, так никаких мыслей нет, и думает она только о том, что нет никаких мыслей. Я отвечаю ей: «Так вот так самокат и работает — нужно писать то, что думаешь, раз есть мысль: "что-то я не могу писать", — её и надо записать первой. Если есть мысль, что нет никаких мыслей, пиши ее. Поняла? Запиши, а как запишешь, позовешь меня, и мы продолжим».

Какое-то время она пишет, и пауза затягивается. Мне начинает казаться, что она уже закончила, и я её спрашиваю: «Что же ты меня не зовешь?»

«Так я только что закончила, как раз когда ты спрашивал», — отвечает она и на этом удовлетворенно замолкает.

Я молчу, и она молчит. Все как будто очевидно. Я задал вопрос, почему она не зовет меня продолжать дело. Она объяснила, что не звала меня, потому что ещё не закончила, а теперь она закончила, и тем самым дает понять, что готова приступить к делу.

В общем, она ни в чем не виновата, а дело не идет. Просто потому, что предпочла ответить на вопрос, почему не зовет, вместо того, чтобы продолжить дело!

И то, что она не виновата, не прибавляет ей ни копейки, потому что до этого я ей объявил, что она уволена до тех пор, пока не создаст этот Образ своего дела.

Вот это и есть типичнейший пример гнилости самой операционной среды нашего мышления. Оно все соткано из полунамеков и бесконечных, теряющихся связей с какими-то не заключенными нами договорами культуры. И при этом оно ещё и постоянно изыскивает для нас возможность уклониться от нежеланных дел с помощью обид.

Обычный человек на месте моей секретарши предпочел бы изобразить дурака, который как бы не замечает, что не делает дело, и обвинить начальника в самодурстве. Даже голод кажется не такой уж страшной ценой за право обидеться. Так поступает большинство молодых. **Обидчивость** — это особый разговор.

Что же делать? Выбор, конечно. Нужно сделать выбор — работать или не работать вообще. Вот за этим я и заставляю молодых работников, заявивших, что хотят научиться работать, написать Образ своего дела или рабочего места.

В этом «Образе моего дела» надо сначала написать то, что хочется, а потом сделать поправку на разумность, то есть написать образ такого дела, которое будет жить и кормить тебя в условиях настоящего мира, а не в сулопнике.

Конечно, первым выскакивает: Не хочу работать вообще! И это надо учитывать, потому что обычно преодолеть это можно только старательностью. А это значит, напряжением. Напряженность все равно однажды взорвется и заставит тебя все испортить. **Старательность** — вредна, а старательные работники — это вредители. Поэтому, лучший случай, когда ты не стараешься, а естественно делаешь свое дело, как будто воплощая этим часть себя. Как это у тебя получается в играх. Или в быту.

Ты же не стараешься открывать кран, когда наливаешь воду в ванну, ты его просто открываешь. Точно так же ты не стараешься, когда затыкаешь ванну пробкой. Ты просто затыкаешь ее. Таковы условия нашей жизни. И точно так же ты не должен стараться работать, чтобы зарабатывать свои деньги. Это данность нашего мира, исходное условие задачи — хочешь выжить, зарабатывай себе на жизнь. Не старайся, а просто зарабатывай.

Но прежде все-таки выбор. Раз ты не хочешь работать вообще, то и поставь перед собой этот вопрос: так работать или не работать все-таки? Все остальное я пишу лишь для тех, кто говорит себе, вздохнув, конечно: **работать придется**.

Тогда можно задаться и следующим вопросом: А раз работать, то как?

Вот это и надо записать в образ своего дела: конечно, как можно легче, как можно

интереснее, как можно богаче. Иначе говоря, как хочется. Могу, правда, из своего опыта сказать, что если начинаешь понемножку воплощать этот образ: «Работать только так, как хочется и доставляет радость», то однажды радостно замечаешь, что вообще... *перестал не работать*. Так что это ловушка, но... но чтобы в нее попасть надо ещё очень и очень постараться!

Если ты избираешь Работать и «Работать так, как хочу я», то это неизбежно приведет к вопросу: а как этого достичь?

И ты начинаешь расписывать шаги достижения этой цели или «Лестницу» твоей Победы. Лучший случай, когда ты можешь победить один. Но это почти невозможно. Поэтому пиши сразу о том, как полезно для твоего дела предприятие, на которое ты пришел. Оно — твой конь, который повезет к Победе. Значит, пиши о том, как о нем заботиться. Оно тебе нужно.

Глава 4. Родственники

Ты создал предприятие. Успешное предприятие. В глазах окружающих успешное предприятие — это где денег не меряно. Мало кто видит, что это предприятие, где принято работать. К тебе начинают приходить родственники и проситься на какую-нибудь работу. Брать или не брать? Не брать — плохо, они обидятся, и вся остальная родственная клика навалится со своим общим осуждающим мнением. Ты своего обидел! И от тебя все отвернутся.

Помню, мой двоюродный братишка, живший далеко на юге, что-то нахулиганил, кажется, крепко и нехорошо подрался. И чтобы спрятать его от суда, его отец привез его к нам, с просьбой дать пожить какое-то время тайком у моей мамы. А я как раз уходил в армию, освободилась комната. Казалось бы, все так удачно складывается.

Но в первые же дни они с отцом начали пить и гулять. Я представил себе, что будет без меня, и выгнал их. Мама дороже.

Брата посадили, и родичи, особенно его отец, долго обижались на нас за то, что в тяжелую минуту мы не помогли. Я даже допускаю, что они считали, что его посадили потому, что я не дал ему приюта. Вот такая причинно-следственная связь работает в головах у родственников. То, что брат совершил преступление, на фоне твоего не родственного поведения как-то забывается. Кто-то же должен быть виноват в наших несчастьях!

Когда к тебе придет родственник и попросится на работу, на самом деле он скажет не просто: возьми меня куда-нибудь! Он скажет: возьми меня куда-нибудь, но таким, каков я есть! Попросту говоря, прикрой меня от тех, кому я не нравлюсь такой, каков я есть! Я, конечно, дерьмо и вредитель, но ты же родственник, ты должен потерпеть, иначе я натравлю на тебя общественное мнение!

И приходят они совки совками, глядя на твое предприятие жадными глазами воров и пропойц, какими они привыкли смотреть на советское предприятие. Родственник не хочет работать на тебя и делать так, чтобы предприятие становилось лучше. Он хочет за твой счет жить так, как привык, как ему хорошо — денег ведь не меряно, а ты в обиду не дашь! Не чужой. На чужом предприятии устаешь, потому что постоянно приходится напрягаться, сдерживаться и не выпускать свое нутро наружу.

Родственник во главе предприятия действует на бытовое сознание однозначно: здесь сдерживаться не надо, свой не выдаст! И родственники не сдерживаются!

При этом до них никак не доходят объяснения о том, что это не советское предприятие, что это твоя собственность, что все зависит от того, как мы все вместе будем вкалывать. И вкалывать здесь надо лучше, чем на других предприятиях, потому что работаем-то на себя.

Родственник на твоем предприятии всегда работает хуже, чем на дядю!

И даже когда путем колоссальных усилий тебе удастся с лучшими понимающими из

родственников договориться о том, что это ваше дело и работать нужно, как на себя, они все равно не удерживаются и по мелочам перескакивают в состояние наемного работника. Дуркуют, как это у нас говорится. Иначе говоря, когда им выгодно, они начинают видеть тебя эксплуататором и привороживают, где лишнюю четверть часа, где оплату по шкале «не хуже, чем у других случается!»

Это не злой умысел, конечно, просто так уложено в нашем мышлении за многие годы, да ещё и в нескольких вежах — ушедших в подсознание слоях мышления.

Принять решение работать на себя — это большое решение. Но существует оно внутри огромной «операционной среды», состоящей из мелочей. И все эти мелочи кричат из твоего жизненного опыта: ненавидь, мсти, укради, справедливости нет и счастье невозможно!

И что с этим делать? Может, сдаться? Вот тебе и выбор.

Я догадываюсь, что вы выбрали. И это значит, что нет для нас другого пути, кроме как принять **Большое решение работать на себя, совместно делать свое дело, а потом расширять его, как Свою землю, вычищая мелочи.**

Следовательно, и родственников стоит брать на работу только тех, кто хочет стать своим, а не оставаться родственником. С остальными лучше жить по древнему правилу о том, как давать в долг: откажешь — один раз плох будешь, не откажешь — всю жизнь виноват.

Глава 5. Неистовость

Самый плохой Управляющий — это, конечно, тот, кто вообще не думает и не заботится о людях. И не понимает, что дело зависит от людей, а предприятие строится сначала из них и уж только после этого из камня и станков. Но это ясно. Есть и другая ошибка, которую очень трудно распознать.

Это относится к неистовым людям, к людям, горящим на работе, людям идеи.

Желание сделать большое или очень большое дело, которое принесет хорошую жизнь и Управляющему, и всем работникам, дает в руки Управляющего рычаг, позволяющий заставлять людей работать лучше. Более того, работать тоже неистово, потому что этот рычаг — рычаг мечты, а с мечтой люди работают на себя и неистово.

Какая здесь используется мечта? Мечта о сытой жизни, которая является **Облачной маткой** вежи взрослости.

Чтобы объяснить, что это такое, мне придется снова обратиться к теме Образа мира. Постараюсь не очень повторяться.

Облачными матками мазыки называли, говоря современно, скрытые в глубинах нашего мышления сверхцели, которые правят нашим поведением. Каждая такая матка создает вокруг себя целый узел промежуточных целей и лестниц своего достижения, и они постепенно увязываются в ту личность, в которой ты живешь целый возрастной период своей жизни. Облачная матка, которую мы за давностью лет уже и не осознаем, становится скрытым смыслом нашей жизни в этом возрасте.

Вступая в вежу взрослости после 21 года, человек, по сути, принимает решение: для того, чтобы достичь моей мечты о мире-сказке, о мире, в котором хорошо моей душе, сначала надо обезопасить тылы, надо создать себе Мамку, которая будет кормить и обеспечит сытость. Тогда, сняв эту заботу, можно будет и мечтой заняться. Вот эта цель — иметь сытость — и есть Облачная матка или смысл жизни в веже взрослости.

Многие взрослые, читая эти строки, возможно, почувствуют отсутствие узнавания: никакой мир-сказку они создавать не хотят и не хотели!

Это только потому, что вы уже забыли, где дверь в первый класс. Забыли те ощущения, которые в юности гнали вас из дома в поисках своей молодежной компании. И тогда вы внутренне не называли эту компанию миром-сказкой, миром мечты. Корни этих понятий прячутся еще глубже. Но то, что вы искали тогда душевное сообщество, место, где легко и приятно вашей душе, это вы ещё не забыли. Вот именно для сохранения возможности иметь

душевное сообщество, попросту жить, как я хочу, а не как велят, вы и приняли однажды решение встать на собственные ноги и зарабатывать достаточно, чтобы ни от кого не зависеть. Именно это состояние я и описываю словами «мир-сказка», «мир-мечта».

Впрочем, я уже рассказывал об этом. Поэтому не буду повторяться, просто добавлю кое-что о психологической механике нашего мышления.

Желание, которое нельзя осуществить сразу, превращается нашим умом в мечту. Превращается как-то незаметно. Просто где-то в глубинах нашего ума тому, что вот только ещё было просто желанием, вдруг дается имя мечты. Это происходит после того, как ты долго хочешь, хочешь и вдруг понимаешь, что это желание для тебя пока невыполнимо. Все невыполнимые, но не ушедшие и не убранные желания становятся мечтами.

И вот однажды после 21 года ты решаешь, что если хочешь жить по-своему, в собственном душевном сообществе, и ни от кого не зависеть, надо встать на собственные ноги и обеспечить себе самое малое, чтобы не быть зависимым, — сытость. Это всего лишь желание.

Но «сытость» как понятие принимается тобою из воспитавшей тебя культуры готовым и никогда не определяется самостоятельно. Иными словами, ты попросту не знаешь, что это такое и что в это понятие входит.

А раз так, то по мере того, как у тебя появляются возможности самого себя кормить, выясняется, что **эта «сытость»** предполагает и самого себя одевать, и иметь собственное жилье, и иметь все то же самое для своих близких и ещё кое-что, чтобы **«быть не хуже других»**.

Попросту говоря, твоя битва за сытость дала тебе чужую цель, цель, подsunутую тебе обществом, с которым ты и воевал за сохранение права на собственное видение жизни.

Быть не хуже других — это ловушка без дна, это предполагает возможность бесконечно улучшать свою жизнь и увеличивать свое благосостояние. В итоге, увязнув в этой гонке за благополучием, ты съедаешь все мозги, посвящая всего себя этому маленькому желанию сытости, которое по мере воплощения становится все более недостижимым. Сытость подобна яме, из которой чем больше берешь, тем больше она становится. Только наоборот, чем больше в нее кладешь, тем больше надо.

Где-то по ходу гонки за сытостью желание превращается в мечту, потому что ты теряешь надежду проглотить бесконечность. Затем, поскольку ты все равно не сдаешься, эта мечта поглощает все твои мозги. И теперь их хватает только на то, чтобы её воплощать, но не на то, чтобы о ней помнить!

Если, когда я говорил, что ты живешь ради создания «мира-мечты», «мира-сказки», твоя душа не отозвалась, значит, ты в беде. Ты забыл, ради чего делаешь то, что делаешь. Средство стало целью... Маленький мальчик, который хотел быть Аладином, маленькая девочка, которая видела себя Золушкой, завалены кучами скарба в отдаленном подвале твоей памяти так сильно, что ты даже не слышишь их плача.

В итоге неистовый Управляющий, вызвавший во внешнюю жизнь Облачную матку мечты о сытости, по сути, использует в людях силу всех веж, которые закрывают слой за слоем маленького ребенка, который мечтал о сказке. В то время ты очень естественно ощущал себя волшебником, а значит, считал, что тебе все по плечу и силу свою мерить не умел.

Значит, если тебя такого, но с твоими взрослыми возможностями, заставить что-то делать, ты спокойно возьмешься за любое дело, а если тебя при этом ещё и учить, то ты это дело, вероятней всего, сделаешь. Иначе говоря, человеку, ощущающему себя ребенком, то есть волшебником, по силам творить чудеса.

Это значит, что неистовые Управляющие — это великие Управляющие.

Неистовый Управляющий, разбудивший в людях мечту о сказке, свернет горы и может действительно достичь того, что пообещал людям.

Но вот тут-то и появляется подводный камень. Неистовый Управляющий, лучший из

Управляющих, всегда замахивается на предельные дела, на самые большие образы. А это значит, что он всегда идет и ведет людей по пограничью их возможностей, то есть по краю пропасти или провала.

И стоит только одному-другому работнику подвести, дело не будет сделано и все будет проиграно. Неистовый Управляющий живет в постоянном страхе проигрыша. И он для него особенно страшен не какими-то наказаниями, которые последуют, а потерей той мечты, той красоты, которую он воплощал в этом деле. Потерей возможностей.

И вот, видя образ своего дела, он в своих требованиях к людям исходит из того, соответствуют ли они и их действия этому образу. Действия работников, их работа, а значит, и они сами, безусловно, должны соответствовать воплощаемому образу. Иначе он не воплотится, будет недовершенно. Соответственно, неистовый Управляющий требует, чтобы люди в точности создавали задуманный образ, а значит, соответствовали сами или в своих действиях этому образу. На привычном нам языке это прозвучало бы так: соответствовать идеалу. Идеал — это всего лишь задуманный эйдос, то есть образ, если перевести на русский.

Итак, неистовый Управляющий исходит из того, дотягивают ли его работники до идеала, то есть продвигается ли вперед воплощение образа. И ясно, что если соответствия не будет, дело не будет сделано. Поэтому с какого-то мига неистовый Управляющий начинает исходить только из идеальных требований и наказывать своих работников за неидеальность, за любое несовершенство в исполнении ими их обязанностей.

И при всем том, что они ему даже благодарны за это, потому что ощущают, что это им очень выгодно и полезно, жизнь их становится невыносима, и однажды они сдаются и уходят. Что делать?

Очевидно, даже неистовому воплотителю образов надо понять, что если он действительно хочет воплотить свою мечту, он не должен идти по грани срыва. Победу надо готовить. Значит, надо уделить больше времени и сил тому, что можно (как кажется!) достичь одним рывком или прыжком.

Чтобы не прыгать через всю лужу, нужно кинуть в неё несколько камушков, на которые можно будет встать, спокойно шагая. Другими словами, кроме окончательного образа своей мечты, нужно создать несколько промежуточных образов попроще того же дела так, чтобы, воплощая их, постоянно приближаться к мечте. Так сказать, программу-минимум, программу-медиум, программу-максимум...

Это, правда, означает, что ты можешь положить всю свою жизнь на это дело. Но уж тут приходится выбирать: или победить хоть в одном деле, или всю жизнь посвятить проигрышам.

К тому же ты можешь сделать и ещё один выбор: избрать сразу делать то, что можешь посчитать делом твоей жизни. Тогда, на начальных этапах подготовки, оно может быть чем угодно внешне, и только ты знаешь, что, торгуя в магазине, ты на самом деле лишь временно здесь, а сам учишься, как создать «Лавку древностей», где дарят людям счастье... Я шучу. Для примера.

В любом случае цельность — обязательное условие для неистовости. Или наоборот, без неистовости своей утерянной цельности не вернуть. Так что видьте себя на любом рабочем месте, совмещая с далекой мечтой.

Итак, что же дают промежуточные образы дела? Они позволяют управляющему учить людей. И оценивать их не потому, насколько они не дотягивают до идеала, а потому, как они с каждым новым шагом прибавляют качество к тому, что они

есть.

Набор качества и с тем постоянное усиление! Это такая захватывающая игрушка. Создать свое дело — это здорово! Но создать дружину, способную обучаться, и постоянно набирать силу... За это можно отдать много разных очень больших дел.

Глава 6. Необучаемость и возвращение способности учиться

Это огромная тема, и ей надо посвящать отдельное исследование. Поэтому я лишь вкратце обозначу ее, чтобы однажды вернуться подробно.

Необучаемость работников, как и собственная неспособность хозяина легко обучаться новым делам, — одна из самых страшных помех делу. Похоже, что об этом даже особо и говорить не требуется. Какое же дело с дураками! И что может быть страшнее для предпринимателя, осваивающего рынок, чем неспособность обучаться новому!

Я уже писал немного о том, что такое дурак именно с этой точки зрения. Но необучаемость может корениться не только в отсутствии способности воспринимать новые и использовать имеющиеся образы. Очень часто причина необучаемости — отсутствие желания учиться. Откуда она берется? Причин может быть две.

Это или осознанное предательство, когда человек сразу пришел не за тем, о чем договаривались, и вынашивает тайный умысел.

Или же какие-то детские психические травмы, которые отбили желание учиться и поселили нежелание. Так сказать, отбитая охота.

Что делать с предателем, тайным врагом, прячущим умысел, наверное, ясно. Вопрос только в том, как его выявить. Конечно, хорошее владение целеустройством позволяет мгновенно видеть несоответствия дел тому, о чем договаривались. А дальше остается лишь предложить такому работнику соответствовать договорам. И если соответствие не приходит, а человек отказывается называть внутренние, психологические причины, мешающие ему, он предатель и от него надо избавляться.

Все просто. Вот только нужно иметь эти самые договоры, относительно которых выявляется несоответствие поступков, и уметь задавать нужные вопросы о корнях и причинах сбоев. Да и отличать сбой по умыслу от сбоев из-за травм... В общем, неплохо бы иметь божий дар или владеть прикладной психотехникой.

Что же касается второго случая, когда желание обучаться просто отбито или задавлено, то это проще. Тут могут за Управляющего поработать и психотехники, и психотерапевты. Лишь бы человек осознавал, что отбитая охота к учебе — его слабость и от нее надо избавляться.

У всего есть свои причины, и они очень точно связаны с какими-то жизненными событиями, когда либо в твое сознание входит запрет, либо тобой принимается решение о том, как жить дальше. И если эту причину найти и назвать вслух, для всех, то она перестает быть тайной. А тайное правление — это самое действенное правление, потому что его нельзя ни обсуждать, ни
улучшать.

Стоит вам обсудить эту причину с другими людьми, как ваш Разум начинает над ней работать и совершенствует вас, возвращая утерянную способность, потому что способность обучаться естественно присуща живому сознанию как часть способности
выживания.

Если же после такого поиска и обсуждения желание обучаться не возвращается, ищите следующую помеху. Их или несколько разных, или же у той, что вы уже нашли, были более ранние корешки. В общем, кто хочет вернуть свои способности, просто не должен сдаваться и уж особенно отчаиваться после первых неудач. И однажды все вернется.

Для нас же важно понять, что возвращение способностей — это одна из главнейших задач человека. Без этого тебе просто не стать самим собой, потому что ты и есть твои способности.

Соответственно, предприятие, в силу того, что оно в уменьшенном виде повторяет Образ

мира, позволяет выявить все способности, которые мир погасил в тебе. А выявить неполноценность — это уже наполовину устранить ее.

Следовательно, возвращение способностей идет, как видите, через несколько ступеней от простого к сложному. И возвращение способности учиться, в частности, обучаться новым делам, может быть прекрасным способом исследования самого себя.

А что такое ты в данном случае? Для начала движения к себе вполне подойдет такое определение: ты — это то, что скрыто за слоями мышления и культуры и лежащим в их основании костяком Разума. И дорога к себе — это множественные ступени Веж и Образов мира, как говорили об этом мазыки. Проверяя себя через предприятие, через освоение всех дел, производящихся на нем, — а это можно, только если расти от простого работника до Управляющего, перемещаясь по местам, — постоянно будешь обнаруживать все новые участки своего сознания, которые перекрыты — выморожены, по-мазыкски говоря.

Мразь, выморозка куска сознания — это утраченная способность. Вот и все.

Хочешь вернуть себя, возвращай свои способности. Для этого постарайся стать Хозяином себе, что вполне можно сделать, становясь Хозяином собственного дела.

Хочешь стать Хозяином собственного дела — создавай предприятие или становись на нем Управляющим.

Как это сделать? Осваивай его, то есть делай своим. А для этого изучи его целиком и научись всему, что приведет тебя на место Управляющего, то есть изучи Должностные обязанности, Мастыры всех тех мест, которые складываются в лестницу-Дробину восхождения к вершине.

И это не сделать без возвращения способности учиться. Как ее вернуть?

Чистись, очищай сознание.

Конечно, если ограничиться только этим советом, то останется место недопониманию: что значит очищать сознание?

Это наука. Наука большая и древняя. Люди тысячелетиями думали об этом и экспериментировали над собой. Об этом, конечно, нужно писать отдельное этнографическое и КИ-психологическое исследование. Но если отрешиться пока от лишних сложностей и тонкостей, то можно дать сознанию такое рабочее определение, которое будет отождествлять сознание с его содержанием, с тем, что в нем хранится. Для прикладной работы это возможное допущение.

Тогда получается, что очищение сознания — это работа с образами, составляющими его содержание, поскольку ничего другого в сознании, кроме образов, не содержится. И очищение в таком случае есть не просто выкидывание всего содержания сознания, а убиение плохих образных инструментов и замена их на лучшие. В соответствии с целью, конечно. Вот и вся премудрость.

Как это делать? Ну, это разговор отдельный. Можно сказать, разговор для следующей книги.

Заключение

Подводных камней при создании собственного предприятия будет немало. Это ясно. Всего не предусмотреть и не опишешь в одной небольшой книге. Придётся думать самим.

Однако кое-что о неожиданных сложностях сказать можно. Во-первых, они могут быть двух видов. Можно сказать так: одни помехи будут корениться в обстоятельствах, связанных с делом, а другие — в людях.

Первые надо сразу отнести к числу производственных задач и просто решать, принимая как данность. Всегда в предпринимательстве будут неожиданности. Им можно позволить расстраивать себя. Но это значит, что расстройства и связанная с ними возможность «психануть» и есть твоя цель.

Это надо признать как образ отношения к делу. Расстроиться ты можешь, только если заранее создал окончательный образ победы, который не допускает изменений. Тогда любая

помеха приводит к срыву: такой хороший образ был! Так обидно! Всё поломали, гады!

И тогда ты обязательно будешь искать виноватых, которых, к слову сказать, нет. Просто мир такой сложноуправляемый, и с ним надо быть живым и гибким, пока победа не легла в карман. Все остальные «такие красивые образки» — мертвечина. Ты же хочешь кого-то обмануть — возможно, себя.

Другой случай — когда помехи коренятся в людях. Их можно назвать психологическими. Но это только потому, что слово психология стало более или менее привычным.

На самом деле все разговоры о том, что на предприятии должен быть психолог, воспринимаются толковыми предпринимателями так же радостно, как легкая зубная боль: от этого дерьма ни тепло, ни холодно, но уж если вы так настаиваете...

И тем не менее, любой предприниматель при этом знает, что помехи, лежащие в людях, гораздо страшнее всех производственных сложностей. Главное всё-таки — это хорошая команда, толковые и преданные люди. С такими можно горы свернуть, если добавить мозги и опыт.

Самое поганое, когда в команду затесался скрытый враг, который ведет все дело к разрушению, а хозяина к тюрьме. Такое случается.

Но еще хуже то, что само устройство человеческого мышления таково, что все собранные тобою люди — скрытые враги и неукоснительно ведут тебя к разорению и поражению. И они невольны в этом, даже самые лучшие друзья. Так заложено в нас с самого рождения. Можно сказать: такова операционная среда нашего мышления. Вот это беда!

И тут, если не суметь работать именно с этим, ни один психолог действительно не поможет. Чаще всего, опытный предприниматель сам выполняет эту часть психологической работы по подборке надёжных людей лучше любого психолога. С одной стороны, это печально, потому что говорит о том, что психология ещё не стала прикладной наукой. С другой, это означает, что определённые способы работы всё-таки есть. И они совершенно ненаучны.

Если бы заняться и попытаться обобщить приёмы, которыми хорошие предприниматели настраивают мозги работающих на них людей, то мы обнаружили бы кучу «непсихологических» приёмов от запугивания смертью и до душевной беседы крутыми матюгами или же с расслаблением в баньке под водочку и девочек. Конечно, это недопустимо для психолога, да и невозможно чаще всего — просто денег нет на такие приёмы. Однако это работает... Это и есть настоящая прикладная психология.

Кстати, могло бы быть вполне полноценным культурно-историческим исследованием психологии современного человека.

Лично для меня наиболее интересным является в таком исследовании возможность через сравнение нашей производственной культуры с культурой наших предков выйти сначала на прикладную работу по возвращению способностей, описание Разума и самопознание. На сегодняшний день я вижу только один способ подойти к этой работе по-настоящему — дав описание тому, что есть наше мышление как хранилище образов культуры, выйти на описание языка Разума, то есть языка образов.

Именно Языком образов я и занимаюсь последние годы, в том числе и в нашем научно-исследовательском институте «Дорога Домой». Моя мечта — создать полноценную исследовательскую лабораторию этого явления. Кто в него должен входить? Те, кто профессионально занимается Языком образов. А кто это?

Это и прикладники, и теоретики. Теоретически образы исследуют философы, логики, культурологи, психологи, лингвисты.

Практически с ними работают художники, писатели и поэты, музыканты, программисты и математики.

Все эти профессии взаимно дополняют друг друга и однозначно необходимы для задуманной работы.

К примеру, какие особенности в работе с образами имеют, на мой взгляд, прикладники.

Художники, как я это вижу, прямо и осознанно передают свои зрительные образы, но

даже, по-моему, не подозревают, что полотно, кисть и краски есть составляющие их языка. Его материальная часть. Зато они очень точно могут рассказать все о том, как передавать образ. Понятие техники для них является одним из обязательных.

Писатели и поэты, напротив, вполне отдают себе отчет и в том, что передают образы, и в том, что делают это с помощью языка. Но вот о технике с ними говорить почти бесполезно. Они интуитивисты и сами не знают, как им удастся делать поэзию.

Музыканты могут рассказать и об образах, и о технике, но их никто не понимает. Их образный язык, как считается, вещь, действующая на «подсознание».

Программисты предпочитают последнее время работать не с полноценным языком, а лишь с его идиоматической частью, как говорят лингвисты. Иначе говоря, программирование все больше из искусства становится ремеслом и в соответствии с этим переходит и на более действенные инструменты — модули, которые позволяют гнать поток, не задумываясь, зато на уровне требований современной промышленной технологии.

Математики же подчас даже не подозревают, что описывают на своем символическом языке какие-то образы. Сам язык, каковым является математика, так их захватывает, что становится самоценным, и они тонут в нем и его хитросплетениях, как в стихии.

В общем, как кажется, истина есть во всем, а понимание того, что такое Язык образов, где-то посередине. И достичь его можно только совместно усилиями всех этих профессионалов. Вот я и приглашаю всех интересующихся Языком образов к сотрудничеству в нашем НИИ.

Послесловие

Дух или нисходит в материю, или не нисходит. Но если он и нисходит, то это настолько обычное явление, что мы не замечаем это так же, как воздух.

Какие явления жизни могли бы свидетельствовать нам о том, что Дух есть, а нисхождение происходит? И не этот ли вопрос, однажды приходящий к любому думающему человеку, когда-то родил магию и сделал ее всеобщей для всех культур?

Нас влечет тайна, нас влечет то, что ждёт нас после жизни, нас влечет магия, как способ познать неведомое и самого себя. Можно закрывать на это глаза и делать вид, что только ты знаешь, как правильно жить и что в этой жизни настоящее. Можно презирать всех, кто увлечен поиском тайны с «высоты» своего директорского кресла или места чиновника. Даже бога можно в себя не впускать, если ты в силе и чувствуешь, что знаешь, как устроена жизнь, лучше других. Но однажды тебя уволят на пенсию, и ты станешь злобным, никому не нужным стариком Ли-ром. Мгновенно испарятся связи и власть, инфляция съест накопленные деньги, разорятся без твоего властного пригляда предприятия, когда-то созданные тобой. И ты останешься один на один со своим одиночеством перед лицом смерти. И самое страшное — без сил. Их ты сейчас с наслаждением вкладываешь в водочку, продажных девочек, право быть хамом и поплёвывать на всех свысока. Как мы так растеряли себя? Ни хитру, ни гораз-ду, ни птицею горазду суда божиего не минута...

Я начинаю задумываться о том, что ждет меня самого в конце моего бизнеса, и вижу эту картину. И если от неё не отмахиваться, она ставит перед выбором: либо предпринимательством заниматься, либо идти в монастырь или в какую-нибудь йогу. И я начинаю понимать всех тех людей духовного поиска, которые боялись предпринимательства, как грязи, от которой надо бежать. Но я не хочу в йогу! Я не хочу в монахи! И я не могу бросить всех тех, кого я должен кормить, потому что я их люблю и приручил. Да и нет у меня такой ненависти к жизни и людям, чтобы уйти в монахи. Я точно знаю, если все, такие как я, что-то ещё могущие делать уйдут в эзотерику, Россия падёт окончательно. Что-то неверно в общей теории тайноведения, пытающейся увести нас из мирской жизни: как будут жить монахи, если не будет мирян?

Но это не всё, что возмущается во мне, когда мне говорят, что предпринимательство —

низкое занятие, закрепощающее человека в греховности. Греховным можно быть и на посту настоятеля монастыря. Мы знаем этому немало примеров. Можно оставаться духовно чистым человеком и на месте хозяина рынка. Индусы создали целую духовную школу с названием Карма-йога — йога бескорыстного служения, которая говорит о том, что ты можешь достигать Бога и внутреннего света, делая любое дело. Не важно, что ты делаешь, важно — как...

Но и этого мне не хватает, чтобы снять ощущение неверности всего человеческого подхода к предпринимательству. Разговор о том, что можно быть грязным попом и чистым, светлым человеком, работая ассенизатором, как-то не дает ответов на все вопросы.

Например, на такой: если мы живем в мире божьем, то в нем не должно быть случайных вещей. И высшее служение богу — приятие мира, полноценное проживание этого божьего творения. Откуда такая гордыня у человека, который говорит: «Боже! Я мал и глуп. Поэтому я отдаю себя в руки твои и отказываюсь жить в мире, созданным тобой и живущем по твоим законам. Я уйду в искусственный мирок, придуманный людьми, где я буду служить тебе так, как это придумали такие же, как я!»

Я не буду говорить о том, что за такими движениями, с психологической точки зрения, чаще всего нет ничего, кроме мышления исключительности или гордыни, если использовать христианский термин. Не буду я говорить и о том, что иногда этот уход в монастырь оказывается вполне оправданным, потому что свершается в итоге некоего духовного развития, открывающего дальнейший путь именно таким. Всё есть и всё может быть.

Мне важно обратить ваше внимание на то, что осуждаемое предпринимательство, которое воспринимается людьми духовного поиска как синоним обогащения, скрывает за собой нечто такое, что мы можем назвать проявлением божественного закона, определяющего протекание жизни на земле. Да и обогащение происходит от корня Бог, как и богатый и богатый.

Но это в традиционной народной культуре, которая была не религиозна, а магична. Суть же всей магии была — поиск и охота за силой. Да и само слово магия, пришедшее к нам из древнеиранского, очевидно, является однокоренным с русским понятием Мочь. «Магия — это мочья. Кто мочет, тот и Маг!»

Маг — это тот, кто имеет силу, чтобы мочь то, что задумал или что нужно. Маг традиционного общества ещё не был поражен гордыней мага последних веков, который все делает ради своей исключительности. Традиционный маг занят самыми бытовыми дивами — обеспечением благополучия своего общества и его сытости. Таковы корни всей магии, уходящие во времена первобытных охотничьих обществ.

И тут мы можем снова обернуться к предпринимательству. Оно, безусловно, магично в этом древнетрадиционном смысле. Оно обеспечивает выживание, сытость и благополучие. И при этом оно обладает потрясающей силой по сравнению со всеми современными магами. Производство заставляет перемещаться неисчислимые массы людей и меняет землю так, как это под силу только сказочным героям. Производство и предпринимательство явно связаны с какими-то силами, которые и являются основными силами, доступными человеку. И это настолько явно, что другие проявления магии затухают рядом с производством.

Более того, в каждом деле, которое требуется на производстве, можно найти и магическую подоснову и высокий смысл. Просто надо приглядеться. А ключом является такое простое рассуждение: ни одно дело, ни одна должность не выживет в мире сил, если само силой не обладает.

Любая должность является дверью в силу, а значит, и в сказку или мечту.

Вот это и кажется мне основной тайной, которую надо исследовать. Предпринимательство, бизнес так близки, так обыденны, что за этими деревьями современного мира мы перестали видеть силу, магию и божественные законы, заставившие нас уйти в производство всем человечеством. При этом любой по-настоящему мощный источник порождает муть и пену. Люди духовные ненавидят предпринимательство именно за это. Но что за этим? Что взбивает пену, застилающую наши глаза, что так клопочет и

бьется живым ключом в глубине производственных отношений?..

Нет ли пути там, где написано: «Не входить! Прохода нет!»?